
В. Реймонтъ.
Земля
обѣтованная
I.

DUKE
UNIVERSITY
Sigillum Universitatis Dukensis
Eruditio et Religio
LIBRARY

В. Реймонтъ.

В. Реймонтъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ VII.

Изданіе В. М. Саблина.

В. Реймонтъ.

Reymont, Władysław Stanisław, 1868-1925

ЗЕМЛЯ ОБѢТОВАННАЯ.

Книга I.

Переводъ В. Высоцкаго.

Москва.—1911.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34
Москва.—1911.

Книга первая.

I.

Лодзь просыпалась.

Первый крикливый фабричный свистокъ нарушилъ тишину ранняго утра, а за нимъ со всѣхъ сторонъ города начали срываться другіе все болѣе шумные и кричали сиплыми, упорными голосами, словно хоръ чудовищныхъ пѣтуховъ, выкрикивающихъ металлическими горлами сигналъ къ труду.

Огромныя фабрики съ длинными черными туловищами и вытянутыми шеями-трубами маячили въ ночи, во мглѣ и дождѣ, — медленно просыпались, пылали пламенемъ горнилъ, дышали клубами дыма, начинали жить и шевелиться во мракѣ, который еще залегалъ землю.

Дождь, мелкій, мартовскій дождь, смѣшанный со снѣгомъ, шелъ безъ перерыва и разостлалъ надъ Лодзью тяжелый, липкій туманъ, стучалъ по жестянымъ крышамъ и стекалъ съ нихъ прямо на тротуары, на черныя улицы, полныя топкой грязи, на обнаженныя, прислонившіяся къ длиннымъ стѣнамъ деревья, трепещущія отъ холода, и гнущіяся подъ вѣтромъ. Вѣтеръ срывался оттуда съ размокшихъ полей и тяжело пролеталъ по грязнымъ улицамъ города, потрясалъ заборами, испытывалъ крыши и падалъ въ грязь, шу-

мѣлъ межъ вѣтвей деревьевъ и билъ ими въ оконныя стекла низкаго, одноэтажнаго дома, въ которомъ вдругъ появился свѣтъ.

Боровецкій проснулся, зажегъ свѣчу, и въ ту же минуту рѣзко зазвенѣлъ будильникъ, показывая пять часовъ.

— Матвѣй, чаю! — крикнулъ онъ входящему лакею.

Все готово.

— Господа еще спятъ?

— Сейчасъ разбужу, если вы, панъ директоръ, прикажете. Панъ Морицъ вчера вечеромъ говорилъ, что хочетъ сегодня спать подольше.

— Иди, разбуди.

— Ключи взяли?

— Заходилъ самъ Шварцъ.

— Телефонировалъ кто-нибудь ночью?

— Кунке былъ дежурнымъ, уходя онъ ничего мнѣ не сказалъ.

— Что слышно въ городѣ? — быстро спрашивалъ онъ, одѣваясь.

— Ничего, — вотъ только на Гаеровскомъ рынкѣ ножомъ рабочаго пырнули.

— Довольно, ступай!

— Да, сгорѣла фабрика Гольдберга на Цегельняной. Наша команда ѣздила, но все кончилось благополучно, — остались только стѣны. Въ сушильнѣ начался пожаръ.

— Что еще?

— Ничего все прошло «fein», блестяще, — засмѣялся онъ раскатисто.

— Налей чаю, я самъ разбужу пана Морица.—Онъ

одѣлся и пошелъ въ сосѣднія комнаты черезъ столовую, гдѣ висѣвшая у потолка лампа разливала сильный, бѣлый свѣтъ на круглый столъ, покрытый скатертью и заставленный чашками, и на блестящій самоваръ.

— Максъ, пять часовъ, вставай! — сказалъ онъ, отворяя дверь въ темную комнату, изъ которой пахнуло воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ фіалокъ.

Максъ не отвѣчалъ, только кровать подъ нимъ начала трещать и скрипѣть.

— Морицъ! — закричалъ Боровецкій въ другую комнату.

— Я не сплю! Всю ночь не спалъ...

— Почему?

— Я думалъ о нашемъ дѣлѣ, подсчитывалъ, такъ и прошло время.

— Знаешь, сегодня ночью сгорѣлъ Гольдбергъ — совсѣмъ «fein», какъ говоритъ Матвѣй.

— Для меня это не новость, — отвѣтилъ Морицъ, зѣвая.

— Откуда ты зналъ?

— Я уже зналъ мѣсяцъ тому назадъ, что ему нужно будетъ сгорѣть. Я даже удивлялся, что онъ такъ медлитъ, вѣдь ему не дадутъ процентовъ со страховки.

— Много было у него товару?

— Много было застраховано...

— Сравнялъ свой балансъ!

Оба чистосердечно разсмѣялись.

Боровецкій прошелъ въ столовую и началъ пить чай, а Максъ, какъ всегда, искалъ по всей комнатѣ разныя части своего туалета и бранилъ Матвѣя.

— Я изобью тебѣ морду, я тебѣ изъ нея красную бумазею сдѣлаю, если ты не будешь класть мнѣ все на мѣсто.

— Morgen! — крикнулъ проснувшійся, наконецъ, Максъ.

— Ты не встаешь? уже пять!

Отвѣтъ заглушили свистки, которые раздались точно надъ самымъ домомъ и рычали болѣе десяти секундъ съ такой силой, что звенѣли стекла въ окнахъ.

Морицъ въ нижнемъ бѣльѣ, накинувъ пальто на плечи, сѣлъ передъ печкой, въ которой весело трещали смолистыя дрова.

— Ты не идешь?

— Нѣтъ. Я хотѣлъ ѣхать въ Томашевъ, — Вейсъ писалъ мнѣ доставить ему новыя чесалки, но теперь не поѣду. Холодно и не хочется. Максъ, ты тоже остаешься дома?

— Куда же мнѣ спѣшить? Въ это паршивое учрежденіе? А впрочемъ, я вчера поругался съ отцомъ.

— Максъ, ты плохо кончишь, постоянно ссорясь со всѣми! — проворчалъ неохотно и угрюмо Морицъ, разгребая кочергой угли.

— Что тебѣ за дѣло? — крикнулъ голосъ изъ другой комнаты.

Кровать сильно затрещала, и въ дверяхъ показалась большая фигура Макса въ бѣльѣ и туфляхъ.

— Оставь меня въ покоѣ, не серди. Карлъ разбудилъ меня, чортъ знаетъ, для чего, а этотъ пристаетъ!

Онъ говорилъ громко, низкимъ, сильнымъ голосомъ. Прошелъ къ себѣ въ комнату и вскорѣ вернул-

ся, неся въ рукахъ все свое платье, бросилъ его на коверъ и медленно сталъ одѣваться.

— Ты намъ портишь дѣло своими ссорами, — началъ снова Морицъ, надавливая золотое пенснэ на свой сухой, семитическій носъ, такъ какъ оно постоянно падало.

— Гдѣ? что? какъ?

— Вездѣ. Вчера у Блюменталей ты громко сказалъ, что большинство нашихъ фабрикантовъ—обыкновенные воры и плуты.

— Сказалъ. и всегда буду это говорить.

Какая-то недобрая и пренебрежительная улыбка промелькнула у него на лицѣ, когда онъ смотрѣлъ на Морица.

— Ты, Максъ Баумъ, не будешь этого говорить и не долженъ. Такъ и знай!

— Почему? — спросилъ Максъ тихо и облокотился о столъ.

— Я тебѣ скажу, если ты этого самъ не понимаешь. Прежде всего, что тебѣ до этого? Какое тебѣ дѣло, воры они или порядочные люди? Мы здѣсь, — въ Лодзи, затѣмъ, чтобы дѣлать гешефты и хорошо заработать. Никто изъ насъ не будетъ жить здѣсь вѣчно. А каждый наживаетъ деньги, какъ можетъ и какъ умѣетъ. Ты же — красный, радикалъ, кумачъ № 4.

— Я честный человѣкъ, — проворчалъ Максъ, наливая себѣ чаю.

Боровецкій, опершись о столъ локтями, закрылъ руками лицо и слушалъ.

Морицъ, услышавъ отвѣтъ, быстро обернулся, такъ что пенснэ упало и ударилось о ручку кресла, посмо-

трѣлъ на Макса съ улыбкой ѣдкой ироніи на тонкихъ губахъ, погладилъ тонкими пальцами, на которыхъ блестѣли кольца съ бриліантами, рѣдкую, черную, какъ смоль, бороду и прошепталъ насмѣшливо.

— Не болтай, Максъ, глупостей. Тутъ дѣло не въ деньгахъ. Дѣло въ томъ, чтобы ты не выступалъ съ такими публичными обвиненіями, потому что это можетъ повредить нашему кредиту. Мы хотимъ открыть втроемъ фабрику, у насъ ничего нѣтъ, поэтому мы должны имѣть кредитъ и довѣріе тѣхъ, которые намъ его дадутъ. Мы теперь должны быть порядочными людьми, пріятными, милыми, добрыми. Если тебѣ Борманъ скажетъ: «подлая Лодзь», ты отвѣчай ему: «четырежды подлая», — ему нужно поддакивать, потому что онъ большая шишка.

А что ты о немъ говорилъ Кноллю? Что онъ глупый хамъ! Милый мой, онъ не глупъ! вѣдь онъ своими мозгами добылъ милліоны; у него есть эти милліоны, и мы также хотимъ ихъ имѣть. Будемъ о немъ говорить тогда, когда у насъ будутъ деньги, а теперь надо сидѣть тихо: онъ намъ нуженъ. Ну, пусть Карлъ скажетъ, что я не правъ, — вѣдь я забочусь о будущности насъ троихъ.

— Морицъ почти правъ, — твердо сказалъ Боровецкій, поднимая холодные, сѣрые глаза на взволнованнаго Макса.

— Я знаю, что вы правы, по-лодзински, но не забывайте, что я честный человѣкъ.

— Фразы! старыя, ходячія фразы!

— Морицъ! ты подлый жиденокъ! — выкрикнулъ внезапно Баумъ.

— А ты глупый, сантиментальный нѣмецъ.

— Вы спорите изъ-за выраженій,—холодно сказалъ Боровецкій и началъ одѣвать пальто, — жаль, что я не могу остаться съ вами — пускаю въ ходъ новую печатню.

— Нашъ вчерашній разговоръ на чемъ остановился? — спросилъ уже спокойно Баумъ.

— Открываемъ фабрику.

— Да, но у меня нѣтъ ничего, у тебя нѣтъ ничего, у него нѣтъ ничего, — разсмѣялся онъ громко.

— А всего вмѣстѣ у насъ какъ разъ столько, чтобы открыть большую фабрику. Что мы теряемъ? Заработать всегда можно, — прибавилъ онъ. — Итакъ, либо за дѣло, либо безъ дѣла! Говорите еще разъ.

— За дѣло, за дѣло! — повторили оба.

— Что это, Гольдбергъ сгорѣлъ? — спросилъ Баумъ.

— Да, подогналъ свой балансъ. Умный парень, добьется милліоновъ.

— Или кончитъ тюрьмой!

— Глупое слово! — сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе Морицъ. — Ты болтай такія вещи въ Берлинѣ, Парижѣ, Варшавѣ, но не въ Лодзи. Это непріятныя слова, пощади насъ.

Максъ не отвѣчалъ.

Свистки снова завыли своими пронзительными, раздражающими голосами и все мощнѣе пѣли свою предразсвѣтную пѣснь.

— Ну, я долженъ итти. До свиданья, товарищи, не ссорьтесь, идите спать, и пусть вамъ приснятся тѣ милліоны, которые мы заработаемъ.

— Заработаемъ!

— Заработаемъ! — сказали они въ голосъ

Они сильно, по-дружески пожали другъ другу руки.

— Сегодняшнее число надо записать; оно будетъ для насъ очень памятно.

— Прибавь тамъ, Максъ, въ скобкахъ того, кто изъ насъ первый захочетъ надуть другихъ.

— Ты, Боровецкій, шляхтичъ, у тебя на визитныхъ карточкахъ — гербъ, ты даже на своихъ довѣренностяхъ ставилъ «von», а между тѣмъ только ты изъ насъ всѣхъ настоящій «Lodsermensch», — шепнулъ Морицъ.

— А ты нѣтъ?

— Прежде всего мнѣ не нужно говорить объ этомъ, потому что я долженъ нажить денегъ. Вы и нѣмцы — хорошій народъ, но только для разговора.

Боровецкій поднялъ воротникъ, тщательно застегнулся и вышелъ.

Дождь шелъ, не переставая, хлесталъ вкось, почти до половины оконъ маленькихъ домовъ, которые въ этомъ концѣ Петроковской улицы тѣсно стояли другъ около друга, только кое-гдѣ какъ-будто раздвигались и давали мѣсто огромной фабрикѣ или пышному дворцу фабриканта. Ряды низкихъ липъ около тротуара склонялись однообразно подъ ударами вѣтра, который гулялъ по грязной, почти темной улицѣ, а рѣдкіе фонари давали только небольшіе круги желтаго свѣта, въ которомъ блистала черная, липкая грязь улицы и мигали сотни людей; они двигались безшумно, но съ безумной поспѣшностью бѣжали на голосъ свистковъ, все рѣже звучавшихъ вокругъ.

— Заработаемъ? — повторилъ Боровецкій, остана-

вливаясь и утопая глазами въ этомъ хаосѣ трубъ, обозначавшихся въ темнотѣ, — въ этой черной массѣ фабрикъ, неподвижной, дикой отъ какого-то каменнаго спокойствія; фабрики стояли вездѣ и со всѣхъ сторонъ, казалось, выростали передъ нимъ красными могучими стѣнами.

— Morgen! — бросилъ кто-то, пробѣгая дальше

— Morgen... — прошепталъ онъ и пошелъ медленнѣе. Его мучили сомнѣнія, тысячи мыслей, цифръ, предположеній и комбинацій переплетались у него въ головѣ, онъ почти забылъ, гдѣ онъ и куда идетъ. Тысячи рабочихъ, словно тихіе, черные рои, выползли внезапно изъ боковыхъ улицъ, которыя походили на каналы, подныя грязи, — изъ домовъ, стоящихъ на краю города, словно огромныя мусорныя ямы — наполнили Петроковскую улицу шумомъ шаговъ, звономъ жестянокъ, блестѣвшихъ въ свѣтѣ фонарей, сухимъ стукомъ деревянныхъ подошвъ башмаковъ и какимъ-то соннымъ говоромъ и шлепаньемъ грязи подъ ногами.

Они залили всю улицу, шли отовсюду, заполнили тротуары, шлепали по срединѣ мостовой, полной черныхъ лужъ и грязи. Одни останавливались безпорядочными группами передъ воротами фабрикъ, другіе — длинной цѣпью исчезали въ воротахъ, словно поглощаемые чревомъ, которое медленно пышитъ пламенемъ.

Въ темныхъ глубинахъ начали показываться огни. Черныя, молчаливыя, четырехугольныя фабрики озарились вдругъ сотнями пламенѣющихъ оконъ, словно глядѣли огненными глазами. Электрическія солнца нависали внезапно въ темнотѣ и сіяли въ пустомъ пространствѣ. Бѣлые дымы начали клубиться изъ трубъ и рас-

простираться надъ этимъ могучимъ каменнымъ лѣсомъ изъ многихъ тысячъ колоннъ, волновавшимся въ мигающемъ электрическомъ свѣтѣ.

Улицы пустѣли, погасли фонари, прокричали послѣдніе свистки, тишина, прерываемая только шумомъ дождя да тихимъ посвистомъ вѣтра, разлилась по улицѣ. Открылись кабаки и булочныя, кое-гдѣ, въ какомъ-нибудь окнѣ подъ крышей или въ подвалахъ, въ которые просачивалась уличная грязь, появились огни.

Только въ сотняхъ фабрикъ кипѣла жизнь — напряженно, лихорадочно. Глухой рокотъ машинъ раздавался въ мглистомъ воздухѣ и раздражалъ слухъ Боровецкаго, который все еще ходилъ по улицѣ и смотрѣлъ въ окна фабрикъ; за ними рисовались черные силуэты рабочихъ или громадные контуры машинъ.

Ему не хотѣлось приниматься за работу. Было такъ хорошо ходить и думать о будущей фабрикѣ, устраивать ее, пускать въ ходъ, заботиться о ней. Онъ такъ углубился въ эти думы, что минутами ясно слышалъ около себя и чувствовалъ будущую фабрику. Видѣлъ груды товаровъ, видѣлъ контору, покупателей, безумное движеніе, наполняющее ее. Чувствовалъ громадную волну богатства, плывущую ему подъ ноги.

Онъ машинально улыбнулся, глаза его засверкали влажными блесками, на блѣдномъ, красивомъ лицѣ показался румянецъ глубокой радости. Онъ погладилъ нервно мокрую отъ дождя бороду и пришелъ въ себя.

— Что за глупости! — шепнулъ онъ недовольно и оглянулся по сторонамъ, словно опасаясь, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ его минутной слабости.

Никого не было, уже начинало свѣтать; изъ сла-

баго, затуманеннаго разсвѣта медленно выступали контуры деревьевъ, фабрикъ и домовъ. По Петроковской улицѣ отъ заставы потянулись вереницы крестьянскихъ возовъ, изъ города загромыхали по выбоинамъ огромные товарные возы, груженые углемъ, платформы съ пряжей, сырьемъ, хлопчатой бумагой въ тюкахъ или бочкахъ, а между ними торопливо мелькали маленькія брички и экипажи фабрикантовъ, спѣшившихъ на занятія, или проѣжалъ съ шумомъ извозчикъ съ запоздавшимъ служащимъ.

Боровецкій въ концѣ Петроковской свернулъ налѣво въ маленькую немощоную улицу, освѣщенную нѣсколькими фонарями на веревкахъ и огнями огромной фабрики, которая была уже въ движеніи. Длинное четырехъэтажное зданіе свѣтилось всѣми окнами.

Онъ быстро переодѣлася въ запачканную краской, грязную блузу и побѣжалъ въ свое отдѣленіе.

II.

— Муррей, доброе утро! — крикнулъ Боровецкій.

Муррей, одѣтый въ длинный синій передникъ, высунулся изъ-за ряда подвижныхъ котловъ, въ которыхъ варились и готовились краски. Въ слабомъ электрическомъ свѣтѣ, насыщенномъ цвѣтными парами, его длинное, костлявое лицо, тщательно выбритое, съ полинялыми какъ бы глазами, производило впечатлѣніе карикатуры изъ «Пэнча».

— А, Боровецкій! Я васъ хотѣлъ видѣть, вчера

вечеромъ былъ у васъ, засталъ Морица, но я его не выношу и потому не остался ждать.

— Онъ добрый парень.

— Что мнѣ его доброта! Я не терплю его расу.

— Печатаютъ уже пятьдесятъ седьмой номеръ?

— Печатаютъ. Я выдалъ краску.

— Держится?

— На первыхъ метрахъ расползалась немного. Изъ центральнаго отдѣленія заказъ на пятьсотъ штукъ вашей ламы.

— Ага, двадцать четвертый номеръ, блѣдно-зеленая.

— Изъ отдѣленія Бехъ телефонировали о томъ же. Будемъ дѣлать?

— Сегодня ужъ нѣтъ. У насъ есть спѣшные заказы и спѣшное печатанье лѣтнихъ сортовъ трико.

— Телефонировали о бумазеѣ номеръ седьмой.

— Въ апретурѣ. Я туда долженъ итти сейчасъ.

— Мнѣ хотѣлось бы вамъ кое-что сказать.

— Слушаю, слушаю, — проговорилъ Боровецкій любезно, но съ нѣкоторымъ нерасположеніемъ. Мурреій взялъ его подъ руку и провелъ въ уголъ за большія бочки, изъ которыхъ каждую минуту брали краски.

«Кухня», такъ называлась эта зала, тонула во мракѣ. Подъ низко висѣвшими крышами, какъ бы подъ стальными зонтами, вертѣлись медленно, автоматически широкія мѣдныя мѣшала, размѣшивавшія краски въ громадныхъ блещущихъ полированной мѣдью котлахъ.

Все зданіе дрожало отъ движенія машинъ. Длинные передаточные ремни, словно блѣдно-желтыя змѣи безконечной длины, бѣжали съ бѣшеной скоростью подъ

потолкомъ, пролетали надъ двойнымъ рядомъ козелъ, проползали вдоль стѣнъ, высоко перекрещивались, едва видимые въ клубахъ разъѣдающихъ паровъ, которые безпрерывно вырывались изъ котловъ, затемняли свѣтъ, убѣгали сквозь стѣны, — черезъ всѣ отверстія въ другія залы.

Силуэты рабочихъ въ вымазанныхъ красками рубахахъ тихо мелькали и какъ тѣни исчезали во мракѣ; съ грохотомъ катились вагонетки и выкатывались, нагруженныя готовыми красками, которыя онѣ развозили въ печатни и красильни.

Острый, ужасный запахъ сѣры чувствовался вездѣ.

— Вчера я купилъ мебель, — тихо шепталъ Муррей на ухо Боровецкому. — Понимаете, въ гостиную купилъ желтую шелковую, стиль эмпиръ. Въ столовую заказалъ дубовую въ стилѣ Генриха IV, а въ будуаръ...

— Когда вы женитесь? — прервалъ его Боровецкій нетерпѣливо.

— Ну, я еще этого не знаю. Но хотѣлось бы какъ можно скорѣе.

— Значитъ предложеніе уже сдѣлано? — И Боровецкій довольно иронически посмотрѣлъ на горбатаго и комичнаго англичанина; его горбъ теперь показался ему безобразнымъ, а онъ самъ напоминалъ обезьяну своей длинной, выдающейся челюстью и толстыми губами, необыкновенно подвижными.

— Да, почти. Въ воскресенье она мнѣ сказала, какую бы ей хотѣлось имѣть обстановку. Я разспрашивалъ ее подробно, она отвѣчала такъ, какъ отвѣчаютъ женщины, когда идетъ рѣчь объ ихъ будущемъ хозяйствѣ.

— Прошлый разъ вы думали такъ же.

— Да, но у меня и наполовину не было такой увѣренности! — проговорилъ онъ горячо.

— Ну, если такъ, сердечно поздравляю васъ; но когда же вы познакомите меня съ невѣстой?

— На все свое время, на все!

— Потому-то я и вѣрю, что вы женитесь наконецъ, — прошепталъ Боровецкій, подсмѣиваясь.

— Можетъ быть, завтра вы зашли бы ко мнѣ, хорошо? Я хотѣлъ бы непремѣнно слышать ваше мнѣніе о мебели.

— Приду.

— Но когда?

— Послѣ обѣда.

Муррей вернулся къ краскамъ въ лабораторію, а Боровецкій прошелъ дальше въ красильни по коридорамъ и проходамъ, заполненнымъ вагонетками съ товаромъ, съ котораго стекала вода, — людьми и грудами матерій на полу въ большихъ кипахъ, ожидавшихъ своей очереди.

Поминутно къ нему обращались съ разными дѣлами.

Онъ коротко давалъ приказанія, быстро рѣшалъ, торопливо освѣдомлялся, иногда смотрѣлъ на образчикъ краски, принесенной рабочимъ, и бросилъ рѣшительно:

«Хорошо» или «еще» — и летѣлъ дальше среди взглядовъ сотенъ рабочихъ и шума фабрики, которая ревѣла, какъ адъ хаоса.

Дрожало все: стѣны, потолки, машины, полы, гудѣли моторы, свистѣли пронзительно передачи, гремѣли по асфальтовому полу вагонетки, временами трещали

маховыя колеса, скрежетали шестерни, въ этомъ морѣ прерывистаго дрожанія пролетали то какіе-то крики, то гудящее дыханіе главной машины.

— Панъ Боровецкій!

Онъ пристально посмотрѣлъ впередъ, такъ какъ среди пара, наполнявшаго всю красильню, почти ничего не было видно, кромѣ неясныхъ силуэтовъ машинъ. Онъ не зналъ, кто его зоветъ.

— Панъ Боровецкій!

Онъ вздрогнулъ, когда кто-то взялъ его подъ руку.

— А, это вы, панъ директоръ, — прошепталъ онъ, узнавъ владѣльца фабрики.

— Я васъ догонялъ, но вы хорошо бѣгаете.

— Работаю, панъ директоръ.

— Да, да, я это понимаю. Я замучился до смерти, — сказалъ онъ, сильно опираясь на его руку, и замолчалъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Идетъ? — спросилъ онъ черезъ минуту.

— Дѣлаемъ, что можно, — бросилъ Боровецкій коротко и пошелъ впередъ.

Фабрикантъ шелъ тяжело, уцѣпившись за его руку. Онъ опирался на толстую палку и, согнувшись почти вдвое, поднялъ круглые, красные, ястребиные глаза и большое лицо, лоснящееся, круглое, съ маленькими бакенбардами и ровно подстриженными усами.

— Что жъ, Ватсоны хорошо работаютъ?

— По пятнадцати тысячъ метровъ въ день печатаютъ!

— Мало, — пробормоталъ онъ тихо, отпустилъ его руку и присѣлъ на вагонетку, наполненную суровымъ

ситцемъ, обернулъ надѣтый на немъ толстый кафтанъ и сидѣлъ, опершись на палку.

Боровецкій побѣжалъ къ большимъ красильнымъ кадкамъ, надъ которыми на большихъ валахъ были растянуты свертки матерій; онѣ вертѣлись и купались въ краскѣ, разбрызгивая ее на лица и рубахи рабочихъ, стоявшихъ неподвижно и поминутно зачерпывавшихъ воду рукой изъ кадки, чтобы посмотрѣть, всю ли краску впитала матерія. Нѣсколько десятковъ такихъ валовъ, уставленныхъ рядомъ, непрестанно кружились съ мучительнымъ однообразіемъ, длинныя, скрученныя складки матерій плавали въ краскахъ и блистали во мглѣ слабыми пятнами багрянца, лазури и охры.

Съ другой стороны, за двойнымъ рядомъ желѣзныхъ столбовъ, поддерживавшихъ верхній этажъ фабрики и густо разбросанныхъ по огромной залѣ, стояли полоскательницы; длинные ящики, полные кипящей воды, пѣнившейся отъ соды, механическихъ прачекъ, выжималокъ, мыла, — черезъ все это проходилъ сырой матеріалъ; брызги воды, разбрасываемой мѣшалками, разлетались по залѣ и образовывали надъ прачешными такой густой туманъ, что лампы едва свѣтились, словно отраженныя въ потномъ зеркалѣ.

Механическіе получатели щелкали, принимая уже выжатый матеріалъ въ свои словно растопыренныя руки, и передавали его рабочимъ, которые прутьями укладывали его большими складками на вагонетки, подходившія поминутно.

— Панъ Боровецкій, — позвалъ фабрикантъ какую-то тѣнь, показавшуюся изъ тумана, но это былъ не Боровецкій.

Онъ поднялся и пошелъ по залѣ, волоча свои больныя ревматическія ноги, наслаждаясь этой раскаленной атмосферой. Онъ погружалъ свое больное тѣло въ испаренія ѣдко пахнувшихъ красокъ и воды, брызгавшей изъ полоскательницъ и кадокъ, стекавшей съ вагонстокъ, хлюпавшей подъ ногами и капавшей съ потолка, гдѣ осѣвшій паръ превращался почти въ струи. Безумный, подобный дрожащему стону, лязгъ центрофуги, вытягивавшей воздухъ изъ матерій, проникалъ въ залу, въѣдался въ нервы рабочихъ, совершенно поглощенныхъ наблюденіемъ за машинами, и разбивался о цвѣтныя, развѣвающіяся, словно знамена, матеріи на получателяхъ.

Боровецкій былъ уже въ сосѣдней залѣ, гдѣ на низкихъ англійскихъ машинахъ старой системы красился грубый черный матеріалъ на мужскія платья.

День проглядывалъ черезъ сотни оконъ и бросалъ зеленоватый оттѣнокъ на черный паръ и на лица рабочихъ, которые, словно базальтовыя колонны, стояли неподвижно съ заложенными назадъ руками и смотрѣли на машины, черезъ которыя проходили десятки тысячъ метровъ, разъѣдаемыя пѣнящимися, брызгающими черными красками.

Стѣны безпрерывно содрогались. Фабрика работала всѣми мускулами.

Подъемныя машины, помѣщенныя въ стѣнахъ, соединяли низъ фабрики съ ея четырьмя верхними этажами. Въ какой-нибудь сторонѣ залы поминутно раздавалось глухое лязганье, — подъемная машина принимала или выбрасывала изъ себя вагонетки, товары, людей...

День началъ заглядывать и въ болшую залу. Мутный свѣтъ просачивался черезъ маленькія запотѣвшія стекла, затянутыя грязью и паромъ, и яснѣе выдѣлялъ контуры машинъ и людей. Но въ этомъ сѣро-зеленомъ свѣтѣ, въ которомъ плыли длинныя полосы красныхъ испареній и свѣтились нимбы газовыхъ лампъ, — и люди, и машины казались какими-то ненормальными, похожими на призраки, увлеченные страшною силою движенія, — на какіе обрывки, пылинки, щепки, что склубились, спутались, утопали въ шумномъ водоворотѣ.

Германъ Бухгольцъ, хозяинъ фабрики, осмотрѣлъ красильню и поплелся дальше.

Онъ обходилъ павильоны, поднимался наверхъ на подъемной машинѣ, спускался по лѣстницамъ, двигался по длиннымъ коридорамъ, присматривался къ машинамъ, оглядывалъ товары, бросалъ мрачные взгляды на людей, иногда бросалъ отрывистыя фразы, которыя подобно молніи облетали всю фабрику, отдахалъ на грудахъ матеріи или на порогахъ; исчезалъ, чтобы черезъ минуту показаться въ другой сторонѣ фабрики, около складовъ угля, между вагонами, ряды которыхъ стояли съ одной стороны громаднаго четырехугольнаго двора, огороженнаго, словно заборомъ, стѣнами фабрики.

Онъ былъ повсюду, ходилъ угрюмый, какъ осенняя ночь, и молчаливый; гдѣ онъ ни появлялся или проходилъ, — разговоры замолкали, лица склонялись, глаза переставали видѣть, фигуры сгибались и корчились, какъ бы желая избѣгнуть его взгляда.

Онъ нѣсколько разъ встрѣчался съ Боровецкимъ, бѣгавшимъ все время по отдѣленію.

Они дружелюбно поглядывали другъ на друга. Германъ Бухгольцъ любилъ своего директора печатни, даже болѣе того — онъ цѣнилъ его въ тѣ десять тысячъ рублей, которые платилъ ему ежегодно.

«Это лучшая моя машина въ этомъ отдѣленіи», — думалъ онъ, глядя на него.

Онъ самъ уже не занимался ничѣмъ; зять велъ всю фабрику, но онъ, по привычкѣ всей своей жизни, приходилъ туда утромъ вмѣстѣ съ рабочими. Онъ завтракалъ на фабрикѣ и просиживалъ до полудня, а послѣ обѣда, если не ѣхалъ въ городъ, то слонялся по конторамъ, складамъ и магазинамъ хлопчатой бумаги.

Онъ не могъ жить вдали отъ этого мощнаго царства, которое создалъ собственнымъ трудомъ цѣлой жизни и мощью своего предпринимательскаго генія; онъ долженъ былъ чувствовать подъ ногами, въ себѣ самомъ, эти расшатанныя содрогающіяся стѣны; онъ только тогда чувствовалъ себя хорошо, когда пробирался сквозь паутину ремней, растянутую по всей фабрикѣ, среди ѣдкаго запаха красокъ, бѣлилъ, сырого матеріала и мазей, разогрѣтыхъ въ этой страшной жарѣ.

Теперь онъ сидѣлъ въ печатнѣ и изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ смотрѣлъ на залу, ярко освѣщенную большими окнами, на движущіяся печатныя машины, на желѣзныя пирамиды, торопливо работавшія въ какой-то грозной тишинѣ.

Около каждой печатни отдѣльная паровая машина свистѣла своимъ маховымъ колесомъ, и всѣ колеса подобно серебрянымъ отполированнымъ щитамъ мелькали съ такой безумной быстротой, что не было возможности уловить контуровъ, кружился лишь какой-

то серебряный нимбъ вокругъ оси и горѣлъ свѣтлымъ искристымъ туманомъ. Машины непрерывно работали; длинныя безконечныя полосы матерій, мелькавшія между мѣдныхъ цилиндровъ, которые отпечатывали на нихъ цвѣтные рисунки, исчезали вверху, въ верхнемъ этажѣ, въ сушильнѣ.

Люди, стоявшіе позади машинъ и подкладывавшіе матеріалъ для печатанья, двигались сонно, а мастера стояли передъ машинами, поминутно наклоняясь, смотрѣли на цилиндры, подливали краски въ большія кадки, глядѣли на матеріи и снова всматривались въ эти тысячи метровъ, бѣгущихъ съ бѣшеной скоростью.

Боровецкій входилъ въ печатню, слѣдилъ за работой только что поставленныхъ машинъ, сравнивалъ образцы со свѣже отпечатаннымъ матеріаломъ, отдавалъ приказанія; иногда по его движенію останавливали работавшій колоссъ, и онъ его подробно осматривалъ, потомъ снова шелъ дальше, такъ какъ его самого захватывалъ этотъ могучій ритмъ фабрики, эти сотни машинъ и тысячи людей, наблюдавшихъ съ величайшимъ, почти набожнымъ вниманіемъ за ихъ работой, эти горы лежавшихъ товаровъ, привезенныхъ вагонетками, снующихъ по залѣ изъ прачешной въ красильню, изъ красильни въ сушильню, въ аппретуру и еще въ десятокъ другихъ мѣстъ, прежде чѣмъ товары не выходили готовыми.

Только изрѣдка присаживался онъ въ своемъ кабинетѣ около «кухни», и здѣсь, — въ промежуткахъ между комбинированіемъ новыхъ рисунковъ и просматриваніемъ присланныхъ изъ-за границы образцовъ, громадныя кучи которыхъ, наклеенныя въ альбомахъ,

лежали на столахъ, — онъ задумывался или скорѣе пробовалъ думать о себѣ, о фабрикѣ, проэктируемой имъ въ компаніи съ товарищами, но не могъ собраться съ мыслями, не могъ ни на минуту сосредоточиться, такъ какъ фабрика, чей шумъ гудѣлъ въ его кабинетѣ, чье движеніе и чей пульсъ онъ чувствовалъ въ собственныхъ нервахъ, въ крови, не позволяли изолироваться, — притягивала непреодолимо, принуждала служить и быть насторожѣ каждаго, кто кружился въ ея орбитѣ.

Онъ срывался съ мѣста и снова бѣжалъ, но день для него тянулся неимовѣрно, и около четырехъ часовъ онъ пошелъ въ контору, которая была въ другомъ отдѣленіи, выпить чаю и телефонировать Морицу, чтобы онъ былъ сегодня въ театрѣ, гдѣ давался любительскій спектакль съ благотворительной цѣлью.

— Панъ Вельтъ былъ полчаса назадъ, только что ушелъ отъ насъ.

— Онъ былъ здѣсь?

— Взялъ пятьдесятъ штукъ бѣлаго товару.

— Для себя?

— Нѣтъ, по порученію Амфилова, въ Харьковъ. Можно предложить вамъ сигару?

— Охотно покурю, я дьявольски усталъ.—Главный бухгалтеръ конторы, почтительно угощавшій его сигарой, стоялъ передъ нимъ, набивая свою трубку табакомъ. Нѣсколько молодыхъ людей, сидѣвшихъ на высокихъ табуретахъ, писали въ большихъ книгахъ съ красными линейками.

Тишина, царившая здѣсь, раздражающій скрипъ

перьевъ, монотонное тиканье часовъ, — нервно дѣйствовали на Боровецкаго.

— Что слышно, панъ Шварцъ? — спросилъ онъ.

— Розенбергъ лопнулъ.

— Совсѣмъ?

— Еще неизвѣстно, но я думаю, что онъ устроится, — вѣдь какой интересъ дѣлать обыкновенный проваль? — онъ тихо засмѣялся, придавливая пальцемъ влажный табакъ въ трубкѣ.

— Фирма теряетъ?

— Это будетъ зависѣть отъ того, сколько онъ заплатитъ за сто.

— Бухгольцъ знаетъ?

— Онъ сегодня еще не былъ у насъ, но когда узнаетъ, заболятъ его мозоли; онъ необычайно чувствителенъ къ потерямъ.

— Его ударъ можетъ хватить, — прошепталъ кто-то изъ наклонившихся надъ работой.

— Было бы жаль.

— Очень жаль, сохрани Богъ!

— Пусть живетъ сто лѣтъ, пусть у него будетъ сто дворцовъ, сто милліоновъ, сто фабрикъ.

— И пусть его хватитъ сразу сто холеръ, — тихо шепнулъ кто-то.

Стало тихо.

Шварцъ грозно посмотрѣлъ на писавшихъ и на Боровецкаго, какъ бы желая показать, что онъ не виноватъ, но Боровецкій скучающими глазами смотрѣлъ въ окно.

Въ конторѣ воцарилась атмосфера давящей скуки.

Стѣны были выложены деревомъ до самаго потолка,

вкрапленнымъ подъ дубъ, и грустно желтѣли на нихъ полки, на которыхъ аккуратно были разставлены книги.

Противъ оконъ стояло большое четырехъэтажное зданіе изъ краснаго нештукатуреннаго кирпича и бросало ржаво-сѣрый, угнетающій отсвѣтъ въ контору.

Черезъ залитый асфальтомъ дворъ, гдѣ временами гремѣли вагонетки и проходили люди по разнымъ направленіямъ на высотѣ перваго этажа бѣжали массивные, какъ плечи атлета, ремни съ глухимъ ворчаніемъ, отъ котораго стекла въ конторѣ непрерывно дрожали.

Высоко надъ фабрикой висѣло небо, какъ тяжелая, грязная парусина, съ которой стекалъ мелкій дождь и плылъ по загрязненнымъ стѣнамъ еще болѣе грязными полосами, разливался по окнамъ конторы, запачканнымъ угольной и хлопчато-бумажной пылью, словно отвратительными плевками.

Въ углу конторы, надъ газомъ, началъ шумѣть чайникъ.

— Панъ Горнъ, можетъ вы мнѣ дадите чаю?

— А можетъ быть панъ директоръ хочетъ бутербродъ, — любезно предложилъ Шварцъ. — Только немного каширный.

— Во всякомъ случаѣ, онъ лучше, чѣмъ тѣ, что вы всегда ѣдите, панъ фонъ-Горнъ.

Горнъ принесъ чаю и остановился.

— Что съ вами? — спросилъ его Боровецкій, который съ нимъ былъ близко знакомъ.

— Ничего, — отвѣтилъ онъ коротко и посмотрѣлъ враждебно на Шварца, который разворачивалъ бутерброды изъ газеты, кладя ихъ передъ Боровецкимъ.

— Вы плохо выглядите.

— Пану Горну плохо на фабрикѣ. Послѣ гостиныхъ трудно ему привыкать къ конторѣ и работѣ.

— Скотинѣ или какому-нибудь паршивцу легко привыкнуть къ ярму, но человѣку это труднѣй, — прошипѣлъ онъ со злостью, но такъ тихо, что Шварцъ не понялъ словъ, посмотрѣлъ внимательно, тупо улыбнулся и шепнулъ:

— Панъ фонъ-Горнъ! Панъ фонъ-Горнъ! Можетъ быть панъ директоръ попробуетъ эту смѣсь ветчины съ пулярдой, она очень хороша; вѣдь моя жена славится этимъ.

Горнъ отошелъ, сѣлъ около конторки и блуждалъ глазами по краснымъ стѣнамъ, по окнамъ, за которыми бѣлѣли груды растеребленной для пряжи хлопчатой бумаги.

— Не дадите ли мнѣ еще чаю?

Боровецкій хотѣлъ поговорить съ Горномъ.

Горнъ принесъ чаю и, не поднимая глазъ, повернулся къ выходу.

— Панъ Горнъ, не зайдете ли ко мнѣ черезъ полчаса?

— Хорошо, панъ директоръ. У меня даже было дѣло, и я все утро собирался къ вамъ. А можетъ быть, вы меня сейчасъ выслушаете?

Онъ хотѣлъ что-то шепнуть ему по секрету, но въ контору вошла женщина, подталкивая впередъ четверыхъ дѣтей.

— Да славится имя Господне! — прошептала она тихо, посмотрѣла на всѣхъ поднявшихъ головы надъ конторками и покорно склонилась къ ногамъ Боро-

вецкаго, который стоялъ ближе и имѣлъ наиболѣе представительное лицо.

— Вельможный панъ хозяинъ, я пришла насчетъ мужа — голову ему машиной оторвало, — я теперь бѣдная сирота съ дѣтьми, и мы нищіе теперь. Сюда я пришла просить справедливости, чтобы мнѣ, панъ хозяинъ, дали вспомоществованіе... вѣдь мужу оторвало голову машиной. Вельможный панъ хозяинъ! — И она снова склонилась къ колѣнамъ Боровецкаго, разражаясь плачемъ.

— За двери, вонъ, здѣсь не рѣшаютъ этихъ дѣлъ! — крикнулъ Шварцъ.

— Будьте потише! — крикнулъ ему Боровецкій, по-нѣмецки.

— Извините, но она уже полгода, какъ дѣлаетъ набѣги на всѣ наши отдѣленія и конторы, ничѣмъ нельзя отъ нея избавиться.

— Отчего не уладили ея дѣла?

— Вы еще спрашиваете? Этотъ хамъ нарочно подставилъ свою башку подъ колесо, ему не хотѣлось работать, ему хотѣлось обокрасть фабрику! И теперь мы должны платить его бабѣ и его щенятамъ!

— Ахъ, ты паршивецъ, мои дѣти щенята? — закричала женщина и въ бѣшенствѣ подскочила къ Шварцу, отступившему за столъ.

— Тише, баба! Успокойся сама и успокой дѣтей, чтобъ не ревѣли, — заговорилъ онъ испуганный, указывая на дѣтей, которыя, уцѣпившись за мать, орали во все горло.

— Вельможный панъ хозяинъ, да, я вотъ хожу съ самой осени, и все мнѣ обѣщаютъ, что заплатятъ, хо-

жу я все и прошу, но меня все надуваютъ и гонятъ, какъ суку, за дверь.

— Успокойтесь, я поговорю сегодня съ хозяиномъ, приходите сюда черезъ недѣлю, и вамъ заплатятъ.

— Пусть же Господь Іисусъ и Божья Матерь Ченстоховская пошлютъ вамъ счастье, здоровье, богатство и почетъ, дорогой панъ! — выкрикивала она, припадая къ его ногамъ и цѣлуя ему руки.

Онъ вырвался отъ нея и вышелъ, но задержался въ большой передней и, когда она вышла, спросилъ ее:

— Откуда вы?

— Изъ-подъ Скерневицъ.

— Давно въ Лодзи?

— А будетъ больше двухъ лѣтъ, какъ мы сюда перебрались на свое несчастье.

— Гдѣ-нибудь работаете?

— Развѣ меня гдѣ-нибудь примутъ эти поганцы, эти еретики чумные? да и какъ же мнѣ сиротъ оставить?

— Чѣмъ же вы живете?

— Бѣдствуемъ, вельможный панъ, бѣдствуемъ. Живу я на Балутахъ вмѣстѣ съ ткачами и плачу въ мѣсяцъ цѣлыхъ три рубля. Пока живъ былъ мой покойникъ, хотя и впроголодь, а перебивались, но теперь, когда его не стало, хожу въ Старый-городъ на работу, иногда кто-нибудь позоветъ бѣлье стирать, — такъ и существуемъ, — быстро говорила она, закутывая дѣтей въ какія-то страшно грязныя отрепья платковъ.

— Почему, вы не вернетесь въ деревню, домой?

— Вернусь, панъ хозяинъ, какъ только мнѣ заплатятъ за мужа, вернусь, и пусть эту Лодзь чума поразитъ, пусть ее огонь спалитъ, пусть Господь Богъ ни-

чего для нея не пожалѣетъ, чтобъ всѣ подохли, до одного.

— Тише, не за что вамъ такъ проклинать, — прошепталъ онъ раздраженно.

— Не за что? — воскликнула она съ изумленіемъ, поднимая на него блѣдное, некрасивое, изнуренное нищетой лицо и заплаканные блѣдно-голубые глаза. — Вотъ въ деревнѣ, вельможный панъ, мы жили въ наемной избѣ, у мужа было только три морга земли, что ему отъ отца достались, и не на что было построить избу, такъ мы и ютились у родственниковъ нашихъ. Мы жили хоть и на одинъ заработокъ, да все у насъ было по-человѣчески—и картофель садили немного, и гуся выкармливали или поросенка, яйца были свои и корова, а здѣсь — что? Трудился, бѣдняга, съ утра до ночи, а ѣсть было нечего, жили мы, какъ послѣдніе нищіе, а не христіане, какъ собаки, а не хозяева.

— Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали, надо было сидѣть въ деревнѣ.

— Зачѣмъ? — горестно вскричала она. — Развѣ я знаю! Всѣ шли и мы пошли. Весной ушелъ Адамъ, оставилъ жену и пошелъ. Пріѣхалъ послѣ жнивья такой расфранченный, что никто его узнать не могъ, все на немъ было изъ сукна, серебряные часы и кольцо и столько денегъ, что въ деревнѣ ихъ за три года не заработаешь. Люди дивились, а онъ, чумной, ихъ обманывалъ, — ему заплатили за то, чтобъ онъ изъ деревни людей привелъ, — наобѣщавши Богъ вѣсть что. За нимъ сейчасъ же ушли два парня, сынъ Янка и Григорія изъ-подъ лѣса, а ужъ потомъ кто только могъ, всѣ полетѣли въ эту Лодзь. Каждому хотѣлось сукна, ча-

совъ и распутства. Я своего не пускала, — зачѣмъ намъ было итти въ свѣтъ, къ чужимъ? но онъ меня избилъ, какъ скотину, и ушелъ, — а потомъ пріѣхалъ и забралъ меня съ собой. Іисусе Христе, Іисусе Христе! — шептала она, горестно всхлипывая и вытирая себѣ носъ и слезы грязными руками, и стала такъ дрожать отъ этого отчаяннаго плача, что дѣти прижались къ ней и тихо заплакали.

— Вотъ вамъ пять рублей и сдѣлайте такъ, какъ я сказалъ.

Ему ужъ это начало надоѣдать, онъ быстро отвернулся и пошелъ, не дожидаясь благодарности.

Онъ не выносилъ нѣжностей, а эта женщина пробудила въ немъ медленно замирающую и сознательно заглушаемую отзывчивость.

Онъ постоялъ немного у оксидаціоннаго котла Matter-Plass'а, черезъ который проходилъ сухой, уже отпечатанный товаръ, и смотрѣлъ разсѣянно на только что отпечатанныя краски, — вѣрнѣе на цвѣты, только что распустившіеся при прохожденіи товара черезъ котелъ. Желтые протравленные цвѣточки превращались въ пунцовые подъ дѣйствіемъ высокой температуры и смѣшанныхъ растворовъ анилиновой соли.

Фабрика послѣ недолгаго предвечерняго отдыха снова работала съ прежней энергіей.

Боровецкій посмотрѣлъ въ окно своего кабинета, такъ какъ вдругъ потемнѣло и началъ падать необычайно большими хлопьями снѣгъ, забѣлѣвшій на стѣнахъ фабрики и на дворѣ. Онъ увидѣлъ Горна, стоявшаго за домикомъ швейцара, гдѣ былъ единственный выходъ изъ фабрики. Горнъ разговаривалъ съ той са-

мой женщиной, которая благодарила его за что-то съ восторгомъ и прятала какую-то бумагу за лифъ.

— Панъ Горнъ! — крикнулъ онъ, высовываясь въ форточку.

— Я самъ собирался зайти къ вамъ, — проговорилъ Горнъ, появляясь черезъ минуту у него.

— Что вы совѣтовали этой бабѣ? — спросилъ довольно строго Боровецкій, глядя въ окно.

Горнъ съ минуту колебался, румянецъ выступилъ на его дѣвически-прекрасномъ лицѣ, а въ голубыхъ добрыхъ глазахъ засверкалъ огонь.

— Я ей говорилъ пойти къ адвокату, пускай начинаетъ процессъ противъ фабрики, требуя вознагражденія за убытки, — тогда законъ заставитъ ихъ заплатить.

— Что вамъ за дѣло? — сказалъ Боровецкій, барабаня слегка пальцами по окну и кусая губы.

— Что мнѣ за дѣло? — спросилъ Горнъ и, помолчавъ съ минуту, прибавилъ, — мнѣ есть дѣло до всякой нужды и до всякой несправедливости...

— Кто вы здѣсь? — прервалъ онъ его рѣзко и сѣлъ за длинный столъ.

— Я? практикантъ-конторщикъ, вѣдь вы, панъ директоръ, знаете это хорошо, — отвѣтилъ тотъ удивленный.

— Ну, такъ вотъ, панъ Горнъ, мнѣ кажется, вы не кончите этой практики...

— Мнѣ это, наконецъ, все равно, — отвѣтилъ Горнъ довольно твердо.

— Но намъ не все равно, намъ — фабрикѣ, въ которой вы — одно изъ милліона колесъ! Мы васъ при-

няли не затѣмъ, чтобы вы здѣсь занимались филантропіей, а затѣмъ, чтобы вы работали. Вы вносите безпорядокъ сюда, гдѣ все основано на правильномъ функціонированіи, соразмѣрности и согласіи.

— Я не машина, а человѣкъ.

— Дома. На фабрикѣ же васъ не экзаменуютъ ни въ человѣчности, ни въ гуманности, — фабрикѣ нужны ваши мускулы и мозгъ, и только за это мы вамъ платимъ, — все болѣе раздражался онъ. — Вы здѣсь такая же машина, какъ мы всѣ, итакъ, дѣлайте только то, что отъ васъ требуется. Тутъ не мѣсто для мечтаній, здѣсь...

— Панъ Боровецкій! — прервалъ онъ его рѣзко.

— Панъ фонъ-Горнъ! слушайте, когда я съ вами говорю, — закричалъ Боровецкій раздраженно, сбрасывая съ гнѣвомъ на полъ большой альбомъ съ образцами. — Бухгольцъ принялъ васъ по моей рекомендаціи. я знаю вашу семью, я желаю вамъ добра, но я вижу, что вы страдаете дѣтской демагогіей.

— Да, если вы такъ называете присущую людямъ отзывчивость...

— Вы меня компрометируете такими совѣтами, которые даете всякому, кто имѣетъ какую-либо претензію къ фабрикѣ. Вамъ слѣдовало сдѣлаться адвокатомъ, тогда вы могли бы опекать всѣхъ несчастныхъ и обиженныхъ, — разумѣется за хорошую плату, — добавилъ онъ насмѣшливо, такъ какъ его сердитое настроеніе прошло подъ взглядомъ добрыхъ глазъ Горна, пристально смотрѣвшаго на него. — Впрочемъ, оставимъ это въ покоѣ. Пробудете подольше въ Лодзи, разберетесь въ отношеніяхъ, узнаете ближе

этихъ угнетенныхъ и тогда поймете, какъ надо поступать. А когда къ вамъ перейдетъ дѣло послѣ отца, то вы убѣдитесь, что я былъ совершенно правъ.

— Нѣтъ, въ Лодзи я дольше не выдержу и дѣла послѣ отца я не возьму на себя.

— Что жъ вы хотите дѣлать?—воскликнулъ онъ удивленно.

— Я еще не знаю. Признаюсь вамъ откровенно,— хотя вы такъ рѣзко, очень рѣзко говорили со мной, (но это пустяки, такъ какъ понимаю, что вы, какъ директоръ такой большой печатни, не могли говорить иначе...)

— Значитъ, вы уходите отъ насъ? Я понялъ только это, но почему?

— Потому что больше не могу выдержать этого подлаго лодзинскаго хамства. Вы, какъ человѣкъ извѣстнаго круга, вѣроятно, поймете меня. Я всей душой ненавижу фабрики и этихъ Бухгольцовъ, Розенштейновъ, Эптовъ, всю эту безчестную промышленную шайку,—сказалъ онъ взволнованно.

— Ха-ха-ха, вы—великодушный Донъ-Кихотъ,—смѣялся отъ души Боровецкій.

— Тогда я ничего больше не скажу,—сказалъ Горнъ, сильно задѣтый.

— Какъ хотите, говорить меньше глупостей — всегда хорошо.

— До свиданья.

— Прощайте. Ха-ха-ха, у васъ актерскія способности!

— Панъ Боровецкій,—началъ онъ почти со слезами на глазахъ, останавливаясь и желая что-то сказать.

— Что?

Горнъ наклонилъ голову и вышелъ.

— Совершеннѣйшій дуракъ, — прошепталъ Боровецкій и также вышелъ изъ сушильни.

Громадные четырехугольные ящики, наполненные раскаленнымъ и сухимъ воздухомъ, гремѣли, какъ отдаленные громы, извергали безконечную полосу цвѣтной матеріи, сухой и жесткой. На низкихъ столахъ, на полу, на вагонеткахъ, которыя медленно передвигались, лежали цѣлыя кучи матеріи, — и въ этомъ сухомъ, прозрачномъ воздухѣ залы, стѣны которой были почти изъ одного стекла, — онѣ горѣли затемненными цвѣтами стараго золота, пурпура, съ фіолетовымъ оттѣнкомъ, морской синевы, блеклымъ смарагдомъ, — словно груды металлическихъ листовъ съ матовымъ, мертвымъ блескомъ.

Рабочіе въ однѣхъ рубахахъ, босые, съ сѣрыми лицами, съ погасшими глазами, словно выжженными этой оргіей красокъ, медленно и автоматично двигались, были только дополненіемъ машинъ.

Иногда кто-нибудь смотрѣлъ черезъ окна на свѣтъ, на Лодзь, которая съ этой высоты четвертаго этажа виднѣлась въ туманѣ и дымѣ, съ тысячами трубъ, крышъ, домовъ, оголенными деревьями, — или съ другой стороны: на поля, идущія въ глубь горизонта, на сѣровато-бѣлыя, грязныя, покрытыя весенними разливами пространства съ виднѣющимися кое-гдѣ красными громадами фабрикъ, которыя издали краснѣли среди мглы болѣзненнымъ тономъ мяса подъ ободранной шкурой; на далекія маленькія деревни, робко прижав-

шіяся къ землѣ, на дороги, вьющіяся среди тополей черными, грязными лентами.

Машины непрерывно гудѣли, свистѣли подъ потолкомъ передаточные ремни, передававшіе движеніе въ другія залы,—все двигалось въ томъ же однообразномъ ритмѣ, съ которымъ стучали громадные металлическіе ящики сушиленъ, получавшія мокрый матеріалъ изъ печатни и выплевывавшія его сухимъ. Онѣ стояли въ этой обширной четырехугольной залѣ, полной печальныхъ красокъ и печальнаго свѣта мартовскаго дня, печальныхъ людей, словно алтари Бога-Силы, всесильнаго Владыки.

Боровецкій чувствовалъ себя разстроеннымъ и разсѣянно осматривалъ товаръ, не пересушенъ и не подпаленъ ли онъ.

«Глупый мальчикъ», думалъ онъ о Горнѣ и моментами вспоминалъ молодое, благородное лицо съ голубыми глазами, смотрѣвшими на него съ какой-то молчаливой грустью разочарованія и упрека. Онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то неясное безпокойство. Ему приходили въ голову нѣкоторыя слова Горна, когда онъ смотрѣлъ на эти толпы людей, работавшихъ въ молчаніи.

«Такимъ и я былъ», улетѣлъ онъ мыслью къ прежнимъ, давнишнимъ временамъ, но не далъ воспоминаніямъ увлечь себя въ ихъ раздирающіе когти,—насмѣшливая улыбка пробѣжала у него по губамъ, глаза смотрѣли холодно и осторожно.

«Это прошло! прошло!» думалъ онъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ пустоты, какъ будто ему было жаль прежняго времени, жаль всѣхъ невозвратныхъ

иллюзій, благородныхъ порывовъ, заглушенныхъ жизнью, — но это длилось недолго, онъ снова овладѣлъ собой; онъ становился тѣмъ, чѣмъ былъ—директоромъ печатни Германа Бухгольца, химикомъ, холоднымъ человѣкомъ, разсудительнымъ, хладнокровнымъ, готовымъ на все, настоящимъ Lodzermensch'емъ, какъ его назвалъ Морицъ.

Въ такомъ настроеніи онъ проходилъ апретурную, когда одинъ изъ рабочихъ заступилъ ему дорогу.

— Что такое? — спросилъ онъ коротко, не задерживаясь.

— Нашъ мастеръ, панъ Пуфке, объявилъ, что съ перваго апрѣля пятнадцатью рабочими будетъ меньше.

— Да! Мы поставимъ новыя машины, требующія меньше людей, чѣмъ старыя.

Рабочій мялъ въ рукахъ фуражку, не рѣшаясь и не зная, что сказать, но поощряемый взглядами, блестѣвшими изъ-за машинъ, изъ-за кучъ матерій, спросилъ, слѣдуя за нимъ:

— А мы что будемъ дѣлать?

— Гдѣ-нибудь поищите себѣ работу. Останутся только тѣ, что давно у насъ работаютъ.

— Да и мы уже три года работаемъ.

— Что жъ я могу сдѣлать, если машина не требуетъ больше, она доработаетъ сама. Впрочемъ, до перваго числа можетъ быть еще что-нибудь измѣнится, если увеличимъ бѣлильню, — отвѣтилъ онъ спокойно и вошелъ въ подъемную машину, опустившуюся вмѣстѣ съ нимъ въ глубь стѣны.

Рабочіе посмотрѣли другъ на друга въ молчаніи; безпокойство свѣтилось въ ихъ глазахъ, безпокойство

передъ завтрашнимъ днемъ безъ работы, предъ нищетою.

— Стервы, не машины. Собаки, волчья сыть! — шепталъ рабочій и ударилъ съ ненавистью въ бокъ какой-то машины ногой.

— Товаръ падаетъ на землю, — крикнулъ мастеръ.

Парень быстро одѣлъ шапку и, немного согнувшись, со спокойствіемъ автомата началъ принимать изъ машины красную бумазею.

III.

Ресторанъ гостиницы «Викторія» былъ переполненъ. Большія низкія комнаты съ темными стѣнами и желтыми потолками, поддѣланными подъ дерево, были наполнены крикливымъ говоромъ.

Входная дверь поминутно звенѣла своими мѣдными прутьями, защищавшими стекла, поминутно кто-нибудь входилъ и терялся въ дымчатой мглѣ и въ толпѣ людей, переполнявшихъ ресторанъ; электрическія лампы судорожно вздрагивали, иногда гасли, а газовые рожки, тоже горѣвшіе въ залѣ, бросали мутный свѣтъ на сбившуюся около многочисленныхъ столиковъ массу людей и на бѣлыя скатерти.

— Кельнеръ! Bitte zahlen!

— Пива!

— Кельнеръ! Bier!..

Перекрещивались эти крики съ глухимъ стукомъ кружекъ.

Лакеи въ засаленныхъ фракахъ, съ салфетками, по-

хожими на тряпки, двигались по всѣмъ направленіямъ, мелькая грязными манишками надъ головами пившихъ.

Шумъ увеличивали вновь появлявшіеся люди.

— Lodser Zeitung! Ежедневный Курьеръ! — бросали мальчишки, пробиравшіеся между столовъ.

— Щегленокъ, дай-ка Lodser, — позвалъ Морицъ, сидѣвшій въ буфетѣ у окна вмѣстѣ съ нѣсколькими актерами, вѣчно торчавшими въ ресторанѣ. — Знаете, что сдѣлалъ вчера нашъ фруктъ, vel директоръ!

— Скажи, сверхфруктъ, — шепнулъ какой-то сгорбленный, старый актеръ.

— Дуракъ, — отвѣтилъ ему на ухо Морицъ такимъ же таинственнымъ шопотомъ. — Такъ вотъ, нашъ сверхфруктъ вчера во второмъ антрактѣ пошелъ за кулисы, и какъ только Нюся пришла со сцены, сказалъ: «вы такъ великолѣпно играли, что, какъ только цвѣты будутъ немного дешевле, я куплю вамъ букетъ, хотя бы пришлось заплатить цѣлыхъ пять рублей».

— Что онъ сказалъ? — спросилъ старый актеръ, нагибаясь къ уху сосѣда.

— Онъ просилъ васъ убираться къ чорту!

Всѣ разсмѣялись.

— Панъ Вельтъ, панъ Маврикій, что вы имѣете противъ системы «цвей-коньякъ».

— Панъ Бумъ-Бумъ, я за систему выбрасыванія васъ за двери.

— Я хотѣлъ велѣть подать...

— Вы лучше велите себѣ попаясничать!

— Зачѣмъ, когда вы уже меня замѣняете. Панна Анн, коньячку, — попросилъ онъ, поправляя пенснэ и ударяя по кулаку ладонью открытой правой руки.

— Вашъ предокъ, панъ Маврикій, былъ лучше воспитанъ, — снова началъ Бумъ-Бумъ, стоя посреди комнаты съ кускомъ колбасы на вилкѣ.

— О вашемъ я этого не могу сказать.

— Warum?—бросилъ кто-то съ сосѣдняго столика.

— Потому что, его совсѣмъ не было.

— Нѣтъ, не потому, а потому, что онъ не былъ любезенъ съ арендаторами своихъ коровъ. Вельтъ знаетъ это по своимъ семейнымъ традиціямъ.

— Давно забракованная острота, на пятьдесятъ процентовъ ниже стоимости. Господа, продается Бумъ-Бумъ съ публичнаго торга. Сколько даете? — выкрикивалъ злобно Морицъ.

— Что онъ говоритъ? — снова спросилъ шопотомъ старый актеръ, кивая въ то же время гарсону.

— Что ты глупъ! — такъ же отвѣтилъ ему сосѣдъ.

— Сколько даете за Бумъ-Бумъ? Господа, Бумъ-Бумъ продается! Онъ старъ, некрасивъ, глупъ, разваливается, но дешево продается, — выкрикивалъ онъ и замолкъ, такъ какъ Бумъ-Бумъ всталъ и посмотрѣлъ на него, а немного погодя сказалъ коротко:

— Пархъ! Панна Ани, коньячку!

Морицъ шумно стучалъ кружкой, громко смѣялся, никто не поддержалъ его.

Бумъ-Бумъ выпилъ и, опустивъ квадратное лицо, цвѣта окровавленнаго свиного сала, съ выпуклыми блѣдно-голубыми глазами, прикрытыми пенснэ на очень широкой ленточкѣ, съ гривкой жидкихъ волосъ, прилипшихъ къ высокому квадратному лбу, съ сморщенной, помятой и шершавой кожей, съ наклоненной впередъ фигурой стараго развратника, — ходилъ по всему

ресторану, волоча вздрагивавшія ноги табэтика, подходилъ къ разнымъ группамъ, болталъ, острилъ и смѣялся громче всѣхъ надъ своими остротами, или разносилъ отрывки слышанныхъ имъ исторій, повторялъ ихъ съ наслажденіемъ, поправлялъ обѣими руками пенснэ, здоровался почти со всѣми входившими или порывался здороваться, подходилъ къ буфету и часто слышался его хриплый, дребезжащій голосъ.

— Панна Ани, коньячку, — и онъ ударялъ ладонью по сжатой рукѣ.

Морицъ, пробѣгая глазами Zeitung, нетерпѣливо поглядывалъ на дверь. Онъ ждалъ Боровецкаго. Наконецъ всталъ, замѣтивши на другомъ концѣ комнаты знакомое лицо.

— Леонъ, ты когда пріѣхалъ?

— Сегодня утромъ.

— Какъ же у тебя прошелъ сезонъ? — спросилъ онъ, садясь около него на диванъ.

— Ве-ли-ко-лѣпно, — отвѣтилъ онъ, протягивая ноги на стулъ и разстегивая жилетъ.

— Я думалъ сегодня о тебѣ, а вчера мы даже говорили о тебѣ съ Боровецкимъ.

— Боровецкій! это отъ Бухгольца?

— Да.

— Онъ все печатаетъ свои матеріи. Я слышалъ, что онъ самъ хочетъ открыть фабрику.

— Поэтому мы собственно и говорили о тебѣ.

— А что, шерсть?

— Хлопокъ.

— Только?

— Еще кое-что, опредѣленно не рѣшено.

— Деньги есть?

— Будутъ, а сейчасъ кое-что получше — кредитъ...

— Въ компаніи съ тобой?

— И съ Баумомъ, знаешь Макса?

— О, въ этомъ векселѣ есть «feller», одинъ поручитель ненадежный! Боровецкій, — прибавилъ онъ черезъ минуту.

— Почему?

— Полячокъ, — бросилъ Леонъ довольно презрительно и почти разлегся на диванѣ и на стулѣ. Морицъ весело разсмѣялся.

— Ну, ты его совсѣмъ не знаешь. О немъ много будутъ говорить въ Лодзи. Я вѣрю въ него, какъ въ самого себя, онъ сдѣлаетъ большія дѣла.

— А Баумъ что такое?

— Баумъ — волъ, ему надо дать выспаться и наболтаться, а потомъ дать работу, и онъ будетъ какъ волъ работать, а впрочемъ онъ не такъ ужъ глупъ. Ты могъ бы намъ очень помочь и самъ бы много заработалъ. Намъ ужъ обѣщалъ Кронгольдъ.

— Идите къ Кронгольду, это большая персона, онъ знакомъ со всѣми балаганами, которые покупаютъ товару на сто рублей въ годъ; это знаменитый коммивояжеръ на Кутно, на Скерневицы. Дѣлайте съ нимъ дѣло, — я не навязываюсь! У меня есть что продавать. У меня съ собой письмо Бухгольца, онъ хочетъ мнѣ довѣрить агентуру своихъ товаровъ по всему востоку, а какія условія онъ мнѣ предлагаетъ? — И онъ началъ торопливо разстегиваться и искать по всѣмъ карманамъ это письмо.

— Я знаю объ этомъ, не ищи. Боровецкій мнѣ вче-

ра говорилъ; это онъ посовѣтовалъ Бухгольцу взять тебя.

— Боровецкій! Правда? Почему?

— Потому что онъ уменъ и думаетъ о будущемъ.

— И это дѣлается такъ себѣ? Вѣдь на этомъ дѣлѣ онъ могъ бы много заработать. Я самъ бы далъ ему двадцать тысячъ bares Geld,- вотъ ей-ей! Что ему за дѣло? Мы вѣдь почти не знакомы.

— Что ему за дѣло до этого, онъ тебѣ самъ скажетъ, но только я тебѣ скажу, наличными онъ не возьметъ.

— Шляхтичъ! — прошепталъ Леонъ съ насмѣшливымъ сожалѣньемъ и плюнулъ на средину комнаты.

— Нѣтъ, онъ только умнѣйшій изъ умнѣйшихъ коммивояжеровъ и агентовъ «на весь востокъ», — отвѣчалъ Морицъ, звоня ножомъ по кружкѣ. — На много ты продалъ?

— На нѣсколько десятковъ тысячъ, нѣсколько тысячъ наличными, а остальное—вѣрными векселями,— на четыре мѣсяца съ поручительствомъ Сафонова. Шелковое дѣло, — и онъ отъ удовольствія ударилъ Морица по колѣну. — И для тебя есть заказъ. Видишь, что значитъ дружба.

— На сколько?

— На три тысячи рублей.

— Длинный или короткій товары?

— Короткій.

— Вексель или nachnahme?

— Nachnahme. Сейчасъ тебѣ дамъ заказъ. — И онъ началъ искать въ большомъ бумажникѣ, запиравшемся на ключъ.

— Что тебѣ за это дать?

— Если наличными, то одинъ процентъ, по-пріятельски.

— Наличныя сейчасъ мнѣ страшно нужны, есть платежи, но въ продолженіе недѣли заплачу.

— Хорошо. Вотъ заказъ. Знаешь, въ Бѣлостокѣ я встрѣтилъ Лущевскаго, мы вмѣстѣ пріѣхали въ Лодзь.

— Куда этотъ графъ ѣдетъ?

— Онъ пріѣхалъ въ Лодзь затѣять какое-нибудь дѣло.

— Онъ? Видно, у него много лишняго; надо будетъ съ нимъ повидаться.

— Ничего у него нѣтъ, пріѣхалъ сюда наживаться.

— Какъ, ничего нѣтъ, когда мы еще изъ Риги ѣздили цѣлыми толпами въ его имѣнія. Это былъ большой баринъ! Неужели ничего не осталось?

— Осталось! Немного резиновыхъ шинъ на калоши! Ха, ха, ха! Вотъ это witz, — и онъ хлопнулъ его по колѣну.

— Что же онъ сдѣлалъ съ имѣніемъ? Его оцѣнивали минимумъ въ двѣсти тысячъ.

— А теперь онъ считаетъ самъ, что у него сто тысячъ долгу, а вѣдь это скромный человѣкъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Выпьешь?

— Не лишнее передъ театромъ.

— Кельнеръ, коньяку, икры, бифштексъ по-татарски, настоящаго портеру! живо!

— Бумъ-Бумъ, идите-ка къ намъ! — крикнулъ Леонъ.

— Какъ поживаете, какъ здоровьице, какъ дѣлишки, — выкрикивалъ тотъ, пожимая ему руку.

— Благодарю, очень хорошо. А я привезъ вамъ кой-что изъ Одессы, — онъ вынулъ изъ бумажника порнографическій рисунокъ и подалъ. Бумъ-Бумъ поправилъ обѣими руками пенснэ, взялъ рисунокъ и съ наслажденіемъ погрузился въ него. Покраснѣлъ, чмокалъ языкомъ, облизывалъ отвисшія синія губы, весь дрожалъ отъ удовольствія.

— Чудесно, чудесно. Необыкновенно!—восторгался онъ и потащился показывать всѣмъ рисунокъ.

— Свинья, — проворчалъ недовольно Морицъ.

— Онъ любитъ хорошія вещи и знатокъ...

— Опять съ нѣмъ-нибудь познакомился? — спросилъ онъ съ ироніей.

— Подожди!.. — щелкнулъ тотъ пальцами и, хлопнувъ Морица по колѣну, улыбаясь, вынулъ изъ бумажника со счетами и записками фотографію женщины.

— Что? Хороша машинка? — говорилъ онъ совершенно довольный, прищуривая глаза.

— Да.

— Не правда ли? Я такъ и думалъ, что она тебѣ понравится.

— Это француженка, а!

— Похожа на голландку, только изъ коровьей породы.

— Безъ разговора. Это дорогая штучка, не меньше сотни за пустякъ.

— Я далъ бы пять, чтобы вышвырнуть ее за дверь.

— Ты всегда... ну, ужъ не скажу.

— А у тебя коммивояжерскій вкусъ. Откуда это животное, гдѣ ты съ нимъ познакомился?

— Въ Нижнемъ покутилъ я немножечко съ купца-

ми, а потомъ они говорятъ: «пойдемъ, панъ Левъ, въ cafée concert!» Пошли. Ну, водка, коньякъ, шампанское чуть не изъ бочки, потомъ слушали пѣніе, она пѣвица и...

— Погоди, я сію минуту! — прервалъ его Морицъ, вскочилъ и подошелъ къ толстому нѣмцу, который, войдя въ ресторанъ, оглядывалъ залу.

— Gut Morgen, панъ Мюллеръ!

— Morgen! какъ поживаете... — отвѣтилъ тотъ небрежно, продолжая оглядываться.

— Вы кого-нибудь ищете? можетъ быть, я могу вамъ помочь, — навязчиво приставалъ Морицъ.

— Я ищу пана Боровецкаго, только за этимъ и пришелъ сюда.

— Онъ сейчасъ здѣсь будетъ, я самъ жду именно его. Можетъ быть присядете къ намъ. Мой коллега, Леонъ Конъ, — представлялъ онъ.

— Мюллеръ! — бросилъ тотъ съ оттѣнкомъ и присѣлъ.

— Кто жъ этого не знаетъ! Каждый ребенокъ въ Лодзи знаетъ это имя, — быстро проговорилъ Леонъ, торопливо застегиваясь и освобождая мѣсто на диванѣ.

Мюллеръ снисходительно улыбнулся и смотрѣлъ на двери, въ которыя входилъ Боровецкій съ компаніей; тотъ, увидѣвъ Мюллера, оставилъ компанію у двери и со шляпою въ рукахъ подходилъ къ этому хлопчатобумажному корольку, съ приходомъ котораго стало тише въ ресторанѣ; всѣ смотрѣли на него съ ненавистью, завистью или гордостью.

— Я почти ждалъ васъ, — началъ Мюллеръ. — У меня къ вамъ дѣло.

Онъ кивнулъ головой Морицу и Леону, улыбнулся остальнымъ, обнялъ Боровецкаго за талію и повелъ его изъ ресторана.

— Я телефонировалъ на фабрику, но мнѣ отвѣтили, что вы сегодня ушли раньше.

— Очень сожалѣю объ этомъ, — сказалъ Боровецкій предупредительно.

— Я даже писалъ вамъ, самъ писалъ, — проговорилъ онъ съ удареніемъ и большою значительностью, хотя въ городѣ хорошо было извѣстно, что онъ едва могъ подписываться.

— Я не получилъ письма, потому что совсѣмъ не заходилъ домой.

— Я писалъ о томъ, о чемъ когда-то уже говорилъ съ вами. Я простой человѣкъ, панъ фонъ Боровецкій, и скажу вамъ еще разъ прямо: дамъ вамъ еще тысячу рублей, переходите ко мнѣ.

— Бухгольцъ прибавилъ бы мнѣ двѣ тысячи, лишь бы я остался, — проговорилъ тотъ холодно.

— Я дамъ вамъ три, ну, четыре! слышите, на четыре тысячи больше, — всего четырнадцать тысячъ въ годъ, это красивая сумма!

— Очень вамъ благодаренъ, но не могу принять такого великолѣпнаго предложенія.

— Остаетесь у Бухгольца? — спросилъ Мюллеръ быстро.

— Нѣтъ, скажу откровенно, почему я не принимаю вашего предложенія и не остаюсь въ фирмѣ, — я самъ открываю фабрику.

Мюллеръ остановился, отступилъ назадъ, посмотрѣлъ и тихо, какъ бы съ почтеніемъ, спросилъ:

— Хлопчатая бумага?

— Не скажу ничего, кромѣ того, что не сдѣлаю вамъ никакой конкуренціи.

— Мнѣ наплевать на всякую конкуренцію, — воскликнулъ Мюллеръ, ударяя себя по карману. — Что вы можете мнѣ сдѣлать, что можетъ кто-нибудь мнѣ сдѣлать? Кто можетъ бороться съ милліонами?

Боровецкій ничего не отвѣчалъ, только улыбнулся, смотря куда-то.

— Какой это будетъ товаръ? — началъ Мюллеръ, снова обнимая его, по нѣмецкому обычаю, за талію.

Они прохаживались такъ по асфальтовой, протоптанной дорожкѣ, шедшей черезъ дворъ гостиницы къ зданію театра, стоявшаго въ глубинѣ и освѣщеннаго большимъ электрическимъ фонаремъ.

Толпы людей шли въ театръ.

Карета за каретой подъѣзжали къ воротамъ гостиницы, выбрасывая тяжелыхъ, большей частью откормленныхъ мужчинъ и разряженныхъ женщинъ, которыя, закутавшись, шли подъ зонтами по этой скользкой отъ сырости дорожкѣ; дождь уже прошелъ, но густой, липкій туманъ спускался на землю.

— Вы мнѣ нравитесь, панъ фонъ - Боровецкій, — говорилъ Мюллеръ, не дождавшись отвѣта, — такъ мнѣ нравитесь, что какъ только вы провалитесь, то найдете у меня мѣсто въ нѣсколько тысячъ рублей.

— Теперь вы бы дали мнѣ больше?

— Ну, теперь вы больше стоите.

— Спасибо за откровенность, — улыбнулся Боровецкій иронически.

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть, я говорю то, что думаю,—оправдывался тотъ горячо, замѣтивъ эту улыбку.

— Вѣрю. Если со мной случится крахъ, то только для того, чтобы это не повторилось въ другой разъ.

— Вы — голова, панъ Боровецкій, вы мнѣ страшно нравитесь. Мы вмѣстѣ могли бы дѣлать хорошія дѣла.

— Ничего не подѣлаешь, приходится ихъ дѣлать каждому отдѣльно, — засмѣялся онъ, низко кланяясь какимъ-то проходившимъ дамамъ.

— Красивыя женщины эти польки, но моя Мада тоже хороша.

— Очень хороша, — подтвердилъ онъ серьезно, поднимая на него глаза.

— У меня есть одинъ проектъ! я вамъ когда-нибудь его скажу, — говорилъ Мюллеръ таинственно, — у васъ есть мѣсто въ театрѣ?

— Есть кресло, мнѣ прислали билетъ еще двѣ недѣли тому назадъ.

— Насъ только трое въ ложѣ.

— Вы и дамы?

— Онѣ уже въ театрѣ, а я нарочно остался, чтобы повидаться съ вами, но всѣ мои планы рухнули. До свиданья, вы зайдете въ ложу?

— Навѣрное. Сочту это пріятной обязанностью.

Мюллеръ исчезъ въ дверяхъ театра, а Боровецкій вернулся въ ресторанъ. Онъ не засталъ уже Морица, приказавшаго гарсону передать, что будетъ ждать его въ театрѣ.

Въ буфетѣ, куда онъ зашелъ выпить водки, такъ какъ чувствовалъ себя странно возбужденнымъ, не было почти никого, кромѣ Бумъ-Бума, который дремалъ въ

углу, закрывшись газетой.

— Бумъ, вы не идете въ театръ?

— Зачѣмъ смотрѣть на хлопокъ, вѣдь я ихъ всѣхъ знаю. Вы идете?

— Да, сейчасъ.

Онъ нашелъ свое мѣсто въ первомъ ряду подлѣ Морица и Леона, который усиленно раскланивался, смотря въ бинокль на какихъ-то блондинокъ, сидѣвшихъ въ первомъ ярусѣ.

— Первый сортъ—красавица, моя блондинка. Посмотри, Морицъ.

— Ты хорошо знакомъ съ нею?

— Очень близко, ха, ха, ха! Познакомь меня съ Боровецкимъ.

Морицъ сейчасъ же познакомилъ ихъ.

Леонъ хотѣлъ что-то сказать и уже хлопнулъ Морица по колѣну, но Боровецкій всталъ и, повернувшись лицомъ къ залѣ, переполненной сверху донизу лучшимъ, какое только было въ Лодзи, обществомъ, внимательно оглядывался, поминутно кланяясь съ необыкновеннымъ достоинствомъ сидѣвшимъ въ ложахъ и креслахъ.

Онъ стоялъ спокойно подъ огнемъ биноклей и взглядовъ, направленныхъ на него со всѣхъ сторонъ театра, шумѣвшаго какъ свѣже-осаженный рой.

Его высокая, сильная, стройная фигура вырисовывалась изящнымъ силуэтомъ.

Прекрасное лицо типичнаго и тонкаго рисунка, украшенное красивыми тщательно выхоленными усами, ротъ съ сильно выдающейся нижней губой, нѣкоторая не-

брежность въ движеніяхъ и взглядѣ, придавали ему видъ джентльмена.

Никто не могъ бы, судя по его изящной внѣшности, угадать, что передъ нимъ человѣкъ, несравненный въ своей спеціальности фабричнаго химика и колориста, человѣкъ, изъ-за котораго велась война между хлопчато-бумажными фабрикантами, чтобы отвоевать его себѣ; человѣкъ, который совершалъ цѣлые перевороты въ фабричномъ дѣлѣ.

Сѣрые съ синимъ оттѣнкомъ глаза, тонкое лицо, съ почти черными бровями, рѣзко высѣченный лобъ придавали ему какой-то хищный видъ.

Въ немъ чувствовалась сила воли и непоколебимость.

Надменно смотрѣлъ онъ на театръ, залитый свѣтомъ, и на это пестрое, сверкавшее брилліантами общество.

Ложи походили на жардиньерки, увитыя вишневымъ бархатомъ, на фонѣ котораго виднѣлись, какъ цвѣты, нарядныя женщины въ дорогихъ каменьяхъ.

— Карлъ, сколько сегодня милліоновъ въ театрѣ, — спросилъ тихо Морицъ.

— Больше двухсотъ, — такъ же тихо отвѣтилъ тотъ, медленно оглядывая знакомыя лица милліонеровъ.

— Тутъ въ самомъ дѣлѣ пахнетъ милліонами,—вставилъ Леонъ, втягивая въ себѣ воздухъ, насыщенный запахомъ духовъ, свѣжихъ цвѣтовъ и грязи, принесенной съ улицы.

— Прежде всего лукомъ и картофелемъ, — прошепталъ брезгливо Боровецкій, кланяясь съ милой улыбкой въ одну изъ ложъ партета, подлѣ сцены, красавицѣ-

еврейкѣ въ черномъ шелковомъ платьѣ съ декольте, открывавшимъ ея ослѣпительно бѣлыя, прекрасныя, выточенныя плечи и шею съ нитью брилліантовъ. Брилліанты сверкали надъ висками, въ гребняхъ, воткнутыхъ въ черные пышные волосы, причесанные въ стилѣ имперіи, брилліанты громадной величины искрились въ ушахъ, брилліанты были и на корсажѣ въ аграфѣ, застегивавшемъ лифъ, блестѣли въ браслетахъ на рукахъ, затянутыхъ въ черныя перчатки. Большіе, продолговатые, синіе глаза, какъ великолѣпные сапфиры, ярко горѣли. Лицо ея было горячаго желтоватаго тона, слегка окрашеннаго карминомъ, рѣзко очерченное, носъ тонкій и прямой, и довольно большія губы.

Она упорно смотрѣла на Боровецкаго, не обращая вниманія на то, что всѣ бинокли были направлены на нее, временами она незамѣтно взглядывала на сидѣвшаго въ глубинѣ ложи мужа - старика сильно выраженнаго семитическаго типа, сидѣвшаго съ опущенной на грудь головой и погруженнаго въ размышленія; иногда очнувшись онъ бросалъ изъ-подъ золотыхъ очковъ проницательные взгляды въ залу, обдергивалъ на выдающемся животѣ жилетку и тихо шепталъ женѣ:

— Зачѣмъ ты такъ высовываешься?

Она дѣлала видъ, что не слышитъ, и продолжала осматривать ложи и кресла, заполненныя публикой, по большей части семитическаго и германскаго типа, или смотрѣла на Боровецкаго; временами онъ чувствовалъ эти взгляды, поворачивался къ ней лицомъ, холодный и равнодушный по внѣшности.

— Хорошая бабенка, эта Цукерова, — шепталъ

Леонъ Боровецкому, желая начать разговоръ, чтобы узнать подробности о своей агентурѣ.

— Вы думаете?..—холодно спросилъ Боровецкій.

— Вѣдь я же вижу. Посмотрите на ея бюстъ, я это больше всего люблю въ женщинѣ, а у нея бюстъ первосортнаго бархата, ха, ха, ха.

— Чего ты смѣешься?—спросилъ съ любопытствомъ Морицъ.

— Я сказалъ хорошій «witz», — онъ повторилъ со смѣхомъ Морицу свою остроту.

Они замолкли, такъ какъ занавѣсъ поднялся, всѣ взгляды устремились на сцену, только Цукерова смотрѣла изъ-за вѣера на Карла, который, казалось, не замѣчалъ этого, что, видимо, ее раздражало; она нѣсколько разъ закрывала свой вѣеръ и съ неудовольствіемъ ударяла имъ по барьеру.

Онъ незамѣтно улыбался, взглядывая на нее иногда мимолетно, продолжалъ смотрѣть съ большимъ вниманіемъ на сцену, гдѣ любители и любительницы пародировали настоящихъ актеровъ и искусство.

Это былъ благотворительный спектакль изъ двухъ водевилей, пѣнія, игры на скрипкѣ, фортепіано и заключительныхъ живыхъ картинъ.

Въ антрактѣ Боровецкій всталъ, чтобы зайти въ ложу Мюллера, но Конъ остановилъ его.

— Панъ Боровецкій, я хотѣлъ съ вами поговорить.

— Можетъ быть послѣ театра, какъ видите сейчасъ у меня нѣтъ времени, — шепнулъ тотъ и ушелъ.

— Большой баринъ, теперь у него нѣтъ времени!

— Онъ правъ, здѣсь совсѣмъ не мѣсто для дѣлъ.

— Морицъ, ты совсѣмъ поглупѣлъ. Что за вздоръ?

Для дѣлъ вездѣ мѣсто, только этотъ фонъ-Боровецкій, этотъ великій князь отъ Бухгольца и К°, такая важная персона...

Между тѣмъ Боровецкій вошелъ въ ложу Мюллера. Старикъ вышелъ, чтобы освободить ему мѣсто, такъ какъ тамъ уже сидѣлъ четвертый, какой-то низкій толстый нѣмецъ. Онъ поздоровался съ матерью, дремавшей въ глубинѣ ложи, и съ дочерью, которая привстала при его появленіи.

— Штэрхъ.

— Боровецкій,—представились они и пожали другъ другу руки.

Карлъ сѣлъ.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Отлично, великолѣпно!—воскликнула она, и ея круглое розовое лицо, похожее на свѣже вымытую редиску, загорѣлось сильнымъ румянцемъ, еще больше подчеркнутымъ ея свѣтло-зеленымъ платьемъ.

Она поднесла платокъ къ лицу, чтобы скрыть этотъ румянецъ, котораго она стыдилась. Мать набросила ей на плечи великолѣпный кружевной шарфъ, такъ какъ отъ открытыхъ дверей сквозило, и продолжала дремать.

— А вы?—немного погодя спросила дочь, поднимая на него синіе, словно фарфоровые глаза со свѣтлыми золотистыми рѣсницами, похожая въ эту минуту, съ полуоткрытыми блѣдными губами ребенка и поднятымъ личикомъ, на свѣже испеченную булку.

— Отвѣчу тѣмъ же: отлично, великолѣпно, или: великолѣпно, отлично.

— Хорошо играютъ, не правда ли?

— Да, по-любительски. Я думалъ, что вы примете участіе въ спектатклѣ.

— Я очень хотѣла, не меня никто не пригласилъ,— сказала она чистосердечно, съ большой горечью.

— Васъ хотѣли пригласить, но не рѣшились, боясь отказа, впрочемъ доступъ въ вашъ домъ такъ же труденъ, какъ въ королевскій дворецъ.

— Я говорилъ то же самое панnѣ Мадѣ, — вставилъ Штэрхъ.

— Это вы виноваты, вѣдь вы бываете у насъ, надо было мнѣ сказать.

— Некогда было и забылъ, — объяснилъ онъ просто.

Наступило молчаніе.

Штэрхъ откашливался, нагибаясь уже, чтобы начать разговоръ, но не рѣшился, видя, какимъ тоскливымъ взглядомъ окидывалъ Боровецкій театръ. А Мада была совсѣмъ смущена, ей хотѣлось много сказать, но теперь, когда Боровецкій сидѣлъ подлѣ нея, когда всѣ ложи съ особымъ любопытствомъ лорнировали ихъ, она не знала, что сказать, и наконецъ спросила:

— Вы переходите къ намъ?

— Къ сожалѣнію, я долженъ былъ отказать вашему отцу.

— А папа такъ разсчитывалъ на васъ.

— Мнѣ самому очень жаль.

— Я думала, что въ четвергъ вы будете у насъ, — у меня есть къ вамъ прссьба.

— Можетъ быть, сейчасъ можно ее узнать?

Онъ къ ней нагнулся, посматривая на ложу Цукеровъ.

Люси усиленно обмахивалась вѣеромъ и повидимому бранилась за нимъ съ мужемъ, который то и дѣло обдергивалъ на животѣ жилетъ и выпрямлялся на стулѣ.

— Я хотѣла васъ просить указать мнѣ какія-нибудь польскія книги для чтенія. Я говорила уже объ этомъ съ папой, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что я глупа и должна заниматься домомъ и хозяйствомъ.

— Ja, ja! Vater такъ и сказалъ, — прошепталъ Штэрхъ, нѣсколько отодвигаясь со стуломъ, когда Боровецкій недовольно взглянулъ на него.

— Зачѣмъ вамъ это? — спросилъ онъ довольно рѣзко.

— Потому что хочу, — отвѣтила она рѣшительно, — хочу и прошу дать мнѣ совѣтъ.

— Вѣдь у брата въ его новомъ дворцѣ должна быть и библіотека.

Она тихо и отъ души разсмѣялась

— Что вы видите смѣшливаго въ моемъ предположеніи.

— Но Вильгельмъ такъ не любилъ книгъ, что, когда-то разсердившись на меня, сжегъ всѣ мои книги, когда я была съ мамой въ городѣ.

— Ja, ja, Вильгельмъ не любилъ книгъ, онъ хорошій бушъ.—Боровецкій холодно взглянулъ на Штэрха и сказалъ:

— А если бы я захотѣла имѣть его сейчасъ же.

— Хорошо, я пришлю вамъ завтра списокъ.

— Пока я могу записать нѣсколько названій, а остальное завтра.

— Вы добрый парень, — сказала она весело, но, замѣтивъ, что губы его насмѣшливо дрогнули, покраснѣла, какъ піонъ.

Онъ написалъ на визитной карточкѣ, украшенной гербами, простился и вышелъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ стараго Шаю Мендельсона, настоящаго хлопчатнаго короля, котораго просто звали Шаей.

Это былъ высокій, худой еврей съ большой бѣлой бородой патріарха, одѣтый въ длинный сюртукъ до пятъ.

Шая всегда былъ тамъ, гдѣ предполагалъ встрѣтить Бухгольца, своего величайшаго конкурента въ хлопчато-бумажномъ царствѣ, крупнѣйшаго лодзинскаго фабриканта и притомъ его личнаго врага.

Онъ заступилъ дорогу Боровецкому, который, поднявъ шляпу, хотѣлъ пройти.

— Здравствуйте. Почему нѣтъ сегодня Германа?— спросилъ онъ ломанымъ польскимъ языкомъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ тотъ коротко, потому что не выносилъ Шаю, какъ и вся не еврейская Лодзь.

— Прощайте, — кинулъ Шая сухо и презрительно. Боровецкій ничего не отвѣтилъ и пошелъ въ одну изъ ложъ перваго яруса, въ которой былъ цѣлый букетъ женщинъ; между ними были Морицъ и Горнъ. Въ ложѣ было чрезвычайно весело и страшно тѣсно.

— Наша малютка мило играетъ, правда, панъ Боровецкій?

— Да, и я очень жалѣю, что не запасся букетомъ.

— У насъ есть, ей поднесутъ послѣ второй пьесы.

— Такъ какъ здѣсь тѣсно и весело и безъ меня, а у дамъ есть кавалеры, то я ухожу.

— Останьтесь съ нами, будетъ еще веселѣе, — просила его одна изъ женщинъ въ лиловомъ платьѣ съ лиловымъ лицомъ и съ лиловыми глазами.

— Веселѣй не будетъ, а тѣснѣй навѣрное, —сказалъ Морицъ.

— Выходи, сразу будетъ больше мѣста.

— Если бы я могъ пойти въ ложу къ Мюллеру, то ушелъ бы.

— Могу тебѣ помочь.

— Я ухожу, и сразу будетъ больше мѣста,—проговорилъ Горнъ, но замѣтивъ просящій взглядъ дѣвушки, сидѣвшей у барьера ложи, остался.

— Знаете, панна Марія, сколько стоитъ панна Мюллеръ? Пятьдесятъ тысячъ рублей въ годъ.

— Важная барышня! Я бы пошелъ на это дѣло, — прошепталъ Морицъ.

— Пододвиньтесь ближе, я вамъ что-то скажу, — шепнула Боровецкому лиловая дама, наклонивъ такъ низко голову, что ея темные пушистые волосы касались его виска. Она закрылась вѣеромъ и что-то долго шептала ему на ухо.

— Не секретничайте! — сказала старшая въ ложѣ, совсѣмъ въ стилѣ барокко, прекрасная лѣтъ сорока женщина съ ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица, съ совершенно сѣдыми, удивительно густыми волосами, черными глазами и бровями, съ величественной, импонирующей фигурой, господствующей надъ всей ложей.

— Пани Стефанія разсказывала мнѣ любопытныя вещи объ этой новой баронессѣ.

— Но она не повторила бы этого при всѣхъ, — прошептала женщина въ стилѣ барокко.

— Панна Магда Мюллеръ изволитъ насъ разсматривать въ бинокль, о!

— Она похожа сегодня на молоденькаго жирнаго ощипаннаго гуся, завернутаго въ зелень петрушки.

— Пани Стефанія хочетъ быть сегодня злой, — сказалъ Горнъ.

— А вотъ та, дочь Шаи, надѣла на себя цѣлый ювелирный магазинъ.

— У нея хватитъ на два ювелирныхъ магазина, — вставилъ Морицъ, смотря въ бинокль внизъ въ ложу Мендельсона, гдѣ сидѣла съ отцомъ его младшая дочь, необыкновенно роскошно одѣтая, съ какой-то другой дѣвушкой.

— Которая изъ нихъ хромая?

— Роза, слѣва, рыжая.

— Она была у меня вчера въ магазинѣ, все разбросала, ничего не купила и ушла, но зато у меня было время ее разглядѣть, она совсѣмъ не красива, — говорила пани Стефанія.

— Она прекрасна, она ангелъ, что — ангелъ, она четыре или пятнадцать ангеловъ, — выкрикивалъ Морицъ, передразнивая стараго Шаю.

— До свиданья. Пойдемъ, Морицъ, панъ Горнъ останется съ дамами.

— Можетъ быть, вы послѣ театра придете къ намъ пить чай? — просила всѣхъ лиловая и смотрѣла на Боровецкаго.

— Благодарю васъ, зайду завтра, сегодня не могу.

— Развѣ вы приглашены къ Мюллерамъ? — спросила она немного ядовито.

— Въ Grand Hôtel. Сегодня суббота, пріѣдетъ, какъ всегда, Куровскій, а мнѣ нужно съ нимъ переговорить объ очень важныхъ дѣлахъ.

— Переговорите съ нимъ въ театрѣ, вѣдь онъ, вѣрно, здѣсь.

— Онъ не бываетъ въ театрѣ, развѣ вы его не знаете?

Онъ поклонился и вышелъ, сопровождаемый страннымъ взглядомъ пани Стефаніи.

Дѣйствіе началось уже довольно давно, онъ прошелъ на свое мѣсто и сѣлъ, но не слушалъ, вокругъ о чемъ-то таинственно шептали.

Всѣхъ поразило, что во время представленія былъ вызванъ изъ ложи Кнолль, зять Бухгольца, одиноко сидѣвшій въ ложѣ, напротивъ Цукеровъ, и что за нимъ исчезъ незамѣтно изъ театра Гросликъ, груптѣйшій лодзинскій банкиръ.

Ему была подана телеграмма, съ которой онъ помчался къ Шаѣ.

Подробности эти, шопотомъ передаваемыя, какъ молнія облетѣли театръ и подняли какую-то темную, необъяснимую тревогу въ представителяхъ разныхъ фирмъ.

— Что случилось? — спрашивали всѣ, не получая отвѣта.

Женщины слушали пьесу, но большинство мужчинъ изъ ложи и партера съ безпокойствомъ посматривали на лодзинскихъ королей и корольковъ.

Мендельсонъ сидѣлъ сгорбившись, съ очками на

лбу, гладилъ по временамъ бороду великолѣпнымъ движеніемъ руки и, казалось, былъ совершенно погруженъ въ представленіе.

Кнолль, всемогущій Кнолль, зять и преемникъ Бухгольца, тоже внимательно слушалъ.

Мюллеръ, очевидно, ничего не зналъ, — онъ смѣялся во все горло остротамъ на сценѣ, смѣялся такъ искренне, что Мада иногда тихо шептала:

— Папа, такъ нельзя.

— Я заплатилъ и могу веселиться, — отвѣчалъ онъ ей и на самомъ дѣлѣ искренно веселился.

Цукеръ исчезъ, въ ложѣ сидѣла одна Люси и снова смотрѣла на Боровецкаго.

Менѣе крупные владѣльцы и представители такихъ фирмъ, какъ Энде-Гришпанъ, Волькманъ, Баувецель-Фитце, Биберштейнъ, Пинчовскій, Прусакъ, Стоевскій — все безпокойнѣе вертѣлись на своихъ мѣстахъ, шопотъ перелеталъ съ одного конца театра на другой, поминутно кто-нибудь выходилъ и не возвращался.

Глаза пытливо смотрѣли вокругъ, на губахъ застыли вопросы, безпокойство все возрастало.

И никто не могъ объяснить, въ чемъ дѣло, хотя всѣ были увѣрены, что случилось что-то важное.

Постепенно это нервное состояніе охватывало даже тѣхъ, которымъ нечего было бояться дурныхъ вѣстей.

Всѣ чувствовали это содроганіе лодзинской почвы, столь часто въ послѣднее время сопровождаемое катаклизмомъ.

Только раекъ, дешевыя мѣста, ничего не чувствуя, веселились все время отъ души, смѣялись, хлопали и кричали: браво! Волною падалъ смѣхъ съ этого яру-

са и разсыпался каскадомъ звуковъ по партеру и ложамъ, на всѣ эти головы и души, такъ неожиданно встревоженные, на эти милліоны, расположившіеся на бархатѣ, въ брилліантахъ, гордые своею властью и величіемъ.

Изъ всѣхъ ложъ только одна, гдѣ были дамы, знакомыя Боровецкаго, участвовали въ общемъ веселіи и чувствовала себя превосходно.

На этомъ взволнованномъ морѣ образовались какъ бы рифы изъ нѣсколькихъ степенныхъ польскихъ семействъ, смотрѣвшихъ внимательно на сцену и остававшихся спокойными, такъ какъ имъ нечего было терять.

— Это хлопокъ, — шепнулъ Леонъ Боровецкому.— Шерсть и другіе сидятъ почти спокойно, имъ только любопытно узнать подробности. Я ужъ знатокъ этого.

— Фрумкинъ въ Бѣлостокѣ, Лихачевъ въ Ростовѣ, Алпасовъ въ Одессѣ — провалились! — прошепталъ Морицъ, уже откуда-то узнавшій это.

Всѣ трое были купцы en gros, одни изъ крупнѣйшихъ покупателей Лодзи.

— Сколько потеряетъ Лодзь? — спросилъ Боровецкій.

Морицъ снова вышелъ и вернулся черезъ нѣсколько минутъ поблѣднѣвшимъ, губы его кривились, глаза странно блестѣли; отъ волненія онъ не могъ надѣть на носъ пенснэ.

— Еще одинъ! Рогопуло изъ Одессы.

— Стойкія фирмы, самыя прочныя!

— Большой убытокъ?

— Лодзь теряетъ около двухъ милліоновъ, — прошепталъ онъ серьезно, стараясь одѣть пенснэ.

— Не можетъ быть, — почти громко вскрикнулъ Боровецкій, вскакивая, но публика, сидѣвшая за нимъ, начала стучать и шикать, чтобы онъ не загораживалъ сцены. — Кто тебѣ сказалъ?

— Ландау, а когда Ландау говоритъ, значитъ онъ знаетъ.

— Кто теряетъ?

— Всѣ понемногу, но Кесслеръ, Бухгольцъ и Мюллеръ больше всѣхъ.

— Но какъ же ихъ не поддержали, допустили такъ провалиться?

— Рогопуло бѣжалъ, Лихачевъ умеръ, запивъ съ отчаянія.

— А Фрумкинъ и Алпасовъ?

— Ничего не знаю, говорю только то, что было въ телеграммѣ.

Теперь всѣ эти извѣстія разошлись уже по всему театру, всѣ знали о крахѣ.

Можно было наблюдать, какъ эта вѣсть обрушивалась какъ бомба въ какой-нибудь части театра.

Лица были возбуждены, глаза блестѣли, какія-то рѣзкія слова звучали въ воздухѣ, съ шумомъ отодвигались стулья, спѣшно выбѣгали къ телеграфу и къ телефону.

Театръ замѣтно пустѣлъ. Боровецкій чувствовалъ себя также нервно настроеннымъ этимъ извѣстіемъ, хотя самъ онъ ничего не терялъ, потеряли всѣ вокругъ него.

— Вы ничего не теряете? — спросилъ онъ Макса

Баума, который присѣлъ подлѣ него на свободный стулъ.

— Намъ нечего терять, кромѣ чести, а вѣдь этотъ товаръ въ Лодзи не идетъ, — отвѣтилъ тотъ насмѣшливо.

— Хорошо трещитъ Лодзь.

— Будетъ теплый сезонъ.

— Да, да, у пожарной команды будетъ работа.

— Станетъ теплѣе, скорѣй придетъ весна.

— Хорошо бы, уголь такъ дорогъ.

— Вамъ хорошо смѣяться, васъ это не касается.

— Случалось и съ нами, случалось. Одна половина свернетъ себѣ шею, а другая заработаетъ.

— Кто больше всѣхъ пострадаетъ?

— Бухгольцъ, Кесслеръ и Мюллеръ.

— Ну, съ этими ничего не будетъ, ничего съ ними не случится.

— Чортъ съ ними со всѣми, что мнѣ до этого, я ничего не заработаю оттого, выиграютъ они или потеряютъ.

Такъ перекрещивались замѣчанія, вопросы, цифры, взгляды почти веселые и довольные разореніемъ другихъ, предположенія и насмѣшки.

— Майеръ, кажется, теряетъ цѣлыхъ сто тысячъ?

— Это хорошо подѣйствуетъ на его животъ, продастъ лошадей, будетъ ходить пѣшкомъ, похудѣетъ, и ему не надо будетъ ѣздить въ Маріенбадъ.

— Будетъ дешевая распродажа фамильныхъ брилліантовъ.

— Волькмана это доканаетъ, онъ ужъ и такъ шелъ на тихихъ парахъ.

— Ты теперь можешь, Робертъ, попросить руку его дочери, тебя ужъ не вытолкаютъ за дверь.

— Пусть подождетъ.

Такъ волновался партеръ, толпа.

Короли сидѣли спокойно.

Шая не спускалъ глазъ съ пѣвицы, и какъ только она кончила, первый началъ хлопать, потомъ пошептался съ Розой и, незамѣтно поглаживая бороду, указалъ ей на Кнолля, который, опершись локтями на барьеръ ложи, кивнулъ головой Боровецкому.

Карлъ въ первомъ же антрактѣ явился къ нему въ ложу.

— Слышали?

— Слышалъ, — и онъ началъ перечислять фирмы.

— Глупости.

— Глупости? Два милліона на одну Лодзь?

— Не мы теряемъ. Только что былъ Бауеръ и говорилъ, что теряемъ всего нѣсколько тысячъ.

— Въ театрѣ говорили, что полмилліона.

— Это Шая распускаетъ слухи, потому что онъ столько теряетъ. Глупый жидъ.

— Во всякомъ случаѣ это сильно отразится на Лодзи, фирмы полетятъ, какъ мухи.

— Пусть всѣ подохнутъ, какое намъ дѣло, — прошепталъ Кнолль, холодно разсматривая свои тщательно выхоленныя руки и машинально слѣдя прищуренными глазами за игрой бриллiантовъ на кольцѣ лѣвой руки. — Я говорю съ вами не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ другомъ. Знаете, кто долженъ провалиться отъ этого краха?

— Съ увѣренностью почти никого не называютъ.

— Не въ этомъ дѣло, многіе, конечно, провалятся, а сколько, — узнаемъ завтра; веселое будетъ воскресенье.

— Настоящее бѣдствіе.

— Для нашей фирмы — ничего, подумайте, кто проваливается — хлопокъ. Кто остается, — мы, Шая и нѣсколько другихъ. Эта паршивая, жидовская дешевая конкуренція издохла наполовину или скоро издохнетъ, сами себя губятъ. На нѣкоторое время намъ станетъ свободнѣе. Мы выпустимъ нѣсколько новыхъ сортовъ, изъ тѣхъ, что они дѣлали, ну и, конечно, будемъ больше продавать. Но это мелочи; свернутъ себѣ шею — пусть сворачиваютъ; горятъ, — пусть горятъ; обманываютъ, — пусть обманываютъ; мы всегда останемся. Это все пустяки, есть вещи посерьезнѣе. Посмотрите, скоро половина хлопчато-бумажныхъ фабрикъ остановится, скоро, скоро.

Боровецкій смотрѣлъ на него, слушая съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, — онъ не любилъ Кнолля и его невѣроятной гордости отъ сознанія могущества своихъ милліоновъ.

Послѣ своего тестя онъ былъ самою большою выскочкою въ этомъ мірѣ выскочекъ, но былъ хорошо воспитанъ, пріятенъ въ обращеніи, но и самымъ неумолимымъ эксплуататоромъ рабочаго труда и того вліянія, которое онъ вездѣ имѣлъ.

— Приходите завтра къ намъ обѣдать, прошу васъ отъ имени отца. А теперь, скажите, пожалуйста, который часъ, я этого не могу сдѣлать, а то подумаютъ, что я куда-то спѣшу.

— Безъ нѣсколькихъ минутъ одиннадцать.

— Когда отходитъ курьерскій въ Варшаву?

— Половина перваго.

— У меня есть еще время. Я долженъ вамъ сказать, почему неважно это извѣстіе о банкротствахъ, о томъ, что Лодзь теряетъ два милліона; получились извѣстія гораздо болѣе важныя...—онъ вдругъ замолчалъ.— Могу я говорить съ вами, какъ съ дворяниномъ?

— Мнѣ кажется, но я не понимаю связи...

— Сейчасъ поймете. Вы нашъ другъ, мы никогда не забудемъ того, что вы такъ улучшили нашу печатню. Видите ли, часъ тому назадъ я получилъ телеграмму изъ Петербурга по очень важному дѣлу, о томъ, что... что я долженъ ѣхать сейчасъ же, но секретно.—Онъ кончалъ торопливо, не сказавъ того, что хотѣлъ, остановленный взглядомъ Боровецкаго, холоднымъ и подозрительнымъ, пронизывавшимъ его такъ, что Кнолль безпокойно задвигался, поправилъ булавку галстука и началъ разглядывать противоположную ложу.

— Красивая женщина,—эта Цукерова.

— И съ хорошими брилліантами.

— Итакъ, вы завтра зайдете къ старику.

— Ну, конечно.

— У него къ вамъ какое-то спеціальное дѣло. Вы уже уходите? Пожалуйста, будьте добры сказать моему кучеру, чтобы онъ ждалъ меня на Проѣздѣ. Ну, до свиданья, буду черезъ нѣсколько дней. Итакъ— тайна, панъ Боровецкій.

— Полнѣйшая.

Боровецкій вышелъ съ чувствомъ разочарованія,— Кнолль не сказалъ ему всего.

«Что это за извѣстіе? Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Почему не сказалъ мнѣ?» думалъ онъ, напрасно теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ.

И не дожидаясь, пока опустится занавѣсъ, вышелъ, но уже съ улицы вернулся въ театръ и вошелъ въ ложу Цукеровой.

— Я думала, вы меня забыли, — сказала она съ упрекомъ, всматриваясь въ него своими большими чудными глазами.

— Развѣ это возможно?

— Для васъ все возможно.

— Вы осуждаете меня со словъ друзей и недруговъ.

— Какое мнѣ дѣло до нихъ? Я видѣла только, что вы ушли.

— Но вернулся, долженъ былъ вернуться, — прошепталъ онъ тихо.

— Вы забыли что-нибудь въ театрѣ?

— Васъ.

— Да?! — прошептала она протяжно, и глаза ея радостно сверкнули.

— Вы никогда такъ со мной не говорили.

— Но давно этого желалъ.

Она посмотрѣла на него взглядомъ, какъ бы цѣлующимъ его. Точно теплое дыханіе почувствовалъ онъ на губахъ.

— Вы говорили обо мнѣ тамъ, съ Вельтомъ, въ партерѣ, я это чувствовала.

— Мы говорили о вашихъ брилліантахъ.

— Правда, что такихъ красивыхъ нѣтъ ни у кого въ Лодзи?

— Кромѣ женъ Кнолля и Барона, — сказалъ онъ, коварно улыбаясь.

— А о чемъ еще говорили?

— О вашей красотѣ.

— Вы смѣетесь надо мной.

— Я не могу смѣяться надъ тѣмъ, что люблю, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, беря ея опущенную руку, но она быстро отняла ее и смотрѣла широко раскрытыми глазами, оглядываясь вокругъ, точно эти слова были сказаны кѣмъ-нибудь изъ залы.

— Прощайте, — сказалъ онъ, вставая и досадуя на себя за свою глупость; сказать ей это такъ прямо, безъ всякой подготовки!.. но она дѣйствовала на него наркотически.

— Выйдемъ вмѣстѣ, сейчасъ, — сказала она быстро, собрала шаль, коробку съ конфетами, вѣеръ и вышла.

Одѣвалась она молча.

Боровецкій не зналъ, что сказать, и только смотрѣлъ на нее, на эти глаза, безпрестанно мѣнявшіе свое выраженіе, на прекрасное очертаніе плечъ, на губы, которыя она постоянно облизывала, на великолѣпную, прекрасно развитую фигуру.

Когда она одѣла шляпу, онъ подалъ ей ротонду. Она немного откинулась назадъ, накидывая ее на плечи, ея волосы коснулись его губъ, онъ отступилъ, словно пораженный, а она, не находя опоры, оперлась спиной о его грудь.

Онъ быстро обнялъ ее и впился губами въ ея шею,

которая напряглась и дрожала подъ его пожирающимъ поцѣлуемъ.

Тихо вскрикнувъ, она на одно мгновеніе прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ, такъ что онъ покачнулся подъ ея тяжестью.

Она быстро вырвалась изъ его объятій. Блѣдная, какъ мраморъ, она тяжело дышала, глаза подъ опущенными вѣками пламенѣли.

— Проводите меня до кареты, — сказала она, не глядя на него.

— Хоть на край свѣта.

— Застегните мнѣ перчатки.

Онъ началъ застегивать, но не могъ найти ни петель, ни пуговицъ, такъ же какъ не могъ встрѣтить ея взгляда, — она не смотрѣла на него; опершись однимъ плечомъ о стѣну, она отвернула немного въ сторону голову и такъ стояла съ рукой въ его рукѣ, со странной улыбкой на губахъ, яркихъ, какъ карминъ; по временамъ она вздрагивала и сильнѣе прижималась къ стѣнѣ, и какая-то тѣнь изумленія мелькала на ея лицѣ и въ углахъ губъ.

— Пойдемте, — прошепталъ онъ, окончивъ застегивать. Онъ проводилъ ее до кареты, посадилъ и, взявъ ее за руку, горячо цѣлуя, шепнулъ:

— Простите меня, умоляю васъ.

Она ничего не отвѣтила, только такъ сильно потянула его къ себѣ, что онъ, не задумываясь, вскочилъ и захлопнулъ за собой дверцы.

Лошади тронулись.

Боровецкій чувствовалъ себя страшно возбужденнымъ тѣмъ, что произошло. Онъ еще не могъ дать

себѣ яснаго отчета, не могъ собраться съ мыслями, зналъ только, что она здѣсь, въ углу кареты, подлѣ него. Онъ слышалъ ея неровное, быстрое дыханіе, а временами свѣтъ уличныхъ фонарей освѣщалъ ея лицо съ громадными глазами, глядѣвшими въ пустоту.

Онъ хотѣлъ овладѣть собой, постучать кучеру, уже невольно потянулся за ручку, чтобы открыть дверцу и бѣжать, но уже не имѣлъ ни силы, ни воли.

— Простите меня за то, что произошло, — началъ онъ медленно, ища ея рукъ, которыя она закутала въ ротонду.

Она ничего не отвѣтила и плотнѣе запахнулась ротондой, какъ бы желая овладѣть собой, сдержать безумное желаніе броситься къ нему на шею.

— Вы прощаете? — повторилъ онъ тише, придвигаясь къ ней.

Онъ весь дрожалъ, не могъ больше говорить и, не получая отвѣта, тихо шепталъ:

— Люси! Люси!

Она вздрогнула, выпустила ротонду, которая сползла съ ея плечъ, и съ какимъ-то глубокимъ, пронизывающимъ крикомъ бросилась ему на грудь.

— Люблю тебя, люблю! — шептала она, страстно обнимая его.

Губы ихъ соединились въ долгомъ, мучительномъ поцѣлуѣ.

— Люблю тебя, люблю, — повторяла она съ наслажденіемъ это дорогое для нея слово, цѣлуя порывисто его лицо.

Она такъ давно жаждала поцѣлуевъ, ласкъ, люб-

ви — и теперь, когда это случилось, она уже ни о чемъ не думала, ничего не помнила и только цѣловала.

— Нѣтъ, не говори теперь ничего, не говори. Я хочу сама говорить, постоянно повторять: люблю тебя! Могу это повторять передъ всѣмъ свѣтомъ, мнѣ ужъ все равно. Я знаю, тебя любятъ другія женщины, у тебя есть невѣста, но мнѣ все равно! Люблю тебя! Люблю не для того, чтобы и ты меня любилъ, не для того, чтобы ждать отъ этого счастья, — нѣтъ, не для того, — я люблю тебя, люблю, вотъ и все. У меня была потребность любви, какъ и у всякаго человѣка. Ты для меня — все. Хочешь, я стану передъ тобой на колѣни и буду говорить тебѣ это такъ долго, такъ искренние, что ты повѣришь и самъ меня полюбишь. Не могу я больше притворяться, я уже не могу жить безъ тебя и безъ любви. Люблю тебя, мой единственный, мой господинъ!

Она говорила безпорядочно, быстро, безсвязно. Она то куталась въ ротонду, то сбрасывала ее, то отодвигалась отъ него, то безъ словъ, сіяющая, обнимала его, прижималась къ нему и цѣловала его.

Боровецкій, увлеченный этимъ безумнымъ порывомъ страсти, плѣненный этой сильной и пламенной любовью, этимъ голосомъ, проникающимъ въ него огнемъ, этими поцѣлуями, которые доводили его почти до потери сознанія, — отдался страсти и безумствовалъ такъ же, какъ она.

Онъ отвѣчалъ ей такими поцѣлуями, что она замирала въ его объятіяхъ, словно мертвая.

— Люблю тебя, Люси, люблю, — повторялъ онъ, ничего не сознавая.

— Не говори, цѣлуй меня. Ничего не говори, только цѣлуй меня, — просила она въ экстазѣ.

Ея голосъ то обрывался, то бурно вспыхивалъ, то рыдалъ всею любовью востока, точно пѣлъ пламенную пѣснь пѣсней. — Я такъ мечтала объ этой минутѣ, столько мѣсяцевъ ждала тебя, столько лѣтъ ждала этого, столько страдала изъ-за этого. Цѣлуй меня сильнѣе... сильнѣе... А! Я умерла бы теперь съ наслажденіемъ, — дико вскрикнула она.

Карета медленно катилась по одной изъ грязныхъ, немощеныхъ улицъ, гдѣ не было даже фонарей, и только свѣтъ кареты разбрасывалъ золотистыя пятна на подвижную, текучую и глубокую массу грязи, бросавшей брызги даже на стекла кареты.

Никто не проходилъ и не проѣзжалъ по этой улицѣ съ высокими заборами съ обѣихъ сторонъ, съ поднимавшимися изъ-за нихъ грудами строевого лѣса, сложеннаго большими четырехугольниками. Мѣстами выступала труба какой-нибудь фабрики, которыхъ въ этой сторонѣ города было довольно много.

Большія собаки, караулившія склады, угрюмо лаяли на карету, бѣшено бросались въ ворота и царапали доски, чтобы вырваться на улицу.

Но они, въ каретѣ, ничего не видѣли и не слышали, захваченные этой внезапной и ослѣпительной волной любви.

— Люси!

— Поцѣлуй меня.

— Любишь?

— Поцѣлуй меня.

Только эти слова страсти и вырывались изъ ихъ груди.

— Возьми меня, Карлъ, возьми всю и навсегда.

Они не замѣтили, какъ остановились.

Подъѣхали къ дворцу Цукера, стоявшему близъ городской рощи.

— Иди ко мнѣ, — прошептала она, крѣпко держа его за руку.

Безсознательно, машинальнымъ движеніемъ опустилъ онъ руку въ карманъ съ револьверомъ.

— Августъ, вы подождете барина, — сказала она строго кучеру.

— Иди, никого нѣтъ, онъ, — сказала она съ удареніемъ, — уѣхалъ. Дома нѣтъ никого, кромѣ прислуги.

Она отпустила его руку, такъ какъ прислуга отворяла дверь.

— Зажечь огонь въ восточной гостиной и сейчасъ подать чай.

Она бросилась ему на шею, какъ только удалился лакей, страстно поцѣловала его и толкнула въ какой-то коридорчикъ, устланный ковромъ, съ красными обоями на стѣнахъ.

— Сейчасъ приду, люблю тебя! — сказала она и исчезла.

Боровецкій медленно раздѣлся, переложилъ револьверъ въ карманъ сюртука и вошелъ въ открытую передъ нимъ дверь, въ слабо освѣщенную гостиную.

Бѣлый, необыкновенно пушистый коверъ изъ бараньихъ шкуръ совершенно заглушалъ шаги.

— Совершенно романическое приключеніе! — про-

шепталъ онъ, падая на какую-то персидскую тахту безъ спинки, инкрустированную золотомъ и серебромъ по черному дереву; онъ чувствовалъ себя страшно усталымъ.

«Любопытная женщина, любопытная сцена», подумалъ онъ, осматривая комнату.

Будуаръ былъ обставленъ съ такою роскошью, что даже въ такомъ городѣ, какъ Лодзь, съ ея великолѣпными квартирами, онъ могъ вызвать крикъ удивленія.

Стѣны были обтянуты желтымъ шелкомъ горячаго тона, съ разбросанными вѣтками красно-лиловой сирени, художественно вышитой крупной гладью.

Во всю длину стѣны стояла большая широкая софа, подъ желтымъ, съ зелеными полосами, шатромъ, поддерживаемымъ золотыми алебардами.

Подъ шатромъ сверху лампа изъ желтыхъ, рубиновыхъ и зеленыхъ стеколъ разбрасывала странный, разслабляющій свѣтъ.

— Купцы! — шепнулъ онъ съ какимъ-то, почти завистливымъ презрѣніемъ, раздраженный этой роскошью, но оглядывался съ любопытствомъ — странные, дорогіе предметы восточно-японскаго стиля были безпорядочно и въ изобиліи нагромождены по сравненію съ величиной комнаты.

Груды шелковыхъ подушекъ, яркихъ китайскихъ тоновъ лежали разбросанныя по софѣ и бѣлому ковру, похожія на рѣзкія пятна разлитой краски.

Запахъ амбры и violettes de Perses, смѣшанный съ розами, разливался по комнатѣ.

На одной изъ стѣнъ сверкало въ изобиліи восточ-

ное цѣнное оружіе, развѣшанное вокругъ стального круглаго сарацинскаго щита, украшеннаго золотомъ и такъ отполированнаго, что въ этомъ полумракѣ онъ блестѣлъ и пламенѣлъ золотыми украшеніями, рядами рубиновъ и блѣдныхъ аметистовъ, вставленныхъ по его краямъ.

Въ другомъ углу, на фонѣ огромнаго вѣера изъ павлиньихъ перьевъ, стояла вся вызолоченная статуэтка Будды въ молитвенной позѣ, съ поджатыми ногами.

Въ другомъ углу стояла большая японская бронзовая жардиньерка, поддерживаемая золотыми драконами, полная цвѣтущихъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, азалій.

«Милліонерская толкучка», снова подумалъ Боровецкій, обладавшій необыкновенно утонченнымъ, артистическимъ вкусомъ и чувствомъ красоты, развитыми почти до совершенства спеціальнымъ изученіемъ красокъ.

— Барыня проситъ васъ, панъ директоръ, — тихо сказалъ съ поклономъ старый, бритый лакей, придерживая тяжелую портьеру изъ желтаго бархата, разрисованнаго хризантемами.

— А, Осипъ, ты здѣсь служишь? — спросилъ Боровецкій, проходя мимо него; онъ зналъ его по другому дому.

— Я пустілъ съ торговъ тѣхъ жидовъ, — прошепталъ тихо лакей, кланяясь ему.

Карлъ только улыбнулся и прошелъ въ столовую. Люси еще не было. Онъ только услышалъ изъ дальнихъ комнатъ чей-то крикливый голосъ, заглушенный стѣнами.

— Что это? — невольно спросилъ Боровецкій, прислушиваясь.

— Барыня разговариваетъ съ горничной, — объяснилъ Осипъ, но съ такимъ холодно-презрительнымъ выраженіемъ лица, что Боровецкій это замѣтилъ и больше ни о чемъ не спрашивалъ.

Лакей вышелъ, а онъ началъ разсматривать столовую: она была обставлена съ банальной лодзинской роскошью; дубовыя панели тянулись до половины стѣны, буфеты изъ темнаго орѣха въ бретонскомъ стилѣ съ массою серебра и фарфора на полкахъ; дубовые стулья великолѣпной рѣзьбы въ старо-нѣмецкомъ стилѣ стояли вокругъ громаднаго стола, освѣщеннаго электрической люстрой въ видѣ букета тюльпановъ. На одной сторонѣ стола былъ приготовленъ чай.

Онъ сѣлъ, ожиданіе уже начало раздражать его; вдругъ онъ увидѣлъ на полу около стола оброненную бумагу. Онъ поднялъ ее, чтобы положить, и машинально взглянулъ на нее.

Это была телеграмма, написанная шифромъ фирмы Бухгольца, который употреблялся только въ дѣлахъ большой важности.

Боровецкій, знавшій этотъ шифръ, былъ страшно удивленъ.

«Почему эта телеграмма здѣсь?»

Онъ перевернулъ бланкъ и увидѣлъ адресъ: Бухгольцъ — Лодзь. Больше онъ не стѣснялся и сталъ читать:

«Сегодня состоялось рѣшеніе совѣта. Пошлина на американскій хлопокъ, идущій на Гамбургъ и Тріестъ, поднята до двадцати пяти копеекъ съ пуда. Войдетъ

въ дѣйствіе черезъ двѣ недѣли. Желѣзнодорожный тарифъ за провозъ хлопка отъ западныхъ границъ до двадцати копеекъ съ пуда и версты. Войдетъ въ дѣйствіе черезъ мѣсяцъ. Черезъ недѣлю будетъ объявлено».

Боровецкій спряталъ телеграмму въ карманъ и вскочилъ со стула въ сильномъ волненіи.

— Ужасное извѣстіе. Полъ Лодзи провалится, — шепталъ онъ, только теперь понимая, о какомъ извѣстіи хотѣлъ сказать ему Кнолль, но не рѣшился довѣриться. — Онъ поѣхалъ въ Гамбургъ покупать запасы хлопка. Онъ скупитъ все, что можно, и захватитъ въ свои руки всѣхъ маленькихъ фабрикантовъ. Какое дѣло, какое дѣло! Теперь бы имѣть деньги и поѣхать закупить! А — а? — Онъ задумался. Все въ немъ начало закипать безумной, нетерпѣливой жаждой, неудержимымъ желаньемъ создать капиталъ на этомъ случайномъ открытіи. — Денегъ! Денегъ! — мысленно кричалъ онъ, срываясь со стула. Глаза его лихорадочно блестѣли, онъ весь дрожалъ отъ волненія. Первымъ его движеньемъ было — бѣжать отсюда, въ городъ, найти Морица, обсудить вмѣстѣ это дѣло.

Онъ можетъ быть поддался бы этому влеченью, но вошла или скорѣе ворвалась въ столовую Люси и бросилась ему прямо на шею.

— Ты заждался, прости меня, я хотѣла переодѣться. Она поцѣловала его и сѣла, указавъ ему мѣсто возлѣ себя спокойнымъ жестомъ, такъ какъ вошелъ лакей и сталъ наливать чай.

Но она не могла спокойно сидѣть на мѣстѣ, поминутно подходила къ буфету, принося и ставя передъ нимъ множество всякихъ сластей; на ней былъ блѣдно-жел-

тый шелковый пеньюаръ съ очень широкими рукавами, обшитыми блѣдно-желтыми кружевами съ рядами бирюзы и перехваченный въ таліи золотымъ шнуркомъ.

Громадные волосы были свернуты большимъ греческимъ узломъ, заколотымъ брилліантовыми гребнями.

То же самое брилліантовое ожерелье, которое было на ней въ театрѣ, искрилось и теперь на ея открытой шеѣ всѣми цвѣтами радуги. Чудныя руки высовывались поминутно изъ рукавовъ по самыя плечи.

Она была безумно хороша, но Боровецкій и наполовину не чувствовалъ этого; онъ отвѣчалъ односложно, торопливо пилъ чай и хотѣлъ уйти какъ можно скорѣе.

Извѣстіе жгло его, какъ огонь.

Люси дрожала отъ нетерпѣнія, враждебнымъ взглядомъ посматривала на лакея, сонно ходившаго изъ угла въ уголъ, — она не могла броситься на шею Карлу и сжала такъ сильно его руку, что онъ чуть не вскрикнулъ отъ боли.

— Что съ вами? — спросила она, замѣтивъ его смущеніе.

— Я счастливъ! — прошепталъ онъ по-французски.

Они начали разговаривать, но разговоръ не вязался, обрывался каждую минуту, какъ старая тряпка, когда ее сильнѣе натягиваютъ.

Ей мѣшалъ лакей, а ему нетерпѣніе, связанное съ необходимостью здѣсь оставаться. И именно теперь, когда онъ владѣетъ такой огромной тайной, — въ такой моментъ, когда пошлина поднялась съ восьми копѣекъ до двадцати пяти.

— Можетъ быть мы перейдемъ въ будуаръ, — шепнула она тихо, окончивъ пить чай.

И такъ посмотрѣла на него чудно сверкавшими глазами, такъ дивно пламенѣли ея яркія губы, что Боровецкій, который всталъ затѣмъ, чтобы проститься, наклонилъ голову и пошелъ за ней.

Онъ не могъ преодолѣть ея очарованія.

Какъ только они остались одни, она снова захватила его своимъ огнемъ и пылкостью, но только на минуту, — когда она цѣловала его въ несказанномъ восторгѣ, падала передъ нимъ на колѣни, обнимала его, выкрикивала безсвязныя слова, въ которыхъ выливалась ея страсть, въ то время какъ она безумствовала, увлеченная собственнымъ порывомъ, — онъ думалъ о хлопкѣ, думалъ, гдѣ бы найти Морица, откуда взять деньги на покупку хлопка.

Онъ возвращалъ поцѣлуи и ласки, говорилъ моментами горячія слова любви, но дѣлалъ это почти машинально, скорѣе по привычкѣ къ подобнымъ случаямъ, — самъ занятый въ эти минуты совсѣмъ другимъ.

А она, несмотря на страсть, инстиктомъ страстной натуры угадывала, что между ними что-то стоитъ, усиливала въ себѣ чувство, какъ бы за себя и за него, расточала всѣ чары влюбленной женщины, женщины-рабы, для которой даже удары господина и владыки принимаются съ крикомъ счастья, женщины, для которой высшее счастье взять возлюбленнаго силой, пылкостью, страстью своего темперамента.

Наконецъ, она побѣдила.

Боровецкій забылъ о фабрикѣ, о хлопкѣ, о пошлинахъ, обо всемъ на свѣтѣ и отдался этой любви со

всѣмъ неистовствомъ людей, холодныхъ на видъ и умѣющихъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни въ совершенствѣ владѣть собой.

Онъ отдался этому вихрю и съ наслажденіемъ, полнымъ волнующаго любопытства, позволилъ ему увлечь себя.

— Люблю тебя, — повторяла она безпрестанно.

— Люблю, — отвѣчалъ онъ и чувствовалъ, что въ эти мгновенія онъ первый разъ въ жизни совершенно искренне говорилъ это слово, наиболѣе, можетъ быть, лживое и обманчивое изъ всѣхъ человѣческихъ словъ.

— Напиши мнѣ это, мой дорогой, напиши, — просила она съ дѣтскимъ упрямствомъ.

Онъ вынулъ визитную карточку и, поминутно цѣлуя ея прелестные темно-голубые глаза и пылающія губы, написалъ.

— Люблю тебя, Люси.

Она схватила карточку, прочитала, поцѣловала нѣсколько разъ и спрятала за корсажъ, но черезъ минуту вынула, чтобы опять прочитать и цѣловать то его, то карточку.

Наконецъ, всматриваясь въ его гербъ, спросила:

— Что это такое?

— Мой гербъ.

— Что онъ означаетъ?

Онъ ей объяснилъ, какъ могъ, но она ничего не поняла.

— Ничего не понимаю, впрочемъ, это не мое дѣло.

— А что твое дѣло?

— Любить тебя.

Она зажала ему губы поцѣлуемъ.

— Видишь, я ничего не знаю, я тебя люблю — вотъ мой умъ, что мнѣ еще нужно?

Они долго сидѣли въ этой тишинѣ ночи и будуара, черезъ стѣны и обивку котораго не прорывалось ни малѣйшаго шума съ улицы, сидѣли ушедшіе въ себя и свою любовь, словно окруженные облакомъ восторга; сидѣли въ этой разслабляющей атмосферѣ, пресыщенной запахами, отзвуками поцѣлуевъ, шопотомъ несвязныхъ, горячихъ словъ, шелестомъ шелка, сидѣли въ тишинѣ рубиново-изумруднаго свѣта, мерцавшаго слабо затемненными тонами, таинственно заливавшими стѣны и мебель, дрожавшими въ мерцающемъ свѣтѣ и какъ бы расползавшимися по комнатѣ и замиравшими въ болѣе густой тѣни, гдѣ какъ-то странно освѣщался Будда, а надъ нимъ глаза павлиньихъ перьевъ смотрѣли все печальнѣе и таинственнѣе.

IV.

Было почти четыре часа, когда Боровецкій вышелъ на улицу.

Кучеръ, не дождавшись его, уѣхалъ.

Вѣтеръ бушевалъ и взметалъ лужи съ такою силой, что грязь брызгала на заборы и на узкую тропинку, замѣнявшую тротуаръ.

Боровецкій вздрогнулъ, пронизанный этимъ холоднымъ, влажнымъ вѣтромъ.

Онъ остановился ненадолго передъ домомъ, ничего не видя передъ собой, кромѣ поблескивавшей грязи и черныхъ, сливавшихся въ отдаленіи громадныхъ фаб-

ричныхъ трубъ, слабо вырисовывавшихся на сѣромъ, мутномъ небѣ, по которому облака мчались съ безумной быстротой, словно клочья грязного хлопка.

Онъ все еще не могъ овладѣть собой, остановился и, опершись о заборъ, старался собрать мысли.

По временамъ онъ весь вздрагивалъ, чувствуя еще ея объятія; ея губы жгли его, онъ прикрывалъ глаза и пробовалъ зонтомъ отыскивать передъ собой твердую почву, чувствуя себя совершенно пьянымъ, но неистовый лай собакъ за заборами отрезвилъ его и вырвалъ изъ этой странной тишины, которая охватываетъ человѣка послѣ сильныхъ ощущеній.

— Куровскій, вѣроятно, уже спитъ, — прошепталъ онъ вяло, припоминая, что онъ хотѣлъ пойти къ нему въ Grand Hôtel послѣ театра.

— Какъ бы я за это удовольствіе не заплатилъ фабрикой, — подумалъ онъ и быстро зашагалъ, уже не разбирая грязи и ямъ.

На Петроковской онъ нашелъ извозчика и приказалъ везти себя въ гостиницу какъ можно скорѣе.

— А телеграмма? — воскликнулъ онъ, вспомнивъ о ней, и при свѣтѣ фонаря прочелъ ее еще разъ. — Поверни и поѣзжай прямо по Петроковской. «Можетъ быть, онъ уже дома», подумалъ онъ о Морицѣ, и лихорадочное возбужденіе охватило его.

Онъ приказалъ извозчику на всякій случай подождать возлѣ дома и торопливо позвонилъ.

Никто не отворялъ; это его такъ раздражило, что онъ оборвалъ звонокъ и началъ изо всей силы трясти дверь, пока, наконецъ, послѣ долгаго ожиданія Матвѣй не отворилъ двери.

— Панъ Морицъ дома?

— Пошелъ на шабашъ, а жиды его вѣрно не пустили... Панъ Морицъ-то?..

— Панъ Морицъ дома, отвѣчай! — крикнулъ онъ сердито, такъ какъ Матвѣй былъ совершенно пьянъ, шелъ за нимъ со свѣчей въ рукѣ, раздѣтый, съ закрытыми глазами и лицомъ, покрытымъ засохшей кровью и синяками.

— Панъ Морицъ? Понимаю, панъ Морицъ... ага!

— Скотина! — крикнулъ Боровецкій и изо всей силы ударилъ его по лицу.

Тотъ покачнулся и уткнулся носомъ въ дверь, въ которую вошелъ Боровецкій.

Морица не было, только Баумъ спалъ одѣтый съ папиросой въ стиснутыхъ зубахъ, на большомъ диванѣ въ столовой.

На столѣ, на полу, на буфетѣ стояло множество пустыхъ бутылокъ и тарелокъ, а труба самовара была повязана зеленой длинной вуалью.

— Ого, была Антка, была, — онъ развеселился. — Максъ! Максъ! — громко позвалъ онъ и потрясъ спящаго.

Максъ даже не дрогнулъ. спалъ спокойно и сильно храпѣлъ.

Наконецъ Боровецкій, раздраженный напрасными усиліями разбудить, поднялъ его за плечи и поставилъ на полъ, такъ какъ хотѣлъ узнать отъ него, гдѣ Морицъ.

Максъ, разсерженный тѣмъ, что его разбудили, наткнулся на кресло, схватилъ его и изо всей силы бросилъ на столъ.

— Вотъ тебѣ, обезьяна, не буди! — потомъ снялъ сюртукъ, закрылъ имъ голову, спокойно легъ на диванъ и заснулъ опять.

— Матвѣй, — почти въ бѣшенствѣ закричалъ Карлъ, видя, что Макса не добудишься. — Матвѣй, — крикнулъ онъ еще разъ, подходя къ передней.

— Иду сейчасъ, лечу, панъ директоръ, свѣча куда-то запропала, ищу ее, иду, — говорилъ тотъ сквозь сонъ, надтреснутымъ пьянымъ голосомъ, напрасно силясь подняться съ полу, гдѣ, упавъ послѣ удара Боровецкаго, заснулъ.

Онъ приподнялся на колѣни и, упавъ лицомъ на полъ, шарилъ кругомъ руками, словно плылъ.

Боровецкій поднялъ его, провелъ въ столовую, поставилъ у печки и спросилъ:

— Гдѣ ты такъ напился? Сколько разъ говорилъ я тебѣ, что какъ только ты напьешся, я прогоню тебя къ чорту, — слышишь, что я говорю?

— Слышу, панъ директоръ, слышу... Ага, панъ Морицъ.. — бормоталъ онъ, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе.

— Кто тебѣ избилъ лицо? Ты похожъ на свинью!

— Кто избилъ мнѣ лицо? меня, панъ директоръ, никто не билъ, никто меня бить не смѣетъ, а то я, панъ директоръ, кости поломаю, морду изобью и fertig... Холера!

Боровецкій, видя, что съ пьянымъ не разговоришься, принесъ грфинъ съ водой и, поддерживая Матвѣя одной рукой, вылилъ ему всю воду на голову.

Матвѣй вертѣлся и вырывался, понемногу отрезвѣлъ

и, обтирая руками посинѣвшее, покрытое кровью лицо, оглядывался поглупѣвшими глазами.

— Былъ панъ Морицъ? — терпѣливо спросилъ Боровецкій.

— Былъ.

— Куда поѣхалъ?

— Онъ поѣхалъ отвезти эту маленькую чернушку и хотѣлъ быть въ Грандѣ.

Это означало въ Grand Hôtel'ѣ.

— Кто здѣсь былъ?

— Разные господа были, — былъ панъ Бейнъ, панъ Гертцъ и другіе еще. Я ужинъ готовилъ съ Агатой, кухаркой пана инженера.

— И напился, какъ послѣдняя свинья; кто тебя такъ избилъ?

— Никто меня не билъ.

Онъ невольно потрогалъ себя по лицу и вскрикнулъ отъ боли.

— А почему у тебя башка въ дырахъ, а?

— Да вотъ... дѣло такое... Былъ панъ Морицъ, была эта черная обезьяна, былъ горбый и были жиды!..

— Говори сейчасъ же, гдѣ ты напился и кто тебя избилъ? — крикнулъ Боровецкій въ бѣшенствѣ.

— Я не пьянъ, и никто меня не билъ. Я пошелъ за пивомъ для господъ, а въ пивной были товарищи французы, они поставили «bier»... — Дѣло! поставилъ и я. Поставили они еще разъ, поставилъ и я. Потомъ пришли люди изъ нашей бѣлильни, поляки, изъ моихъ краевъ, поставили и они «bier». — Дѣло! поставилъ я! Они поляки и я полякъ... Они ставили — дѣло! Ставилъ и я! Но я не пьянъ, панъ директоръ, ей Богу,

не пьянъ. Если панъ директоръ хочетъ, то я могу дыхнуть, провѣрьте.

Онъ нагнулся, опираясь спиной о печку, и съ закрытыми глазами началъ усиленно дышать.

Боровецкій переодѣвался въ своей комнатѣ и не слушалъ того, что говорилъ Матвѣй.

— Потомъ пришли ткачи и валяльщики стараго Баума. Они начали пить съ нами, — мы ставили, — нѣмцы плохой народъ и ставить не хотѣли. Тогда я одного изъ нихъ легонько толкнулъ пальцемъ, онъ упалъ, а другой нѣмецъ хватилъ меня кружкой по лбу. Тогда я и этого ткнулъ пальцемъ, онъ тоже грохнулся на полъ, нѣмцы же схватили меня за горло. Я самъ не дрался, такъ какъ зналъ, что панъ директоръ этого не любитъ. А я вѣдь слушаю своего пана, поэтому и не дрался, но одинъ изъ нихъ вцѣпился мнѣ въ волосы, другіе за горло, да какой-то еще ударилъ меня въ морду, — мнѣ стало жаль пиджака, полученнаго отъ пана директора, я имъ и говорю: пустите меня, а въ отвѣтъ одинъ изъ нихъ пырнулъ меня ножомъ подъ ребро. Тогда я хватилъ его головой объ стѣну, такъ тамъ онъ и остался. Товарищи помогли, и было fertig, подъ орѣхъ. Я не билъ, только толкнулъ маленько пальцемъ, отъ этого ничего не сдѣлалось бы и курицѣ, а такая свинья ужъ лежитъ. Слабы ногами, панъ директоръ, очень слабы ногами эти нѣмцы.

Я только легонько пальцемъ ткнулъ и уже forbeit, на полу!

Онъ бормоталъ все болѣе сонно и, вытянувъ руку, показывалъ указательнымъ пальцемъ, какъ онъ толкнулъ.

— Иди спать, — сказалъ Боровецкій, погасилъ огонь и, проводивъ его въ кухню, поѣхалъ искать Морица.

Рестораны «Викторія» и Grand Hotel были заперты.

— Панъ Куровскій уже спитъ? — спросилъ онъ номерного.

— Сегодня онъ не пріѣзжалъ, былъ приготовленъ номеръ, но онъ не пріѣхалъ.

— Панъ Вельтъ былъ у васъ вечеромъ?

— Былъ съ барынями и съ господиномъ Кономъ, потомъ поѣхали въ «Аркадію».

Онъ поѣхалъ въ «Аркадію» на Константиновскую улицу, но и здѣсь не было уже никого.

Онъ объѣхалъ еще нѣсколько ресторановъ, гдѣ обыкновенно веселилась лодзинская молодежь, но Морица нигдѣ не нашелъ.

— Куда дѣлась эта обезьяна? — подумалъ онъ раздраженно и крикнулъ рѣзко извозчику, — поѣзжай туда, гдѣ раки зимуютъ, знаешь? — Если тамъ его не будетъ, то ужъ больше нигдѣ не найдешь.

— Сейчасъ тамъ будемъ! — отвѣчалъ извозчикъ.

Онъ началъ погонять изо всѣхъ силъ лошадь, которая тихо бѣжала, спотыкаясь на выбоинахъ и ямахъ, пролетка подпрыгивала и качалась на страшныхъ выбоинахъ мостовой, словно лодка на морскихъ волнахъ.

Боровецкій бранился, стискивалъ зубы и, чтобы овладѣть своимъ нервнымъ состояніемъ, отъ котораго онъ такъ дрожалъ, что не могъ зажечь папиросу, ломавшуюся въ рукахъ, — онъ началъ усиленно думать о предстоящемъ дѣлѣ съ хлопкомъ.

«Бауэръ, вѣрно, дорого продалъ эту телеграмму Цу-

керу. Какая удивительная женщина!» перешелъ онъ къ воспоминаніямъ о Люси и потонулъ въ нихъ.

Онъ зналъ ее около двухъ лѣтъ, но не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что былъ увлеченъ Ликертовой, а кромѣ того говорили о ней, что она такъ же непомѣрно глупа, какъ и красива.

— Какой темпераментъ! — шепталъ онъ, вздрагивая при этомъ воспоминаніи.

Онъ зналъ уже довольно давно, что она обратила на него вниманіе, — это она давала знать взглядами, усиленными приглашеніями къ себѣ, которыми онъ ни разу не воспользовался. Она бывала вездѣ, гдѣ, знала, можетъ съ нимъ встрѣтиться.

Лодзинская сплетня, которою здѣсь со всею страстью и большимъ мастерствомъ занимались преимущественно мужчины, начинала уже дѣлать свои предположенія и поговаривать о нихъ, но скоро замолкла, такъ какъ Боровецкій далеко держался отъ Цукеровой, поглощенный послѣдніе мѣсяцы планами о будущей фабрикѣ.

Онъ лично зналъ Цукера, стараго ветхозавѣтнаго еврея, превратившагося въ послѣднія десять лѣтъ въ милліонера-фабриканта. Онъ началъ свою карьеру въ Лодзи скупкою отбросовъ уже негоднаго для фабрикъ хлопка, обрывковъ бумаги, хлопчато-бумажной пыли, которой всегда было достаточно на ткацкихъ и сукностригущихъ машинахъ.

Онъ не терпѣлъ Цукера за его производство для толкучаго рынка, при чемъ онъ поверхностно подражалъ въ рисункѣ и тонахъ выработкѣ фирмы Бухгольца, но пускалъ матеріалъ самаго плохого качества,

дешево его продавалъ, что дѣлало невозможной всякую конкуренцію.

Онъ зналъ, что у Цукеровой не было любовника, во-первыхъ потому, что она была еврейка, а во-вторыхъ, въ городѣ, — гдѣ всѣ, начиная отъ милліонера и кончая послѣднимъ гвоздикомъ въ этой огромной промышленной машинѣ, должны были работать, должны были всецѣло отдаваться своему дѣлу, — было очень мало настоящихъ донъ-жуановъ, мало случаевъ для покоренія и увлеченія женщинъ.

И, наконецъ, если бы такъ было, то объ этомъ бы кто-нибудь уже болталъ.

«Какая у нея душа? и есть ли она у нея?—думалъ онъ, разбираясь въ ея дикой, необузданной страсти.—Но зачѣмъ я впутался во все это и еще теперь! Къ чорту любовь, имѣть теперь такую тяжесть на ногахъ, когда я открываю фабрику въ кредитъ. Но все же...»

И онъ задумался и искалъ въ себѣ любви къ ней, увѣрялъ себя совершенно искренне, что онъ ее любитъ, что эта любовь его захватила, что это не обыденная, чувственная буря здороваго, неистощеннаго организма.

«Будь, что будетъ,—игра стоитъ свѣчь», подумалъ онъ.

Извозчикъ завернулъ и остановился сейчасъ же возлѣ угла Шпацеровой, передъ синагогой.

V.

Ресторанъ, къ которому подъѣхалъ Боровицкій искать Морица, находился сейчасъ же возлѣ синагоги,

въ глубинѣ двора, окруженнаго съ трехъ сторонъ четырехэтажными флигелями, похожими на каменные ящики; на четвертой сторонѣ находился маленькій садикъ, обнесенный зеленой рѣшеткой и простиравшійся до огромной красной задней стѣны какой-то фабрики.

Маленькій одноэтажный флигель стоялъ въ глубинѣ, подъ самой стѣной, съ ярко освѣщенными окнами; изъ флигеля несся крикливый шумъ, похожій на ревъ ословъ.

«Ого! тамъ цѣлое скопище», подумалъ онъ, входя въ длинную низкую залу, до того накуренную, что въ первую минуту въ этомъ синеватомъ облакѣ, пестрѣвшемъ золотыми пятнами свѣта газовыхъ рожковъ, — никого не могъ различить.

Нѣсколько десятковъ человѣкъ толпилось вокругъ длиннаго стола, кричало, громко говорило, смѣялось и пѣло, что вмѣстѣ со стукомъ тарелокъ и пронизывающимъ звукомъ разбиваемаго стекла создавало такой безпорядочный, ужасный шумъ, что стѣны дрожали и ничего нельзя было разобрать.

Вдругъ немного затихло, и какой-то охрипшій, пьяный голосъ запѣлъ на другомъ концѣ стола.

— Агата! — рычала толпа всѣми возможными и невозможными голосами, покрывая пѣніе Бумъ-Бума, — композитора и солиста какой-то удивительно глупой пѣсни. Онъ напрасно выкрикивалъ дальнѣйшія строчки, его никто не слушалъ, такъ какъ всѣ выли:

— Агата! Агата!

— Бумъ-Бумъ, ля-ля-ля! Агата! Тра-ля-ля-ля! Агата! Ципъ-ципъ-ципъ — Агата!

Этотъ припѣвъ такъ возбуждалъ, что начали въ

тактъ бить палками по столу, кружки полетѣли въ стѣны или разбивались о печку, нѣкоторымъ и это показалось мало, такъ какъ они начали стучать стульями объ полъ и словно въ безпамятствѣ и ослѣпленные, съ закрытыми глазами, продолжали пѣть:

— Агата! Агата!

— Господа, ради Бога, на эти крики можетъ притти полиція, — началъ просить испуганный хозяинъ.

— Вы должны молчать. Мы платимъ! Паненка, пива!

— Гей, Бумъ-Бумъ, спой-ка! — кричали Бумъ-Буму, который обѣими руками поправлялъ пенснэ, стоя около буфета въ другой комнатѣ.

— Пищи, Бумъ-Бумъ, я не услышу, — шепталъ одинъ въ полуснѣ, лежа на столѣ, который весь былъ заставленъ бутылками вина и коньяку, спиртовками для кофе, глиняными бутылками отъ портера, кружками и разбитымъ стекломъ.

— Агата! Агата! — горланилъ какой-то сонный, пьяный конторщикъ, сидѣвшій съ закрытыми глазами и стучавшій палкой по столу.

— Ну, здѣсь веселятся по-лодзински, — прошепталъ Карлъ, ища глазами Морица.

— Директоръ! Господа, здѣсь есть и фирма Германъ Бухгольцъ и компанія! Теперь мы въ сборѣ. Паненка, коньяку! — кричалъ какой-то высокій и толстый нѣмецъ ломанымъ польскимъ языкомъ.

Онъ пошатнулся, хотѣлъ еще что-то сказать, но ноги у него подогнулись, и онъ упалъ на диванъ, стоящій сзади него.

— Ну, я вижу здѣсь веселую компанію, — сказалъ Боровецкій.

— Весь нашъ комплектъ буршей.

— Мы всегда такъ — какъ пить, всѣмъ вмѣстѣ, а работать вразсыпную.

— О да, мы солидарны, какъ говоритъ этотъ, ну, какъ же его зовутъ, ну, этотъ, сказавшій: «Плечомъ къ плечу и общими цѣпями!»

— Опояшемъ брюхо... — вставилъ кто-то изъ публики.

— Тише, панъ. Бродягамъ, собакамъ и людямъ тамъ входъ воспрещенъ! Запишите это, панъ редакторъ, — говорилъ кто-то, обращаясь къ высокому, худому блондину, меланхолически сидѣвшему по срединѣ комнаты, съ большими, какъ будто чужими глазами, блуждавшими по стѣнамъ, на которыхъ были развѣшены олеографіи.

— Морицъ, у меня къ тебѣ важное дѣло, — шепнулъ Карлъ, присаживаясь къ Вельту и Леону Кону, которые пили вдвоемъ.

— Хочешь денегъ, возьми бумажникъ,—прошепталъ Морицъ, подставляя ему внутренній карманъ сюртука,—но подожди, пойдемъ въ буфетъ. А чортъ! я пьянъ, — бормоталъ онъ, напрасно силясь держаться прямо.

— Можетъ быть, вы присядете и выпьете, а? Есть водочка, коньячокъ, а? — говорилъ Конъ.

— Прикажите мнѣ дать поѣсть, я голоденъ, какъ волкъ, — отвѣчалъ Боровецкій.

Кельнерша принесла горячихъ сосисокъ,—въ буфетѣ ужъ больше ничего не было. Боровецкій началъ ѣсть, не обращая вниманія на окружавшее его общество, которое, раздѣлившись на группы, пило и болтало.

Это была типичная лодзинская молодежь изъ конторъ и складовъ, съ небольшимъ количествомъ фабричныхъ техниковъ и другихъ спецiалистовъ.

Бумъ-Бумъ, несмотря на то, что былъ совершенно пьянъ, ходилъ по залѣ, хлопалъ по своему кулаку, поправлялъ пенснэ, со всѣми пилъ, временами подходилъ къ молодому человѣку, который сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, обвязанный салфеткой, и кричалъ ему на ухо.

— Кузенъ, не спи!

— Zeit ist geld! Чей счетъ? — отвѣчалъ тотъ, не открывая глазъ, машинально стучалъ кружкой по столу и опять засыпалъ.

— Женщина! Оставьте ее въ покоѣ, нѣтъ никакой выгоды быть женщиной, это потеря времени, — говорилъ, смѣясь, извѣстный всѣмъ въ Лодзи Феликсъ Фишбинъ.

— Я человѣкъ, господа, самый настоящiй человѣкъ, — кричалъ кто-то на другомъ концѣ стола.

— Не хвастайтесь! Вы грубая симуляцiя человѣка, — язвилъ Феликсъ.

— Панъ Фишбинъ, можетъ вы и китовый усъ, но ваше дѣло не стоитъ и соломы.

— Панъ Вейнбергъ, вы... ну, вы сами знаете, какъ и мы, кто вы, ха-ха-ха!

— Бумъ-Бумъ, спой-ка маюфесъ, а то жиды ругаются.

— Кенигъ, ты мой другъ, но вижу съ грустью, что ты все глупѣешь. Твоя голова уже вошла къ тебѣ въ брюхо. Я боюсь за тебя. Господа, онъ такъ откармли-

ваетъ себя, что ему скоро не хватитъ собственной шкуры, онъ въ ней не помѣстится, хо-хо!

Всѣ загрохотали, но Кенигъ не отвѣчалъ, пилъ пиво и, сидя безъ сюртука съ растегнутымъ воротомъ рубашки, смотрѣлъ ничего непонимающими глазами на огни.

— Вернемся, докторъ, къ женщинамъ, — началъ Феликсъ, обращаясь къ сосѣду, который сидѣлъ съ опущенной на грудь головой и неутомимо вертѣлъ свои бѣлокурые усики, поминутно стряхивая нервнымъ движеніемъ пыль съ отворотовъ своего сюртука и запихивая въ рукава довольно грязныя манжеты.

— Хорошо, это важный вопросъ, хотя бы съ точки зрѣнія соціально-психологической, —отвѣчалъ докторъ.

— Ну, здѣсь нѣтъ никакого вопроса. Знаете ли вы хоть одну порядочную женщину? — возразилъ Фишбинъ.

— Панъ Феликсъ, вы пьяны! Что вы говорите? Я здѣсь, въ Лодзи укажу вамъ сотни хорошихъ, истиннѣйшихъ и умныхъ женщинъ! — кричалъ докторъ, выведенный изъ своей апатіи, и подскочилъ на креслѣ, съ быстротой молніи отряхивая свой отворотъ.

— Вѣроятно, это ваши паціентки, тогда, конечно, вы должны ихъ хвалить.

— Взявъ съ соціально-психологической точки зрѣнія то, что вы говорите, это... — говорилъ докторъ.

— Съ какой бы точки зрѣнія ни взять, — это четырежды правда. Докажите мнѣ, что это иначе, — прервалъ его Фишбинъ.

— Вѣдь я вамъ говорю.

— Это только слова, только слова, а мнѣ нужны

факты! Я реалистъ, панъ Высоцкій, я позитивистъ. Паненка, кофе и шартрезу!

— Хорошо, хорошо! Сейчасъ дамъ вамъ факты: Боровская, Амзелова, Бибрухъ, ну, что?

— Ха-ха-ха, перечисляйте дальше, — это мнѣ доставляетъ удовольствіе.

— Вы смѣетесь, но это порядочныя женщины! — кричалъ докторъ, разсерженный.

— Откуда вы это знаете? онѣ у васъ были на коммиссіи? — бросилъ цинично Феликсъ.

— Я еще не назвалъ самыхъ лучшихъ, такихъ, какъ Цукерова и Волькманова.

— Ну, эти не въ счетъ. Одну мужъ держитъ подъ замкомъ, у другой нѣтъ времени выглянуть, у нея за три года уже четыре ребенка.

— Кемтерова, а? Гросликова? Что вы на это скажете, — спрашивалъ докторъ.

— Ничего не скажу.

— А, вотъ видите! — проговорилъ сіяя докторъ, закручивая усики.

— Я реалистъ и потому ничего не скажу,—безобразныя женщины въ счетъ не идутъ, это такой плохой товаръ, что даже Леонъ Конъ не взялъ бы его на комиссію, а вѣдь онъ все беретъ.

— Я считаюсь и съ ними, ставлю ихъ въ первомъ ряду. Онѣ, кромѣ обыкновенной, природной честности, обладаютъ еще и нравственностью.

— Нравственность, это что за товаръ? Кто на немъ заработаетъ? — возразилъ Фишбинъ, задыхаясь отъ смѣха.

— Феликсъ, ты сказалъ остроту на сто процен-

ґовъ, — крикнулъ черезъ столъ Леонъ Конъ, аплодируя.

Докторъ не отвѣчалъ, пилъ горячій кофе, который ему налилъ Феликсъ, закручивая усики, отряхивалъ отвороты, заталкивалъ манжеты и, наконецъ, обратился къ своему сосѣду. Послѣдній все время пилъ и протиралъ поминутно краснымъ платкомъ свои очки.

— Вы, панъ адвокатъ, того же мнѣнія о женщинахъ, какъ и панъ Феликсъ? — спросилъ докторъ.

— Фи, это... простите... какъ бы это объяснить... гм, — онъ махнулъ рукой, выпилъ пива и долго зажигалъ потухшую папиросу, смотря на горѣвшую спичку.

— Я спрашиваю васъ, панъ адвокатъ, что вы думаете о женщинахъ? — приставалъ докторъ и, поднявъ лицо, приготовился къ новому спору о женщинахъ.

— Простите, я ничего не думаю, я пью пиво, — онъ пренебрежительно махнулъ рукой и опустилъ лицо въ кружку со свѣжимъ пивомъ, которое поставила передъ нимъ кельнерша.

Онъ долго пилъ, потомъ вытеръ пальцами бѣлую пѣну съ рѣдкихъ рыжеватыхъ усовъ, свисавшихъ надо ртомъ.

— Укажите мнѣ истинную женщину, — я ей пошлю шелку отъ Шмидта и Фитце, шляпу отъ Madame Gustave и небольшой клочокъ бумаги въ одинъ изъ банковъ съ подписью Ґрослика и разскажу вамъ потомъ любопытныя вещи о ней, — началъ снова Фишбинъ, смѣясь.

— Говорите это на Балутахъ, тамъ, можетъ быть,

вамъ повѣрятъ и будутъ цѣнить ваше мнѣніе, но мы вѣдь немного знаемъ васъ, панъ Феликсъ.

— Что это, панъ редакторъ, тоже пускаетъ шпильки?

— Потому что вы говорите такія вещи, что даже крахмалъ съ васъ сыплется, — отвѣтилъ кто-то за редактора, который разсердившись вышелъ въ буфетъ.

— Кузенъ, не спи, — крикнулъ Бумъ.

— Zeit ist Geld! Чей счетъ? — прошепталъ тотъ, постучалъ кружкой объ столъ, хотѣлъ ее поднести ко рту, но рука его опустилась, и кружка съ пивомъ полетѣла на полъ. Онъ этого не замѣтилъ, перевернулся въ креслѣ, закрылъ лицо салфеткой и снова заснулъ.

Чего вы хотите? Пусть прекрасная паненка скажетъ? — шепталъ Леонъ, силясь поцѣловать отбивавшуюся отъ него кельнершу.

— Пустите меня, оставьте меня въ покоѣ, — сказала она и энергично рванулась.

— Чего вы толкаетесь? Я плачу, а то я самъ толкну. Я—Конъ, Леонъ Конъ!

— Какое мнѣ дѣло до вашей фамиліи, пустите меня, — громко закричала она.

— Убирайтесь къ чорту! Schmelz! — бросилъ онъ презрительно вслѣдъ уходившей и началъ стаскивать разстегнутый сюртукъ и жилетъ.

— Морицъ, довольно пьянствовать, пойдемъ домой, есть важное дѣло, — шепталъ Карлъ съ большимъ нетерпѣніемъ; Морицъ сидѣлъ пьяный, закрывъ руками лицо, ничего не понимая, и на все отвѣчалъ только:

— Я Морицъ Вельтъ, Петроковская 75, первый этажъ. Подите къ чорту!

— Панъ Конъ, у меня къ вамъ небольшое дѣло, — прошепталъ Боровецкій.

— Сколько вамъ надо? — спросилъ Леонъ.

Онъ чмокнулъ языкомъ, щелкнулъ пальцами и уже вынулъ бумажникъ.

— Вы быстро соображаете, — улыбнулся Боровецкій.

— Я Леонъ Конъ! Сколько?

— Завтра я скажу это Морицу, я хотѣлъ только убѣдиться... благодарю васъ.

— Вся моя касса, весь мой кредитъ къ вашимъ услугамъ.

— Очень вамъ благодаренъ.

— Срокъ платежа черезъ три мѣсяца.

— Кто говоритъ о срокѣ? Чтобы друзья считались съ такою мелочью?..

— Дай мнѣ содовой, — пробормоталъ Морицъ.

Когда принесли сифонъ, онъ началъ пить прямо изъ него.

— Шубэ, скажи правду, во сколько тебѣ обходится твоя Юзя? — шепталъ кто-то сзади Карла.

— Дорогой товаръ, если хочешь купить его теперь.

— Я подожду до аукціона, я подожду. Но скажи, что она тебѣ стоитъ, въ Лодзи болтаютъ, что до тысячи рублей ежемѣсячно.

— Можетъ быть тысячу, а можетъ быть и пять, я не знаю.

— Ты не платишь?

— Плачу, много плачу — векселями. За квартиру, за мебель, въ модный магазинъ—за все заплатилъ векселями. Откуда я могу знать, сколько все это будетъ мнѣ

стоить. Вотъ когда обанкрочусь, узнаю, скольку возьмутъ со ста.

— Знаешь, это геніально!

— Слышите, панъ Конъ, что говорятъ сзади насъ?— спросилъ Боровецкій.

— Слышу, слышу! Это большая подлость, но умная, ой, о-ой, какая умная!

— Хочешь, я поѣду домой? — спросилъ Морицъ.

— И сейчасъ же. Есть неотложное дѣло, — отвѣтилъ Боровецкій.

— Наше дѣло?

— Наше, чрезвычайно важная вещь, чрезвычайно.

— Если дѣло, — то я почти не пьянъ. Пойдемъ.

Карлъ вышелъ, поддерживая подъ руку Морица, который шатался и не могъ сохранить равновѣсія. За ними въ открытую дверь хлынулъ потокъ смѣха, крика, разлился по тихому, темному двору и канулъ въ пространство ночи. Уже свѣтлѣло надъ Лодзью, черныя трубы начали яснѣе обрисовываться своими красками, крыши блестѣли при свѣтѣ блѣдныхъ зорь, которыя, словно розы нѣжнѣйшаго тона, смѣшаннаго съ жемчугами, разливали свой свѣтъ надъ землей.

Морозъ стянулъ грязь, покрылъ лужи слоемъ льда, побѣлилъ мостки надъ канавами и крупнымъ инеемъ осѣлъ на деревьяхъ.

День обѣщалъ быть хорошимъ.

Морицъ вдыхалъ всею грудью холодный, зимній воздухъ и все болѣе приходилъ въ себя.

— Знаешь, я не помню, чтобы я когда-нибудь такъ напился. Не могу простить себѣ: въ головѣ шумитъ, какъ въ самоварѣ.

— Я напою тебя чаемъ съ лимономъ, и ты отрезвишься. Я приготовилъ тебѣ такую неожиданность, что отъ радости ты захочешь опять напиться.

— Ну, любопытно, что бы это могло-быть.

И сейчасъ же, по пріѣздѣ не будя Матвѣя, который спалъ на колѣняхъ передъ плитой, Боровецкій налилъ воды въ самоваръ и зажегъ подъ нимъ газъ.

Морицъ полилъ себѣ голову холодной водой и почти совсѣмъ отрезвѣлъ; онъ умылся, выпилъ нѣсколько стакановъ чаю и почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо.

— Ну, я ужъ fertig. Чортъ возьми, мнѣ ужасно холодно.

— Максъ, — звалъ между тѣмъ Карлъ, потрясая изо всей силы Баума, но Максъ не отвѣчалъ и только плотнѣе закрывалъ голову сюртукомъ.

— Ничего, спитъ, какъ убитый. Но дѣло такое спѣшное, что я не буду его ждать. Прочитай, Морицъ, внимательно эту телеграмму, только не смотри на адресъ, — условился Боровецкій, подавая ему телеграмму.

— Ба! Но я не понимаю—она шифрована!

— Правда. Сейчасъ прочту.

И онъ началъ медленно, раздѣльно читать, дѣлая ударенія на цифрахъ и датахъ.

Морицъ совершенно отрезвѣлъ, при первыхъ же словахъ вскочилъ со стула и всѣмъ своимъ существомъ вникалъ въ смыслъ телеграммы. Когда Карлъ кончилъ и торжествуя поднялъ на него глаза, Морицъ стоялъ неподвижно, обдумывая предпріятіе, насаживая себѣ на носъ пенснэ, которое совершенно не хотѣло держаться; онъ улыбнулся нѣжной улыбкой влюбленнаго, нервно

теребилъ свою прекрасную бороду и наконецъ, торжественно сказалъ:

— Знаешь, Карлъ, у насъ уже есть будущность, мы будемъ имѣть большія деньги. Эта телеграмма стоитъ ста тысячъ рублей, ну, пятидесяти не менѣе! Мы можемъ ради этого торжества поцѣловаться! Какое дѣло! какое дѣло! — И онъ сунулся къ Боровецкому, на самомъ дѣлѣ желая въ радостномъ возбужденіи сердечно поцѣловать его.

— Успокойся, Морицъ! Намъ теперь нужны наличныя, а не поцѣлуи.

— Да, ты правъ, намъ теперь нужно денегъ и денегъ, — отвѣчалъ Морицъ.

— Чѣмъ больше мы купимъ, тѣмъ больше заработаемъ.

— Что будетъ дѣлаться въ Лодзи! Ай! ай! Если объ этомъ знаютъ Шая или Бухгольцъ, если они много закупятъ, то другимъ придется только пищать. Откуда ты это узналъ?

— Морицъ, это моя тайна, моя награда, — онъ улыбнулся про себя, вспомнивъ Люси.

— Эта тайна — твой капиталъ. Меня удивляетъ только одно.

— Что такое?

— Я этого, Карлъ, не ожидалъ отъ тебя. Будемъ совершенно откровенны. Я не ожидалъ, что ты, имѣя такое дѣло въ рукахъ, захочешь подѣлиться съ нами.

— Это оттого, что ты меня не знаешь.

— Но знаешь ли, что послѣ этого факта я знаю тебя еще меньше, — и онъ посмотрѣлъ на него подо-

зрительно. Онъ не могъ понять, какъ можно добровольно дѣлиться барышами.

— Я аріецъ, а ты семитъ, — въ этомъ все объясненіе.

— Не вижу, не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать.

— Только то, что я хочу заработать денегъ, но для меня міръ не ограничивается милліонами, а ты видишь цѣль своей жизни только въ добываніи денегъ. Ты хочешь денегъ ради денегъ и добываешь ихъ безъ оглядки, не разбираясь въ средствахъ.

— Каждое средство хорошо, если оно помогаетъ.

— Вотъ это и есть настоящая семитская философія.

— Съ чѣмъ же я долженъ считаться? Собственно говоря, такая философія не арійская и не семитская, а просто купеческая.

— По меньшей мѣрѣ. Мы когда-нибудь въ другой разъ поговоримъ объ этомъ подробнѣе. Я потому дѣлюсь съ вами, что вы мои компаньоны и давнишніе друзья. Наконецъ моя честь подсказываетъ мнѣ оказать услугу друзьямъ.

— Дорогая честь.

— Ты ее оцѣниваешь?

— Все оцѣнивается.

— Также и наша давнишняя дружба?

— Карлъ, ты не смѣйся, но я тебѣ скажу, — если твою дружбу перевести на деньги, то благодаря ей, благодаря тому, что мы вмѣстѣ живемъ, я имѣю болѣе двадцати тысячъ кредита. Говорю тебѣ откровенно.

Боровецкій искренно разсмѣялся, глубоко довольный словами Морица.

— То, что я сдѣлалъ, сдѣлалъ бы и ты съ Максомъ.

— Я боюсь, Карлъ, очень боюсь, что Максъ умный человѣкъ, что онъ купецъ... Но что касается меня, то я бы сдѣлалъ это съ удовольствіемъ.

Онъ началъ гладить бороду и надѣвать пенснэ, чтобы скрыть выраженіе глазъ, которые говорили о совершенно противоположномъ.

— Ты шляхтичъ, ты на самомъ дѣлѣ фонъ Боровецкій.

— Максъ! вставай! Соня! — крикнулъ на ухо Бауму Боровецкій.

— Не буди меня! — зарычалъ тотъ въ бѣшенствѣ, размахивая ногами.

— Не лягайся, вставай, есть неотложное дѣло.

— Карлъ, зачѣмъ ты его будишь? — шепнулъ тихо Морицъ.

— Мы всѣ трое должны посовѣтоваться...

— Почему бы намъ не сдѣлать этого дѣла вдвоемъ?

— Потому что мы его сдѣлаемъ втроемъ, — отвѣтилъ холодно Боровецкій.

— Я тоже говорю? Мы уладили бы его безъ него, а когда онъ выспится и встанетъ, сообщимъ ему все! Мы вѣдь въ Лодзи слывемъ за дружную компанію.

Морицъ все быстрѣе ходилъ по комнатѣ, мечтая о будущихъ барышахъ, сыпалъ цифрами, на минуту присаживался къ столу, бралъ обѣими руками стаканъ съ чаемъ и пилъ; онъ такъ разнервничался, что пенснэ безпрестанно падало съ его носа прямо къ нему въ стаканъ; онъ вынималъ его, вытиралъ о полу сюртука и снова бѣгалъ; временами наклоняясь надъ столомъ, онъ выписывалъ на клеенкѣ цѣлые столбцы

цифръ, который сейчасъ же стиралъ, послюнивъ палецъ.

Между тѣмъ, выспавшись, Баумъ всталъ, выругался на нѣсколькихъ языкахъ, выпилъ огромное количество чаю, съѣлъ всѣ остатки ужина, какіе еще были на тарелкахъ, зажегъ коротенькую англійскую трубку и, поглаживая свою маленькую лысинку, проворчалъ:

— Чего вамъ надо? Говорите скорѣе, — я хочу спать.

— Ты не пойдешь спать, когда узнаешь что-то.

— Не болтай вздора.

Карлъ прочиталъ ему телеграмму.

Морицъ изложилъ планъ, который былъ очень простъ: надо побольше денегъ и сейчасъ же въ Гамбургѣ закупить сколько можно сырого хлопка и отправить его въ Лодзь, пока не вышло правило о повышеніи пошлинъ и тарифа. А потомъ продать, разумѣется, съ возможно большимъ барышомъ.

Баумъ долго думалъ, что-то записывалъ у себя въ памятной книжкѣ, выкурилъ трубку, вытрясъ пепелъ на блюдечко и, потянувшись, сказалъ:

— Запишите за мной десять тысячъ рублей, больше я не могу. Спокойной ночи!

Онъ всталъ съ кресла и повернулся, чтобы итти спать.

— Подожди, мы вѣдь должны сговориться. Выспишься еще.

— Чортъ васъ возьми со всѣми вашими совѣщаніями Ахъ, эти поляки! Въ Ригѣ я цѣлыхъ три года

не высыпался, всѣ ночи у меня совѣщались... и въ Лодзи то же самое.

Онъ неохотно сѣлъ и началъ набивать трубку.

— Морицъ, сколько даешь? — спросилъ Боровецкій.

— Тоже десять тысячъ. Сразу не достану больше.

— Ну и я столько же, — отвѣчалъ Боровецкій.

— Прибыль и убытки поровну, — замѣтилъ Морицъ.

— А кто же изъ насъ поѣдетъ? — спросилъ Баумъ.

— Ѣхать можетъ только Морицъ, такъ какъ въ этомъ онъ понимаетъ толкъ да и кромѣ того это его спеціальность, — сказалъ Боровецкій.

— Хорошо, я поѣду. Сколько дадите наличными?

— У меня пятнадцать рублей, можешь заложить мое брилліантовое кольцо у своей тетки, она даетъ тебѣ больше, чѣмъ мнѣ, — проговорилъ иронически Максъ.

— У меня съ собой сейчасъ... четыреста рублей, могу дать триста, — высчитывалъ Карлъ.

— А кто поручится за твои векселя, Баумъ?

— Я дамъ наличными.

— Если я не достану наличными, то выдамъ вексель съ хорошимъ ручательствомъ.

Стало тихо. Максъ положилъ голову на столъ и смотрѣлъ на Морица, который что-то быстро писалъ и высчитывалъ.

Карлъ медленно ходилъ по комнатѣ и нюхалъ какіе-то освѣжающіе духи въ дорогомъ флаконѣ.

Былъ уже день, и въ окна, завѣшенныя кружевными гардинами, вливался бѣлый, рѣзкій утренній свѣтъ, ослабляя лампы и свѣчи, горѣвшія въ большихъ бронзовыхъ канделябрахъ.

Полнѣйшая тишина, тишина воскресной Лодзи разлилась по городу и проникла во внутренность дома. Далекое громыханіе извозчика по застывшей грязи прозвучало, словно громъ, въ пустой, какъ-будто вымершей улицѣ.

Карлъ отворилъ форточку подышать немного свѣжимъ воздухомъ и выглянулъ на улицу.

Иней, покрывшій мостовую и крыши, искрился брилліантами на солнцѣ, которое поднялось гдѣ-то далеко, за Лодзью, за фабриками, за трубами, похожими на густой и угрюмый лѣсъ; онѣ виднѣлись изъ оконъ дома и вырисовывали на фонѣ золотисто-голубого неба свои могучіе, мрачные силуэты.

— А если это дѣло не удастся?—прошепталъ Боровецкій, отходя отъ окна.

— Ну, потеряемъ, чортъ возьми, и больше ничего,—проворчалъ Максъ равнодушно.

— Мы можемъ потерять втройнѣ: деньги, проценты и фабрику, — прибавилъ Боровецкій.

— Этого не будетъ, — воскликнулъ Максъ, ударяя злобно по столу. — Мы должны имѣть фабрику. Я съ отцомъ долго не выдержу, да, впрочемъ, развѣ мой отецъ долго протянетъ? Ну, еще годъ, два, и его съѣстъ Цукеръ, — онъ уже началъ насъ подрывать,—выдѣлывать нашъ товаръ подъ наши покрывала на постели и цвѣтныя одѣяла, но продаетъ ихъ на 50% дешевле; онъ насъ живьемъ съѣстъ. А я не родился работникомъ для чужого дѣла. Мнѣ уже тридцать лѣтъ, я долженъ начать работать для себя.

— Я тоже думаю, что это невозможно; фабрику,

какъ бы тамъ ни было, мы должны имѣть. Я тоже не выдержу дольше у Бухгольца.

— Боитесь? — прошепталъ Морицъ.

— Какъ не бояться, когда мы рискуемъ все потерять.

— Ты, Карлъ, не пропадешь ни въ какомъ случаѣ; ты со своимъ знаніемъ спеціалиста, со своимъ именемъ, со своимъ von и лицомъ, — всегда добудешь милліонъ, хотя бы съ дочерью Мюллера въ придачу.

— Не болтай глупостей, — у меня невѣста, которую я люблю.

— Развѣ это мѣшаетъ? Можно имѣть сразу двухъ невѣстъ, любить обѣихъ и жениться на третьей, у которой будутъ деньги.

Карлъ ничего не отвѣчалъ, — ему вспомнилась панна Мада и ея наивное щебетаніе; онъ ходилъ по комнатѣ, Максъ, сидя на столѣ, дымилъ трубкой, болталъ своими длинными ногами и подставлялъ лицо подъ лучи солнца, которое, проникнувъ черезъ окна, бросало длинныя золотистыя полосы, полныя дрожащей пыли, — на его заспанное лицо и на черную голову Морица, сидѣвшаго съ другой стороны стола.

— Если вы боитесь риска, то я дамъ вамъ совѣтъ, или скорѣе скажу, что это дѣйствительно рискованно. Что, если объ этомъ извѣстіи знаетъ вся хлопчато-бумажная Лодзь и я ихъ всѣхъ застану въ Гамбургѣ? А хлопокъ сразу повысится въ цѣнѣ изъ-за большого и неожиданнаго спроса на него? А въ Лодзи намъ некому будетъ продовать? тогда что? — сказалъ Морицъ.

— Мы переработаемъ его на своей фабрикѣ и за-

работаемъ еще больше, — прошепталъ Максъ, подставляя подъ солнце одно ухо и часть головы.

— Но есть выходъ. Тоже заработаете, но безъ риска.

— Какимъ образомъ? — спросилъ Карлъ, останавливаясь.

— Уступите мнѣ все это дѣло. Я вамъ дамъ по пяти, ну, по десяти тысячъ отступного наличными, bares Geld, черезъ нѣсколько часовъ.

— Свинья, — пробормоталъ Максъ.

— Оставь его въ покоѣ, Максъ, онъ это дѣлаетъ по дружбѣ.

— Конечно, по дружбѣ, — если я потеряю, то вы все же будете имѣть фабрику, а если я заработаю, вамъ это также не повредитъ.

— Не будемъ тратить время на пустую болтовню, надо итти спать. Купимъ всѣ вмѣстѣ на общій рискъ. А ты, Морицъ, сегодня ѣдешь въ Гамбургъ.

— А если онъ обманетъ? Купитъ на наши деньги, а потомъ скажетъ, что купилъ для себя, его хватитъ на это! — воскликнулъ Максъ.

— Что жъ моя дружба и мое слово—ничего не значатъ, что ты говоришь, Максъ!—закричалъ оскорбленный Морицъ.

— Твое слово — золото, твоя дружба — хорошій вексель, но дай обезпеченье — это вѣдь торговое дѣло.

— Мы покончимъ такъ: Морицъ будетъ покупать и сейчасъ же высылать скорымъ фрахтомъ—наложеннымъ платежомъ. Мы же будемъ выкупать.

— А чѣмъ вы завѣрите, что не выставите меня изъ компаніи, а? — спросилъ Морицъ.

— Свинья,—крикнулъ глубоко задѣтый Максъ, ударяя рукой по столу.

— Тише, Максъ, онъ правъ. Напишемъ сейчасъ договоръ, который позже въ обыкновенномъ порядкѣ засвидѣтельствуемъ у нотаріуса.

Они сейчасъ же составили текстъ договора, съ многочисленными пунктами, на производство торговли суроваго хлопка.

Въ договорѣ было все предусмотрѣно.

— Ну, теперь мы стоимъ на реальной почвѣ. Сколько вы мнѣ назначите за веденіе этого дѣла? — спросилъ Морицъ.

— Пока обыкновенныя комиссіонныя за покупку, а послѣ увидимъ, — отвѣчалъ Карлъ.

— Дайте мнѣ впередъ, сколько можете. Я вамъ составлю счетъ расходовъ, какіе у меня будутъ въ Гамбургѣ, и за убытки по своей агентурѣ, которую я пропущу изъ-за этой поѣздки.

— Свинья, — сказалъ въ третій разъ Максъ, повертываясь другой стороной лица къ солнцу.

— Максъ, ты меня три раза назвалъ свиньей, я же скажу тебѣ только разъ: дуракъ! Ты помни, что мы тутъ не въ любовь играемъ, не въ бракъ вступаемъ, а дѣлаемъ дѣло. Ты бы обманулъ самого Бога, если бы могъ, а меня называешь свиньей, когда я хочу взять только то, что мнѣ слѣдуетъ. Ну, пусть скажетъ Карлъ.

— Поди къ чорту, проваливай.

— Ну, миръ, не ссорьтесь больше. Ты ѣдешь ночью, курьерскимъ?

— Да.

— Только, мой дорогой, помни, ни сегодня, ни послѣ никто не долженъ знать, откуда мы достали это извѣстіе о хлопкѣ.

— Развѣ мы что-нибудь знаемъ?

— Тайна, о которой знаютъ трое, уже не будетъ тайной.

— Идите спать. Ты, Карлъ, только не буди меня. Морицъ, я поцѣлую тебя на дорогу, больше не увидимся до отъѣзда, встану поздно. Ну, будь здоровъ, мальчикъ, не надуй только насъ, — проговорилъ онъ шутливо, сердечно цѣлуясь съ Морицомъ; несмотря на свои постоянныя ссоры и придирки, они все же очень любили другъ друга.

— Развѣ тебя кто-нибудь обманетъ, — проворчалъ Морицъ какъ бы съ сожалѣніемъ.

— Ты добрый малый, Морицъ, но отъ тебя за версту пахетъ плутомъ.

Было уже послѣ двѣнадцати, когда Карлъ проснулся.

Солнце свѣтило прямо въ окно и заливало свѣтомъ всю комнату, меблированную съ утонченнымъ вкусомъ.

Матвѣй, умытый, одѣтый по-праздничному, на цыпочкахъ вошелъ въ комнату.

— Есть что-нибудь? — спросилъ Карлъ, такъ какъ Бухгольцъ часто ночью присылалъ ему свои распоряженія.

— Съ фабрики ничего нѣтъ. Только пришли люди изъ Курова съ письмомъ. Ждутъ васъ.

— Пусть подождутъ. Принеси письмо и имъ дай чаю. Ты трезвъ?

— Совершенно, панъ директоръ.

— Я ужъ вижу, ты позаботился о своей физіономіи.

Матвѣй опустилъ глаза и началъ переступать съ ноги на ногу.

— Если еще разъ напьешься, можешь больше не показываться.

— Больше ужъ не буду.

Онъ ударилъ себя въ грудь такъ, что загудѣло.

— У тебя не болитъ голова?

— Нѣтъ. Но меня мучаетъ моя обида. Очень прошу пана, чтобы мой дорогой панъ разрѣшилъ мнѣ... за это ужъ я буду, какъ песъ, служить.

— Что я могу тебѣ разрѣшить? — спросилъ Боровецкій съ удивленіемъ и началъ одѣваться.

— Разрѣшите мнѣ посчитать немного ребра этимъ швабамъ, что меня такъ отпотчевали.

— Ты такой мстительный?

— Нѣтъ, я не мстительный, но меня заботитъ то, что пролита моя католическая кровь—этого я не могу простить.

— А! дѣлай, что тебѣ нравится! Смотри только, чтобы они еще лучше не раздѣлали твою физіономію.

— Ужъ я имъ такъ теперь задамъ, — прошепталъ онъ миститeльно, стиснувъ зубы отъ злобы, нахлынувшей на него внезапно.

Его синяки на лицѣ сдѣлались багровыми отъ волненія.

Карлъ одѣлся и пошелъ будить пріятелей.

Но уже никого не было.

— Матвѣй, господа давно ушли?

— Панъ Баумъ всталъ въ девятомъ часу, телефонировалъ домой, чтобы прислали лошадей, и, какъ только ихъ подали, онъ уѣхалъ.

— Ну, ну, и чудеса!

— А панъ Морицъ вышелъ около одиннадцати. Приказалъ мнѣ уложить чемоданъ и отправить его на ночной курьерскій.

— Зови тѣхъ людей. Но что со мной? — подумалъ онъ, растирая виски, чувствуя тяжесть въ головѣ и общее недомоганіе.

По тѣлу пробѣгала нервная дрожь. Не хотѣлось сидѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ отвращеніе встать и двигаться.

Происшествія минувшей ночи: театръ, ложа, Люси, ресторанъ, телеграмма, Морицъ и Баумъ пробѣгали въ его мозгу туманными образами и исчезая оставляли послѣ себя тоску и скуку.

Онъ засмотрѣлся на тонкую хрустальную вазочку съ прелестнымъ золотымъ рисункомъ; золотыя французскія лиліи на фонѣ ярко-пурпурнаго хрусталя, сквозь который просвѣчивало солнце и отбрасывало кроваво-желтую тѣнь на желтую шелковую покрышку стола.

«Красивое сочетаніе», думалъ онъ, но ему не хотѣлось и смотрѣть.

— Благословенно имя Господне!

Онъ обернулся въ вошедшимъ крестьянамъ.

— А, вы изъ Курова? Есть письмо отъ барышни?

Онъ протянулъ руку и замѣтилъ, что она пожелтѣла.

— Есть. Дай-ка, мать, вельможному пану, — сказалъ серьезно мужикъ въ бѣлой свиткѣ, обшитой по швамъ черной тесемкой, въ штанахъ съ поперечными красными, бѣлыми и зелеными полосами, въ малиновой жилет-

кѣ съ мѣдными пуговицами и красномъ поясѣ; онъ стоялъ выпрямившись у двери, прижималъ къ груди барашковую шапку и сурово смотрѣлъ своими голубыми глазами на Боровецкаго, по временамъ откидывая движеніемъ головы гриву бѣлыхъ волосъ, похожихъ на выбѣленную коноплю, которые падали на тщательно выбритое лицо.

Женщина вынула письмо, завернутое чуть ли не въ десять тряпочекъ, развернула его и подала Боровецкому, поклонившись ему въ ноги.

Онъ быстро пробѣжалъ письмо и спросилъ:

— Васъ зовутъ Соха?

— Да, зовутъ Соха, говори же, мать, — шепнулъ мужикъ, толкая локтемъ жену.

— Вѣрно, зовутъ его Соха, а я его жена, мы пришли просить у вельможнаго пана инженера работы на фабрикѣ... — она остановилась, поглядывая на мужа.

— Вѣрно, работы, говори, мать, по порядку.

— Отецъ и мать барышни пишутъ мнѣ о вашемъ несчастіи. Вы погорѣли?

— Да, погорѣли, разскажи же, мать, какъ было.

— А вотъ какъ это было, вельможный панъ, я разскажу по совѣсти, какъ на исповѣди. Наша хата стояла сейчасъ же за усадьбой, на краю деревни. Земли мой мужикъ купилъ всего два морга и двадцать пять прентовъ, продалъ ихъ нашъ старый панъ, отецъ вельможнаго пана за триста злотыхъ. Нельзя было этимъ прокормиться. Картофель былъ свой, корова, свинья и лошадь были, — мой старикъ ѣздилъ извозчикомъ въ городъ, возилъ разныхъ людей на желѣзную дорогу, иногда за рубль даже. А меня барышня постоянно

звала къ себѣ на послуги, то постирать, то полотна ткать, то, когда корова телилась. Святая барышня, нашего Валька такъ выучила, что мальчикъ знаетъ и по печатному и по писанному, службу знаетъ хорошо, такъ какъ прислуживаетъ ксендзу Симону за обѣдней. А мальчику всего десятый годъ, — она замолчала, чтобы вытереть носъ передникомъ и глаза, прослезившіеся отъ полноты чувствъ.

— Правда, моему сыну Вальку десятый годъ, говори, мать, все точно, — шепнулъ степенно мужикъ.

— Да, десятый, не то съ Рождества пошелъ, не то съ Успенія.

— Говорите скорѣй, у меня нѣтъ времени, — попросилъ Боровецкій, который хотя скучалъ во время этого безтолковаго повѣствованія и мало слушалъ, но сидѣлъ терпѣливо, зная, что крестьяне любятъ прежде всего наговориться вдоволь, слушалъ ихъ съ такимъ терпѣніемъ главнымъ образомъ потому, что они были изъ Курова.

— Говори, мать, про остальное, вельможный панъ спѣшитъ.

— И вотъ съ Божьей милостью и добротой барышни да еще у старика вотъ была лошадь, много помогавшая намъ, иногда удавалось продать то курицу, то поросенка, то гуся или немного молока, масла, яицъ, — жилось намъ ничего. Вся деревня завидовала, что мы-молъ первые были въ усадьбѣ, что насъ барышня любитъ, что въ хатѣ были святые образа красивые, въ золотыхъ рамкахъ, и одежда хорошая, и не дрались мы, потому что барышня всегда говорила, что это грѣхъ и обида Божьему имени; мой мужикъ и у

ксендза Симона часто бывалъ и возилъ его на желѣзную дорогу, за все это на насъ были злы. А больше всѣхъ Петрокова, ея межа рядомъ съ нашей. Она такая сварливая, что ксендзъ Симонъ не разъ съ амвона напоминалъ ей объ этомъ. Ничего не помогало, постоянно задиралась со мной. И такая негодная, лаялась по всей деревнѣ, что я изъ усадьбы кашу выношу, а мой мужикъ крадетъ сѣно изъ господскихъ стоговъ. Видѣли вы такихъ людей! Пусть отвалится у нея проклятый языкъ за ея сплетни, если мы что-нибудь брали. Еще и другое говорила!

— Что же она еще сдѣлала? говорите, — сказалъ Боровецкій почти съ отчаяніемъ. Женщина, ободренная его участливымъ взглядомъ, тараторила все больше и больше.

— Изъ-за нея мы и сгорѣли. Дѣло было такъ. Это часто по-сосѣдски случается — мои гуси, ужъ такіе большіе, что меньше пятидесяти копеекъ ихъ нельзя было продавать, зашли на ея поле, и потравы-то не было, такъ немного пощипали травки, а эта сука зачумленная натравила на нихъ собакъ. Чтобъ при смерти ей не видѣть Бога! чтобъ... Вотъ и пропало пять гусей. Сколько я наплакалась, трудно даже сказать. Старикъ пріѣхалъ, я ему разсказала, а онъ и говоритъ: отъ такой ничѣмъ не спасешься, избить ее только хорошенько, такъ, чтобъ кости повылѣзли.

— Правда, я такъ и сказалъ, говори дальше, мать.

— Избила я ее, оттрепала за волосы, что у нея, какъ у вѣдьмы, испачкала ее въ навозѣ, какъ суку. А она потомъ у меня поросенка убила. Стали судиться.

Пусть по справедливости разсудятъ, кто правъ, кто виноватъ! — воскликнула она, распиная руки.

— А когда же она васъ сожгла?

— Я не говорю, что она, а изъ-за нея, потому когда мы были въ судѣ, вбѣгаетъ сторожъ и кричитъ: хата Сохова горитъ! Іисусъ, Марія, меня будто кто избилъ, съ мѣста не могла тронуться!

— Ну, довольно, я понимаю. Теперь вы хотите найти работы на фабрикѣ?

— Да, вельможный панъ. Мы теперь стали нищими — все у насъ сгорѣло и изба, и сараи и весь инвентарь, остается только милостыню просить.

Она начала судорожно плакать, а мужикъ продолжалъ степенно стоять, всматриваясь въ Боровецкаго, откидывая движсніемъ головы гриву, поминутно падавшую ему на глаза и лицо.

— Вы кого-нибудь знаете въ Лодзи?

— Есть наши: Антекъ Михаловъ, говори, мать, по порядку.

— А гдѣ ихъ искать, не знаешь.

— Зайдите ко мнѣ, Соха, во вторникъ, около часу. Я найду вамъ работу. Матвѣй! — крикнулъ онъ лакею, — пріищи имъ помѣщенье и позаботься о нихъ.

Матвѣй недовольно и презрительно смотрѣлъ на нихъ.

— Ну, ступайте съ Богомъ, а во вторникъ приходите.

— Придемъ. Говори же, мать!

Женщина наклонилась къ ногамъ Карла и, обнимая ихъ, просила:

— Вотъ отъ послѣдней курочки, не сгорѣвшей, я

набрала десятокъ яицъ, возьмите, вельможный панъ, на здоровье, даю ихъ вамъ отъ чистаго сердца, — и она положила узелокъ къ его ногамъ.

— Правда, возьмите ихъ на здоровье, — и мужикъ тоже поклонился ему въ ноги.

— Ну, хорошо, благодарю васъ, приходите во вторникъ.

Онъ оставилъ ихъ и прошелъ въ другую комнату.

— Что за ископаемые люди, какіе-то пережитки, — бормоталъ онъ, тронутый, сѣлъ и началъ читать письмо отъ невѣсты.

«Мой дорогой панъ Карлъ!

«Сердечно благодарю за послѣднее письмо. Оно доставило дѣдушкѣ большое удовольствіе, а меня растрогало до слезъ и привело въ восхищеніе. Какой вы добрый! Съ нарочнымъ прислали цвѣты!»

Онъ насмѣшливо улыбнулся, — цвѣты эти онъ получилъ отъ любовницы, и въ такомъ количествѣ, что не зналъ, куда ихъ дѣвать, и послалъ невѣстѣ.

«Какія прелестныя розы! Вѣроятно, не лодзинскія? а можетъ быть, мой дорогой панъ, вы выписали ихъ изъ Ниццы, какъ въ прошлый разъ? Это и радуетъ и печалитъ меня, такъ какъ я не могу отвѣтить вамъ чѣмънибудь столь же прекраснымъ. Знаете, они еще сегодня, спустя двѣ недѣли, почти не завяли — это удивительно. Правда, я очень ухаживаю за ними, нѣтъ ни одного листочка, которому не сказала бы, коснувшись губами: люблю. Но... дѣдушка смѣется надо мной

и говоритъ, что напишетъ вамъ объ этомъ, но лучше ужъ я сама признаюсь. Вы за это не сердитесь, правда?..»

— Анка, моя дорогая, — прошепталъ онъ растроганный и съ просвѣтлѣвшими глазами продолжалъ читать:

«Съ деньгами все улажено, — онѣ лежатъ въ коммерческомъ банкѣ въ вашемъ распоряженіи, такъ какъ я велѣла записать ихъ на ваше имя, то-есть, на наше»...

— Золотая дѣвушка!

«Когда же будетъ ваша фабрика? Я съ такимъ нетерпѣніемъ ее жду, такъ хочется поскорѣе увидѣть моего дорогого пана фабрикантомъ! А дѣдушка сдѣлалъ себѣ даже свистокъ, будитъ имъ насъ и сзываетъ къ завтраку и обѣду.

«Вчера былъ у насъ панъ Адамъ Ставскій. Вы помните его? вы, кажется, вмѣстѣ были въ гимназіи? Онъ разсказывалъ любопытныя и смѣшныя подробности изъ вашей жизни. Отъ него я только узнала, что мой любимый панъ Карлъ былъ таки порядочный вѣтрогонъ и пользовался еще въ гимназіи большимъ успѣхомъ у женщинъ. Но дѣдушка положительно отрицаетъ это и говоритъ, что панъ Адамъ отчаянный лгунъ. Кому прикажете вѣрить?

«Панъ Адамъ потерялъ все, имѣніе его продано Обществомъ, скоро собирается ѣхать въ Лодзь, зайдетъ къ вамъ».

— Еще одинъ неудачникъ! — прошепталъ онъ недовольно.

«У него есть какой-то проектъ важнаго изобрѣтенія, и предполагаетъ, что съ нимъ составитъ въ Лодзи капиталъ».

— Идіотъ! не онъ первый и не онъ послѣдній!

«Надо кончать письмо, глаза слипаются, и дѣдушка уже говоритъ, что спать пора. Покойной ночи, король мой золотой, покойной ночи. Завтра напишу больше. Спокойной ночи!

Анка».

Въ припискѣ она еще разъ горячо просила за подателей письма.

— Деньги есть, это хорошо, очень хорошо, двадцать тысячъ рублей. Золотая дѣвушка! Безъ колебаній отдаетъ свое приданое.

Онъ еще разъ прочиталъ письмо и спряталъ его въ конторку.

— Золотая, добрая, самоотверженная дѣвушка! но... Но зачѣмъ это — но! Чортъ возьми! — онъ топнулъ ногой по ковру и началъ безсознательно разбирать кучу бумагъ на столѣ.

«Да, добрая, можетъ быть, лучшая изъ всѣхъ, какихъ я знаю, но, но... какое мнѣ дѣло до нея?.. Развѣ я ее люблю? Развѣ я любилъ ее когда-нибудь? Надо искренне отнестись къ этому вопросу», думалъ онъ, припоминая всѣ подробности.

— Лошади пана Бухгольца пріѣхали за паномъ директоромъ, — доложилъ Матвѣй.

Онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ Бухгольцу.

Бухгольцъ жилъ въ самомъ концѣ города, возлѣ своей фабрики. Въ большомъ паркѣ, граничившемъ съ одной стороны со стѣнами фабрики, которая надъ нимъ возвышалась, стоялъ одноэтажный домъ, называемый дворцомъ, въ стилѣ лодзинско-берлинскаго ренесанса, съ башнями по угламъ, съ цѣлымъ рядомъ украшен-

ныхъ вышекъ, съ террасой на крышѣ, обнесенной желѣзной балюстрадой.

Группа большихъ, печальныхъ березъ бѣлѣла на среднемъ газонѣ передъ подъѣздомъ дворца. Дорожки были посыпаны мелкимъ углемъ и извивались, какъ полосы черной сажи среди обвязанныхъ соломой розъ и тропическихъ деревьевъ, которыя, вдоль и поперекъ подъ прямымъ угломъ, словно часовые, окружали большой четырехугольный газонъ съ четырьмя статуями по угламъ, завернутыми на зиму въ порыжѣвшую отъ дождя и морозовъ бумазею.

Въ одномъ концѣ парка, подъ красными стѣнами фабрики, сквозь низкіе кусты и деревья блистали на солнцѣ окна оранжереи.

Паркъ имѣлъ печальный и запущенный видъ. Лакей въ черной ливреѣ открылъ Боровецкому большую дверь въ переднюю, устланную ковромъ, съ фотографіями фабрикъ, группъ рабочихъ и планами имѣнія Бухгольца по стѣнамъ.

Четыре двери вели въ глубь дома и узкая желѣзная лѣстница — на вышку.

Большой желѣзный фонарь въ готическомъ стилѣ, висѣвшій подъ потолкомъ, бросалъ мягкій свѣтъ, который нѣжными, словно выцвѣтшими пятнами, падалъ на темный коверъ и выложенныя деревомъ стѣны.

— Гдѣ панъ директоръ?

— Наверху, въ своемъ кабинетѣ.

Лакей пошелъ впередъ, приподнималъ портьеры, отворялъ двери. Боровецкій медленно шелъ за нимъ по великолѣпнымъ комнатамъ съ тяжелою и внуши-

тельною мебелью, почти совершенно темнымъ отъ спущенныхъ шторъ. Его охватила полнѣйшая тишина, — звуки шаговъ замирали въ коврахъ.

Торжественная, холодная важность царила въ квартирѣ. Мебель стояла въ темныхъ чехлахъ, зеркала, большія люстры, канделябры, даже картины были завѣшены и тонули въ мракѣ. Блестѣли лишь бронзовыя украшенія майоликовыхъ печей и позолоты лѣпныхъ потолковъ.

— Herr von Borowetzki, — важно доложилъ лакей въ одной изъ комнатъ, гдѣ у окна, въ глубокомъ креслѣ, съ чулкомъ въ рукахъ сидѣла жена Бухгольца.

— Gut morgen, Herr Borowetzki, — сказала она первая, вынула спицу и какъ-то автоматически подала ему руку.

— Gut morgen, Madame, — отвѣчалъ Боровецкій, цѣлуя ея руку, и прошелъ дальше.

— Собака, собака, — закричалъ за нимъ попугай, уцѣпившись за подоконникъ.

Бухгольцъ ласково погладила его, улыбнулась привѣтливо стаѣ воробьевъ, прыгавшихъ подъ окнами на деревьяхъ, посмотрѣла въ окно на паркъ, гдѣ все было залито солнцемъ, и снова принялась за чулокъ.

Боровецкій нашелъ Бухгольца въ его угловомъ кабинетѣ.

Онъ сидѣлъ передъ большою печью изъ зеленыхъ, данцигскихъ изразцовъ съ чудеснымъ орнаментомъ и безпрестанно поправлялъ въ ней горѣвшія дрова своей неразлучной палкой.

— Добрый день! Песъ, кресло барину, — громко

закричалъ онъ лакею, стоявшему у двери и готовому исполнить малѣйшее желаніе хозяина.

Карлъ сѣлъ возлѣ него, спиной къ стѣнѣ. Бухгольцъ поднялъ свои ястребиные, красные глаза на Боровецкаго и довольно долго и пристально глядѣлъ на него.

— Все боленъ, — прошепталъ онъ, указывая на ноги, завернутыя въ бѣлую фланель и лежавшія на табуретѣ передъ огнемъ, словно два свертка матеріи.

— Все то же? ревматизмъ?

— Да, да, — шепталъ онъ, и какая-то болѣзненная судорога искривила его изсѣра-желтое круглое лицо.

— Жаль, что вы, панъ директоръ, не уѣхали на зиму въ Санъ-Ремо или еще куда-нибудь на югъ.

— Развѣ это помогло бы? Я только доставилъ бы удовольствіе Шаѣ и всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ, чтобы я издохъ какъ можно скорѣе. Песъ, поправь, — крикнулъ онъ лакею, указывая на свою ногу, сползшую съ табурета,—осторожнѣе! осторожнѣе!—закричалъ онъ.

— Я думаю, немногіе хотѣли бы вашей смерти, никто, пожалуй, въ Лодзи не хочетъ этого, я увѣренъ, что никто.

— Что вы мнѣ говорите! всѣ хотятъ, чтобы я умеръ, всѣ,—и потому именно на зло всѣмъ я буду жить еще долго, вы думаете, у меня нѣтъ враговъ, а?

— У кого ихъ нѣтъ.

— Сколько бы далъ Шая за мою смерть, какъ вы думаете?

— Я допускаю только, что за ваше банкротство, если бы оно было возможно, онъ далъ бы много, даже очень много, несмотря на свою скупость.

— Вы думаете? — прошепталъ Бухгольцъ, и глаза его засверкали ненавистью.

— Вся Лодзь знаетъ это.

— Онъ и тогда бы надулъ, заплатилъ бы фальшивыми деньгами или ничего нестоящими векселями. Песъ!.. — онъ опустилъ голову на грудь, на старый ватный халатъ съ заплатами на локтяхъ, и смотрѣлъ на огонь.

Боровецкій, хорошо знавшій, какъ держаться съ милліонерами, не осмѣливался говорить и терпѣливо ждалъ, пока начнетъ Бухгольцъ.

Онъ осматривалъ кабинетъ, обитый темно-вишневымъ шелковымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ карнизомъ. Нѣсколько шаблонныхъ нѣмецкихъ олеографій висѣло на стѣнахъ. Громадное бюро изъ краснаго дерева стояло въ углу между двухъ оконъ съ экранами изъ цвѣтныхъ стеколъ.

Линолеумъ подъ паркетъ, покрывавшій полъ кабинета, былъ сильно потертъ.

— Я слушаю васъ, — рѣзко проворчалъ Бухгольцъ.

— Мы говорили о Шаѣ.

— Оставимъ это въ покоѣ. Песъ! Пусть сюда придетъ Гамеръ. Мнѣ черезъ пять минутъ надо принимать пилюли, а этого шута еще нѣтъ. Вы знаете вчерашнія новости?

— Слышалъ, панъ Кнолль сказалъ мнѣ въ театрѣ.

— Вы бываете въ театрѣ?

Его глаза заблестѣли язвительной злобой.

— Я не понимаю вашего вопроса.

— Правда, вѣдь вы полякъ, вы — фонъ, — искривилъ онъ лицо, какъ-будто отъ смѣха.

— Вѣдь и вы бываете въ театрѣ.

— Я Бухгольцъ, панъ фонъ-Боровецкій. Я могу бывать вездѣ, гдѣ мнѣ нравится, — и онъ, поднявъ голову, гордо и высокомѣрно посмотрѣлъ на него.

— Это вина театровъ, — вмѣсто того, чтобы служить только нѣкоторымъ людямъ, они открываются для всѣхъ, кто сможетъ купить себѣ мѣсто, — прошепталъ Боровецкій и не могъ удержать ядовитой усмѣшки.

— Я не слушаю вашей болтовни, — крикнулъ Бухгольцъ и съ такой злобой ударилъ палкой по горящимъ дровамъ, что искры посыпались въ комнату.

— Извините, но я долженъ проститься, — проговорилъ Боровецкій, поднимаясь съ кресла, раздраженный послѣдними словами.

— Сидите, сейчасъ будетъ обѣдъ. Тутъ не за что обижаться, наконецъ, вы знаете, какъ я васъ цѣню, вы выдающійся полякъ. Кнолль разсказалъ вамъ обо всемъ?

— О послѣднихъ банкротствахъ?

— Да, да... Онъ выѣхалъ по спѣшному дѣлу, и я собственно хотѣлъ просить васъ замѣнить его на время отсутствія. Морицъ замѣнитъ васъ въ печатнѣ.

— Хорошо, что же касается Морица, это очень способный человѣкъ.

— И глупый. Садитесь же, панъ! Я люблю поляковъ, но съ ними совершенно нельзя разговаривать: обижаются изъ-за каждаго слова, и готово—уходятъ. Langsam, панъ Боровецкій, langsam, вы не забывайте, вы — мой человѣкъ.

— Вы такъ часто напоминаете мнѣ объ этомъ, что трудно хоть на минуту забыть это.

— Вы думаете, что это лишнее? — спросилъ Бухгольцъ, глядя на него съ добродушной улыбкой.

— Какъ для кого и при какихъ обстоятельствахъ.

— Я бы вамъ далъ лошадей, и правьте ими безъ кнута и вожжей.

— Какъ сравненіе — это хорошо, только оно не очень примѣнимо ко всѣмъ намъ, работающимъ у васъ.

– Я его не примѣняю къ вамъ и нѣкоторымъ вашимъ, понимаете, что я хочу сказать, къ нѣкоторымъ вашимъ товарищамъ, а только къ черной рабочей массѣ...

— И рабочіе тоже люди.

— Скоты, скоты, — закричалъ онъ, ударяя изо всей силы палкой по табурету. — Вы не смотрите на меня такъ, — я могу такъ говорить, такъ какъ всѣхъ ихъ кормлю.

— Да, но они достаточно работаютъ за вашъ кормъ, вполнѣ заслуживаютъ его.

— Они работаютъ у меня, я даю имъ заработокъ, они должны цѣловать мнѣ ноги. Если я не дамъ имъ работы, что съ ними будетъ?

— Они нашли бы работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, — сказалъ Боровецкій, такъ какъ чувствовалъ, что имъ начинаетъ овладѣвать злоба.

— Издохли бы съ голода, панъ Боровецкій, какъ собаки.

Боровецкій ужъ больше ничего не возражалъ, разсерженный глупой надменностью Бухгольца, который вообще былъ исключеніемъ между лодзинскими фабрикантами по своему большому уму и образованію, но не могъ понять такой простой вещи.

— Панъ директоръ, я шелъ уже къ вамъ съ пилюлями, когда встрѣтилъ Августа.

— Тише! Еще цѣлыхъ двѣ минуты. Подожди! —бросилъ онъ рѣзко своему домашнему врачу, который немного смутился такимъ пріемомъ, но всталъ покорно около дверей и ждалъ, глядя бѣгающими, испуганными глазами на лицо Бухгольца. Послѣдній сидѣлъ молча, нахмурившись, и смотрѣлъ на свои старые, серебряные часы.

— Ты, Гамеръ, берегись, я тебѣ плачу и хорошо плачу, — сказалъ онъ немного погодя, не отрывая глазъ отъ часовъ.

— Панъ директоръ...

— Бухгольцъ говоритъ — тише! — сказалъ тотъ съ удареніемъ и сверкнулъ на него глазами. — Я пунктуаленъ, — мнѣ сказали принимать пилюли черезъ часъ, я ихъ и принимаю. Вы должно быть очень здоровы, панъ Боровецкій, это видно сразу.

— Да, я такъ здоровъ, что если проработаю въ печатнѣ на фабрикѣ года два, то навѣрное получу чахотку. Меня уже предостерегали доктора.

— Два года! Можно еще много напечатать товару за два года. Гамеръ, давай!

Гамеръ осторожно отсчиталъ пятнадцать гомеопатическихъ пилюлекъ на протянутую ладонь Бухгольца.

— Скорѣй! Ты стоишь столько же, сколько и хорошая машина, а двигаешься слишкомъ медленно, — прошипѣлъ онъ и проглотилъ пилюли.

Лакей подалъ ему на серебряномъ подносѣ стаканъ съ водой запить лѣкарство.

— Онъ заставляетъ меня глотать мышьякъ, это ка-

кой-то новый методъ лѣченія, посмотримъ, посмотримъ...

— Я ужъ вижу значительное улучшеніе въ вашемъ здоровьѣ.

— Тише, Гамеръ, никто не спрашиваетъ тебя объ этомъ.

— Давно вы лѣчитесь мышьякомъ? — спросилъ Боровецкій.

— Уже третій мѣсяцъ онъ меня отравляетъ. Можешь итти, Гамеръ! — бросилъ онъ высокомѣрно.

Докторъ поклонился и вышелъ.

— Мягкій человѣкъ, вашъ докторъ, у него нервы словно въ ватѣ, — засмѣялся Боровецкій.

— Для него вата — деньги. Я ему хорошо плачу.

— По телефону спрашиваютъ, здѣсь ли панъ Боровецкій? Что мнѣ отвѣтить? — доложилъ въ дверяхъ дежурный, приближенный служащій Бухгольца.

— Вы позволите, панъ директоръ, — спросилъ Боровецкій.

Бухгольцъ небрежно кивнулъ головой.

Карлъ спустился внизъ, въ домашнюю контору Бухгольца.

— Боровецкій. — Кто вызываетъ? — спросилъ онъ, приложивъ трубку къ уху.

— Люси. — Люблю тебя! — услышалъ онъ ослабленные разстояніемъ звуки.

— Сумасшедшая! — прошепталъ Боровецкій иронически улыбаясь. — Добрый день.

— Приходи вечеромъ въ восемь. Никого не будетъ. Жду. Приходи. Люблю тебя! Слушай—цѣлую тебя. До свиданья.

Дѣйствительно, онъ услышалъ какой-то звукъ, похожій на звукъ поцѣлуя.

Телефонъ замолкъ.

«Сумасшедшая. Тяжело будетъ съ ней. Она малымъ не удовольствуется», думалъ онъ, возвращаясь наверхъ, и скорѣе былъ раздраженъ, нежели обрадованъ этимъ оригинальнымъ доказательствомъ любви.

Бухгольцъ, ушедшій глубоко въ кресло, положилъ палку на колѣни и перелистывалъ какую-то толстую, наполненную цифрами брошюру, которая такъ сильно увлекла его, что онъ поминутно хваталъ нижней губой коротко остриженные усы, что называлось на фабричномъ языкѣ: «сосетъ носъ» — и что было признакомъ большого волненія. Цѣлая куча писемъ, различныхъ бумагъ лежала возлѣ него на низенькомъ столикѣ и только что полученная сегодняшняя почта, которую онъ обыкновенно просматривалъ самъ.

— Помогите мнѣ разобрать письма, панъ Боровецкій, сразу же замѣните мнѣ Кнолля. Кромѣ того, я хочу васъ немного развлечь.

Боровецкій вопросительно посмотрѣлъ.

— Письмами. Вы увидите, какія и о чемъ мнѣ пишутъ письма.

Онъ положилъ брошюру сзади себя

— Песъ, подавай!

Лакей сложилъ у него на колѣняхъ всѣ бумаги.

Бухгольцъ съ невѣроятной быстротой проглядывалъ конверты, бросая ихъ черезъ свое плечо лакею:

— Контора! — Лакей въ воздухѣ подхватывалъ большіе конверты съ названіями фабрикъ.

— Кнолль! Письма съ адресомъ зятя.

— Фабрика!

На этихъ конвертахъ стоялъ адресъ фирмы для передачи служащимъ на фабрикѣ.

— Центральная! — Желѣзнодорожныя накладныя, заказы, счета, тратты.

— Печатня! — Прейсъ-куранты красокъ, образчики цвѣтовъ на тонкихъ картонахъ и раскрашенные образцы рисунковъ.

— Больница! — Письма въ фабричную больницу и докторамъ.

— Марьенгофъ! — Въ управленіе имѣній, помѣщавшееся при главномъ правленіи фабрики.

— Отдѣльно! — Это были неопредѣленныя письма, которыя попадали на конторку Бухгольца, или ихъ забиралъ Кнолль.

— Осторожно, песъ! — крикнулъ Бухгольцъ и махнулъ назадъ палкой, такъ какъ услышалъ, что одно изъ писемъ упало на полъ; потомъ онъ снова началъ отдавать приказанія рѣзко и отрывисто.

Лакей едва успѣвалъ подхватывать конверты и бросать ихъ въ отверстія шкаповъ съ соотвѣтствующими надписями, — откуда письма падали внизъ по трубамъ въ домашнюю контору, отсюда ихъ тотчасъ же развозили или разносили.

— А теперь будемъ развлекаться! — прошепталъ Бухгольцъ, кончивъ сортировать письма; на колѣняхъ у него осталось только нѣсколько писемъ разнаго формата и цвѣтовъ. — Возьмите и читайте!

Карлъ разорвалъ конвертъ перваго письма съ вензелемъ и вынулъ листикъ, пахнувшій фіалками и исписанный изящнымъ женскимъ почеркомъ.

— Читайте, панъ, читайте! — прошепталъ онъ, видя, что Боровецкій остановился.

«Ясновельможный панъ
директоръ!

«Ободренная вашей извѣстностью и тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ всѣ несчастные произносятъ ваше имя, я обращаюсь къ вамъ съ нижайшей просьбою и дѣлаю это тѣмъ смѣлѣе, зная, что такой высокочтимый человѣкъ, какъ панъ, не оставитъ просьбы моей безъ отвѣта, какъ никогда не оставляетъ человѣческой нищеты, сиротскихъ слезъ, страданій и несчастій безъ помощи и покровительства. Всѣ знаютъ ваше доброе сердце всему краю оно извѣстно!

«Богъ знаетъ, кому даетъ милліоны!»

— Ха, ха, ха! — смѣялся Бухгольцъ тихо и такъ искренно, что слезы выступили у него на глазахъ.

«Несчастье насъ преслѣдовало, — градъ, болѣзни, засуха, огонь довели насъ до крайняго разоренія и до того, что теперь мужъ мой догораетъ въ параличѣ».

— Пусть сдыхаетъ! — бросилъ Бухгольцъ твердо.

«А я съ четырьмя дѣтьми.! Вы поймете ужасъ моего положенія, ужасъ этого шага, какой дѣлаю я, воспитанная въ другой сферѣ, женщина изъ общества, — я должна унижаться и не для себя, потому что я скорѣе умерла бы съ голода, но ради моихъ неповинныхъ, четверыхъ дѣтей!»

— Оставьте это, надоѣло. Въ концѣ-концовъ, чего же она хочетъ?

— Проситъ денегъ на открытіе лавочки, въ коли-

чествѣ тысячи рублей, — сказалъ Карлъ, прочитавъ быстро конецъ письма, составленнаго въ томъ же плаксивомъ и дѣланномъ тонѣ.

— Въ огонь! Я могу на этомъ много потерять, если изъ нихъ выйдутъ разбойники.

Потомъ слѣдовало письмо какого-то шляхтича, написанное довольно безграмотно на бумагѣ съ запахомъ селедки и пива; видимо письмо составлялось въ какомъ-нибудь маленькомъ ресторанчикѣ, въ немъ упоминалось, что годъ тому назадъ шляхтичъ познакомился съ Бухгольцемъ, когда продавалъ ему пару лошадей.

— Слѣпыхъ!... Я знаю его, онъ пишетъ каждый годъ, какъ только наступаетъ апрѣль, не читайте дальше, я знаю, что тамъ такое, — просьба о деньгахъ и заклинанье, что я долженъ поддерживать шляхтича! Дуракъ! Въ огонь!

И дальше шли письма въ такомъ же родѣ: отъ вдовъ съ дѣтьми, съ больными мужьями или матерями, отъ сиротъ, отъ искалѣченныхъ на фабрикѣ, отъ ищущихъ работы, отъ техниковъ, инженеровъ, отъ разныхъ изобрѣтателей, которые обѣщали сдѣлать переворотъ въ хлопчато-бумажной промышленности, а пока просили денегъ на производство опытовъ и модели; было даже одно любовное письмо, признаніе какой-то давнишней знакомой, которая никакъ не могла забыть въ теперешнемъ бѣдственномъ положеніи прошлаго счастья.

— Въ огонь! Въ огонь! — закричалъ онъ, трясясь отъ смѣха, и не хотѣлъ слушать громкихъ, патетиче-

скихъ тирадъ, заклинаній, мольбы, кончавшихся просьбами о займѣ.

— Видите, какъ люди меня цѣнятъ! Какъ любятъ мои рубли!

Были письма съ отвратительнѣйшими ругательствами. Карлъ остановился, не зная, читать ли ихъ.

— Читайте, панъ, я люблю когда меня ругаютъ, это, по крайней мѣрѣ, искренно и часто забавнѣе всего.

Карлъ началъ читать письмо, начинавшееся словами: «Главарь лодзинскихъ разбойниковъ» — дальше шелъ цѣлый перечень проклятій и ругательствъ, изъ которыхъ самыми приличными были: нѣмецкая свинья, плутъ, злодѣй, піявка, подлая собака, картофельникъ — а кончалось такой фразой: если тебя минетъ мщенье Божье, то кары людской тебѣ не миновать, ты — подлая собака и мучитель». Письмо было безъ подписи.

— У него есть юморъ. Ха, ха, ха! Веселая скотина.

— Знаете, панъ директоръ, довольно, мнѣ противно.

— Читайте, выпейте весь этотъ ушатъ грязи, это хорошо для отрезвленія. Это матеріалы къ психологіи Лодзи и польской безпомощности.

— Не всѣ письма отъ поляковъ, есть и нѣмецкія, даже большая часть.

— Это собственно и доказываетъ, что всѣ они отъ поляковъ. У васъ есть способность къ языкамъ и къ нищенству, вы это умѣете дѣлать, — проговорилъ онъ съ удареніемъ.

Карлъ взглянулъ на него глазами, въ которыхъ начали поблескивать зеленыя искры гнѣва и ненависти,

но продолжалъ читать какой-то доносъ о кражѣ товара главнымъ магазинщикомъ.

— Дайте мнѣ, въ этомъ надо убѣдиться.

Онъ спряталъ письмо въ карманъ.

Были еще жалобы на мастеровъ, угрозы безработныхъ и доносъ: кто-то сказалъ про Бухгольца: «свинья съ выжженными глазами», «старый воръ», это было написано карандашомъ на клочкѣ оберточной бумаги.

— Дайте мнѣ это письмо, — это важный, цѣнный документъ, — мнѣ нужно знать, что говорятъ обо мнѣ. — Онъ презрительно улыбнулся. — Вы думаете, что я каждый день читаю такія письма? Ха, ха, ха, Августъ подтапливаетъ ими печку, — вотъ все, чего они добиваются своими приставаніями.

— А между тѣмъ, вы ежегодно даете нѣсколько тысячъ рублей на общественныя дѣла.

— Даю, даю, но ихъ вырываютъ у меня изъ горла. Я долженъ ради своего спокойствія бросать что-нибудь обществу.

— Прежній принципъ: родовитость обязываетъ, замѣнился теперь другимъ: милліоны обязываютъ.

— Глупый, нигилистическій принципъ! Какое мнѣ дѣло, что люди дохнутъ отъ голода, пусть дохнутъ. Всегда будутъ нищіе! Мнѣ никто не далъ ни гроша, я долженъ былъ все самъ вырывать, самъ зарабатывать, — чего же мнѣ давать другимъ, за что? Пусть они докажутъ мнѣ, что я долженъ. И кому давать? Панамъ, которые прокутили свои имѣнія? Ну ихъ къ чорту! Здѣсь всѣ хотятъ брать и никто не хочетъ работать. Если бы кто-нибудь изъ васъ, какъ я, пришелъ

въ Лодзь и принялся за работу, то тоже разбогатѣлъ бы. А почему этого нѣтъ? Потому что всѣ у насъ въ это время занимались революціей... Хо! хо! Донъ-Кихоты! — онъ плюнулъ съ презрѣніемъ на собственныя ноги и долго смѣялся, придя въ хорошее настроеніе.

Карлъ ходилъ по комнатѣ и, хотя все въ немъ начинало дрожать отъ гнѣва, — молчалъ, притворялся равнодушнымъ, — онъ зналъ, что Бухгольца нельзя переубѣдить, и не хотѣлъ напрасно раздражать его.

Бухгольцъ замѣтилъ дѣйствіе своихъ словъ на Боровецкаго и именно поэтому говорилъ ему вещи, которыя были ему особенно тяжелы, и сознательно заставлялъ его страдать; ему доставляло необыкновенное удовольствіе, когда онъ могъ мучить кого-нибудь и плевать въ человѣческую душу.

Онъ почти лежалъ въ креслѣ, протянувъ ноги къ самому огню, въ который безпрестанно подбрасывали дрова; онъ ихъ поворачивалъ своей палкой; на его изсѣра-желтомъ лицѣ, какъ у разлагающагося трупа, залитые кровью глаза горѣли злобой и ненавистью. Круглый черепъ съ остатками сѣдыхъ волосъ рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ кресла.

Безъ умолку и все съ большимъ бѣшенствомъ оплевывалъ онъ всѣхъ и вся. Онъ былъ похожъ на идола, покрытаго лохмотьями и тряпьемъ, который въ глубинѣ своего золотого капища лежалъ на милліонахъ и, сильный ими, издѣвался надъ слабостью, ненавидѣлъ всѣхъ, смѣялся надъ чувствами и презиралъ все человѣчество, не обладающее милліонами.

Его прервалъ лакей, доложившій, что поданъ обѣдъ.

Два человѣка подняли его вмѣстѣ съ кресломъ и

отнесли въ столовую, расположенную въ другомъ концѣ дома.

— Вы умѣете слушать, вы умный человѣкъ, — шепнулъ онъ Карлу, который шелъ съ нимъ рядомъ.

— Все, что вы говорили, было очень любопытно и очень заинтересовало меня, какъ матеріалъ изъ патологіи милліонеровъ, — отвѣчалъ онъ серьезно, глядя ему въ глаза.

— Не наклоняй! — крикнулъ онъ лакею, который несъ его съ лѣвой стороны, и ударилъ его палкой по головѣ. — Панъ Боровецкій, я васъ очень цѣню, дайте мнѣ руку. Мы понимаемъ другъ друга, можемъ ладить; разсчитывайте всегда на меня.

Въ столовой уже была жена Бухгольца и, когда мужа усадили за столъ, она поцѣловала его въ лобъ и, давши поцѣловать свою руку, сѣла напротивъ.

Былъ и докторъ; онъ первый подошелъ къ Боровецкому и представился.

— Гамерштейнъ, докторъ Юлій-Густавъ Гамерштейнъ, — повторилъ онъ съ удареніемъ, поглаживая свою большую красноватую бороду, доходившую до половины груди.

— Докторъ отъ гомеопатіи и вегетеріанства. Этотъ пудель стоитъ мнѣ четыре тысячи рублей въ годъ, куритъ мои дорогія сигары и обѣщаетъ, что я или вылѣчусь или умру...

Докторъ хотѣлъ что-то возразить, но старуха очень тихимъ голоскомъ пригласила сѣсть за обѣдъ, который тотчасъ же стали разносить лакеи.

Разговоръ шелъ по-нѣмецки.

— Вы не вегетеріанецъ? — спросилъ Гамерштейнъ, вытаскивая бороду изъ-подъ завязанной салфетки.

— Нѣтъ. Я владѣю всѣми своими способностями, — отвѣтилъ онъ довольно сухо, — ему былъ несимпатиченъ докторъ съ расплывшейся фигурой, большимъ животомъ и огромной лысиной, блестѣвшей, какъ вычищенная кастрюля.

Гамерштейнъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, бросилъ пренебрежительный взглядъ изъ-подъ выпуклыхъ синихъ очковъ и сухо сказалъ:

— Каждая истина вначалѣ осмѣивается.

— У васъ много послѣдователей въ Лодзи?

— Онъ самъ и мои собаки, заболѣвшія паршей, — имъ ветеринаръ запретилъ давать мясо, — язвилъ Бухгольцъ, который сидѣлъ за столомъ, но ничего не ѣлъ, кромѣ овсянки съ молокомъ.

— И Лодзь, и вся Польша — сплошное варварство!

— Потому вы и пріѣхали сюда? Хорошее поле для проповѣдничества!

— Я написалъ книжку: «Естественное питаніе», могу прислать вамъ ее.

— Благодарю, прочту съ любопытствомъ, но сомнѣваюсь сдѣлаться вашимъ адептомъ.

— Панъ директоръ говорилъ то же самое сначала, а теперь...

— А теперь ты глупъ, мой Гамеръ, ты не понимаешь, что если человѣкъ боленъ, и вся глупая медицина не помогаетъ ему, то онъ готовъ ѣздить къ знахарямъ, къ ксендзу Кнейпу, даже примѣнять твое электро-мышьячно-вегетеріано-гомеопатическое лѣченіе.

— Такъ какъ оно одно помогаетъ, — принципъ го-

меопатіи — similia similibus curantur, — принципъ, наиболѣе подходящій къ человѣческой природѣ и единственно правдивый. Панъ директоръ всего лучше убѣдился въ этомъ на себѣ.

— До сихъ поръ — да, но если мнѣ будетъ хуже, то будь увѣренъ, докторъ, что я изобью тебя палкой и прикажу спустить тебя со всѣмъ твоимъ враньемъ съ лѣстницы.

— Кто говоритъ новыя истины, въ награду всегда получаетъ мученичество, — прошепталъ докторъ сентенціозно, дуя на молоко.

— Оставь въ покоѣ мученичество, — ты получаешь четыре тысячи рублей, и лицо твое блеститъ отъ жира, какъ фонарь.

Докторъ поднялъ глаза кверху, какъ бы призывая потолокъ въ свидѣтели страданій, и опять принялся за кашу съ молокомъ.

Передъ нимъ стояла миска салата съ прованскимъ масломъ и другая съ картофелемъ.

Наступило молчаніе.

Лакеи мелькали, какъ тѣни, слѣдя, не понадобится ли что кому-нибудь.

Одинъ стоялъ за Бухгольцемъ и сейчасъ же подавалъ все, на что падалъ его взглядъ.

— Собака! — бормоталъ временами Бухгольцъ, когда лакей запаздывалъ или плохо подавалъ.

Сидѣвшая по другую сторону стола жена Бухгольца совершенно не принимала участія въ разговорѣ.

Она ѣла очень медленно, жевала передними зубами, улыбалась, какъ восковая маска, блѣдными губами, поглядывала мертвыми глазами на Боровецкаго, по-

правляла временами кружевной чепчикъ, который украшалъ ея сѣдые волосы, гладко причесанные надъ желтымъ, сухимъ лбомъ со впавшими висками—и своей маленькой, желтой, сморщенной рукой ласкала попугая, который висѣлъ на ручкѣ кресла, словно букетъ прекрасныхъ яркихъ цвѣтовъ.

Когда было нужно, она кивала головой лакею и говорила ему почти неслышнымъ шопотомъ или просто показывала пальцемъ. Она сидѣла, какъ мумія, проявлявшая жизнь только нѣкоторыми автоматическими движеньями.

Обѣдъ былъ на обыкновенный нѣмецкій манеръ,— мало мяса и много овощей.

Сервировка очень простая: довольно сильно потертое серебро, выщербленный фарфоръ съ нарисованными голубками по краямъ тарелокъ.

Только для Боровецкаго поставили коньякъ и нѣсколько сортовъ вина, которое наливалъ ему самъ Бухгольцъ, приговаривая:

— Пейте, панъ Боровецкій, это хорошее вино.

Конецъ обѣда прошелъ скучно и въ молчаніи.

Въ столовой наступила угнетающая тишина, только попугай по временамъ, когда не могъ что-нибудь стащить, кричалъ: «собака!» Или то же самое бросалъ шопотомъ Бухгольцъ по адресу лакея. Каждое слово или какой-либо звукъ отдавался эхомъ, почти гудѣлъ въ этой огромной столовой, въ которой могло помѣститься до двухсотъ человѣкъ. Столовая была обставлена большими буфетами изъ темнаго дуба въ старо-нѣмецкомъ стилѣ. Стулья же были самаго новѣйшаго фасона.

Большое венеціанское окно, обращенное къ стѣнамъ

фабрики, давало немного свѣту, — оно освѣщало только тотъ конецъ стола, за которымъ сидѣли. Другая часть тонула въ такомъ сѣромъ мракѣ, изъ котораго поминутно появлялись, словно черныя тѣни, лакеи.

Солнце бросило косой лучъ, разлившій красный предсумеречный свѣтъ.

— Завѣсь! — крикнулъ Бухгольцъ, не любившій солнечнаго свѣта, и съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на люстру, въ которой вспыхнуло электричество.

Обѣдъ, наконецъ, кончился, къ удовольствію Карла, которому захотѣлось спать отъ этой тишины и скуки.

Старуха такъ же точно поцѣловала мужа въ голову и протянула взамѣнъ свою руку. Затѣмъ автоматически протянула ее Боровецкому, который шопотомъ перекинулся нѣсколькими словами съ докторомъ, потому что Бухгольцъ дремалъ въ креслѣ, и, не прощаясь съ нимъ, вышелъ.

Столовая совершенно опустѣла, остался только Бухгольцъ, спавшій въ креслѣ, и лакей, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, неподвижный, съ устремленными на хозяина глазами, готовый повиноваться каждому движенію.

Боровецкій, выйдя на улицу, на свѣжій воздухъ и ясный солнечный свѣтъ, вздохнулъ съ чувствомъ громаднаго облегченія.

Онъ отослалъ лошадей Бухгольца, ожидавшихъ его, и пошелъ пѣшкомъ, прошелъ паркъ и около фабрикъ свернулъ съ Петроковской въ маленькую немощеную улицу, выходившую въ поле и съ одной стороны обставленную длинными, мрачными казармами для рабочихъ.

Тамъ было печально и грязно.

Большія двухъэтажныя каменныя зданія безъ всякихъ украшеній, голыя, съ красными кирпичными стѣнами, пострадавшими отъ дождей и вѣтровъ, — смотрѣли въ улицу, полную невылазной грязи; сотни маленькихъ запыленныхъ окошекъ, изрѣдка бѣлѣвшихъ занавѣсками или украшенныхъ вазонами цвѣтовъ, были обращены къ громаднымъ корпусамъ фабрикъ, расположеннымъ по другой сторонѣ улицы, за высокими заборами, за рядомъ огромныхъ тополей съ засохшими верхушками, которые стояли, словно грозные скелеты, и отдѣляли эти печальныя человѣческія катакомбы—помѣщенія рабочихъ—отъ фабрикъ, нѣмыхъ, безмолвныхъ въ воскресной тишинѣ отдыха, могучихъ своимъ величіемъ, выставившихъ подъ весеннее солнце свои огромныя тѣла съ тысячами угрюмо блиставшихъ оконъ.

Боровецкій пробирался подъ самыми домами по камнямъ и узкимъ мостикамъ, мѣстами совершенно залитымъ грязью, которая, словно вода, колыхалась и разбрызгивалась почти до оконъ и дверей перваго этажа, проникала въ сѣни и коридоры, откуда доносились крики дѣтей.

Пройдя мимо домовъ, онъ вошелъ въ продолговатый садикъ, прилегавшій уже къ обширнымъ полямъ съ краснѣвшими вдали стѣнами фабрикъ и одиноко стоявшими домами. Съ поля дулъ холодный и влажный вѣтеръ, шелестилъ листьями живой изгороди изъ грабовъ, сухими и желтыми, дрожавшими при каждомъ порывѣ вѣтра и падавшими на черныя, размокшія дорожки садика.

Здѣсь стоялъ высокій одноэтажный домъ, въ которомъ жилъ его помощникъ Муррей; въ этомъ же домѣ фабрика назначила квартиру и Боровецкому, по его выбору, первый или второй этажъ, но онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ этому печальному жилищу.

Съ одной стороны окна были обращены на квартиры для рабочихъ; передъ лицевымъ фасадомъ былъ садикъ и открывался видъ на фабрику; съ лѣвой стороны, такъ же какъ и передъ фасадомъ, проходила загородная, немощеная улица; по краямъ ея шли канавы въ нѣсколько аршинъ глубины, надъ которыми расли старыя умирающія деревья, все болѣе наклонявшіяся къ землѣ, подмытой стоками изъ сосѣднихъ фабрикъ; дальше, за ними, глазъ охватывалъ большое пространство земли съ разбросанными рытвинами, лужами гніющей воды, окрашенной стоками изъ бѣлиленъ и аппретуръ, грудами щебня и мусора, вывозимыхъ изъ города, развалившимися печами, группами засохшихъ деревьевъ, слѣдами выгона скота, кучами оставшейся съ осени глины, домиками, сколоченными изъ досокъ, и маленькими фабриками подъ цѣлымъ лѣсомъ фабричныхъ трубъ, которыя своимъ ярко-краснымъ цвѣтомъ и мертвыми сухими контурами непріятно рѣзали глаза.

Онъ не выносилъ подобныхъ лодзинскихъ видовъ и поэтому предпочиталъ жить на частной квартирѣ, не особенно удобной, но зато въ городѣ и съ друзьями, съ которыми его соединяла не столько дружба, сколько давнишнее совмѣстное житье и многолѣтняя привычка. Они жили вмѣстѣ еще студентами въ Ригѣ, вмѣстѣ ѣздили

за границу и нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ очутились въ Лодзи.

Боровецкій былъ химикомъ-колористомъ, Баумъ— ткачомъ и прядильщикомъ, а Вельтъ окончилъ коммерческое отдѣленіе.

Въ Лодзи ихъ прозвали: «Вельтъ и два большихъ Б», или «Баумъ и К⁰» и еще: «три лодзинскихъ брата».

Муррей даже выбѣжалъ въ садикъ къ нему навстрѣчу и ужъ издали вытиралъ свои руки, вѣчно потѣвшія, большимъ, какъ полотенце, желтымъ платкомъ.

— Я думалъ, что вы не придете.

— Вѣдь я обѣщалъ.

— У меня сидитъ молодой варшавякъ, недавно пріѣхавшій въ Лодзь.

— Кто такой?—спросилъ Боровецкій равнодушно, снимая пальто въ передней, обвѣшанной до самаго потолка фотографіями, по большей части обнаженныхъ женщинъ.

— Коммерсантъ, хочетъ открыть какую-нибудь агентуру.

— Чортъ возьми! изъ десяти встрѣчныхъ на улицѣ— шесть только что пріѣхали и открываютъ агентуры, а девять хотятъ нажить милліоны.

— Да, такими людьми Лодзь богата.

— Вотъ, если бы онъ сказалъ, что открылъ новую окраску или лучшую протраву!

Козловскій - варшавякъ небрежно поднялся съ дивина поздороваться и опять тяжело опустился на него; онъ, не переставая, пилъ чай, который ему наливалъ Муррей, хозяйничавшій за самоваромъ.

Разговоръ быстро завязался. Муррей былъ утромъ въ городѣ и узналъ о послѣдствіи банкротствъ.

— Около двадцати фирмъ сразу провалятся къ чорту. А изъ сколькихъ эти провалы выпустятъ кровь, это будетъ видно потомъ. Во всякомъ случаѣ, Волькманъ колеблется. Гросманъ, зять Грюнспана, подводитъ счета; Фришманъ, говорятъ, только ждалъ подходящаго случая и сегодня провалился съ большой поспѣшностью; онъ боялся какой-либо помѣхи, а ему надо заработать, чтобы выплатить приданое зятю. Говорятъ и Провинскій леталъ сегодня по банкирамъ, съ нимъ тоже что-то плохо. Вѣдь вы его знаете, панъ Боровецкій.

— Нашъ товарищъ по Ригѣ.

— Я вижу, что здѣсь, у васъ, Содомъ и Гоморра,— воскликнулъ Козловскій, помѣшивая чай.

— Что же слышно въ Варшавѣ, все «Микадо» идетъ? — насмѣшливо спросилъ Карлъ.

— Вы говорите о давнемъ прошломъ, очень давнемъ...

— Искренно признаюсь, что я не au courant вашихъ варшавскихъ дѣлъ.

— Вижу. У насъ теперь царитъ «Продавецъ птицъ изъ Тироля», великолѣпная вещь!

«Еще разъ, еще разъ поскорѣй, пѣсню спой соловей!»

Онъ началъ съ увлеченіемъ напѣвать.

— Скажу вамъ, что Чосновская здѣсь божественна!

— Кто это?

— Вы не знаете? Въ самомъ дѣлѣ? Ха, ха, ха, — засмѣялся онъ во все горло.

— Панъ Робертъ, покажите мнѣ вашу новую обстановку, — попросилъ его Карлъ.

Они прошли въ другую половину дома.

— Но тутъ цѣлый магазинъ прекраснѣйшей мебели! — удивленно воскликнулъ Боровецкій.

Не правда ли, хорошо? — прошепталъ Муррей съ гордостью и удовольствіемъ, — его выцвѣтшіе глаза лучились, а широкія губы улыбались, когда показывалъ всю обстановку дома.

Они прошли въ маленькую элегантную гостиную, заставленную мебелью съ желтой обивкой и съ портьерами такого же цвѣта; полъ былъ застланъ блѣдно-фіолетовымъ ковромъ. — Какое красивое сочетаніе, — воскликнулъ Карлъ, глядя на гармонію, съ какою сливались эти тона.

— Правда, красиво? — спрашивалъ сіяющій Муррей, безпрестанно вытирая руки, чтобы дотронуться до портьеръ изъ шелковаго плюша.

Его горбъ вздрагивалъ и поднималъ на плечи сюртукъ, который онъ поминутно обдергивалъ.

— Это будетъ ея комната, ея будуаръ, — шепталъ онъ тихо, съ благоговѣніемъ вводя Боровецкаго въ маленькую комнатку, обставленную миніатюрною мебелью и массой фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

Подъ окномъ стояла большая вызолоченная жардиньерка, на которой возвышались цѣлымъ букетомъ цвѣтущіе гіацинты разныхъ оттѣнковъ.

— Ну, вы ни о чемъ, какъ я вижу, не забыли.

— Я вѣдь объ этомъ и думаю, — сказалъ онъ рѣшительно, вытеръ руки, обдернулъ сюртукъ и уткнулся

своимъ длиннымъ сухимъ носомъ въ цвѣты, глубоко вдыхая ихъ ароматъ.

Муррей показалъ ему еще спальню и маленькую заднюю комнатку.

Всѣ были изящно и съ комфортомъ обставлены, вездѣ чувствовался человѣкъ съ большимъ вкусомъ и сильно влюбленный въ свою будущую жену.

Они вернулись въ гостиную, Карлъ сѣлъ и смотрѣлъ на Муррея съ чувствомъ сильнаго удивленія.

— Видно, что вы очень любите, — прошепталъ онъ.

— Люблю, люблю очень! Если бы вы знали, какъ я постоянно думаю о ней.

— А она?

— Не говорите!.. оставимъ это въ покоѣ, — быстро прервалъ онъ, смутившись отъ этого вопроса.

Онъ началъ стряхивать съ мебели несуществующую пыль, чтобы скрыть волненіе.

Карлъ замолчалъ. Онъ закурилъ папиросу и почувствовалъ, что его начинаетъ охватывать сонливость. Онъ усѣлся поудобнѣе въ кресло, курилъ, прикрывая глаза, или смотрѣлъ черезъ окно на синее небо, на которомъ рисовались вдали черные силуэты фабричныхъ трубъ.

Ихъ охватила сонная тишина.

Муррей вытиралъ руки, обдергивалъ сюртукъ, гладилъ всею ладонью свои большія, чисто выбритыя щеки и смотрѣлъ на коверъ, на блѣдные цвѣточки маргаритокъ, вышитыхъ посрединѣ ковра.

«Еще разъ, еще разъ, поскорѣй»...
«Пѣсню спой, соловей!..»

Заглушенными звуками доносилось пѣніе Козловска-

го; тихій аккомпанементъ рояля, словно чудесная роса, ниспадалъ на ихъ головы.

Боровецкій боролся со сномъ, курилъ папиросу, но рука его отяжелѣла и невольно опустилась на ручку кресла.

Муррей размечтался о будущемъ счастьѣ, — онъ жилъ только этой надеждой.

Его мягкая, женственная душа расплывалась въ тысячѣ мелочей, которыми онъ наполнилъ квартиру, и заранѣе радовался тому впечатлѣнію, какое произведетъ на жену его заботливость.

Онъ хотѣлъ говорить, но замѣтилъ, что Боровецкій спитъ; ему стало непріятно; однако, не будя его, онъ опустилъ штору, вынулъ изъ его руки еще горѣвшую папиросу и тихонько вышелъ.

Козловскій все еще пѣлъ и поигрывалъ на роялѣ.

— Можетъ быть, вы споете что-нибудь о любви, но только... о такой... ну, очень страстной. Я вамъ, тѣмъ временемъ, налью чаю.

— Изъ какой оперетки?

— Я не знаю изъ какой. Но только я очень люблю пѣсни о любви.

Козловскій очень охотно началъ пѣть ему разныя популярныя варшавскія пѣсенки.

— Знаете ли, это не то, я не могу объяснить, такъ какъ плохо знаю вашъ языкъ, но мнѣ хотѣлось бы чего-нибудь нѣжнаго, прекраснаго, а тѣ, что вы пѣли, очень банальны.

— Извините, я ихъ пѣлъ во всѣхъ варшавскихъ салонахъ.

— Я вѣрю вамъ, я просто не такъ выразился, — онѣ

тоже хороши, но я васъ прошу, спойте еще что-нибудь.

Козловскій началъ тихо напѣвать изъ своего неистощимаго репертуара романсы Тости; онъ ихъ пѣлъ неутомимо, и его небольшой съ металлическимъ оттѣнкомъ голосъ, умышленно сдерживаемый, звучалъ пріятно.

Муррей заслушался, забылъ налить чай, пересталъ вытирать руки и обдергивать сюртукъ и всею душою упивался этой нѣжной, то страстно-жгучей, то меланхолической музыкой, слушалъ ее всѣмъ своимъ существомъ, на глазахъ у него были слезы восторга, а длинное обезьянье лицо передергивалось отъ волненія.

VI.

Морицъ Вельтъ вышелъ изъ дому около одиннадцати, какъ сказалъ Боровецкому Матвѣй, и медленно поплелся по тротуару, ярко освѣщенному солнцемъ. Онъ шелъ погруженный въ какой-то финансовый расчетъ, не замѣчалъ поклоновъ знакомыхъ, смотрѣлъ на встрѣчающихся людей и городъ задумчивымъ взглядомъ.

— Какъ это сдѣлать? Какъ это сдѣлать? — твердилъ онъ.

Солнце сверкало надъ Лодзью, надъ тысячами трубъ, которыя стояли въ тишинѣ воскреснаго отдыха, въ чистомъ, ясномъ воздухѣ, не затемненномъ дымами, какъ краснѣющіе могучіе стволы сосенъ, окутанные голубымъ весеннимъ дыханіемъ.

Масса рабочихъ въ праздничныхъ, свѣтлыхъ, лѣтнихъ костюмахъ, въ галстукахъ ярко-кричащихъ тоновъ, въ фуражкахъ съ блестящими козырьками или въ высокихъ, давно вышедшихъ изъ моды шляпахъ, съ зонтиками въ рукахъ, — залила Петроковскую, вереницею тянулась изъ боковыхъ улицъ и шла по тротуарамъ съ пассивными движеніями толпы.

Работницы въ старинныхъ яркихъ шляпахъ, въ свѣтлыхъ пелеринахъ или съ цвѣтными платками на плечахъ, съ гладко причесанными и лоснящимися отъ помады волосами, въ которые были воткнуты мѣдныя шпильки или искусственные цвѣты, — медленно шли, расталкивая толпу локтями, охраняя такимъ способомъ свои сильно накрахмаленныя юбки или раскрытые надъ головами зонтики, которые, какъ разноцвѣтныя бабочки, качались надъ этой сѣрой, безпрестанно двигающейся рѣкой, вбирающей по дорогѣ новые притоки изъ боковыхъ и поперечныхъ улицъ.

Они поглядывали на солнце, дышали весной, которая уже чувствовалась въ воздухѣ, и шли впередъ отяжелѣлые, стѣсненные праздничнымъ платьемъ, тишиной улицы, свободой, воскреснымъ отдыхомъ, которымъ не умѣли пользоваться, шли съ устремленными въ одну точку глазами, ослѣпленными массою красокъ, въ которыхъ эти лица, блѣдныя, желтыя, старыя, землистыя, исхудавшія, безкровныя, — казались еще болѣе жалкими. Они останавливались передъ выставками дешевыхъ магазиновъ или, отдѣляясь мелкими кучками, шли въ кабаки.

Съ крышъ, изъ испорченныхъ водосточныхъ трубъ, съ балконовъ лились струи воды на головы прохо-

жихъ и грязные тротуары; вчерашній снѣгъ таялъ и стекалъ по фасадамъ дворцовъ и домовъ, оставляя длинныя черныя полосы на стѣнахъ, покрытыхъ углемъ и сажей.

Мостовая, изрытая ямами и выбоинами, была покрыта липкой грязью, разбрызгиваемой извозчиками и экипажами на тротуары и на гулявшихъ.

По обѣимъ сторонамъ улицы, тянувшейся до самыхъ Балутъ, стояли плотной массой дома, дворцы, похожіе на итальянскіе замки, въ которыхъ были склады хлопка; дальше шли обыкновенные каменные трехъэтажные ящики съ облупившейся штукатуркой; потомъ — дома въ строго выдержанномъ стилѣ съ золочеными, выгнутыми, желѣзными балконами барокко, — вычурные, съ массою амуровъ на фризахъ и подъ окнами, сквозь которыя были видны ряды ткацкихъ станковъ; маленькіе деревянные покосившіеся домики съ зелеными, покрытыми мохомъ крышами, за которыми кое-гдѣ возвышались могучія трубы и корпуса фабрикъ, — ютились возлѣ дворца въ тяжеломъ берлинскомъ ренессансѣ, изъ краснаго фасоннаго кирпича и камня, изъ котораго были высѣчены всѣ дверные и оконные наличники, съ большимъ барельефомъ по срединѣ фронтона, изображавшимъ промышленность, два боковые павильона заканчивались башнями и были отдѣлены отъ главнаго корпуса красивой желѣзной рѣшеткой; въ глубинѣ за ней поднимались колоссальныя стѣны фабрики; дома, своимъ великолѣпіемъ и величиною похожіе на музеи, на самомъ дѣлѣ были лишь складами готоваго товара; дома, снабженные украшеніями въ разныхъ стиляхъ, — такъ на первомъ этажѣ

каріатиды Ренессанса поддерживали каменный подъѣздъ въ старо-нѣмецкомъ стилѣ, надъ нимъ второй этажъ à la Louis XV съ волнистыми украшеніями на окнахъ, верхъ заканчивался круглыми мансардами, походившими на катушки; дома, полные величія храмовъ, возносили свои огрмныя стѣны со строгими украшеніями, — на которыхъ золотились буквы, высѣченныя на мраморныхъ доскахъ: «Шая Мендельсонъ», «Германъ Бухгольцъ и К⁰» и т. д.

Это была смѣсь, мусорная куча всякихъ стилей, нагроможденная каменщиками, облѣпленная башенками, лѣпными работами, постоянно обсыпавшимися, прорѣзанная тысячами оконъ, полная балконовъ, каріатидъ, разукрашенныхъ мансардъ, балюстрадъ на крышахъ, великолѣпныхъ воротъ, гдѣ швейцары въ ливреяхъ дремали въ бархатныхъ креслахъ, и отверстіи, чрезъ которыя уличная грязь вливалась въ ужасные, словно помойныя ямы, дворы; чередовались магазины, конторы, склады, жалкія лавочки, наполненныя грязью и дешевкой, перворазрядные гостиницы и рестораны, отвратительнѣйшіе кабаки съ грѣющимися на солнцѣ нищими, милліонеры, пролетавшіе въ прекрасныхъ экипажахъ съ американскими десятитысячными рысаками, нищета, которая сновала по улицамъ съ синими губами отчаянія и острымъ, вѣчно голоднымъ взглядомъ.

— Чудный городъ, — шепталъ Морицъ, стоя на углу пассажа Мейера и всматриваясь прищуренными глазами въ эти безконечные длинные хребты домовъ, сжимавшіе улицу. — Чудный городъ, но какая мнѣ отъ этого польза, — подумалъ онъ насмѣшливо и вошелъ

въ кондитерскую на углу, совершенно переполненную публикой.

— Melange! — крикнулъ онъ кельнерамъ, бѣгавшимъ по всѣмъ направленіямъ, пробрался на одно изъ свободныхъ мѣстъ, просмотрѣлъ машинально послѣдній номеръ «Berliner Börsen Courrier» и снова погрузился въ размышленія; онъ думалъ, откуда достать денегъ и какъ бы устроить такъ, чтобы можно было больше заработать на этомъ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ, о которомъ онъ заключилъ договоръ съ друзьями нѣсколько часовъ тому назадъ.

Маврикій Вельтъ былъ слишкомъ лодзинскимъ «gründer'омъ», чтобы у него могли быть какія-нибудь колебанія сдѣлать выгодное дѣло, хотя бы во вредъ своимъ товарищамъ, если выгода сама шла въ его руки.

Онъ жилъ въ мірѣ, гдѣ мошенничества, умышленныя банкротства, провалы, разнаго рода предпріятія, эксплуатація — были ежедневной пищей, которой всѣ питались съ удовольствіемъ; гдѣ громко завидовали удачно обдуманнымъ подлостямъ, сообщали о нихъ другу въ кондитерскихъ, пивныхъ и конторахъ, удивлялись всѣмъ общественнымъ плутамъ, поклонялись и чтили милліоны, не задаваясь мыслью, откуда они; никому не было дѣла — заработаны или украдены милліоны, лишь бы они были.

Несчастливыхъ и неудачныхъ встрѣчали насмѣшкой, рѣзкимъ осужденіемъ, лишеніемъ кредита и довѣрія, — счастливый же получалъ все; онъ могъ сегодня обанкротиться и заплатить двадцать пять за сто, а назавтра тѣ самые, которыхъ онъ обокралъ, откроютъ ему еще большій кредитъ, такъ какъ свои потери они воз-

мѣстятъ, обанкротившись, на другихъ, уплативъ пятнадцать за сто.

Морицъ думалъ, какъ бы побольше заполучить выгодъ изъ своего вступленія въ компанію и какъ заработать и безъ нея.

Купить немного на общій счетъ только для отвода глазъ и какъ можно больше на свой собственный, — вотъ мысль, которая съ утра сверлила его мозгъ, — онъ набрасывалъ колонны цифръ на мраморную доску столика, складывалъ, перечеркивалъ, стиралъ и снова неутомимо писалъ, почти не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ него.

Черезъ головы сидѣвшихъ около него ему протягивали руки, онъ пожималъ ихъ, не замѣчая съ кѣмъ здоровается.

— Morgen! — бросалъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствія здоровавшихся съ нимъ и снова погружался въ самыя невѣроятныя комбинаціи.

Онъ не могъ найти ни выхода, ни денегъ. Кредитъ его былъ исчерпанъ и взятъ подъ агентуру. Векселей онъ не могъ уже больше выдавать, если не найдетъ хорошаго, солиднаго поручителя.

— Къ кому обратиться? — стояло неотступно у него въ мозгу.

— Melange! — снова бросилъ онъ кельнерамъ, которые среди шума и толкотни, наполнявшихъ кондитерскую, вертѣлись между столиками съ подносами кофе и чаю надъ головами.

Часы съ кукушкой прокричали часъ.

Изъ кондитерской начался медленный отплывъ, всѣ шли на улицу, гулять.

Морицъ все сидѣлъ, вдругъ глаза его заблистали, онъ расчесалъ пальцами свою великолѣпную, бархатистую бороду, сильно надавилъ пенснэ на носъ и началъ быстро хлопать глазами.

Ему пришелъ на мысль старый Грюнспанъ, владѣлецъ большой фабрики шерстяныхъ платковъ, подъ фирмой: «Грюнспанъ и Ландсбергъ», — братъ его матери.

Онъ рѣшилъ пойти къ нему, и если удастся, то взять его въ поручители, если же нѣтъ, то предложить ему вступить компаніономъ въ задуманное дѣло.

Восторгъ и радость этого открытія продолжались лишь мгновеніе, такъ какъ онъ вспомнилъ, что Грюнспанъ разорилъ собственнаго брата и уже два раза объявлялъ себя банкротомъ. Съ такимъ человѣкомъ не совсѣмъ безопасно вести дѣло.

— Банкротъ, плутъ! — ворчалъ онъ сердито, чувствуя, что его не удастся взять въ поручители, но, несмотря на это, онъ рѣшилъ все-таки пойти.

Онъ началъ оглядывать кондитерскую, узкую, темную и длинную комнату, почти уже пустую, — только у оконъ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей, погрузившихся въ большіе листы газетъ.

— Панъ Рубинротъ! — сказалъ онъ молодому человѣку, сидѣвшему возлѣ зеркала со стаканомъ въ одной рукѣ и пирожнымъ въ другой, склонившемуся надъ разложенной на столикѣ газетой.

— Слушаю васъ! — откликнулся тотъ, вскакивая съ мѣста.

— Есть что-нибудь?

— Ничего нѣтъ.

— Я долженъ былъ знать объ этомъ еще утромъ.

— Ничего не было и потому я не далъ знать, такъ какъ думалъ...

— Вы слушайте, а не думайте, это васъ не касается. Я вамъ сказалъ разъ навсегда, чтобы каждое утро вы давали мнѣ знать на квартиру, было что-нибудь или нѣтъ. Не ваше дѣло думать, ваше дѣло сообщать мнѣ все, — я за это вамъ плачу. На пирожное и газету у васъ было бы еще время.

Рубинротъ началъ довольно горячо оправдываться.

— Не кричите, здѣсь не синогога, — бросилъ онъ сухо своему служащему изъ конторы и повернулся къ нему спиной.

— Кельнеръ! Счетъ! — позвалъ онъ, вынимая портмонэ.

— За что вы платите?

— Melange!.. Да, вѣдь вы мнѣ не подали, я ничего не плачу.

— Сію минуту подадутъ. Melange! — крикнулъ кельнеръ во все горло.

— Влей себѣ его въ носъ, этотъ melange! Я ждалъ цѣлыхъ два часа и теперь долженъ уходить безъ завтрака. Болванъ! — крикнулъ онъ раздраженно и быстро выбѣжалъ на улицу.

Солнце припекало все сильнѣе.

Толпы рабочихъ разбрелись, и вмѣсто нихъ тротуары начали заполняться другой публикой, — элегантными дамами въ модныхъ шляпахъ, въ богатыхъ костюмахъ, мужчинами въ длинныхъ черныхъ пальто, въ плащахъ съ пелеринами, евреями въ длинныхъ грязныхъ сюртукахъ, еврейками, по большей части,

очень красивыми въ бархатныхъ платьяхъ, которыя онѣ волокли по грязному тротуару.

Улицы наполнились шумомъ, люди со смѣхомъ пробирались, толпились, гуляли взадъ и впередъ почти до заставы или Навротной.

Передъ кондитерской на углу Дѣльной группа молодыхъ конторщиковъ разглядывала проплывающія толпы женщинъ и дѣлала громкія замѣчанія и сравненія, по большей части очень глупыя, поминутно разражаясь безумнымъ хохотомъ, такъ какъ тутъ же стоялъ Леонъ Конъ и отпускалъ свои остроты, надъ которыми смѣялся самъ громче всѣхъ.

Бумъ-Бумъ стоялъ, согнувшись, впереди группы и, придерживая свое пенснэ обѣими руками, разглядывалъ женщинъ, которыя, переходя улицу, пересѣкавшую тротуаръ, должны были подбирать платья.

— Смотрите, смотрите, какія ножки!—кричалъ онъ, чмокая губами.

— У этой двѣ палки въ чулкахъ!

— Вниманіе! Шая ѣдетъ!—закричалъ Леонъ Конъ, почтительно кланяясь Шаѣ, который, небрежно развалившись въ каретѣ, проѣзжалъ мимо нихъ.

Шая кивнулъ головой.

— Онъ совсѣмъ, какъ старый фабричный отбросокъ.

— Паненка, у васъ платье тянется по грязи, — сказалъ Бумъ-Бумъ какой-то дѣвушкѣ.

— А ну-ка покажите, что у васъ есть? — болталъ Леонъ.

— Морицъ, иди къ намъ! — позвалъ Леонъ, замѣтивъ подходившаго Вельта.

очень красивыми, въ бархатныхъ платьяхъ, которыя товъ, — проворчалъ онъ и потонулъ въ толпѣ, плывшей къ Новому Рынку.

Многочисленные лѣса, — окружавшіе вновь строящіеся или перестраиваемые дома, — заставляли всѣхъ обходить ихъ прямо по уличной грязи.

Ниже, за Новымъ Рынкомъ, все было полно евреями и рабочими, идущими въ Старый городъ. Петроковская въ этомъ мѣстѣ третій разъ мѣняла свой видъ и характеръ, — отъ Гафовскаго Рынка до Наврота — фабричная; отъ Наврота до Новаго Рынка — торговая и, наконецъ, внизъ до Стараго города — еврейская толкучка.

Грязь здѣсь была болѣе черной и жидкой, тротуары измѣнялись почти передъ каждымъ домомъ, — были то широкіе изъ камня, то бѣжали узкой истоптанной полоской асфальта, то шли прямо по грязной мостовой, изъ мелкаго камня, коловшаго черезъ подошву.

По канавамъ плыли отбросы фабрикъ, словно грязно-желтыя, красныя и синія ленты; изъ нѣкоторыхъ домовъ и фабрикъ, расположенныхъ за канавами, стоки были такъ обильны, что не помѣщались и выступали за края мелкихъ канавъ, заливая цвѣтными потоками тротуары, подходя вплоть до истоптанныхъ пороговъ многочисленныхъ лавочекъ, помѣщавшихся въ черныхъ, грязныхъ нутрахъ, съ запахомъ гнили, селедокъ, испорченныхъ овощей или алкоголя.

Дома старые, ободранные, загрязненные, съ облупившейся штукатуркой, откуда, словно раны, выступали обнаженные кирпичи, дома, мѣстами деревянные или изъ обыкновеннаго прусскаго камня, трескавшагося и разсыпавшагося около дверей и оконъ, съ кри-

выми рамами и косяками, дома, покривившіеся, одряхлѣвшіе, запачканные — стояли отвратительнымъ рядомъ домовъ-труповъ. Между ними протискивались новые трехъ-этажные колоссы съ многочисленными окнами. Они стояли еще нештукатуренные, безъ балконовъ, съ временными окнами, но уже полные людского говора и стука ткацкихъ станковъ, которые работали, несмотря на воскресенье, полные гудящаго шума машинъ, шьющихъ дешевый товаръ для вывоза, полные пронзительнаго скрипа коловоротовъ, сучившихъ пряжу для ручныхъ ткацкихъ станковъ.

Передъ этими безконечными домами, поднимавшими угрюмо свои красныя стѣны, надъ этимъ моремъ умирающихъ развалинъ и торговой жизни, — лежали цѣлыя кучи кирпича и бревенъ, стѣсняя и безъ того узкую улицу, запруженную возами, лошадьми, перевозимымъ товаромъ, шумомъ, криками торговцевъ и тысячами голосовъ рабочихъ, идущихъ толпами въ Старый городъ; они шли по срединѣ улицы или возлѣ тротуаровъ; ихъ разноцвѣтные шарфы, обвязанные вокругъ шеи, оживляли немного общій сѣро-грязный тонъ улицы.

Старый городъ и всѣ прилегавшія улицы были поглощены обычнымъ воскреснымъ движеніемъ.

На четырехугольной площади, обставленной старыми одноэтажными домами, никогда не подновлявшимися, — переполненной лавками, кабаками и такъ называемыми Bier-Halle, съ сотнями безобразныхъ навѣсовъ съ мелочнымъ товаромъ, толпилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, сотни возовъ и лошадей, все это кричало, говорило, ругалось и временами дралось.

Шумный хаосъ переливался, какъ волна, изъ одной стороны рынка въ другую. Онъ гудѣлъ надъ этимъ моремъ головъ съ развѣвающимися волосами, поднятыхъ рукъ, лошадиныхъ мордъ, топоровъ, внезапно поблескивавшихъ на солнцѣ, когда ихъ поднимали мясники надъ разрубленнымъ мясомъ, громадныхъ короваевъ хлѣба, которые несли на головахъ; шумъ расплывался надъ желтыми, зелеными, красными, лиловыми платками, развѣвавшимися какъ знамена надъ дверями лавочекъ съ готовымъ платьемъ; гудѣлъ надъ шапками и шляпами, висѣвшими на палкахъ, надъ сапогами, бумажными шарфами, которые, словно цвѣтныя змѣи, трепетали отъ вѣтра и ударяли по лицамъ толпившихся людей, надъ жестяной посудой, сверкавшей на солнцѣ, надъ грудами солонины, надъ апельсинами, сложенными на лоткахъ пирамидами, надъ снопами соломы, выдѣлявшейся свѣтлыми пятными на фонѣ человѣческой толпы и грязи, которая растиралась, мѣсилась, топталась и брызгалась изъ-подъ ногъ на лотки и лица, выливалась съ Рынка въ канавы и улицы, съ четырехъ сторонъ примыкавшія къ площади, по которымъ медленно двигались возы съ пивными бочками, съ мясомъ, закрытымъ грязнымъ тряпьемъ.

Иногда съ боку этихъ возовъ, тянувшихся неразрывною цѣпью одинъ за другимъ, быстро проѣзжалъ элегантный экипажъ, обрызгивая грязью людей, возы, тротуары, на которыхъ сидѣли старыя, изнуренныя еврейки съ корзинами варенаго гороха, конфетъ, замороженныхъ яблокъ, дѣтскихъ игрушекъ.

Передъ лавками съ открытыми дверями и полными людей стояли столы, стулья, скамейки, на которыхъ

лежали кучи галантерейнаго товара: чулки, носки, искусственные цвѣты, жесткіе ситцы, одѣяла съ яркой подшивкой и бумажные кружева.

На одномъ концѣ рынка стояли желтыя, крашеныя кровати, комоды, которые не закрывались и бронзовой протравой имитировали красное дерево, и зеркала, въ которыхъ ничего не было видно, поблескивали на солнцѣ; стояли люльки, груды кухонной посуды, а позади нихъ сидѣли на соломѣ съ масломъ и молокомъ деревенскія женщины, одѣтыя въ красныя шерстяныя платья и платки.

Между возовъ и лотковъ пробирались черезъ толпу женщины съ корзинами бѣлыхъ накрахмаленныхъ чепчиковъ, примѣрявшихся прямо на улицѣ.

На Поперечной, сейчасъ же возлѣ рынка, стояли столы со шляпами, ихъ печальные цвѣты, заржавѣвшія шпильки, крашеныя цвѣтныя перья развѣвались грустно на фонѣ домовъ.

Мужское платье продавалось, покупалось и примѣрялось на улицѣ, въ сѣняхъ, около стѣнъ, и за занавѣсками, которыя обыкновенно ничего не закрывали.

Такимъ же образомъ и работницы примѣряли кофты, передники и юбки.

Гамъ все возросталъ, такъ какъ изъ верхней части города приплывали все новыя волны покупателей и поднимались все новые крики, зазыванія охрипшими голосами; дѣтскіе рожки звучали со всѣхъ сторонъ, какъ и грохотъ возовъ, визгъ поросятъ, гоготаніе гусей, — вся бѣшеная какофонія человѣческаго скопища гудѣла и поднималась къ чистому солнечному не-

бу, висѣвшему надъ городомъ блѣдно-зеленымъ балдахиномъ.

Въ одномъ изъ кабаковъ играла музыка и шли танцы; временами сквозь гамъ и адскій шумъ прорывался звукъ гармоники и скрипки, наигрывавшей «оберка», и ухарскія вскрикиванія танцующихъ; но скоро эти голоса утонули въ хаосѣ драки, поднявшейся по срединѣ рынка, возлѣ лотковъ съ окороками. Нѣсколько сцѣпившихся и сплетшихся тѣлъ моталась съ ревомъ, качались во всѣ стороны, пока не рухнули подъ лотки въ грязь, гдѣ продолжали кусаться и кататься, какъ громадный клубокъ съ массою рукъ, ногъ, окровавленныхъ лицъ, воющихъ ртовъ и глазъ, полныхъ бѣшенства.

Высоко сверкавшее солнце заливало потоками весенняго тепла весь рынокъ. Оно оживляло краски, золотило измученныя, истощенныя лица, обнажало жалкіе дома, горѣло огненнымъ золотомъ въ стеклахъ оконъ, въ жидкой грязи, въ глазахъ людей, которые грѣлись возлѣ домовъ на солнцѣ, покрывало какъ бы золотистой лазурью все безобразіе, царившее здѣсь, всѣ эти вещи, людей, голоса, которые вырывались изъ-подъ палатокъ, съ возовъ, лотковъ, изъ грязи. Весь этотъ гамъ огромнымъ вихремъ кружился надъ рынкомъ, отражался отъ четыреугольныхъ домовъ, расплывался по боковымъ улицамъ, въ воздухѣ, по полямъ, къ фабрикамъ, расположеннымъ неподалеку; ихъ громадныя трубы, погруженныя въ какую-то тихую, молчаливую угрозу, смотрѣли блещущими и сіяющими окнами-глазами на это скопище рабочихъ.

Морицъ съ брезгливымъ чувствомъ протолкался че-

резъ рынокъ и пошелъ по Древновской улицѣ, одной изъ старѣйшихъ въ Лодзи, очень тихой, съ маленькими умирающими домиками первыхъ лодзинскихъ ткачей; межъ нихъ попадались простыя, крестьянскія избы съ сильно выступающими углами, наполовину ушедшія въ землю, покривившіяся, окруженныя садиками, гдѣ доживали старыя вишни и приземистыя груши, дававшія когда-то цвѣты и плоды, а теперь въ теченіе многихъ лѣтъ прозябавшія между стѣнъ фабрикъ, отрѣзанныя отъ солнца и отъ вѣтра. Теперь онѣ гнили, разъѣдаемыя просачивавшимися стоками съ фабрикъ, проведенными повсюду въ этой сторонѣ; обломанныя, забытыя, онѣ медленно умирали съ трагической меланхоліей заброшенности и печали.

Грязь въ этой улицѣ была выше лодыжекъ. Въ дали, въ концѣ улицы, выходившей въ поле, блуждали свиньи передъ домами и пробовали рыть затвердѣвшую землю площади, куда свозили щебень и мусоръ.

Дома были безпорядочно разбросаны, — они стояли то группами, то одиноко въ полѣ, окруженные размокшей землю.

На самомъ краю города стояла фабрика Грюнспана и Ляндсберга, отдѣленная отъ улицы высокимъ заборомъ.

Съ боку фабрики былъ расположенъ большой одноэтажный домъ съ мансардами, окруженный садикомъ.

— Панъ дома? — спросилъ Морицъ стараго рабочаго, отворившаго ему двери.

— Дома.

— Кто еще дома?

— Всѣ.

— Кто всѣ?

— Ну, тѣ, жиды, — проворчалъ онъ презрительно.

— Твое счастье, Францъ, что я сегодня въ хорошемъ настроеніи, а то иначе я порядкомъ избилъ бы тебѣ морду. Понимаешь, Францъ? Сними калоши!

— Понимаю, я получилъ бы по мордѣ, но такъ какъ ясный панъ въ духѣ, такъ я ужъ не получу, — шепталъ онъ добродушно, снимая ему калоши.

— Ну такъ, Францъ, выпей водки и помни, — сказалъ Морицъ, давая ему гривенникъ на чай, и прошелъ въ комнату.

— Паршивая стерва! Бить польскій народъ будетъ! — плюнулъ Францъ вслѣдъ ему.

Морицъ вошелъ въ большую комнату, въ которой уже было около десяти человѣкъ, сидѣвшихъ вокругъ большого стола, покрытаго тарелками послѣ только что оконченнаго обѣда.

Онъ молчаливо поздоровался со всѣми и сѣлъ на красный диванчикъ, стоявшій въ углу съ большой вѣеролистной пальмой.

— Не надо препираться, можно все спокойно обсудить, — медленно говорилъ самъ Грюнспанъ, прохаживаясь по комнатѣ въ бархатной ермолкѣ на сѣдѣвшихъ волосахъ.

Длинная борода окаймляла его бѣлое, откормленное лицо съ маленькими глазками, перебѣгавшими съ быстротой молніи съ предмета на предметъ.

Онъ держалъ сигару въ рукѣ, украшенной кольцомъ съ печатью и изрѣдка затягиваясь, нюхалъ, выпячивая красныя губы, выпускаемый дымъ.

— Францъ, — закричалъ онъ въ переднюю. — Прине-

си мнѣ изъ кабинета ящикъ съ сигарами, этотъ совершенно сырой. Я его кладу на печь, смотри, Францъ, чтобы онъ не пропалъ.

— Коли не пропадетъ, то не пропадетъ, — проворчалъ Францъ.

— Что это за праздникъ? — спросилъ Морицъ Феликса Фишбина, принадлежавшаго къ роднѣ, который, сидя въ качалкѣ и пуская клубы дыма, сильно раскачивался.

— Gross - familien - Pleiten fest, — бросилъ Фишбинъ.

— Я пришла къ отцу за совѣтомъ и просила притти всѣхъ, пусть посмотрятъ, пусть скажутъ моему мужу, если онъ не хочетъ меня слушать, что такъ дальше нельзя вести дѣло, иначе мы останемся безъ всего, — энергично заговорила молодая, красивая, изящная брюнетка въ черной шляпѣ, старшая дочь Грюнспана.

— Сколько у васъ за Лихачевымъ? — спросилъ отрывисто молодой студентъ университета съ типичнымъ семитскимъ носомъ, съ почти красными волосами и бородой и началъ грызть карандашъ.

— Пятнадцать тысячъ.

— Гдѣ векселя? — спросилъ старикъ, играя золотой цѣпочкой, спадавшей на его большой животъ на которомъ изъ-подъ бархатнаго жилета болтались два бѣлыхъ шнура.

— Гдѣ векселя? Вездѣ! Я платилъ ими у Гросглика, платилъ за товаръ, Колинскому за послѣднее помѣщеніе. Что тутъ много говорить! Тотъ обанкротился, они возвратятся ко мнѣ, и мы должны заплатить. Я за нихъ поручился, — отвѣчалъ зять.

— Послушай, отецъ! онъ такъ постоянно говоритъ! Что это такое? на что это похоже? И это коммерсантъ! это купецъ! это говоритъ порядочный фабрикантъ: «я долженъ, и потому надо платить!» Такъ можетъ говорить глупый мужикъ, ничего не понимающій въ дѣлахъ! — кричала дочь, и слезы обиды, гнѣва и раздраженія заблестѣли въ ея большихъ черно-оливковыхъ глазахъ.

— Я удивляюсь, Регина, очень удивляюсь, что ты такая умная, а не понимаешь простыхъ вещей, на которы основана не только торговля, но и вся жизнь, — ты этого не хочешь понять.

— Я понимаю, дважды все понимаю, только не могу вмѣстить того, почему ты хочешь, Альбертъ, заплатить эти пятнадцать тысячъ рублей.

— Потому что я долженъ! — прошепталъ онъ, склоняя на грудь свое блѣдное, измученное лицо, и какая-то ироническая улыбка промелькнула на его тонкихъ губахъ.

— Онъ все свое! Ты бралъ сырой товаръ въ кредитъ и остался долженъ—хорошо; но ты давалъ товаръ тоже въ кредитъ, и тебѣ должны, а если тебѣ они не платятъ, если они банкротятся, то что ты долженъ дѣлать? платить, да? Ты будешь терять потому, что Фрумкинъ хочетъ заработать, что? — кричала она, покраснѣвъ.

— Пентюхъ!

— Большой купецъ, ай, ай!

— Ты долженъ все это уладить и заработать на этомъ пятьдесятъ процентовъ!

— Регина права!

— Ты не играй въ глупое благородство, тутъ вопросъ о большой суммѣ!

Кричали всѣ, протягивая къ нему руки, съ раскраснѣвшимися лицами.

— Тише, жиды! — бросилъ небрежно Феликсъ Фишбинъ, качаясь въ креслѣ.

— Платить! платить! это и глупый сможетъ, всякій полякъ сумѣетъ это сдѣлать—велика штука!

— Ну, посовѣтуемся же, господа! — кричалъ Сигизмундъ Грюнспанъ, сынъ-студентъ, желая всѣхъ заглушить и звоня ножомъ о стаканъ; онъ разстегнулъ мундиръ на груди и непремѣнно хотѣлъ говорить, но его никто не слушалъ, такъ какъ всѣ разговаривали и кричали разомъ. Только старикъ Грюнспанъ молча ходилъ и пренебрежительно поглядывалъ на зятя. Послѣдній сидѣлъ, облокотившись головой на руки, и смотрѣлъ взглядомъ, искавшимъ сочувствія, на Морица, нетерпѣливо ожидавшаго конца спора. Онъ всматривался въ старика и размышлялъ, — предложить ему свое дѣло или нѣтъ.

Ему очень хотѣлось, но постепенно его желаніе охладѣвало, появились рефлексія, и что-то въ родѣ необъяснимаго стыда проникало въ его сознаніе, когда онъ вспоминалъ Карла и Баума. Наконецъ, онъ не рѣшался довѣриться Грюнспану и слѣдилъ за его круглымъ хитрымъ лицомъ и маленькими непрестанно бѣгающими глазками; старикъ поглядывалъ, какъ бы съ видомъ оцѣнщика, на присутствующихъ; глаза его останавливались на свѣтлыхъ брюкахъ Фишбина, растянувшагося въ креслѣ, или на золотой цѣпочкѣ Альберта Гросмана, сидѣвшаго теперь съ откинутой

головой и смотрѣвшаго въ потолокъ, словно онъ не слышалъ грознаго шума, поднятаго женой съ помощью родныхъ, собравшихся для того, чтобы заставить его не платить и устроить умышленное банкротство. Старикъ молча продолжалъ свой осмотръ, и глаза его словно ощупывали толстый бумажникъ, въ которомъ торопливо искалъ что-то Ландау, старый еврей съ большой рыжей бородой и въ шелковой шапочкѣ на головѣ.

Нѣтъ, у Морица все меньше и меньше оставалось довѣрія къ Грюнспану.

— Ша-ша, господа! Выпьемъ теперь чаю, — сказалъ Грюнспанъ, когда прислуга внесла шумящій самоваръ.

— Попросите ясне-паненку Мелю! — бросилъ онъ важно Францу.

Всѣ немного успокоились.

Вошла Меля, кивнула всѣмъ головой и занялась разливаніемъ чая.

— Я заболѣю еще отъ всего этого, у меня и такъ сердце болитъ, тутъ ни минуты покоя, — шептала Регина, вытирая свои заплаканные глаза.

— Ты и такъ каждый годъ ѣздишь въ Остенде, теперь ты будешь знать по крайней мѣрѣ, зачѣмъ ѣдешь.

— Гросманъ, не говори такъ, — это мое дитя! — энергично замѣтилъ Грюнспанъ.

— Ты со мной не поздоровалась, Меля, — прошепталъ Морицъ, садясь возлѣ младшей дочери фирмы Грюнспанъ и Ляндсбергъ.

— Я поклонилась всѣмъ, развѣ ты не замѣтилъ? — тоже шептала она, придвигая чай Сигизмунду.

— Мнѣ хотѣлось, чтобы ты со мной отдѣльно поздоровалась, — проговорилъ онъ тихо, помѣшивая чай.

— Зачѣмъ тебѣ это? — спросила она, поднимая на него свои синевато-сѣрые грустные глаза и красивое лицо съ необычайно правильными чертами.

— Зачѣмъ? Я очень хотѣлъ бы, чтобы ты обращала на меня вниманіе; наконецъ, мнѣ доставляетъ большое удовольствіе смотрѣть на тебя и говорить съ тобой, Меля.

Улыбка пробѣжала по ея полнымъ, очень красивымъ губамъ цвѣта блѣдныхъ сицилійскихъ кораллов, но она ничего не отвѣтила и налила чай на блюдце для отца, который выпилъ его, не переставая ходить по комнатѣ.

— Развѣ я сказалъ что-нибудь смѣшное? — спросилъ Морицъ, увидѣвъ ея улыбку.

— Нѣтъ, я только вспомнила, что говорила пани Стефанія сегодня утромъ; кажется, вчера въ театрѣ ты говорилъ ей, что не умѣешь флиртовать съ еврейками. Это такая разновидность женщинъ, которая не дѣйствуетъ на тебя. Такъ ты говорилъ? — спросила она, пристально глядя на него.

— Говорилъ. Но, во-первыхъ, я съ тобой не занимаюсь флиртомъ, а, во-вторыхъ, въ тебѣ нѣтъ ничего еврейскаго. Честное слово! — добавилъ онъ быстро, потому что снова такая же улыбка промелькнула у нея на губахъ.

— Значитъ, я въ твоемъ вкусѣ. Благодарю, Морицъ, за откровенность.

— Развѣ тебя это сердитъ, Меля?

— Нѣтъ, мнѣ это безразлично, — строго зазвучалъ

ея голосъ; онъ, удивленный, хотѣлъ заглянуть въ ея глаза, но ничего не прочелъ въ нихъ, — она упорно смотрѣла въ блюдце, въ которое опять налила чаю.

— Будемъ говорить спокойно, всегда можно сговориться, — началъ опять Сигизмундъ, причесывая маленькимъ гребешкомъ красную, какъ мѣдь, бороду.

— Что тутъ говорить, пусть самъ отецъ скажетъ Альберту, что если вести такимъ образомъ дѣла, то мы черезъ годъ, на самомъ дѣлѣ, обанкротимся. Онъ не хочетъ слушать меня, такъ какъ у него, по его словамъ, собственная философія. Пусть скажетъ ему отецъ, что онъ глупъ, хотя онъ и докторъ философіи и химіи, разбрасывая даромъ деньги.

— А, можетъ быть, отецъ скажетъ ей, чтобы она не вмѣшивалась въ дѣла, которыхъ не понимаетъ, и не надоѣдала бы своимъ крикомъ, — это въ концѣ-концовъ можетъ вывести изъ себя.

— За мою доброту, за мое доброе сердце онъ мнѣ это говоритъ! а!

— Тише, Регина!

— Я не буду молчать, тутъ дѣло идетъ о деньгахъ, о моихъ деньгахъ; я ему надоѣдаю, я могу его вывести изъ себя, какой лодзинскій графъ! ой, ой! — выкрикивала она со злобой.

— Пусть войдетъ въ соглашеніе и предложитъ пятьдесятъ процентовъ, — сказалъ серьезно Ландау.

— Зачѣмъ какое-то соглашеніе? Ничего не давать! Мы за наши деньги отъ Фрумкина не получимъ ни гроша.

— Ты не понимаешь, Регина. Покажите, Гросманъ, активъ и пассивъ, — сказалъ Сигизмундъ, разстегивая мундиръ.

— Дать двадцать пять процентовъ максимумъ,—прошепталъ старикъ, дуя на блюдце.

— Есть лучшій способъ, — проговорилъ вполголоса Фишбинъ, раскуривая потухшую сигару.

Никто не отвѣтилъ ему, — всѣ склонились надъ бумагами, разложенными на столѣ, надъ записками, исписанными цифрами, итогъ которымъ торопливо подводилъ Сигизмундъ.

— Пятьдесятъ тысячъ долгу! — сказалъ онъ.

— А сколько у него есть? — спросилъ съ любопытствомъ Морицъ, вставая за Мелей, вышедшей изъ комнаты.

— Это видно будетъ позже, смотря потому, сколько процентовъ онъ выплатитъ со ста.

— Есть изъ-за чего работать.

— Деньги были бы, какъ въ карманѣ

— Регина, тебѣ не слѣдуетъ тревожиться.

— Итакъ, вы хотите, чтобы я объявилъ себя банкротомъ? Я не буду надувать людей! — рѣшительно сказалъ Гросманъ, вставая изъ-за стола.

— Ты долженъ это сдѣлать, иначе я беру назадъ свое приданое и разведусь съ тобой. Зачѣмъ я буду жить съ такимъ графомъ? зачѣмъ я буду все время безпокоиться?

— Тише, Регина! Гросманъ уплатитъ по двадцати пяти процентовъ со ста. Будь спокойна, я берусь за это, — утѣшалъ ее старый Грюнспанъ.

— У Альберта въ головѣ маленькіе червячки... какъ это называется, Морицъ? — спросилъ Фишбинъ.

— Онъ себѣ на умѣ! — бросилъ онъ быстро и нетерпѣливо, такъ какъ хотѣлъ пойти за Мелей.

— Хочешь взять приданое — бери; хочешь разводиться — я дамъ тебѣ разводъ, хочешь тѣ деньги, какія у меня еще есть — забери все; мнѣ опротивѣла жизнь въ этомъ мошенническомъ аду. Мы съ тобой, Регина, никогда не сойдемся; не было дѣтей, — ты говорила, что тебѣ стыдно на улицу показаться, теперь у тебя ихъ четверо, ты снова недовольна.

— Альбертъ, замолчи!

— Ша! ша! это ваши дѣла! — закричалъ Грюнспанъ, быстро ставя блюдце на столъ.

— Она всегда и всѣмъ недовольна, вѣчно ссорится со мной.

— Мнѣ не изъ-за чего ссориться? онъ меня заставляетъ ѣздить на этихъ дохлыхъ лошадяхъ, надъ которыми всѣ смѣются!

— Для меня хороши и такія, люди богаче тебя ходятъ пѣшкомъ.

— Ну, а я хочу ѣздить, у меня есть на что купить порядочныхъ лошадей.

— Ну и покупай, у меня же не хватаетъ на другихъ.

— Тише, жиды! — закричалъ Феликсъ, опять раскачиваясь въ качалкѣ.

— Онъ окончательно поглупѣлъ, развѣ нужно имѣть деньги, чтобы покупать! Развѣ надо имѣть что-нибудь, чтобы купить нужное? Развѣ у Вульфа есть что-нибудь, а онъ открываетъ фабрику? или много у Бернштейна, омеблировавшаго домъ на сто тысячъ? — выкрикивала Регина, обводя всѣхъ родныхъ изумленнымъ взоромъ.

Альбертъ повернулся къ нимъ спиной и смотрѣлъ въ окно.

Ссора закипѣла и поднялась до предѣла: всѣ

сразу кричали, наклонившись надъ столомъ и стуча по нему кулаками, выхватывали другъ у друга бумаги, исписывали клеенку новыми подсчетами, строили все болѣе отвратительные планы и способы банкротства, бранились другъ съ другомъ, вскакивали изъ-за стола, опять садились и кричали; тряслись бороды, и усы, и лица, — губы передергивались, всѣ были взволнованы этими цифрами, которыя легко можно было заработать, разсержены этимъ глупцомъ, повернувщимся къ нимъ спиною и не хотѣвшимъ ничего слушать о банкротствѣ.

Даже старикъ взволновался и громко приводилъ разные доводы. Регина, измучившись, сидѣла въ креслѣ и судорожно плакала; Ландау отвернулъ клеенку и кусочкомъ мѣла писалъ цифры на столѣ, бросая съ серьезнымъ видомъ отъ времени до времени какое-нибудь слова. А Сигизмундъ Грюнспанъ раскраснѣвшійся, вспотѣвшій, кричалъ громче всѣхъ, звалъ всѣхъ посовѣтываться и началъ подсчитывать колонны цифръ въ большой фабричной книгѣ, принесенной ему Региной.

Только Морицъ не принималъ участія въ крикѣ, сидѣлъ подъ пальмой возлѣ Фишбина, который, вытянувшись въ качалкѣ и куря сигару, иногда кричалъ:

— Тише, жиды!

— Совсѣмъ невеселая оперетка! — проговорилъ соскучившійся Морицъ и, раздумавъ приглашать Грюнспана въ свою аферу, пошелъ во внутреннія комнаты искать Мелю.

Онъ засталъ ее у бабушки, которую семья окружала необычайнымъ почетомъ и уваженіемъ.

Она сидѣла у окна въ креслѣ на колесахъ. Это бы-

ла почти столѣтняя старуха въ параличѣ, впавшая въ дѣтство; лицо ея высохло и такъ покрылось морщинами, что потеряло всякое выраженіе, — казалось, что это былъ только кусокъ желтовато-сѣрой сморщенной кожи, на которой виднѣлись, словно черныя бусинки, потухшіе глаза. На головѣ у нея былъ черный парикъ, покрытый чѣмъ-то въ родѣ чепца изъ цвѣтного бархата и кружевъ, какой носятъ еврейки въ маленькихъ мѣстечкахъ.

Меля дѣтской ложечкой вливала бульонъ въ запавшій ротъ, который бабушка, словно рыба, открывала и закрывала.

Морицъ поклонился ей, она перестала ѣсть, равнодушно посмотрѣла на него и спросила глухимъ голосомъ, выходившимъ какъ-будто изъ-подъ земли:

— Кто это, Меля?

Она уже никого не узнавала, кромѣ самыхъ близкихъ.

— Морицъ Вельтъ, братъ моей матери, Вельтъ, — повторила она съ удареніемъ.

— Вельтъ, Вельтъ! — прошептала она беззубымъ ртомъ и широко открыла ротъ навстрѣчу бульону, который опять подала ей Меля.

— Все еще ссорятся? — спросила Меля.

— Насталъ судный день!

— Бѣдный Альбертъ!

— Тебѣ жаль его?

— Да, какъ же! Ему не позволяютъ быть человѣкомъ—семья и даже собственная жена. Регина меня прямо поражаетъ своимъ торгашествомъ, — отвѣтила она и печально вздохнула.

— Онъ долженъ сдѣлаться хорошимъ фабрикантомъ. Онъ немного боленъ идеализмомъ, но послѣ перваго же банкротства, пусть только хорошо заработаетъ на немъ, онъ вылѣчится.

— Я не понимаю ни отца, ни дѣтей, ни тебя, ни Лодзи! Во мнѣ все переворачивается, когда я смотрю на то, что здѣсь дѣлается!

— Что дѣлается? Все идетъ хорошо, — наживаютъ деньги и баста.

— Но какъ, какими способами!

— Это все равно, — способъ, какимъ добытъ рубль, не уменьшаетъ его стоимости.

— Ты циникъ, — прошептала она, какъ бы съ упрекомъ.

— Я только такой человѣкъ, который не стыдится называть вещи ихъ именемъ.

— Оставимъ это, я такъ разстроена, что у меня нѣтъ силъ даже ссориться.

Она кончила кормить бабушку, поправила окружавшія ее подушки и поцѣловала ей руку.

Старуха задержала ее легонько и начала гладить высохшими какъ у скелета руками ея лицо, потомъ снова спросила, смотря на Морица.

— Кто это, Меля?

— Вельтъ, Вельтъ! Пройди, Морицъ, ко мнѣ на минутку, если у тебя есть время.

— Меля, у меня для тебя всегда найдется время, ты только пожелай.

— Вельтъ, Вельтъ! — глухо повторяла старуха, раскрывъ ротъ и смотря мертвымъ взглядомъ въ окно, за которымъ виднѣлись стѣны фабрики.

— Морицъ, я уже просила не говорить мнѣ комплиментовъ.

— Ты мнѣ не вѣришь, Меля, но я говорю это искренно, даю слово честнаго человѣка, — когда я съ тобой, то говорю не только иначе, чѣмъ съ другими женщинами, но начинаю чувствовать и думать по-другому. Въ тебѣ есть какая-то удивительная мягкость, ты настоящая женщина, Меля; такихъ, какъ ты, мало въ Лодзи, — говорилъ онъ серьезно, идя за нею въ ея комнату.

— Ты проводишь меня къ Розѣ? — спросила она, ничего не отвѣтивъ на его слова.

— Если бы ты этого не сказала, то я самъ бы попросилъ объ этомъ.

Она прижалась лбомъ къ оконному стеклу и смотрѣла на воробьевъ, которые, обезумѣвъ отъ этого нервно весенняго, мартовскаго дня, носились и дрались въ саду.

— О чемъ ты думаешь? — спросилъ онъ тихо, немного погодя.

— Объ Альбертѣ. Сдѣлаетъ ли онъ по-своему или, какъ хотятъ они.

— Навѣрное, устроитъ банкротство и вступитъ въ соглашеніе съ кредиторами.

— Нѣтъ, я его знаю и увѣрена, что онъ заплатитъ.

— Хочешь пари, что онъ объявитъ себя банкротомъ.

— Я голову отдамъ на отсѣченіе, такъ увѣрена, что онъ этого не сдѣлаетъ.

— Меля, у Гросмана могутъ быть свои философскія глупости, но все же онъ умный человѣкъ. Я готовъ

рискнуть всѣмъ своимъ имуществомъ, что болѣе двадцати пяти процентовъ онъ не заплатитъ.

— А я бы очень, очень хотѣла, чтобы этого не случилось.

— Мнѣ пришло въ голову, что тебѣ слѣдовало бы выйти за него замужъ, вы бы поладили, вамъ нечего было бы ѣсть, но вы были бы такъ благородны, что васъ показывали бы въ паноптикумѣ.

— Я люблю его, но не пошла бы за него, онъ не въ моемъ вкусѣ.

— Кто же въ твоемъ вкусѣ?

— Поищи и угадай! — снова улыбнулась она своей блѣдной, нѣжной улыбкой.

— Боровецкій, навѣрное? въ него влюблены всѣ лодзинскія женщины.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ мнѣ кажется черствымъ, самодовольнымъ карьеристомъ. Нѣтъ! Наконецъ, онъ слишкомъ похожъ на всѣхъ васъ.

— Оскаръ Мейеръ, баронъ, милліонеръ и красавецъ? Хотя онъ баронъ мекленбургскаго происхожденія, но зато милліонеръ самый настоящій.

— Я видѣла его всего одинъ разъ, но онъ кажется мнѣ переодѣтымъ рабочимъ. Это должно быть ужасный человѣкъ, я много слышала о немъ.

— Да, онъ дикій, бѣшеный человѣкъ, настоящая прусская скотина! — сказалъ онъ съ ненавистью.

— Вотъ какъ? Онъ начинаетъ меня интересовать.

— Оставь въ покоѣ этого хама! Можетъ быть тебѣ нравится Бернардъ Эндельманъ?

— Жиденокъ, — шепнула она пренебрежительно.

— А! какой я недогадливый! Вѣдь ты воспитыва-

лась въ Варшавѣ, вращалась въ польскомъ обществѣ, прошла черезъ всѣ ихъ кружки и салоны, какъ же послѣ этого тебѣ могутъ понравиться евреи или лодзинцы! — говорилъ онъ иронически. — Ты привыкла къ лохматымъ студентамъ, къ этимъ декламирующимъ радикалистамъ, ожидающимъ наслѣдства или канцелярскаго мѣста, къ этой утонченной атмосферѣ ломанья и взаимнаго обмана возвышенными, благородными чувствами. Ха, ха, ха, я уже черезъ это прошелъ и каждый разъ, какъ вспоминаю это время, умираю со смѣху.

— Оставь это, Морицъ! Ты говоришь сгоряча и не безъ пристрастія, я не хочу слушать тебя, — быстро говориля Меля, сильно задѣтая, такъ какъ она еще всѣмъ сердцемъ жила этой атмосферой, несмотря на то, что уже прошло два года, какъ она вернулась къ отцу, въ Лодзь.

Она ушла и вернулась уже одѣтой къ выходу.

Они вышли.

Открытый, очень изящный экипажъ ждалъ ихъ передъ воротами.

— Проводи меня только до Новаго Рынка, тамъ уже не грязно, и я пойду пѣшкомъ.

Лошади быстро тронулись.

— А все же ты меня удивляешь, Меля.

— Чѣмъ?

— Собственно тѣмъ, что ты такая не еврейка. Я хорошо знаю нашихъ женщинъ, я ихъ умѣю цѣнить и цѣню, но цѣню и за то, что онѣ не принимаютъ всерьезъ разные книжные идеалы, какъ это дѣлаешь ты. Вотъ, напримѣръ, Ада Васеренгъ. Она то-

же жила въ Варшавѣ, въ томъ же обществѣ, тоже увлекалась, была такая же дѣятельная, тоже спорила со мной о равенствѣ, свободѣ, благородствѣ и идеалахъ.

— Я съ тобой не спорю обо всемъ этомъ, — быстро возразила Меля.

— Правда. Но позволь мнѣ кончить; такъ вотъ, была идеалисткой изъ идеалистокъ, но какъ вышла за своего Розенблата, то забыла обо всѣхъ этихъ глупостяхъ. Идеализмъ не былъ ея спеціальностью.

— Тебѣ это нравится?

— Мнѣ, именно, это нравится. Когда у нея было свободное время, она забавлялась поэзіей, — почему не позабавиться? Это очень принято въ польскихъ домахъ, это придаетъ модный тонъ, ну и не такъ скучно, какъ хожденіе по театрамъ и баламъ.

— Итакъ, ты убѣжденъ, что все это служитъ только для развлеченія?

— Я не говорю про тебя или про полекъ, это особые люди, но я говорю про евреекъ, и съ увѣренностью. Подумай только, что имъ за дѣло до всего этого? Меля, я еврей и никогда и нигдѣ не стыдился и не отрицалъ этого, какой расчетъ мнѣ отрицать это? Мнѣ такъ же нѣтъ дѣла ни до чего, что не касается меня, но такъ же думаютъ и всѣ наши—это у насъ въ крови. Напримѣръ Боровецкій, это удивительный человѣкъ, онъ мой товарищъ по гимназіи въ Варшавѣ, по Ригѣ, мой другъ, мы столько лѣтъ провели вмѣстѣ, и мнѣ казалось, что я его знаю. У него есть наклонности хищника, онъ совсѣмъ лодзинскій человѣкъ, лучшій дѣлецъ, чѣмъ я, но иногда дѣлаетъ такія вещи, что не

только я, но и никто другой его не пойметъ; онъ Lodsermensch, но иногда у него появляются какія-то идейныя глупости, утопіи, ради которыхъ онъ готовъ отдать половину того, что имѣетъ...

— Что ты хочешь этимъ сказать?—внезапно прервала его Меля, дотрагиваясь зонтикомъ до кучера, чтобы онъ остановился.

— Я хочу сказать, что и въ тебѣ есть что-то польское, — отвѣтилъ Морицъ.

— Не думаешь ли ты, что это и есть душа? — спросила она весело и вышла изъ экипажа на тротуаръ.

— Это слишкомъ широко взято...

— Мы пойдемъ по Средней, я хочу немного пройтись.

— Но вѣдь ближе будетъ итти по Видзевской, а потомъ по Цегельняной.

— Ты выбираешь самый короткій путь, чтобы скорѣе отдѣлаться?

— Меля, вѣдь ты знаешь, что я съ громаднымъ удовольствіемъ иду съ тобой.

— Ужъ не потому ли, что я такъ терпѣливо слушаю тебя.

— Да, но и потому еще, что ты такъ прекрасна со своей тонкой иронической улыбкой, такъ прекрасна!

— Твой комплиментъ ужъ слишкомъ великъ,—ты его предлагаешь en gros.

— А ты любишь все варшавское — en de toile, притомъ на короткое время и съ хорошимъ поручительствомъ.

— Съ меня довольно хорошаго воспитанія и извѣстной порядочности.

— Но, не смотря на это, не мѣшаетъ обезопасить себя и брачнымъ договоромъ? — сказалъ онъ насмѣшливо, крѣпче прижимая пенснэ къ носу.

— Ахъ, вотъ какъ ты думаешь? — сказала Меля съ неудовольствіемъ.

— Ты сама хотѣла этого.

— Я только просила тебя проводить меня къ Розѣ.

— Я бы повсюду пошелъ провожать тебя, только стоитъ тебѣ пожелать этого! — отвѣчалъ Морицъ, стараясь скрыть свое замѣшательство немного рѣзкимъ смѣхомъ.

— Благодарю, туда меня проводитъ кто-нибудь другой, — отвѣтила она сухо и замолчала, грустно смотря на улицу, залитую грязью, на неряшливые дома и лица проходившихъ людей.

Морицъ тоже замолчалъ и злился на себя, но еще больше на нее. Онъ съ раздраженіемъ толкалъ прохожихъ, часто прижималъ пенснэ къ носу, непріязненно посматривая на ея блѣдное лицо, иронически замѣчая взгляды, которые она съ состраданіемъ бросала на группы оборванныхъ дѣтей, игравшихъ подъ воротами и на тротуарахъ.

Онъ находилъ ее очень наивной, она раздражала его своимъ глупымъ польскимъ идеализмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно привлекала его сухую, холодную душу своей утонченной поэтичностью, добротой и симпатичностью, которыя были разлиты на ея блѣдномъ лицѣ, въ задумчивыхъ глазахъ, во всей ея хрупкой, полной гармоніи фигурѣ.

— Тебѣ скучно со мной, — что ты замолчалъ? — спросила она немного спустя.

— Я не хотѣлъ мѣшать, — ты могла думать о необыкновенно возвышенныхъ вещахъ.

— Да, о вещахъ настолько высокихъ, что едва ли достанетъ до нихъ твоя иронія.

— Ты сразу сдѣлала два дѣла, Меля: мнѣ дала щелчокъ и себя похвалила.

— А хотѣла только одного, — отвѣтила она, улыбаясь.

— Чтобы мнѣ попало, правда?

— Да, и сдѣлала это съ удовольствіемъ.

— Ты очень меня не любишь, Меля? — спросилъ онъ, немного задѣтый.

— Нѣтъ, Морицъ, — покачала она головой и иронически улыбнулась.

— Но и не любишь?

— Нѣтъ, Морицъ.

— Мы хорошо флиртуемъ съ тобой, — сказалъ онъ, раздраженный ея тономъ.

— Между родными это допустимо, такъ какъ ни къ чему не обязываетъ.

Она остановилась дать нѣсколько копеекъ нищей, завернутой въ лохмотья. Та стояла около забора съ ребенкомъ на рукахъ и громко просила милостыню.

Морицъ насмѣшливо смотрѣлъ, но и самъ быстро досталъ какую-то монету и отдалъ ее нищей.

— И ты даешь бѣднымъ, — удивилась она.

— Я рѣшилъ воспользоваться этимъ благотворительнымъ случаемъ, чтобы сбыть фальшивый пятиалтынный, — сказалъ онъ, отъ души смѣясь надъ ея возмущеніемъ.

— Ты ужъ не излѣчишься отъ цинизма, — прошептала она, ускоряя немного шаги.

— Еще есть время, а если бы подошелъ удобный случай да докторъ, какъ ты...

— До свиданья, Морицъ.

— Жаль, что ты уже прощаешься.

— Я совсѣмъ не жалѣю. Ты будешь сегодня въ колоніи?

— Не думаю, такъ какъ ночью уѣзжаю изъ Лодзи.

— Зайди, поклонись отъ меня дамамъ и скажи пани Стефаніи, что я буду у нея въ магазинѣ утромъ до двѣнадцати.

— Хорошо. Въ свою очередь, ты поклонись отъ меня паннѣ Розѣ и передай Мюллеру отъ меня же, что онъ шутъ.

Они пожали другъ другу руки и разошлись.

Морицъ оглянулся и увидѣлъ ее уже входившей въ ворота дворца Мендельсона, самъ же онъ направился въ городъ.

Солнце уже было низко и пряталось за городъ, разливаясь кровавымъ заревомъ заката на тысячахъ оконъ домовъ. Городъ начиналъ затихать и тонуть въ вечерней мглѣ; тысячи домовъ и крышъ сливались все болѣе въ однообразную сѣрую, громадную, спутанную массу, прорѣзанную каналами улицъ, въ которыхъ безконечными линіями уже вспыхивали газовые огни; только фабричныя трубы, словно могучій лѣсъ краснѣющихъ стволовъ, царили надъ городомъ и, казалось, вздрагивали и колыхались на ясномъ фонѣ неба, еще пылающаго зарей заката.

— Сумасшедшая! Но я могъ бы жениться на ней!

«Грюнспанъ, Ляндсбергъ и Вельтъ» — было бы солидное общество; надо подумать объ этомъ, — прошепталъ Морицъ, улыбаясь этому предположенію.

VII.

«Что это сегодня съ Морицемъ? — думала Меля, входя въ большой двухъэтажный домъ, который всѣ называли «дворецъ Шаи». — Правда, у меня пятьдесятъ тысячъ приданаго; должно быть, его дѣла плохи, и отсюда его внезапная нѣжность».

Ея мысли были прерваны, такъ какъ въ переднюю вбѣжала навстрѣчу къ ней ея лучшая пріятельница Роза Мендельсонъ, немного прихрамывая на правую ногу.

— Я уже хотѣла послать за тобой карету: не могла тебя дождаться.

— Меня провожалъ Морицъ Вельтъ, мы медленно шли, онъ говорилъ мнѣ комплименты...

— Жиденокъ! — бросила презрительно Роза, раздѣвая ее и отдавая лакею шляпу, перчатки, вуальку, пелерину, по мѣрѣ того какъ снимала ихъ съ Мели.

— Онъ низко кланяется тебѣ.

— Глупый! Думаетъ, что я узнаю его на улицѣ, когда онъ будетъ мнѣ кланяться.

— Ты не любишь его? — спросила Меля, приглаживая растрепавшіеся волосы передъ большимъ зеркаломъ, между двухъ огромныхъ искусственныхъ пальмъ, какими была обставлена вся передняя.

— Не выношу, такъ какъ на-дняхъ отецъ расхва-

ливалъ его передъ Фабцемъ; впрочемъ, и Вилль его не выноситъ: красивая кукла!

— Вильгельмъ дома?

— Всѣ здѣсь и всѣ скучаютъ, ожидая тебя.

— А Высоцкій? — спросила Меля, понижая голосъ и немного нерѣшительно.

— Здѣсь и клянется, что весь вымылся передъ приходомъ. Слышишь: весь!

— Вѣдь мы же не будемъ провѣрять...

— Должны повѣрить на слово, — отвѣтила Роза, закусывая губу.

Онѣ взялись подъ руку и пошли черезъ цѣлый рядъ комнатъ, залитыхъ мракомъ приближающагося вечера и обставленныхъ съ поражавшею роскошью.

— Что ты дѣлаешь, Роза?

— Скучаю и притворяюсь, что меня занимаютъ гости; а ты?

— Я ни передъ кѣмъ не притворяюсь, но скучаю такъ же.

— Ужасная жизнь! — прошептала Роза со вздохомъ. — И до какихъ поръ это будетъ продолжаться?

— Ты отлично знаешь, до какихъ поръ... можетъ быть, до смерти.

— Ахъ, что бы я дала, если бы могла влюбиться! Что бы я дала!

— Себя и милліоны на придачу.

— Надо бы сказать: милліоны и себя на придачу, — отвѣтила Роза рѣзко и насмѣшливо.

— Роза! — шепнула Меля съ упрекомъ.

— Ну, тише, тише! — сказала Роза и начала отъ души ее цѣловать.

Онѣ вошли въ небольшую комнату, совершенно черную, такъ какъ мебель, обивка стѣнъ, портьеры, все было покрыто черньмъ плюшемъ и черною матовою краской.

Комната производила впечатлѣніе погребальной часовни.

Двое обнаженныхъ, откинувшихся назадъ великана изъ темной бронзы держали въ геркулесовскихъ рукахъ надъ головой два большихъ букета изъ кукушкиныхъ слезокъ, переплетенныхъ хрустальными бѣлыми цвѣтами, разливавшими электрическій свѣтъ.

На черныхъ диванчикахъ и низкихъ креслахъ сидѣло въ молчаніи нѣсколько человѣкъ въ непринужденныхъ позахъ, а одинъ изъ мужчинъ даже лежалъ на коврѣ, закрывавшемъ весь полъ; коверъ былъ тоже чернаго цвѣта, и только посрединѣ былъ вышитъ гладью громадный букетъ красныхъ кукушкиныхъ слезокъ, которыя, словно отвратительные, страшные, изогнутые червяки, казалось, расползались по комнатѣ.

— Вилль, на привѣтствіе Мели ты можешь перекувырнуться, — заговорила Роза.

Вильгельмъ Мюллеръ, громадный свѣтловолосый верзила въ обтянутомъ костюмѣ велосипедиста, поднялся съ кресла, бросился на коверъ, перевернулся въ воздухѣ три раза съ ловкостью настоящаго гимнаста и всталъ среди комнаты, раскланиваясь, какъ въ циркѣ.

— Браво, Мюллеръ! — проговорилъ лежавшій на коврѣ подъ окномъ, закуривая папиросу.

— Меля, поцѣлуй меня, — сказала толстая дѣвица на низкой качалкѣ, лѣниво подставляя щеку.

Меля поцѣловала ее и сѣла на диванъ возлѣ Вы-

соцкаго, который, склонившись надъ маленькой, худенькой, розовой блондинкой, протянувшей ноги на табуретъ, шепталъ ей тихо, поминутно отряхивая отвороты сюртука, засовывая въ рукава довольно грязныя манжеты и энергично покручивая свѣтлые усики.

— Съ феминистической точки зрѣнія, законъ не долженъ дѣлать различія между женщиной и мужчиной, — говорилъ онъ.

— Ну, да, но ты скученъ, Мецекъ! — сказала жалобно блондинка.

— Ты не здороваешься со мной, Мецекъ! — прошептала Меля.

— Прошу извиненія, пани, но панну Фелю я никакъ не могу убѣдить...

— Высоцкій платитъ двойной штрафъ: Мелю назвалъ: «пани», а Фелю: «панна»; плати Мецекъ! — закричала Роза, подскакивая къ нему.

— Заплачу, Роза, сейчасъ заплачу, — и началъ разстегиваться и искать по всѣмъ карманамъ.

— Мецекъ, не разстегивайся совсѣмъ, это неинтересно, — щебетала Феля.

— Я заплачу за тебя, если у тебя нѣтъ денегъ, — сказала Меля.

— Благодарю, Меля, у меня деньги есть: сегодня ночью меня вызывали къ больному.

— Роза, почему я должна скучать? — застонала Тони, сидя на качалкѣ.

— Вилль, займи Тони, слышишь, бездѣльникъ!

— Не хочу, я долженъ протянуться, такъ какъ у меня болитъ спина.

— Почему у тебя болитъ спина?

— Тони, у него спина болитъ отъ того же, что и у тебя, — смѣялась Феля.

— Надо его помассировать.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть твою фотографію, Вилль, ты сегодня хорошо выглядишь, — шепнула Роза, и въ ея сѣрыхъ большихъ глазахъ заблестѣли зеленоватые огоньки; она закусила свои большія и узкія губы, которыя, словно красная черта, протянулись по ея продолговатому, прозрачно-бѣлому лицу, окаймленному мѣдно-красными волосами. Послѣдніе были расчесаны на проборъ и почти закрывали уши, оставляя только розовые кончики съ огромными сапфирами, окруженными бриллiантами.

— Снимите же меня въ такой позѣ, — отвѣчалъ Вилль, ложась во всю свою длину навзничь на коверъ съ руками, подложенными подъ голову, и засмѣялся своимъ звучнымъ, веселымъ смѣхомъ.

— Сядьте, дѣвочки, возлѣ меня! Идите, синички!

— Онъ сегодня очень хорошъ, — шепнула Тони, наклоняясь надъ его свѣтлымъ, молодымъ, чисто нѣмецкимъ лицомъ.

— Онъ очень вялъ, — отозвалась Феля.

— Ты предпочитаешь Высоцкаго?

— У Высоцкаго очень тонкія ноги.

— Тише, Феля, не говори глупостей.

— Почему?

— Ну, просто потому, что это не принято.

— Почему, моя Роза, не принято? Я знаю, что говорятъ о насъ мужчины: мнѣ все разсказываетъ Бер-

нардъ. Онъ мнѣ разсказалъ такую смѣшную исторію, что я чуть не умерла со смѣху.

— Разскажи, Феля, — шепнула Тони, зѣвая отъ скуки.

— Малютка, не разсказывай при мнѣ, а то я тебѣ ничего больше не буду разсказывать, — запротестовалъ Бернардъ, лежа на коврѣ.

— Ему совѣстно! Ха-ха-ха! — Феля сорвалась съ дивана, начала бѣгать, какъ безумная, по комнатѣ, опрокидывая мебель, и навалилась на Тони.

— Феля, что ты выдѣлываешь?

— Скучаю, Роза, я сбѣсилась отъ скуки!

Феля усѣлась на грудѣ черныхъ плюшевыхъ подушекъ, которыя пододвинулъ ей лакей.

— Откуда у тебя, Вилль, этотъ шрамъ? — спросила она, водя тонкимъ и длиннымъ пальцемъ по красному рубцу отъ уха до маленькихъ растрепанныхъ усиковъ.

— Отъ сабли, — отвѣчалъ онъ, стараясь поймать зубами ея палецъ.

— Изъ-за женщины?

— Да. Пусть разскажетъ Бернардъ, онъ былъ у меня секундантомъ и такъ открыто, что всѣ берлинскіе шалопаи знали объ этомъ происшествіи.

— Разскажи, Бернардъ.

— Оставьте меня въ покоѣ: мнѣ некогда, — пробормоталъ Бернардъ, переворачиваясь съ боку навзничь и глядя въ потолокъ, разрисованный нагими крылатыми нимфами, летѣвшими за золотой колесницей Авроры; онъ курилъ папиросу за папиросой, которыя ему зажигалъ и подавалъ стоявшій въ дверяхъ

лакей въ красной французской ливреѣ. — Впрочемъ, это очень скандальная исторія, — добавилъ Бернардъ.

— Вилль, вѣдь мы условливались при основаніи нашего общества, что мы будемъ разсказывать другъ другу все, все, — убѣждала Тони, придвигаясь къ нему вмѣстѣ съ кресломъ.

— Говори, мой Вильгельмъ; я выйду за тебя замужъ въ награду за это, — странно засмѣялась Роза.

— Я бы тебя взялъ, Роза, въ тебѣ много сатанинскаго.

— И еще больше приданаго, — бросила она насмѣшливо.

— Все это такъ скучно! Вилль, изобрази свинью, дорогой мой, изобрази свинью! — хныкала Тони, протягиваясь въ креслѣ съ такою силою, что большая пуговица, имитирующая камею, оторвалась отъ лифа.

Она чувствовала такую безграничную скуку, что, не переставая, просила жалобнымъ голосомъ, какъ заупрямившійся ребенокъ:

— Изобрази свинью, Вилль, изобрази свинью!

Вильгельмъ сталъ на четвереньки, выгнулъ спину и началъ короткими высокими прыжками великолѣпно подражать движеніямъ старой свиньи, обѣгать комнаты, похрюкивая отъ времени до времени.

Тони задыхалась отъ безумнаго смѣха, Роза хлопала въ ладоши изо всѣхъ силъ, а Феля стучала каблуками и тряслась отъ смѣха. Ея короткіе волосы распустились и словно свѣтлымъ вѣнкомъ окружили ея розовое, сильно оживившееся лицо.

Меля бросала подушками въ Мюллера, тоже охваченная общимъ весельемъ. А Мюллеръ при каждомъ

ударѣ подушкой подскакивалъ, комично подбрасывая ногами и пронзительно хрюкая; наконецъ онъ усталъ и началъ тереться о ноги Розы изогнутой спиной. Затѣмъ улегся по срединѣ ковра, вытянулъ ноги и, какъ измученная, заснувшая свинья, хрюкалъ, ворчалъ и повизгивалъ.

— Несравненно, замѣчательно!—кричали съ восторгомъ развеселившіяся барышни.

Высоцкій съ вытаращенными глазами, удивленный, смотрѣлъ на все это, присутствуя въ первый разъ при этомъ цирковомъ развлеченіи скучающихъ милліонерокъ; онъ забылъ даже отряхивать отвороты, засовывать манжеты въ рукава, не крутилъ усики, только разсматривалъ лица женщинъ и проворчалъ съ отвращеніемъ:

— Шутъ!

— Съ какой точки? — спросила Меля, успокоившаяся первой.

— Со всѣхъ человѣческихъ точекъ зрѣнія, — отвѣтилъ онъ рѣзко и всталъ, ища шляпу, въ которую Феля старалась засунуть обѣ ноги.

— Ты бѣжишь, Мецекъ? — спросила она, удивленная его суровымъ выраженіемъ.

— Я долженъ уйти, такъ какъ долженъ стыдиться всего этого потому, что я человѣкъ.

— Франсуа, открыть всѣ двери: уходитъ оскорбленное человѣчество, — кричалъ насмѣшливо Бернардъ, который во время выходки Мюллера лежалъ спокойно и курилъ папиросы.

— Роза, Мецекъ обидѣлся и хочетъ уйти, не пускай его.

— Мецекъ, останься! что съ тобой? почему?

— Потому, что у меня нѣтъ времени, я далъ слово, что приду, — объяснилъ онъ мягко, стараясь стянуть свой жалкій цилиндръ съ ногъ Фели.

— Мецекъ, останься, я очень прошу тебя, вѣдь ты же обѣщалъ проводить меня домой, — горячо шептала Меля, и ея блѣдное лицо покрылъ румянецъ волненія.

Онъ остался, но сидѣлъ хмурый и не отвѣчалъ даже на насмѣшливое вниманіе Бернарда, ни на буршевскія остроты Мюллера, снова растянувшагося у ногъ Розы.

Наступила тишина.

Электрическій свѣтъ дрожалъ въ хрустальныхъ цвѣтахъ, мерцалъ голубоватымъ тономъ по комнатѣ, по матовымъ черныхъ стѣнамъ, съ которыхъ, какъ голубые глаза, смотрѣли четыре итальянскія акварели въ черныхъ бархатныхъ рамахъ, висѣвшихъ на шелковыхъ шнурахъ, мерцалъ по этимъ истомленнымъ скукою лицамъ, что оттѣнялись желтоватыми пятнами на фонѣ черныхъ стѣнъ и мебели, блестѣлъ въ зеленоватой бронзѣ отдѣлки піанино, стоящаго въ одномъ изъ угловъ. Оно походило своей открытой клавіатурой на какое-то чудовище, поблескивавшее длинными, желтыми клыками.

Сквозь внутреннія ставни и опущенныя тяжелыя занавѣсы ничто не проникало, кромѣ гудящаго, слабаго шума и беззвучнаго содраганья, которое, словно слабое біеніе пульса, разливалось по комнатѣ.

Дымъ, который выпускалъ безпрестанно цѣлыми клубами Бернардъ, парилъ синимъ, тонкимъ облакомъ, затемнялъ золотую колесницу Авроры и обнаженныхъ нимфъ и тончайшими волокнами опадалъ, цѣплялся за

стѣны, разрывался на длинныя волокна на плющѣ и выплывалъ въ другія комнаты черезъ двери, въ которыхъ рѣзкимъ диссонансомъ въ этой черной симфоніи краснѣла яркая ливрея лакея, готоваго къ услугамъ по первому движенію присутствующихъ.

— Роза, мнѣ скучно, мнѣ смертельно скучно, — снова захныкала Тони.

— А мнѣ очень весело, — отвѣчала Феля, подбрасывая ногой цилиндръ Мецека.

— А мнѣ веселѣе всѣхъ, такъ какъ я не нуждаюсь въ развлеченіяхъ, — иронически добавилъ Бернардъ.

— Франсуа, прикажите подать чай, — бросила Роза.

— Роза, не уходи, я докончу тебѣ разсказывать, — просилъ Вильгельмъ.

Онъ поднялся на локоть и что-то шепталъ ей, цѣлуя отъ времени до времени кончикъ ея уха.

— Не откуси мнѣ серьгу! Ой, слишкомъ! У тебя такія горячія губы! — шептала она, прислоняясь головой къ нему и закрывая глаза, а изъ-подъ полузакрытыхъ, тяжелыхъ, синеватыхъ вѣкъ начали поблескивать зеленоватые огоньки.

— Отъ страха онъ началъ креститься, — громче зашепталъ Вилль.

— Что онъ — католикъ?

— Нѣтъ, но не мѣшаетъ себя обезопасить.

Она дослушала конецъ со скучающимъ видомъ и не смѣясь.

— Вильгельмъ, ты хорошій, милый, — сказала она, гладя его по лицу, — но твои анекдоты ужъ очень поберлински скучны и глупы. Я сейчасъ приду, а ты, Бернардъ, можетъ быть, сыграешь?

Бернардъ всталъ, подтолкнулъ ногой табуретъ къ піанино и съ бѣшеной бравурой заигралъ третью фигуру кадрили.

Всѣ очнулись отъ молчанія и скуки.

Вильгельмъ поднялся и началъ танцовать третью фигуру съ Фелей, потомъ нѣчто въ родѣ канкана; волосы Фели дрожали, какъ пукъ соломы на вѣтру, закрывали ей глаза, ниспадая почти до подбородка, порхали за ней, она откидывала ихъ рукой и продолжала танцовать до упада.

Тони лежала въ креслѣ и скучающимъ взглядомъ слѣдила за движеніями Вилля.

Лакей разставлялъ въ сторонѣ маленькіе столики изъ эбеноваго дерева съ тонкой инкрустаціей изъ перламутра и приготовлялъ посуду для чая.

Роза лѣниво потянулась, затѣмъ направилась къ дверямъ, прихрамывая и колыхая свои широкія бедра, но задержалась около Высоцкаго, который говорилъ вполголоса:

— Даю слово, что это не декадентство, это совершенно другое.

— Что жъ изъ этого — спросила Меля, удерживая его за руки, чтобы онъ не отряхалъ отвороты и не засовывалъ манжеты.

— Я хотѣла бы быть декаденткой. Мецекъ, могу я быть декаденткой? Мецекъ, я хочу быть декаденткой, я такъ скучаю! — говорила Тони.

— Это только бездѣльничанье отъ избытка времени и денегъ! Скука — болѣзнь богатыхъ. Ты, Меля, скучаешь; Роза, Тони и Феля тоже скучаютъ; ну, заодно съ вами скучаютъ и эти два болвана, а также до-

брая половина дочерей и женъ милліонеровъ. Все вамъ надоѣло, такъ какъ вы все можете имѣть, что можно купить. Вамъ ни до чего нѣтъ дѣла, хотите только развлекаться, но и послѣ самыхъ безумныхъ развлеченій вы чувствуете скуку. Съ соціальной точки зрѣнія...

— Мецекъ, но ты обо мнѣ не думаешь дурно? — прервала Меля, гладя его руки.

— Я не дѣлаю исключеній, и ты такъ же принадлежишь къ вырождающейся расѣ, болѣе всѣхъ удалившейся отъ природы, а это отомщается на васъ же самихъ.

— Слушай его, Меля, онъ тебѣ докажетъ со всѣхъ извѣстныхъ ему точекъ зрѣнія, что величайшее преступленіе въ свѣтѣ обладать состояніемъ.

— Сядь, Роза, возлѣ насъ.

— Сейчасъ приду, зайду только къ отцу.

Она вышла и изъ передней, уже освѣщенной электрическими люстрами, прошла наверхъ, въ кабинетъ отца, гдѣ было почти темно.

Шая Мендельсонъ, одѣтый въ ритуальную одежду для молитвы, съ обнаженной лѣвой рукой, обкрученной ремешкомъ сидѣлъ посреди комнаты, молясь вполголоса и размѣренно качаясь.

У оконъ стояли два старые, съ сѣдыми волосами пѣвчіе изъ синагоги, одѣтые въ такіе же ритуальные плащи съ бѣлыми и черными полосами. Они всматривались въ послѣдніе розовые отблески дня, краснѣвшіе на сѣромъ фонѣ неба, ритмично качались, распѣвая какіе-то удивительно страстные и печальные псалмы.

Въ ихъ голосахъ слышались скорбь и страданіе. Порой звучали, словно мѣдныя трубы, ужасною болью, то гудѣли глухимъ отчаяніемъ, вырывались безнадежнымъ стономъ, взносились рѣзкимъ, пронзительнымъ крикомъ, который долго дрожалъ въ тишинѣ комнаты; то снова понижались до шопота, и плыла тягучая, нѣжная мелодія, словно наигрываемая пѣвучей флейтой въ великой тиши цвѣтущихъ садовъ, подъ тѣнями, дышащими ароматами амбры, въ полуснѣ, полномъ грезъ о любви, сквозь которыя прорывались грусть и вздохи какъ бы о пальмахъ садовъ Іерусалимскихъ, о печальныхъ и необъятныхъ пустыняхъ, о палящемъ зноѣ солнца, объ утраченной любимой родинѣ.

Они все ускоряли ритмъ раскачиванія, глаза ихъ горѣли экстазомъ, длинныя сѣдыя бороды дрожали отъ упоенія. Ихъ захватили собственные голоса и ритмъ напѣва, который разливался изъ ихъ груди въ пустой, тихой, затемненной комнатѣ, рыдалъ, просилъ, умолялъ, дрожалъ скорбью, обездоленностью и славилъ милость и силу Господа надъ всѣми.

За окнами была тишина.

Большія рабочія казармы противъ оконъ кабинета, черезъ улицу, начали загораться огнями по всѣмъ этажамъ; а изъ оконъ по другую сторону комнаты чернѣлъ паркъ густою чащей елей, отдѣлявшихъ дворецъ отъ фабрикъ, и бѣлѣли въ сумеркахъ между низкими кустарниками газона кучи еще не растаявшаго снѣга.

Напротивъ Шаи, сидѣвшаго по рединѣ комнаты, было большое угловое окно, въ которое ему были видны громадные контуры фабрикъ съ трубами и угло-

выми башнями, напоминавшими средневѣковое укрѣпленіе.

Шая горячо молился, но не могъ ни на минуту оторвать глазъ отъ этихъ могучихъ стѣнъ, сливавшихся все болѣе съ наступающей ночью; уже виднѣлся ея темный плащъ, окутывавшій городъ, а ея умиротворяющее, тихое лицо смотрѣло милліонами звѣздъ.

Пѣніе продолжалось до поздняго вечера.

Пѣвчіе сложили молитвенныя одежды въ бархатные мѣшки, на которыхъ блестѣли вышитыя золотомъ какія-то еврейскія изреченія.

— Вотъ тебѣ, Мендель, рубль.

Онъ далъ ему серебряную монету, которую тотъ началъ тщательно разглядывать у окна.

— Смотри, это не фальшивый! А тебѣ, Абрамъ, я заплачу сегодня только семьдесятъ пять копеекъ. Тебѣ не хотѣлось пѣть, и ты только дѣлалъ видъ, что поешь. Хотѣлъ обмануть меня и Господа Бога?

Пѣвчій посмотрѣлъ на него глазами, полными слезъ и экстаза, взялъ кучку мѣдяковъ, тихо попрощался и беззвучно вышелъ.

Роза цѣлый часъ стояла у дверей и слушала это пѣніе съ такимъ чувствомъ, что едва удерживалась, чтобы не разразиться смѣхомъ.

Какъ только вышли пѣвчіе, она надавила кнопку, и электрическій свѣтъ залилъ комнату.

— Роза!

— Тебѣ что-нибудь надо? — спросила она, присаживаясь къ отцу на ручку кресла.

— Нѣтъ. Пришли твои гости?

— Да, всѣ.

— Хорошо развлекаетесь? — и началъ гладить ее по волосамъ.

— Не очень. Сегодня скученъ даже Мюллеръ.

— Тогда зачѣмъ ты ихъ приглашаешь? Вѣдь мы можемъ имѣть веселыхъ гостей. Хочешь, я прикажу Станиславу поискать? Въ Лодзи нѣтъ недостатка въ веселыхъ людяхъ. Почему ты должна скучать за собственныя деньги? А Высоцкій? что это за человѣкъ?

— Докторъ. Онъ какой-то особенный, совсѣмъ не лодзинскій; онъ изъ аристократической семьи, мать изъ графинь, у него гербы.

— Только не на чемъ ихъ носить. Онъ тебѣ нравится?

— Очень. Онъ такъ непохожъ на нашихъ и очень образованъ.

— Ученый?

Онъ погладилъ великолѣпнымъ движеніемъ руки свою бороду и сдѣлался внимательнѣе.

— Онъ написалъ книгу, за которую ему далъ какой-то нѣмецкій университетъ золотую медаль.

— Большую?

— Не знаю, — и пожала небрежно плечами.

— Намъ въ больницу будетъ нуженъ докторъ. Я бы его взялъ, если онъ такой ученый.

— Дашь большое жалованье?

— Не въ этомъ дѣло. У него была бы большая практика и служилъ бы въ моей фирмѣ: это одно стоитъ денегъ. Скажи ему, пусть завтра придетъ въ контору. Я люблю помогать ученымъ людямъ.

— Ты приказалъ Станиславу пригласить къ намъ Боровецкаго?

— Роза, я ужъ тебѣ говорилъ, что Боровецкій служащій Бухгольца, а Бухгольцу и всему, что принадлежитъ ему, я желаю всякаго несчастья. Пусть онъ обанкротится и пойдетъ служить! Я изъ-за этого злодѣя, изъ-за этого шваба, пріѣхавшаго въ Польшу на собакахъ и на насъ заработавшаго деньги, — да будетъ онъ проклятъ до десятаго поколѣнія... — я изъ-за него постоянно болѣю, у меня сердце болитъ, онъ меня постоянно обкрадываетъ! А этотъ Боровецкій самый гадкій швабъ! — выкрикивалъ онъ съ ненавистью.

— Но вѣдь онъ полякъ!

— Полякъ, хорошъ полякъ! Онъ какъ началъ печатать свои ситцы, такъ мнѣ половину товара возвратили изъ Россіи и сказали, что это дрянь, что у Бухгольца лучше. Развѣ полякъ такъ дѣлаетъ? Онъ портитъ торговлю: онъ этимъ глупымъ хамамъ дѣлаетъ такіе рисунки и цвѣта, что ихъ взяла бы любая графиня! Зачѣмъ это? для чего? Сколько я потерялъ изъ-за него? Сколько потеряли всѣ наши? Сколько изъ-за него потеряли эти бѣдные ткачи? Онъ съѣлъ стараго Фишбина, съѣлъ тридцать другихъ фирмъ. Ты не говори мнѣ о немъ: у меня начинаетъ болѣть внутри, какъ ихъ вспомню! Онъ хуже самаго худшаго нѣмца: съ нѣмцемъ можно торговаться, а онъ панъ, большой баринъ! — Шая плюнулъ съ презрѣніемъ и ненавистью.

— Прислать тебѣ чаю?

— Поѣду къ Станиславу пить чай и отвезу Юлѣ игрушки, присланныя сегодня изъ Парижа.

Роза поцѣловала отца въ щеку и вышла.

Шая всталъ, потушилъ свѣтъ, — онъ любилъ экономить во всемъ, — и сталъ ходить по совершенно темной комнатѣ.

Онъ ходилъ и думалъ о всегдашнемъ своемъ мучителѣ — Бухгольцѣ.

Онъ ненавидѣлъ его всей силой еврейскаго фанатизма, ненавидѣлъ его, какъ фабриканта-конкурента, котораго ничѣмъ не могъ побѣдить.

Бухгольцъ всегда и вездѣ былъ первымъ, и именно этого не могъ простить ему Шая, который считался первою лодзинской фирмой, былъ вождемъ еврейской массы, окружавшей его языческимъ почитаніемъ, любовью и преклоненіемъ нищихъ, загипнотизированныхъ милліонами, возраставшими въ его рукахъ съ быстротою снѣжной лавины.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, — Шая помнилъ хорошо это время, — Бухгольцъ уже приближался къ милліонамъ, онъ же начиналъ свою карьеру приказчикомъ въ какой-то бѣдной лавочкѣ въ Старомъ Городѣ; его спеціальностью было зазываніе и заманиваніе покупателей, разноска пакетовъ по домамъ, уборка лавки и тротуара передъ ней. Онъ стоялъ цѣлыми мѣсяцами на тротуарѣ, холодалъ на морозѣ, мокъ на дождѣ, жарился на солнцѣ, толкаемый прохожими, почти всегда голодный и обтрепанный, охрипшій отъ зазыванія и всегда безъ денегъ; онъ спалъ, платя рубль въ мѣсяцъ, въ какой-то ужасной норѣ среди еврейской бѣдноты, переполнявшей городъ.

Потомъ вдругъ исчезъ съ тротуара, на которомъ жилъ.

Онъ появился почти послѣ двухлѣтняго отсутствія
зъ Лодзи, и никто его не узнавалъ.

Онъ пріѣхалъ съ небольшими деньгами и открылъ
собственное дѣло.

Шая улыбнулся съ сожалѣніемъ объ этомъ време-
ни, вспомнивъ бѣдную телѣгу, на которой развозилъ
товары по окрестнымъ деревнямъ, лошадь, которую
кормилъ изъ телѣги или пасъ на крестьянскихъ по-
ляхъ, эту желѣзную, ужасную бѣдность, пожиравшую
его, — съ пятьюдесятью рублями, считая телѣгу и ко-
ня, онъ долженъ былъ прокармливать себя, лошадь,
жену и дѣтей.

Потомъ эти первые ткацкіе станки, основанные имъ,
эти тысячи мелкихъ обмановъ при отвѣскѣ сырого ма-
теріала, выдаваемаго ткачамъ для работы на дому, по-
ка онъ не рѣшился взять въ аренду маленькую забро-
шенную фабрику.

Онъ первый, когда у него пошло дѣло, завелъ аген-
товъ въ мѣстечкахъ. Самъ же не досыпалъ, не до-
ѣдалъ, не жилъ, а только работалъ и экономничалъ.

Онъ первый сталъ давать въ кредитъ товаръ, кто
только этого хотѣлъ, и самъ велъ оборотъ своего дѣ-
ла тоже въ кредитъ. Бухгольцъ и нѣмецкіе фабрикан-
ты Лодзи придерживались стараго обычая и продавали
только на наличныя.

Шая первый началъ выпускать дешевые товары, по-
низилъ качество производства въ Лодзи, которое до
этого времени пользовалось хорошей славой.

Онъ первый ввелъ, развилъ и усовершенствовалъ
цѣлую систему эксплуатаціи всѣхъ и всего.

Послѣ пожара, постигшаго его, онъ открылъ соб-

ственную фабрику съ тысячью рабочихъ и прочно обосновался.

Счастье неотступно шло за нимъ: десятки тысячъ, сотни, милліоны поплыли со всѣхъ сторонъ въ его кассу; они шли изъ барскихъ усадебъ, изъ крестьянскихъ хатъ, изъ залитыхъ грязью мѣстечекъ, изъ столицъ, степей, изъ отдаленныхъ горъ; они стекались все болѣе широкими ручьями, и Шая росъ и дѣлался все могущественнѣе.

Другіе теряли, умирали, проваливались, благодаря несчастью и общему банкротству, но Шая стоялъ твердо. Постепенно сжигая старые павильоны, онъ строилъ новые и болѣе обширные, которые еще сильнѣе высасывали соки изъ земли, матеріаловъ, людей, мозговъ, конкурентовъ и перерабатывали все это въ милліоны для Шаи.

Бухгольцъ же всегда былъ выше, и онъ не могъ его преодолѣть.

По мѣрѣ того, какъ Шая росъ, въ немъ все сильнѣе поднималось желаніе одолѣть Бухгольца. Каждый рубль, пріобрѣтаемый Бухгольцемъ, казался Шаѣ украденнымъ и вырваннымъ у него. Онъ жилъ призрачной надеждой, что перерастетъ Бухгольца и всѣхъ другихъ, что онъ увидитъ себя такимъ могущественнымъ въ Лодзи, какъ эти высокія трубы, рисовавшіяся чудовищными силуэтами теперь въ ночи, что онъ будетъ единственнымъ королемъ этого города.

Но Бухгольцъ оставался первымъ, съ нимъ считалось общественное мнѣніе, его слово равнялось звонкой монетѣ, у него искали совѣта и иниціативы по многимъ вопросамъ общественнаго характера, его

товары считались лучшими, его окружали огромнымъ уваженіемъ, тогда какъ къ Шаѣ даже люди, равные ему по мошенничеству, питали презрѣніе и ненависть.

Шая никакъ не могъ этого понять, ему казалось, что Бухгольцъ отнимаетъ у него не только деньги, но и самое желанное для него — именно господство надъ этимъ моремъ фабричныхъ трубъ.

За это онъ ненавидѣлъ его еще больше.

Онъ продолжалъ ходить по темной комнатѣ и поглядывать то на фабрику, то на помѣщенія для рабочихъ, ярко освѣщенныя, и вдругъ остановился, прислушиваясь. Шая одѣлъ очки и началъ всматриваться въ окна третьяго этажа противоположнаго дома. Они были ярко освѣщены, и за ними мелькали черные силуэты людей. Открывъ форточку, онъ сталъ прислушиваться.

Дрожащій голосъ скрипки пѣлъ какой-то сантиментальный вальсъ, ей вторила стонущая віолончель. Музыка затихла, и раздался взрывъ голосовъ и смѣха со звономъ тарелокъ и рюмокъ. Шумъ бурнымъ каскадомъ разлился по улицѣ.

Повидимому, тамъ было весело.

Шая позвалъ лакея.

— Кто тамъ живетъ? — спросилъ онъ рѣзко лакея, показывая на окна.

— Сейчасъ узнаю, ясный панъ.

«Я боленъ, а они веселятся! Чего они веселятся? И откуда у нихъ для этого средства?» думалъ онъ раздраженно, не отрывая глазъ отъ окна.

— Домъ Е, третій этажъ, пятьдесятъ шестой номеръ,

живетъ Эрнестъ Рамишъ, мастеръ пятой ткацкой залы, — докладывалъ быстро лакей.

— Хорошо. Пойди и скажи, чтобы перестали играть, я хочу спать и не желаю, чтобы они веселились. Прикажи приготовить лошадей. Эрнестъ Рамишъ, должно быть, слишкомъ много получаетъ, если такъ веселится, — говорилъ онъ, стараясь запомнить эту фамилію.

VIII.

— Сейчасъ пріѣду. До свиданья, — злобно отвѣтилъ Боровецкій по телефону, такъ какъ Люси просила его поскорѣе пріѣхать въ паркъ Мильша по чрезвычайно важному дѣлу.

— Въ такое время ѣхать въ паркъ! Сумасшедшая, честное слово! — шепталъ онъ со злобою.

Онъ съ шести часовъ былъ уже въ конторѣ, не имѣя ни минуты свободнаго времени: ходилъ на фабрику наблюдать печатанье новыхъ рисунковъ, ѣздилъ въ центральное бюро по поводу злоупотребленій, какія открылъ Бухгольцъ въ главномъ магазинѣ, бѣгалъ, писалъ, отдавалъ тысячи приказаній, тысячи заботъ кипѣли въ его мозгу, тысячи людей ожидали его распоряженій, сотни машинъ нуждались въ его указаніяхъ, — ссорился съ Бухгольцемъ. Кромѣ того, онъ былъ разстроенъ ожиданіемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней телеграммы отъ Морица съ извѣстіемъ, что стоитъ хлопокъ, былъ измученъ работой, — этимъ страшнымъ ежедневнымъ ярмомъ, какое онъ взялъ на свою шею, замѣняя Кнолля.

Боровецкій былъ оглушенъ размѣрами и количествомъ дѣлъ, которыя онъ долженъ былъ вести, а тутъ еще эта сумасшедшая зоветъ его куда-то за городъ, на свиданье.

Онъ все болѣе раздражался.

Сегодня ему не удалось даже напиться чаю, такъ какъ Бухгольцъ, несмотря на свою болѣзнь, велѣлъ перенести себя въ креслѣ въ контору, во все вмѣшивался, кричалъ на всѣхъ, нагоняя только страхъ и приводя въ замѣшательство своихъ служащихъ.

— Панъ Боровецкій, — позвалъ онъ, сидя съ укутанными ногами, въ вытертой мѣховой шапкѣ на головѣ и палкой на колѣняхъ. — Протелефонируйте Марксу, чтобы онъ не давалъ ни на одинъ рубль товару Мильнеру изъ Варшавы. Мы отпускали ему въ кредитъ, и онъ намъ уже много долженъ. Я же получилъ извѣстіе, что онъ скоро провалится.

Боровецкій, поговоривъ по телефону, началъ просматривать какіе-то громадные столбы цифръ.

— Панъ Горнъ! Просмотрите эту накладную, въ ней есть ошибка, — желѣзная дорога взяла больше, чѣмъ слѣдуетъ, считала, вѣроятно, по другому тарифу, — сказалъ Бухгольцъ Горну, который уже съ воскресенья былъ переведенъ Бухгольцемъ изъ второстепенной конторы печатни и бѣлильни въ его личную.

Горнъ, очень блѣдный, съ глазами покраснѣвшими отъ усталости и безсонницы, машинально шевелилъ своими поблѣднѣвшими губами, ошибался, не могъ сосредоточить вниманія на столбцахъ цифръ, которыя плясали передъ его глазами, словно черный клубокъ сажи.

Онъ все время зѣвалъ и скучающимъ взглядомъ посматривалъ на часы, нетерпѣливо ожидая полдня.

— Той бабѣ, которой вы протежируете, выдать двѣсти рублей, пусть она на нихъ напьется Со всѣми своими щенятами она не стоитъ и пятидесяти!

— Юридическій отдѣлъ долженъ это сдѣлать?

— Да, и взять у нея въ обычномъ порядкѣ засвидѣтельствованную расписку, — сказалъ Бухгольцъ. — Бауэръ, присмотрите за этимъ дѣломъ, надо, наконецъ, покончить съ этимъ, а то еще кто-нибудь научитъ бабу подать на насъ въ судъ.

Горнъ нагнулъ ниже голову, чтобы скрыть злобную, торжествующую улыбку.

— У васъ, панъ директоръ, лошадь дома? — спросилъ Боровецкій.

— Если вамъ нужно, то берите. Берите, панъ, всегда, когда потребуется. Сейчасъ протелефонирую въ конюшню. Собака, пододвинь, — крикнулъ онъ на лакея, подтолкнувшаго его въ кресло къ телефону, обслуживающему районъ его фабрикъ. — Конюшня! — крикнулъ онъ, отчаянно звоня. — Сейчасъ же карету ко дворцу! Подавать всегда лошадей, какъ только потребуетъ панъ Боровецкій! Бухгольцъ говоритъ, собака! — крикнулъ въ отвѣтъ телефонисткѣ, спрашивавшей, кто говоритъ.

Лакей обратно придвинулъ его къ столу и сталъ въ сторонѣ.

— Горнъ, сядьте возлѣ меня, я буду диктовать. Шевелитесь скорѣй, когда я вамъ говорю, — прокричалъ онъ со злобой.

Горнъ закусилъ только губы, сѣлъ и началъ пи-

сать подъ диктовку Бухгольца, быстро бросавшаго ему фразы и не перестававшаго въ то же время заниматься другими дѣлами, крича отъ времени до времени:

— Вы не спите! Я вамъ не за это плачу!—при чемъ громко стучалъ палкой объ полъ.

Горна это такъ раздражало, онъ сегодня такъ былъ разстроенъ, что съ трудомъ сдерживался и весь дрожалъ.

Началъ звонить телефонъ.

— Баронъ Оскаръ Мейеръ спрашиваетъ, застанетъ ли черезъ полчаса пана директора?

— Панъ Боровецкій, скажите ему, что я лежу въ постели и никого не принимаю.

Карлъ сейчасъ же отвѣтилъ и опять сталъ слушать.

— Чего онъ еще хочетъ?

— Говоритъ, что у него важное, личное дѣло.

— Не принимаю! — закричалъ Бухгольцъ. —Баронъ Оскаръ Мейеръ можетъ имѣть важное дѣло къ моей собакѣ, но не ко мнѣ! Собака! Хамъ! — бурчалъ онъ вперемѣшку съ диктовкой.

Онъ не терпѣлъ его и громко издѣвался надъ баронствомъ, купленнымъ въ Германіи Мейеромъ, его бывшимъ ткачомъ, ставшимъ фабрикантомъ шерстяныхъ издѣлій и владѣвшимъ теперь милліонами.

— Потороритесь же, панъ! — закричалъ онъ со злостью на Горна.

— Двумя руками я писать не умѣю.

— Что это значитъ?

— Не могу писать скорѣе, чѣмъ пишу.

Бухгольцъ продолжалъ диктовать дальше и немного медленнѣе, такъ какъ Горнъ, словно на зло, писалъ очень тихо и все сильнѣе хмурилъ брови отъ гнѣва.

Въ конторѣ сдѣлалось совсѣмъ тихо. Боровецкій, уже въ пальто, стоялъ передъ окномъ и нетерпѣливо ждалъ лошадей.

Служащіе съ лицами, склоненными къ бумагамъ, лихорадочно работали, боясь громко вздохнуть, обмѣняться словомъ или взглядомъ другъ съ другомъ. Присутствіе Бухгольца нагоняло страхъ на всѣхъ, кромѣ одного Бауэра, стараго друга и повѣреннаго фабриканта. Этотъ-то Бауэръ, какъ предполагалъ Карлъ, и продалъ Цукеру шифрованную телеграмму.

Лошади, наконецъ, подъѣхали, и вслѣдъ спѣшившему Боровецкому Бухгольцъ сказалъ:

— Зайдите еще, когда вернетесь.

Онъ ничего не отвѣтилъ, только выругался про себя, — чувствовалъ себя такъ страшно измученнымъ работой и нервнымъ ожиданіемъ телеграммы отъ Морица, что почти падалъ отъ изнеможенія.

Онъ приказалъ кучеру ѣхать въ паркъ Мильша.

Около старой пивоварни — огромнаго зданія, наполовину разрушеннаго, лежавшаго, словно трупъ, за городомъ, онъ остановилъ кучера и велѣлъ ему здѣсь ждать.

Онъ прошелъ мимо заброшенныхъ стѣнъ съ выбитыми окнами, безъ дверей и воротъ, съ провалившимися крышами, съ обрушившимися кирпичами, которые краснѣли въ топкой грязи, обошелъ какіе-то заборы, окружавшіе склады и, наконецъ, черезъ размягшій лужокъ,

утопая по лодыжку, вошелъ въ такъ называемый паркъ Мильша.

— Чортъ возьми этихъ истеричекъ! — энергично выругался онъ; глина и размокшая земля такъ облѣпили его обувь, что онъ едва вытаскивалъ ноги, — iерусалимская романтичка! — добавилъ онъ злобно, такъ чувствовалъ себя смѣшнымъ въ этой роли любовника, вынужденнаго по грязи мчаться на свиданье куда-то на другой конецъ города, въ лѣсъ, въ мартѣ мѣсяцѣ!

День былъ пасмурный, облака плыли низко надъ землей и медленно распыляли мелкій, пронизывающій дождь; Лодзь тонула въ грязныхъ, почти черныхъ испареніяхъ и дымѣ, который лежалъ надъ городомъ, словно покрывало, распростертое на тысячахъ трубъ.

Боровецкій остановился на минуту подъ стѣнами лѣтняго ресторана, примыкавшаго къ парку. Окна его были закрыты ставнями, громадныя веранды завалены столами и стульями, двери заколочены досками; только межъ обнаженныхъ деревьевъ, на желтѣющихъ пескомъ дорожкахъ бѣлѣли неубранныя скамейки, покрытыя гнилыми листьями.

Паркъ былъ изъ елей, запущенъ и медленно умиралъ, убиваемый сосѣдствомъ фабрикъ и многочисленными колодцами, все болѣе углубляемыми; они осушали землю и отнимали послѣднюю влагу отъ деревьевъ. Тутъ же ручей, со стоками изъ фабрикъ, протекалъ разноцвѣтной лентой между хилыми деревьями, проникалъ въ нихъ разложеніемъ и окружалъ ихъ убійственными міазмами.

Подъ защитой деревьевъ на тропинкахъ лежалъ еще снѣгъ, на дорогѣ же, по которой зимой никто не

ѣздилъ, а ходили только рабочіе изъ сосѣднихъ деревень, — тянулись глубокіе слѣды, продавленные въ размякшемъ уже здѣсь снѣгу.

Боровецкій скользилъ по грязи и снѣгу, спотыкался о корни деревьевъ, шелъ въ глубь парка, не видя нигдѣ Люси.

Раздраженный безрезультатными поисками, холодомъ и пронизывающею сыростью, онъ хотѣлъ повернуть обратно, какъ вдругъ изъ-за толстаго дерева выбѣжала спрятавшаяся Люси и бросилась ему на шею съ такой стремительностью, что сшибла на землю его шляпу.

— Люблю тебя, Карлъ! — шептала она, страстно цѣлуя его.

Онъ не отвѣчалъ на поцѣлуй и молчалъ, такъ какъ ему хотѣлось ругаться отъ злости.

Она взяла его подъ руку, и они начали ходить межъ деревьевъ по размокшей и скользкой землѣ.

Лѣсъ печально и глухо шумѣлъ, осыпая ихъ иглами и каплями дождя, который съ все увеличивавшимся шумомъ падалъ среди вѣтвей.

Люси съ увлеченіемъ болтала, прерывая свой разговоръ поцѣлуями и нѣжно, какъ котенокъ, прижимаясь къ нему. Она говорила обо всемъ, перескакивая, какъ ребенокъ, съ предмета на предметъ, не кончая одного разсказа, начинала другой поцѣлуемъ, весело и отъ души смѣялась при малѣйшемъ поводѣ.

Она была очень красива въ своемъ полувесеннемъ англійскомъ костюмѣ съ большой мѣховой пелериной, воротникомъ à la Медичи изъ страусовыхъ перьевъ и въ огромной черной шляпѣ, изъ-подъ которой ея прекрасные глаза свѣтились, какъ два сапфира.

Ее увлекало это романтическое свиданіе съ любовникомъ.

Она не хотѣла встрѣтиться съ нимъ въ городѣ, такъ какъ стремилась къ чему-то необыкновенному, жаждала безпокойства, дрожи, волненья. Поэтому она придумала это свиданье въ лѣсу и теперь наслаждалась всецѣло своей истосковавшейся душой, не замѣчая даже молчанія Карла, отвѣчавшаго ей односложно и часто посматривавшаго на часы.

Что ей за дѣло до всего этого? Онъ былъ съ ней, иногда возвращалъ ей поцѣлуй такъ страстно, что глаза ей застилала бѣловатая мгла; она могла говорить ему о своей любви, могла поминутно обнимать его и чувствовать сладостное нервное содроганіе, полное боязни, что ихъ кто-нибудь увидитъ.

Люси часто со страхомъ оглядывалась по сторонамъ, а когда деревья начинали громко шумѣть или вороны съ карканьемъ срывались съ вѣтвей и летѣли къ городу, она прижималась къ нему съ крикомъ ужаса и вся такъ дрожала, что онъ долженъ былъ разгонять ея опасенья поцѣлуями и увѣреньями, что они въ совершенной безопасности.

— Карлъ, есть у тебя револьверъ?

— Да.

— Вынь его, мой золотой, мой единственный. Я буду чувствовать себя безопаснѣе. Не дашь меня обидѣть, не правда ли? — шептала она, прижимаясь къ нему.

— О, въ этомъ ты можешь быть увѣрена. Но чего же ты боишься?

— Я не знаю — чего, но очень боюсь, очень, — и глаза ея быстро пробѣгали по лѣсу.

— Тутъ нѣтъ разбойниковъ, даю тебѣ слово.

— Нѣтъ. Я читала недавно, что въ этомъ лѣсу убили рабочаго возвращавшагося съ работы, увѣрена, что здѣсь убиваютъ, — и она нервно вздрогнула.

— Успокойся, со мной тебѣ ничто не угрожаетъ.

— Знаю, ты долженъ быть очень смѣлымъ. Люблю тебя, Карлъ, поцѣлуй меня, только сильно-сильно.

Онъ началъ ее цѣловать.

— Тише! — заговорила она, отрывая свои губы отъ его губъ. — Кто-то зоветъ.

Никто не звалъ. Лѣсъ шумѣлъ, склоняясь медленно и автоматично. Высокія деревья, казалось, разгоняли своими верхушками облака, плывшія все быстрѣе по вѣтру. Дождь пошелъ частый и стучалъ громко каплями, словно крупными зернами, по металлической кровлѣ ресторана.

Карлъ раскрылъ зонтъ, и они встали подъ дерево, немного защищавшее ихъ.

— Ты промокнешь. Мнѣ очень жаль, что ты вышла въ такую погоду.

— Карлъ, я такую погоду очень люблю!

Она сняла перчатку и протянула подъ дождь свою продолговатую бѣлую руку.

— Ты еще прозябнешь и расхвораешься.

— Это было бы хорошо, — я лежала бы въ кровати и могла бы не переставая думать о тебѣ.

— Да, но я не могъ бы тебя видѣть.

— О, тогда я не хочу. Я не видѣла тебя уже цѣлыхъ три дня и не могла дольше выдержать, должна была повидаться съ тобой. А ты думалъ обо мнѣ?

— Долженъ былъ, — я не могъ думать ни о чемъ другомъ.

— Какъ это хорошо! Ты меня еще любишь, Карлъ?

— Люблю. А ты сомнѣваешься?

— Я вѣрю, что ты меня будешь любить всегда.

— Всегда.

Онъ силился смягчить голосъ и придать лицу счастливое выраженіе, но это ему почти не удавалось, такъ какъ башмаки его промокли, калоши были полны воды и грязи и впереди предстояло еще много работы на сегодня.

Свиданье ихъ продолжалось уже около часа. Люси все еще не хотѣла возвращаться домой. Наконецъ она рѣшилась, потому что лицо ея и руки такъ замерзли, что онъ долженъ былъ отогрѣвать ихъ поцѣлуями. При прощаньѣ онъ спросилъ ее, какое важное дѣло было у нея, о которомъ она телефонировала ему, но въ отвѣтъ Люси бросилась ему на шею, говоря:

— Люблю тебя, хотѣла тебѣ сказать это, хотѣла только видѣть тебя.

Наконецъ она пошла, но нѣсколько разъ возвращалась, чтобы еще попрощаться, увѣрить его въ своей любви и попросить не выходить изъ лѣсу, пока она не сядетъ въ карету, ожидавшую ее въ переулкѣ, обнесенномъ одними заборами.

Обѣденные свистки со всѣхъ сторонъ начали прорѣзывать воздухъ, когда онъ подошелъ къ каретѣ, приказавъ ѣхать во весь опоръ въ контору.

Онъ засталъ только Бухгольца и Горна, остальные уже разошлись обѣдать.

— Вы слишкомъ подчеркиваете свои слова, — прошепталъ Бухгольцъ, вытягиваясь въ креслѣ.

— Я не умѣю иначе говорить, — проворчалъ Горнъ.

— Надо, чтобы вы научились, такъ какъ я этого не выношу.

— Это для меня Schwam-drüber, панъ директоръ, — отвѣчалъ онъ почти спокойно, только губы его нервно вздрагивали, а голубые глаза сразу потемнѣли.

— Кому вы это говорите? — повысилъ немного голосъ Бухгольцъ.

— Пану директору.

— Панъ Горнъ, я васъ предупреждаю, что у меня не много терпѣнія, я вамъ...

— Мнѣ не надо знать, терпѣливы вы или нѣтъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

— Не прерывайте, панъ, когда я говорю, когда Бухгольцъ говоритъ.

— Не вижу причины, почему не можетъ молчать Бухгольцъ, когда Горнъ говоритъ.

Бухгольцъ хотѣлъ вскочить, но только зашипѣлъ отъ боли и нѣсколько минутъ поглаживалъ укутанныя ноги, тяжело дыша и полузакрывъ глаза; онъ дрожалъ отъ злобы, но молчалъ, желая овладѣть собой.

Горнъ, сознательно и съ извѣстной систематичностью раздражавшій его, сложилъ книги, спокойно собралъ свои карандаши, резинки и перья, завернулъ ихъ въ бумагу и положилъ въ карманъ.

Все это онъ продѣлывалъ медленно, поглядывая на Боровецкаго, который, пораженный его поведеніемъ и необычайной дерзостью, не зналъ, какъ ему быть. Онъ не могъ стать на сторону Горна, не зная, что у нихъ

вышло, да, наконецъ, онъ все равно не взялъ бы сторону Горна, разъ противъ него былъ самъ Бухгольцъ.

Съ негодованіемъ смотрѣлъ онъ на Горна, который спокойно одѣвалъ калоши, и улыбался посинѣвшими отъ гнѣва губами.

— Вы у меня больше не служите, я васъ выгоняю, — прошепталъ Бухгольцъ.

— Я компрометирую себя, имѣя дѣло съ вами и служа у васъ! — отвѣчалъ Горнъ, одѣвая другую калошу.

— Пошелъ вонъ! я велю тебя выбросить за дверь!

— Попробуй, хамъ! — крикнулъ онъ, торопливо одѣвая пальто.

— Собака, за дверь его! — прошепталъ еще тише Бухгольцъ, сжимая нервно палку.

— Оставь, Августъ, не пробуй, а то я тебѣ и твоему пану переломаю ребра.

— Verflucht! За дверь его! — закричалъ Бухгольцъ.

— Молчи, разбойникъ! — зарычалъ Горнъ, хватая тяжелый табуретъ и готовясь бить, если кто-нибудь дотронется до него. — Молчи, швабская морда! шакалъ! — онъ бросилъ табуретъ подъ конторку и вышелъ, хлопнувъ такъ сильно дверью, что изъ нея посыпались всѣ стекла.

Боровецкій уже до этого успѣлъ выйти.

Бухгольцъ опустился со стономъ, почти безъ сознанія отъ злости, но все же у него хватило настолько силы, чтобы придавить пуговку электрическаго звонка и придушеннымъ, хриплымъ голосомъ прошептать:

— Полицію!

Продолжительная тишина наступила въ опустѣвшей конторѣ. Лакей стоялъ, не двигаясь, испуганный, не зная, что дѣлать. Онъ смотрѣлъ на посинѣвшее лицо и искривленныя отъ боли губы Бухгольца, который, наконецъ, пришелъ въ себя, открылъ глаза, посмотрѣлъ на пустую контору, поправился въ креслѣ и послѣ долгаго молчанія ласково позвалъ:

— Августъ!

Лакей подошелъ со страхомъ, — когда Бухгольцъ звалъ его по имени и дѣлался ласковымъ, то былъ страшнѣе всего.

— Гдѣ панъ Горнъ?

— Ясный панъ его выгналъ, онъ и ушелъ.

— Хорошо. А гдѣ панъ Боровецкій?

— Онъ только зашелъ и сейчасъ же вышелъ, такъ какъ было время обѣда, фабрики уже довольно давно просвистали на полдень, — умышленно растягивая слова, отвѣчалъ Августъ.

— Хорошо. Стань сбоку.

Лакей вздрогнулъ, но исполнилъ приказаніе.

— Слушаю! — отвѣтилъ онъ покорнымъ голосомъ.

— Эту собаку я приказывалъ тебѣ вышвырнуть, почему ты этого не сдѣлалъ? а?

— Ясный панъ, онъ самъ вышелъ, — началъ оправдываться со слезами лакей.

— Молчать! — крикнулъ старикъ и ударилъ его изо всей силы палкой по лицу.

Августъ невольно отступилъ назадъ.

— Стой, подойди ближе!

И когда лакей, испуганный, приблизился опять, онъ, придерживая его за руку, страшно избилъ его.

Августъ не пробовалъ даже вырываться, только отвернулъ лицо, чтобы скрыть слезы, стекавшія по его выбритымъ щекамъ, а когда Бухгольцъ смертельно усталъ и лежалъ безъ движенія, вытянувшись въ креслѣ, онъ началъ заворачивать ему ноги фланелью, которая съѣхала отъ порывистыхъ движеній Бухгольца.

Между тѣмъ Карлъ, не желая быть свидѣтелемъ этого скандала, вышелъ и поѣхалъ обѣдать.

Онъ обѣдалъ въ такъ называемой «колоніи» на Шпацеровой.

«Колонію» составляло нѣсколько женщинъ, полекъ, брошенныхъ судьбою изъ разныхъ мѣстъ Польши на мостовую Лодзи.

Это были большею частью неудачницы въ жизни: вдовы, ех-помѣщицы, бывшія дамы, прожившіяся капиталистки, старыя и молодыя дѣвушки, пришедшія искать здѣсь работы. Несчастье ихъ соединило, несчастье сравняло между ними ихъ общественно-кастовыя различія. Онѣ занимали на Шпацеровой цѣлый этажъ, устроенный по типу гостиницъ, — коридоръ шелъ вдоль всего помѣщенія, кончаясь большой угловой комнатой, служившей для всей колоніи столовой.

Карлъ и Морицъ обѣдали здѣсь вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами.

Онъ пришелъ довольно поздно, и большой круглый столъ весь ужъ былъ занятъ обѣдающими.

Ѣли торопливо и молча, — не было времени для разговоровъ, всѣ поминутно поднимали головы и прислушивались, не раздаются ли уже свистки фабрикъ.

Карлъ сѣлъ возлѣ той баронессы, которая въ суб-

боту предсѣдательствовала въ ложѣ, пожалъ молча, нѣсколько рукъ, нѣсколько разъ кивнулъ головой сидѣвшимъ дальше и сталъ ѣсть.

— Горнъ еще не былъ? — спросилъ кто-то черезъ столъ пани Лапинскую.

— Онъ что-то запоздалъ сегодня, — прошептала она.

— Придетъ только вечеромъ, — сказала молодая дѣвица съ коротко обстриженными волосами, которые она поминутно откидывала со лба.

— Почему это, Кама?

— Онъ хотѣлъ сегодня устроить скандалъ Бухгольцу и отказаться отъ мѣста.

— Онъ Камѣ говорилъ объ этомъ? — живо спросилъ Карлъ.

— Да, у него былъ такой планъ.

— Онъ ничего, какъ я вижу, не предпринимаетъ безъ плана, — ходячій методъ.

— Завзятый нѣмчикъ!

— О, панъ Серпинскій называетъ Горна нѣмчикомъ, тетя! — запротестовала Кама.

— Не только завзятый, у него даже въ гнѣвѣ своя метода.

— Ба! я видѣлъ какъ-то разъ, какъ онъ у насъ въ конторѣ ссорился съ Мюллеромъ.

— А я минуту тому назадъ оставилъ его въ подобномъ состояніи съ Бухгольцемъ.

— Что случилось, панъ Карлъ? — быстро спросила Кама, подбѣгая къ Боровецкому и запуская ему въ волосы свою тонкую, еще дѣтскую руку. Она повертывала его голову, потягивая за волосы, и просила

избалованнымъ тономъ, — тетя, пусть панъ Карлъ скажетъ!

Нѣсколько головъ поднялось надъ тарелками.

— При мнѣ еще ничего не произошло, а что послѣ моего ухода случилось — не знаю. Разговоръ обострился. Горнъ со всею искренностью увѣрялъ Бухгольца, что онъ разбойникъ и швабская морда.

— Ха-ха-ха, браво, Горнъ! Дѣльный малый!

— Шляхетская кровь, панъ, такъ или иначе, но всегда скажется, — пробормоталъ горделиво Серпинскій, обтирая огромные вычерненные усы.

— И васъ я люблю, такъ какъ вы хорошій шляхтичъ, правда, тетя?

— И я панну Каму также...

— Въ Горнѣ не столько мужества, сколько обыкновеннаго, безсмысленнаго озорства, — недовольно проговорилъ Карлъ.

— Мы запрещаемъ такъ говорить о Горнѣ, — запротестовали женщины, поглядывая на Каму, которая отпустила голову Карла, быстро отскочила отъ него и раскраснѣвшись, горѣвщими гнѣвно глазами смотрѣла въ его лицо.

— Я не отказываюсь отъ своихъ словъ, я могу ихъ доказать. Онъ хотѣлъ бросить мѣсто — бросай; имѣлъ какую-то претензію къ Бухгольцу — могъ ее выяснить; съ Бухгольцемъ легче поладить, нежели съ другими, такъ какъ онъ умный человѣкъ. Но для чего было устраивать подобный скандалъ? только напоказъ, только для того, чтобы въ Лодзи о немъ говорили. Да, мальчишки будутъ удивляться его смѣлости и отвагѣ. Большое геройство — разругать боль-

ного человѣка. Бухгольцъ никогда не проститъ ему этого, будетъ ему мстить до самой смерти, у него хорошая память.

— О, это ужъ недолго будетъ, благодаренье Богу, онъ, кажется, очень боленъ, — проговорила съ увлеченіемъ Кама.

— Кама, что ты болтаешь?

— Да впрочемъ, что онъ можетъ ему сдѣлать? Горнъ поѣдетъ въ Варшаву домой и будетъ себѣ смѣяться надъ Бухгольцемъ. Правда, тетя?

— А что онъ выругалъ его швабомъ, то этого ужъ никто не вернетъ.

— У Бухгольца длинныя руки, достанетъ и до Варшавы. Онъ найдетъ способъ обратить на него вниманіе, сдѣлаетъ такъ, какъ сдѣлалъ Мюллеръ съ Обремскимъ; Горнъ сможетъ еще остыть — у него будетъ для этого время.

Гдѣ-то недалеко раздался пронзительный свистокъ.

— Кшечковскій, это твой соловей тебя манитъ, — засмѣялся кто-то.

— Дай Богъ, чтобы онъ потерялъ голосъ, — прошепталъ высокій худой блондинъ въ очкахъ, поднялся и торопливо вышелъ.

— Въ самомъ дѣлѣ разговоръ былъ такъ рѣзокъ, панъ Карлъ? — спросила пани Стефанія, подсаживаясь къ нему. Она одѣта была во все лиловое, такъ же какъ въ театрѣ.

— Настолько рѣзокъ, что Горнъ готовъ былъ броситься на Бухгольца.

— Молодецъ мальчикъ, надо было шваба попридер-

жать за чубъ, а потомъ такъ и этакъ, съ одной и съ другой стороны накласть ему.

— Панъ Серпинскій, это не дѣло!

— Какъ извѣстно вамъ, милостивая государыня, Бухгольцъ обращается со всѣми, какъ съ собаками. Скотина... — онъ рѣзко оборвалъ, — извините, милостивыя государыни, я забылся. Ну, мой соловей уже зоветъ меня, — проговорилъ онъ и торопливо поцѣловалъ всѣмъ женщинамъ руки, такъ какъ низкій гудящій свистокъ проникалъ черезъ окна и звалъ его на работу.

И такъ всѣ одинъ за другимъ отрывались отъ стола, бросали недоконченный обѣдъ, кивали головой, не имѣя времени иначе попрощаться, выбѣгали, одѣвали пальто уже на лѣстницѣ и летѣли къ фабрикамъ; свистки словно канонада разлились надъ городомъ и призывали къ работѣ. Каждый зналъ голосъ своего свистка и каждый, услышавъ ненавистный звукъ, бросалъ все и бѣжалъ, торопясь не опоздать.

Только Боровецкій не обращалъ на это вниманія да Малиновскій, молодой техникъ изъ бюро Шаи, который все время молчалъ, ѣлъ, въ перерывахъ что-то быстро писалъ въ записной книжкѣ, лежавшей возлѣ тарелки; временами онъ проводилъ взглядомъ своихъ зеленыхъ глазъ по лицу пани Стефаніи, тихо вздыхалъ, приглаживалъ волосы, вертѣлъ шарики изъ хлѣба и пристально разглядывалъ ихъ.

У него было блѣдное лицо, какъ сырой коленкоръ, совершенно пепельнаго цвѣта волосы и усы и странно-зеленые глаза, постоянно мѣнявшіе свой оттѣ-

нокъ. Онъ обращалъ всеобщее вниманіе, такъ какъ былъ очень красивъ, очень робокъ и очень замкнутъ.

— Тетя, панъ Малиновскій что-нибудь говорилъ сегодня? — спросила Кама, которая съ заботливымъ участіемъ ежедневно мучила его.

Лапинская ничего не отвѣтила, занятая разговоромъ съ Боровецкимъ, а Малиновскій опустилъ глаза и, улыбнувшись необычайно нѣжно, снова началъ писать въ своей книжкѣ.

И женщины, сидѣвшія за столомъ, тоже начали медленно подниматься и уходить, — такъ какъ каждая гдѣ-нибудь работала.

Звонокъ громко зазвучалъ изъ передней.

— Это мой Матвѣй, телеграмма! — закричалъ Карлъ, хорошо знавшій манеру своего слуги, который дѣйствительно сейчасъ же вошелъ, неся телеграмму отъ Морица.

— Только получилъ и сейчасъ же понесъ, — докладывалъ Матвѣй.

— Надо вытирать въ передней ноги, у кого грязные сапоги, — замѣтила энергично Кама.

Боровецкій, не обращая вниманія на любопытные взоры, приблизился къ окну и прочелъ:

«Хорошо. Кнолль, Цукеръ, І. Мендельсонъ покупаютъ. Первую партію выслалъ утромъ. Отвези ко мнѣ. Пятнадцатью процентами дороже. Запасовъ мало. Вернусь черезъ недѣлю».

Карлъ еще разъ внимательно прочиталъ телеграмму и не могъ скрыть удовольствія.

— Хорошія вѣсти, панъ Карлъ? — спросила пани

Стефанія, смотря своими фіалковыми глазами на его просіявшее лицо.

— Очень хорошія!

— Отъ невѣсты! — воскликнула Кама.

— Отъ Морица изъ Гамбурга. Хороша невѣста. Если Кама будетъ милой дѣвочкой, то я ее просватаю за Макса.

— Жиденокъ, не хочу, не хочу! — закричала она, топая ногами.

— Ну, тогда за Баума.

Камы уже не было въ комнатѣ.

Онъ началъ прощаться съ оставшимися.

— Васъ-то вѣдь свистки не зовутъ.

— Несмотря на это, сегодня у меня времени меньше, чѣмъ обыкновенно.

— Правда, вы для насъ никогда не имѣете времени, уже три недѣли подъ рядъ, какъ вы не были у насъ вечеромъ, — и легкій упрекъ зазвучалъ въ ея голосѣ.

— Пани Стефанія, я не смѣю даже вѣрить, что на мое отсутствіе обратили вниманіе, — я не такъ самонадѣянъ, но увѣренъ, что, пропуская эти вечера, я потерялъ больше, чѣмъ вы, гораздо больше!

— Кто это знаетъ? — прошептала она тихо, подавая ему на прощанье руку, которую онъ поцѣловалъ очень крѣпко и вышелъ.

Въ передней ему заступила дорогу Кама.

— Панъ Карлъ, у меня къ вамъ большая просьба, очень большая, очень...

— Слушаю и заранѣе обѣщаю все исполнить. Пусть дѣтка скажетъ.

Кама не смотрѣла на него; короткіе черные волосы,

вьющіеся колечками, заслонили ей лицо, но она не отбрасывала ихъ, оперлась только плечами о дверь и со сжатыми кулаками долго собирала всю свою храбрость.

— Не преслѣдуйте Горна, помогите ему. Онъ стоитъ этого, онъ такой добрый, благородный, а ему такъ скверно въ Лодзи, такъ скверно, его никто не любитъ, всѣ надъ нимъ смѣются, но я этого не хочу, мнѣ это такъ больно... я бы такъ желала... Господи!.. Я этого не хочу! — выкрикивала она, разражаясь плачемъ, и убѣжала въ гостиную, потерявъ съ одной ноги туфлю.

— Ребенокъ влюбленъ, — подумалъ онъ, минуту постоялъ, поднялъ туфельку, пошелъ съ ней въ гостиную, отворилъ дверь и остановился въ изумленіи.

Кама въ однихъ чулкахъ догоняла маленькую бѣлую болонку, которая съ туфлею въ зубахъ бѣгала вокругъ стола.

Она смѣялась до слезъ и старалась схватить болонку, но умная собачка вывертывалась въ самый опасный моментъ и убѣгала, а когда погоня ослабѣвала, выпускала туфлю и весело лаяла.

— Picolo, отдай Камѣ, слушай Каму, Picolo! — просила она ее, предательски подкрадываясь къ ней, но собака, угадывая ея маневръ, снова хватала туфлю и убѣгала.

— Зато я возвращаю Камѣ потерянное, хотя могъ бы смѣло оставить у себя.

— Тетя! — позвала она испуганная, присѣдая по срединѣ комнаты, чтобы скрыть ноги.

Онъ положилъ туфельку на полъ и вышелъ, отъ души развеселившись этимъ происшествіемъ.

Карлъ побѣжалъ въ контору Морица осмотрѣть склады для помѣщенія ожидаемаго хлопка.

Возвращаясь, онъ встрѣтился съ Козловскимъ, опереточнымъ варшавякомъ, съ которымъ познакомился у Муррея.

— Bonjour, директоръ, — сказалъ онъ, протягивая ему руку въ элегантной красной перчаткѣ.

— Morgen!

— Немного пройдусь съ вами.

Онъ сдвинулъ ручкой палки цилиндръ немного на затылокъ.

— Конечно, очень пріятно. Какъ дѣла?

— Великолѣпно. Планъ уже совершенно выработанъ, ищу только денегъ. Рѣпа, а не женщина, о! — закричалъ онъ, завидѣвъ какую-то женщину, и съ самодовольнымъ видомъ сильно надвинулъ палкой цилиндръ на лобъ.

— Что жъ, въ этой области и думаете работать?

— Ну, на этомъ въ Лодзи ничего не заработаешь. Вчера только встрѣтилъ первую красивую женщину въ Лодзи, но думаю, что она не здѣшняя.

— И въ Лодзи есть красивыя женщины.

— Честное слово, но я этого не скажу. Вѣдь я постоянно въ городѣ, постоянно ищу, такъ какъ безъ женщинъ, и притомъ хорошенькихъ, не понимаю жизни.

— Ну, а та, вчерашняя? — допрашивалъ его Карлъ, такъ какъ этотъ франтъ началъ его забавлять и интересовать.

— Ага, сейчасъ. Шелъ я по Петроковской, возвращаясь изъ «Grand'a». Смотрю, идетъ прямо на меня какая-то дѣвица. Костюмъ — шикъ, ротикъ — цаца, фи-

гура — знатная, волосы — смола, глаза — темный сапфиръ, бедра — четыре четверти, ростъ, — хорошій. Ну, поцѣлуй, а не женщина! А губы!.. ну, говорю вамъ, директоръ — двѣ великолѣпнѣйшія зразы.

— Думаю, что вы сегодня еще не обѣдали? — прервалъ его Карлъ.

— Почему? — спросилъ онъ быстро, сдвигая цилиндръ на затылокъ.

— Потому что вы дѣлаете такія кулинарныя сравненія...

— Вы — веселый спутникъ! — воскликнулъ Козловскій и по-пріятельски хлопнулъ его по животу. — Конечно, я сейчасъ же повернулъ и помчался за ней. Она быстро идетъ, я за ней. За Новымъ рынкомъ, внизу, грязно на тротуарѣ, моя дамочка беретъ зонтикъ подъ мышку, платье въ обѣ ручки и жаритъ дальше! У! Икры у нея необыкновенныя, ножки — прямо божественныя, можно башмаки цѣловать. Оглядѣлъ я ее со всѣхъ сторонъ, а она все дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ меня. Я опередилъ ее и всталъ передъ какой-то витриной, а когда она приблизилась, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Она такъ чудесно улыбнулась, пламя, словно изъ печки, полыхнуло на меня — такъ обожгла она меня глазами. Идемъ дальше, она впереди, а я шагъ за шагомъ за нею.

— Кто бы это былъ? — думаю. Ужъ очень явно не обращаетъ на меня вниманія — это что-то подозрительно. У меня свой методъ оцѣнивать женщинъ, и вотъ начинаю ее подробно разсматривать. Внѣшность была очень изящная, но разглядываю и вижу, что причесана небрежно — это первый минусъ; шляпа, навѣрное, па-

рижская — это опять плюсъ; костюмъ дорогой — шерсть лучшаго сорта, хорошо сшитъ и по сезону вполнѣ — это второй плюсъ; но смотрю и вижу надъ башмачками рыжѣютъ простые, обыкновенные фильдекосовые чулки; это меня смутило, она должна бы имѣть шелковые!.. — это двойной минусъ!

— Вы занимались дамскимъ дѣломъ? — прервалъ иронически его Карлъ.

— Нѣтъ, но я хорошо знаю эти вещи... я разбираю ихъ методически по манерѣ одѣваться, по подробностямъ туалета узнаю: кто? откуда? сколько ?

— Итакъ кто жъ была ваша красотка?

Карлъ не сказалъ, что по описанію узналъ Цукерову.

— Вотъ ужъ не знаю, первый разъ обманулъ меня мой методъ. Шляпа и лицо — женщины изъ общества... милліонерки; костюмъ богатой дамы, разъѣзжающей въ каретахъ; фильдекосъ же напоминаетъ учительницу, жену чиновника или маленькаго купца; нижняя юбка, я это замѣтилъ, — изъ желтаго дешеваго шелка — ничего, сошла бы... но кружева на ней бумажныя! Обратите вниманіе, директоръ — бумажныя! — сдѣлалъ онъ удареніе почти со страхомъ.

— Что это значитъ?

— Дешевая, панъ, тротуарная дамочка! Въ лучшемъ случаѣ—разряженная выскочка. Это меня добило. Она не представляла уже для меня никакого интереса. Я оглядѣлъ ее еще разъ, — должно быть, она обидѣлась, такъ какъ опустила платье въ грязь и перешла на другую сторону улицы.

— Но вы опять пошли за ней?

— Нѣтъ, уже не стоило. Если бы я даже ошибся въ своей первоначальной оцѣнкѣ... то это опусканіе платья и заметаніе имъ грязи — было достаточно, чтобы убѣдить, что передо мной обыкновенная лодзинская грязнуха. Ни одна варшавская портниха не сдѣлаетъ этого, — во-первыхъ, у нихъ красивыя ножки, и онѣ любятъ ихъ показывать, а во-вторыхъ — пачкать платье... Фэ!..

Онъ презрительно скривилъ лицо и остановился.

— До свиданья. Я долженъ сюда зайти, — сказалъ ему Карлъ; чтобы избавиться отъ него и зашелъ въ кондитерскую на углу пассажа Мейера.

Вдругъ ему пришло въ голову доставить удовольствіе «Колоніи».

Онъ купилъ цѣлый подносъ пирожнаго, коробку конфетъ и прибавилъ къ этому записку на имя Камы:

«Пусть дѣтка не плачетъ и подѣлится конфетами съ Picolo можетъ быть, въ другой разъ онъ не стащитъ туфельки, и пусть она будетъ увѣрена, что этотъ негодный Карлъ сдѣлаетъ все, что только возможно для Г.».

Все это онъ приказалъ отослать на Шпацеровую.

— Пусть и онѣ что-нибудь заработаютъ на моемъ дѣлѣ, — прошепталъ онъ, выходя на улицу.

Онъ былъ такъ доволенъ собой и всѣмъ свѣтомъ, что кланялся направо и налѣво своимъ многочисленнымъ знакомымъ, спѣшившимъ съ обѣда на фабрики и въ конторы, и даже съ нѣкоторой снисходительностью посмотрѣлъ на Козловскаго, шедшаго по другой сторонѣ улицы за какими-то женщинами и поминутно заглядывавшаго имъ въ глаза.

Смѣшнымъ показался ему Козловскій въ своемъ пальто въ видѣ прямого мѣшка, въ новыхъ брюкахъ, домонстративно завернутыхъ на четверть аршина надъ лакированными башмаками, съ цилиндромъ на затылкѣ и со своимъ необычайно подвижнымъ лицомъ, похожимъ на морду мопсика.

Тротуары совершенно были заполнены рабочими, бѣжавшими торопливо на фабрики по призыву этихъ безконечныхъ свистковъ, которые раздирали воздухъ; нѣкоторые изъ нихъ на бѣгу доѣдали свой обѣдъ. Стукъ деревянныхъ подошвъ заполнилъ всю улицу шумомъ, который вмѣстѣ съ волною закопченныхъ, черныхъ, измученныхъ и обтрепанныхъ рабочихъ исчезалъ въ воротахъ и боковыхъ улицахъ.

Съ боку улицы проходили убогія похороны. Бѣлый гробикъ съ голубымъ крестомъ посрединѣ, несло четверо одѣтыхъ въ черное подростковъ, костельный сторожъ въ голубой пелеринѣ, сгорбленный и лысый, несъ крестъ, сонно шлепая по страшной грязи; нѣсколько дѣтей подъ зонтами шло за гробикомъ около самаго тротуара, такъ какъ ихъ ежеминутно извозчики, кареты и громадныя груженыя товаромъ платформы оттѣсняли со средины улицы и обдавали черной липкой грязью гробикъ, который поминутно обтирала фартукомъ какая-то старая женщина.

Ни у кого не было времени обращать вниманіе на похороны, иногда только какой-нибудь рабочій снималъ шапку или работница набожно крестилась, вздыхала — и всѣ пробѣгали дальше, увлекаемые свистками, которые раздирали тяжелый, черный воздухъ, насыщенный дымами, вылетавшими грязными струями

изъ безчисленныхъ трубъ. Дымъ разбивался о крыши и наполнялъ улицы трудно переносимымъ запахомъ.

Боровецкій остановился, поглядывая, нѣтъ ли гдѣ извозчика, чтобы скорѣе добраться до конторы, какъ замѣтилъ, что ему кланяются изъ проѣзжавшей кареты. Это была Мада Мюллеръ съ братомъ въ красной студенческой шапочкѣ, съ зелено-красной лентой корпораціи черезъ плечо и съ большимъ чернымъ пуделемъ на колѣняхъ. Мюллеръ сидѣлъ, развалившись, въ каретѣ.

Черезъ нѣсколько шаговъ карета остановилась возлѣ тротуара.

Мада, улыбаясь, обратилась къ Боровецкому.

— А что же обѣщанный списокъ книгъ? Такъ-то вы держите слово? — начала она сейчасъ же послѣ привѣтствія.

Боровецкій смотрѣлъ въ ея золотистые глаза.

— Признаюсь откровенно, что забылъ, но это поправимо, и еще сегодня я вамъ пришлю, торжественно клянусь въ этомъ.

— Не вѣрю, требую солидной гарантіи, — щебетала она весело.

— Готовъ дать въ этомъ подписку!

— Мало! Подписка немногаго стоитъ, — смѣялась она, приведенное въ веселое настроеніе комизмомъ, съ какимъ онъ прикладывалъ руку къ груди и клялся.

— Ну, я обезпечу свою подпись поручительствомъ какой-нибудь солидной фирмы.

— Можетъ быть, пани Ликертвой? — проговорила она быстро и сейчасъ же спрятала лицо въ шелковую

муфту, испуганная собственными словами, невольно вырвавшимися у нея.

— Сколько разъ я говорилъ ей, что она глупа, но она все не вѣритъ, — проворчалъ Вильгельмъ.

— Куда вы идете? — спросила она, желая исправить свою нетактичность, и подняла раскраснѣвшееся, какъ буракъ, лицо.

— На работу, — отвѣтилъ безъ смущенія, хотя упоминаніе о Ликертовой сильно задѣло его.

— Мы подвеземъ васъ, хорошо, Мада?

— О, съ удовольствіемъ! Вы вѣдь согласны?

— Сажусь вмѣсто отвѣта.

— Вильгельмъ, сядь рядомъ съ собакой, а пану уступи мѣсто, — проговорила она энергично.

— Благодарю, я сяду пониже, мнѣ лучше будетъ смотрѣть; прелестная собака!

— Три тысячи марокъ стоитъ. Получила медаль на выставкѣ и представлялась самому Каправи.

— Значитъ, собачья знаменитость!

— Злой песъ, лаетъ на меня и разорвалъ мой совершенно новый фартукъ.

— И вы не наказали его за такое злодѣяніе?

— Развѣ Вильгельмъ далъ бы его побить?

— А вы, господа, куда направляетесь?

— Мада что-то осматривала въ Артистическомъ Салонѣ, вѣроятно, опять купитъ какую-нибудь глупую мазню. А я хотѣлъ прокатить немного своего Цезаря, — онъ скучаетъ, такъ же какъ и я.

— Когда вы возвращаетесь въ Берлинъ?

Мада начала громко и искренно смѣяться.

— Онъ уже цѣлый мѣсяцъ уѣзжаетъ и каждый день ссорится изъ-за этого съ папой.

— Тише, Мада, если ты глупа, то не поднимай вопроса о томъ, чего не понимаешь, — началъ онъ разсердившись такъ, что даже его шрамъ на лицѣ покраснѣлъ.

Онъ выпрямилъ свое огромное тѣло и сидѣлъ нахмурившись.

— Пожалуйста скажите, развѣ и вамъ я кажусь такой глупой? Всѣ дома мнѣ постоянно это твердятъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, я и сама этому повѣрю. А между тѣмъ, я знаю, напримѣръ, что Вильгельмъ надѣлалъ въ Берлинѣ долговъ. Папа не хочетъ ихъ платить, потому-то онъ и сидитъ въ Лодзи, — говорила она, насмѣшливо поглядывая на брата. — Ха-ха-ха, какое у него забавное лицо.

— Мада, я слѣзу и прямо пойду сказать отцу, что ты тутъ болтаешь.

— Ну, слѣзай, намъ съ паномъ Боровецкимъ свободнѣе будетъ. Но вы, панъ, не отвѣтили мнѣ.

— На такіе вопросы не отвѣчаютъ.

— Вы не хотите сказать мнѣ правду?

— Въ этомъ случаѣ я правды не знаю.

— Когда у меня будетъ списокъ?

— Я вамъ его пришлю еще сегодня.

— Не вѣрю. Хочу, чтобы вы, въ наказанье, сами его принесли.

— Если это наказанье, то какъ великолѣпна должна быть награда!

— Вы получите хорошій кофе! — отвѣтила она наивно.

Вильгельмъ такъ громко прыснулъ со смѣху, что даже Цезарь началъ лаять.

— Развѣ я сказала что-нибудь глупое? — спросила она, краснѣя отъ безпокойства.

— Панъ Вильгельмъ смѣется надъ собакой. Посмотрите, какая она смѣшная.

— Вы, панъ, добрый, даже папа это говоритъ и всѣ наши дома за исключеніемъ Вильгельма.

— Мада!

— Мнѣ такъ хорошо съ вами, господа, что жаль разставаться... но вотъ уже моя фабрика. Благодарю и до свиданья.

— Мы ждемъ васъ въ воскресенье послѣ полудня.

— Помню и сожалѣю, что завтра не воскресенье, а четвергъ.

Мада весело разсмѣялась и бросила ему очень ласковый взглядъ.

Онъ съ минуту постоялъ на тротуарѣ и видѣлъ, что она нѣсколько разъ оглянулась на него.

«Отчего у Анки нѣтъ милліона! Жаль...» — подумалъ онъ, торопливо идя на фабрику, которая послѣ обѣденнаго отдыха снова была въ своемъ обыкновенномъ бѣшеномъ движеніи.

Изъ боковыхъ корпусовъ выѣхалъ отрядъ вольной пожарной команды. Телѣги, насосы, бочки выѣзжали въ удивительномъ порядкѣ и пролетали дальше съ такой быстротой, что подъ ударомъ колесъ и копытъ грязь разсѣкалась до дна. На платформахъ рабочіе преображались въ пожарныхъ, быстро переодѣваясь въ мундиры.

— Гдѣ горитъ, панъ Рихтеръ? — спросилъ Карлъ

начальника команды, — одного изъ директоровъ прядильни, котораго фабричный швейцаръ въ своемъ помѣщеніи стягивалъ поясомъ и застегивалъ.

— Горитъ Альбертъ Гросманъ! Стягивай сильнѣе! — кричалъ онъ швейцару, который никакъ не могъ умѣстить его громаднаго живота въ пожарный мундиръ, до того тѣсный, что при застегиваньѣ отлетали пуговицы.

— Давно?

— Съ полчаса, но уже, кажется, все въ огнѣ. Сильнѣе, панъ Шмитъ!

— И потому такая спѣшка?

— Гросликъ телефонировалъ нашему старику, заклиная его всѣмъ, на зло Грюнспану, не дать сгорѣть зятю.

— Почему? Ага, хотятъ его разорить!

— Это уже третій пожаръ сегодня.

— Фабрики?

— Конечно.

— Возмѣщаютъ свои потери отъ послѣднихъ банкротствъ.

— Пусть ихъ черти дерутъ! проклятые каторжники! они зарабатываютъ, а мы, какъ собаки, высунувши языкъ отъ усталости, мчимся съ пожара на пожаръ!

— Что вы хотите, это имъ необходимо для сведенія баланса.

— До свиданья! Вотъ лопну, ей Богу! — крикнулъ онъ, садясь въ ожидавшую его передъ воротами пролетку, съ мѣста полетѣвшую галопомъ за пожарными подводами, покрытыми, словно самоварами, блестящими

касками пожарныхъ и сверкавшими уже въ концѣ улицы.

— Хо, хо! начинается горячій сезонъ! — прошепталъ онъ и побѣжалъ къ телефону сказать Максу Бауму о телеграммѣ Морица.

Онъ еще не отошелъ отъ телефона, какъ снова послышался звонокъ.

Говорилъ Травинскій, что сейчасъ придетъ по очень важному дѣлу.

— Я буду ждать тебя въ печатнѣ, — отвѣтилъ онъ и поспѣшилъ въ глубь фабрики.

Онъ очутился между безпрестанно кружившими вагонетками, машинами въ движеніи, грудами матеріала, сновавшими по всѣмъ направленіямъ зала, словно разноцвѣтныя, безконечныя ленты — въ лѣсу передаточныхъ ремней, пассовъ, колесъ, людей, въ адскомъ шумѣ, парѣ, облаками поднимавшемся надъ прачечной; онъ шелъ среди хаоса сплетавшихся шумовъ, содроганій, криковъ, бренчанья, среди бѣшено трепетавшей энергіи, которая увлекала все и всѣхъ; она, казалось распирала могучія стѣны фабрики безумнымъ напоромъ; Боровецкій весь потонулъ въ этой дикой, захватывающей жизни фабрики. Онъ пробѣгалъ залы, осматривалъ товары, отдавалъ распоряженія и летѣлъ дальше, въ другія залы, забывъ обо всемъ, что не было связано съ фабрикой.

Послѣ большого нервнаго утомленія послѣднихъ дней онъ чувствовалъ здѣсь отдыхъ и наслажденіе, увлекаясь этой страшной массой силы, разлитой вокругъ.

Утомленіе исчезало, онъ все болѣе успокаивался и

приходилъ въ равновѣсіе посреди этого фабричнаго ада, какъ бы впитывая въ себя всѣ безчисленные потоки энергіи людей и машинъ, которая била вокругъ него со всѣхъ сторонъ.

Онъ обошелъ всѣ залы и вернулся въ «кухню».

Муррей въ маленькомъ кабинетикѣ, отдѣленномъ отъ «кухни» стеклянной перегородкой, дѣлалъ какую-то пробу на маленькой печатной машинѣ. Проба не удавалась, такъ какъ краска разлѣзалась на матеріи и заливала рисунокъ. Англичанинъ былъ взбѣшенъ, но сладко улыбался; лицо его было сѣро отъ волненія, и онъ, какъ бульдогъ, скалилъ длинные желтые зубы. Онъ вытиралъ руки о фартукъ, которымъ былъ повязанъ, и тихо ругался.

— Мучаюсь съ самаго полудня и не могу добиться окраски.

Боровецкій энергично принялся за работу, но ее прервалъ Травинскій, который былъ такъ взволнованъ, что забылъ поздороваться, и, еще стоя на порогѣ, сталъ просить переговорить съ нимъ наединѣ.

— Пойдемте въ вальцовый магазинъ, тамъ никого нѣтъ.

И Боровецкій проводилъ его туда, идя впереди.

Травинскій шелъ какъ бы безъ сознанія. Голубыми глазами блуждалъ по фабрикѣ, ничего не видя; худое красивое лицо его было озабочено, и какъ бы застыло выраженіе горечи въ его запавшихъ глазахъ, въ углахъ рта съ маленькими бѣлокурыми усами. Онъ былъ старый товарищъ и другъ Карла, собственникъ довольно значительной хлопчато-бумажной прядильни.

— Говори же, что такое? — шепнулъ Карлъ, вводя

его въ большую высокую залу, заставленную рядами высокихъ желѣзныхъ полокъ, блестѣвшихъ рядами мѣдныхъ печатныхъ вальцовъ, походившихъ на громадные свитки папируса, покрытые словно іероглифами выпуклыми рисунками, которыми печатались матеріи.

— Сейчасъ разскажу тебѣ, — прошепталъ онъ, садясь на какую-то подставку.

Шляпу онъ снялъ, оперся головой о стѣну и съ минуту сидѣлъ такъ, молча, собираясь съ силами для разговора.

— Ты боленъ! Выглядишь очень плохо.

— Развѣ банкротъ можетъ выглядѣть иначе? — проговорилъ онъ съ горечью.

— Что съ тобой случилось? опять кто-нибудь подставилъ ногу?

— Хуже, я снова провалился и вѣроятно теперь уже не встану на ноги.

— Что ты говоришь? — воскликнулъ онъ, дѣлая видъ, что удивился, хотя уже зналъ о колебаніи Травинскаго.

— Крахъ, который постигъ и болѣе сильныхъ, который сейчасъ заставляетъ горѣть Гросмана, не пощадилъ и меня. Въ субботу уплата по векселямъ, а для этого у меня есть только векселя банкротовъ или вѣрнѣе нѣтъ ничего. Въ субботу долженъ заплатить. Не заплачу — значитъ все будетъ кончено. Чортъ возьми такое счастье! Третій разъ уже стою на краю разоренія, но на этотъ разъ, если свалюсь, то уже не встану.

— Сколько ты долженъ заплатить?

— Пятнадцать тысячъ рублей!

— И разоряться изъ-за такой жалкой суммы!

— Сумма жалка, но ея у меня нѣтъ. Хотѣлъ занять и не могъ; теперь ни у кого въ Лодзи нѣтъ наличныхъ, всѣ такъ напуганы, что вчера Гросликъ отказалъ въ двадцати тысячахъ Розенбергу. Это краснорѣчивѣе всего говоритъ. Никто, ни одинъ банкъ не хочетъ учитывать солиднѣйшихъ векселей, всѣ боятся, такъ какъ Лодзь дрожитъ и понемногу кто-нибудь да проваливается. Чѣмъ все это кончится! И къ тому же сезонъ ужасный! У меня на складѣ готовой пряжи на десять тысячъ, и ни одна собака не спрашиваетъ, постоянные покупатели уменьшили наполовину производство, а я долженъ продолжать работать, долженъ платить людямъ, жить долженъ и толкать эту машину... остановится она на минуту, и кончено. И такъ плохо, а тутъ еще банкротства доканали меня. Что за времена! Подъ цѣлую фабрику со столькими машинами, при моей честности, нельзя достать пятнадцати тысячъ!

— Ты пробовалъ у Бухгольца? онъ вчера поддержалъ Волькмана.

— Это онъ сдѣлалъ на зло Шаѣ, наконецъ, я не могу итти и просить у этого шваба помощи. Онъ мнѣ противенъ, это было бы для меня унизительнымъ.

— Ну такъ что же, если бы это тебя несомнѣнно спасло.

— О, нѣтъ, онъ знаетъ, что я о немъ думаю.

— Я бы могъ тебѣ въ этомъ помочь.

— Благодарю, но не могу, — было бы не только противъ моихъ убѣжденій, но попросту свинствомъ и униженіемъ просить помощи у человѣка, котораго ненавидишь и не стѣсняясь показываешь ему это.

— Шляхетская логика, — сказалъ Карлъ нетерпѣливо, закуривая папиросу.

— Я знаю только одну, не шляхетскую, а логику обыкновенной этики честнаго человѣка.

— Не забывай, что ты въ Лодзи. Я вижу, что ты это забываешь, тебѣ кажется, что ты ведешь дѣло съ цивилизованными людьми Европы. Лодзь—это лѣсъ, чаща, — есть у тебя сильные когти, иди смѣло и безъ оглядки души ближнихъ, иначе они тебя одолѣютъ, высосутъ и выплюнутъ.

Онъ еще долго говорилъ, тронутый горемъ пріятеля, котораго зналъ хорошо, цѣнилъ, какъ человѣка, но къ которому вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ какую-то презрительную злобу за его польскую глупость, съ какою онъ хотѣлъ вести дѣла въ Лодзи, за его честность въ сношеніяхъ съ людьми, — въ этомъ городѣ она была непримѣнима, ей здѣсь не было мѣста. Въ этомъ водоворотѣ мошенничества и преступленія, кто не хотѣлъ быть тѣмъ, чѣмъ были всѣ, — тотъ не могъ думать о существованіи, и хотя бы вложилъ даже въ свой трудъ большой капиталъ, въ концѣ-концовъ долженъ былъ быть выброшенъ, такъ какъ не могъ бы выдержать конкуренцію.

Травинскій долго молчалъ; съ головой, откинутой на какой-то длинный валецъ, онъ слѣдилъ глазами за Карломъ, который, волнуясь, быстро ходилъ по узкому проходу, оставшемуся между полками.

Со всѣхъ сторонъ фабрика глухо шумѣла, словно вѣчно работающее море; стѣны дрожали, бѣгущіе подъ потолкомъ залы пассы передавали силу въ сосѣднія залы и рѣзко свистѣли; еще болѣе рѣзкій скрежетъ

желѣзныхъ токарныхъ станковъ проникалъ изъ расположенной рядомъ модельни и проникалъ въ его издерганные нервы глухою болью.

— Что ты предпримешь? — прервалъ молчаніе Боровецкій.

— Пришелъ просить у тебя взаймы, знаю, что у тебя есть деньги. Повѣрь, если бы не крайность, я бы не рѣшился.

— Не могу, абсолютно не могу. Деньги есть, но, какъ ты слышалъ, я самъ открываю фабрику. Кромѣ того въ настоящій моментъ я сильно заинтересованъ въ одномъ дѣлѣ.

— Одолжи мнѣ на мѣсяцъ. Обезпечу тебѣ эту сумму фабрикой, всѣмъ, что имѣю. Выручишь все въ самомъ плохомъ случаѣ.

— Я тебѣ вѣрю, но не дамъ. Ты человѣкъ несчастливый; я прямо боюсь имѣть съ тобой какія-нибудь дѣла. Можетъ быть, ты удержишься, можетъ быть, провалишься, — кто знаетъ! Я же долженъ жить и имѣть фабрику. Твое существованіе я продолжилъ бы на годъ, а самъ бы погибъ.

— По крайней мѣрѣ, ты откровененъ, — прошепталъ онъ горько.

— Дорогой мой, зачѣмъ я буду лгать тебѣ? Я ненавижу безсмысленную ложь и сантиментальную нѣжность ко всякому несчастью, помогающую только легче умирать обездоленнымъ, если надъ ними будутъ пролиты слезы сочувствія. Я оказалъ бы помощь, если бы былъ въ состояніи, но разъ не могу, то и отказываю. Не могу же я отдать голому пальто, если самъ замерзну безъ него

— Ты правъ. Мнѣ больше нечего сказать. Извиняюсь, что наскучилъ тебѣ...

— Ты обидѣлся? — спросилъ Боровецкій, задѣтый его тономъ.

— Нѣтъ. Ты такъ открыто поставилъ вопросъ, что я понимаю твой отказъ, мнѣ отъ этого, можетъ быть, очень больно, но онъ совершенно ясенъ для меня.

Онъ поднялся, собираясь уходить.

— Ты не думаешь войти въ соглашеніе?

— Нѣтъ, я не устрою банкротства, я могу разориться только честно.

— Я, можетъ быть, нашелъ бы другое средство помочь.

— Укажи его мнѣ, я съ радостью соглашусь.

— Ты застраховался на большую сумму?

— Да, на не малую, — я перестраховался осенью послѣ неудачнаго поджога.

— Досадно, что ты тогда не сгорѣлъ. Этотъ рабочій, желая отомстить, на самомъ дѣлѣ оказалъ бы тебѣ большую услугу.

— Ты серьезно говоришь?

— Совершенно, и такъ же серьезно обращаю твое вниманіе на то, что въ этотъ моментъ горитъ Гросманъ, ночью сгорѣлъ Гольдштандъ, завтра, вѣроятно, будетъ горѣть Феликсъ Фибинъ, А. Рихтеръ, Б. Фуксъ и другіе. Что ты скажешь на это?

— Что я не былъ и не буду поджигателемъ и преступникомъ!

— Я не говорю тебѣ этого, а только указываю на твоихъ сотоварищей и на ихъ способы удерживаться

на поверхности; ты съ такими конкурентами не выдержишь.

— Ха, ну погибну! Не хватитъ силъ на борьбу, пущу себѣ пулю.

— А жена! — быстро спросилъ онъ, замѣтивъ въ его глазахъ стальной блескъ отчаянія.

Травинскій вздрогнулъ.

— Мнѣ пришла въ голову мысль! Знаешь стараго Баума?

— Мы сосѣди и даже дружны.

— Иди къ нему и разскажи все откровенно. Это такой странный фабрикантъ, что онъ, навѣрное, тебѣ поможетъ. Ручаюсь головой, что если только онъ тебя знаетъ, то окажетъ тебѣ помощь.

— Правда, счастливая мысль, а, наконецъ, что я теряю въ случаѣ отказа.

— Конечно, а попробовать стоитъ. Это исключеніе между лодзинскихъ фабрикантовъ. Человѣкъ, который могъ бы владѣть милліонами, но не захотѣлъ нагнуться за ними, человѣкъ, заплатившій сотни тысячъ за другихъ, врагъ крупной промышленности, рутинеръ, снобъ или блажной, какъ его называютъ, а на самомъ дѣлѣ только безумецъ, пережитокъ временъ ручного производства.

Они молча простились.

Карлъ почувствовалъ въ немъ при разставаніи какую-то холодность. Онъ смотрѣлъ на него со страннымъ чувствомъ жалости.

«Разгильдяй, шляхетскій пережитокъ!» думалъ онъ почти вслухъ, чтобы заглушить въ себѣ какой-то ти-

хій еще упрекъ, который поднимался въ немъ и быстро разрастался.

Онъ оправдывался передъ собой въ своемъ отказѣ въ помощи, но все же чувствовалъ недовольство собой. Постоянно вставала передъ его глазами свѣтлая, прекрасная голова, словно отмѣченная печатью вѣчнаго горя и безпокойства. Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ ему помочь, что ничего на этомъ не терялъ и оказалъ бы огромную услугу. Все сильнѣе начинало его грызть раскаяніе.

«Что мнѣ за дѣло, если черти возьмутъ еще одного человѣка», думалъ онъ, проходя черезъ сукнострижильное отдѣленіе, загроможденное до потолка грудами бѣлаго товара, проходившаго на машинѣ между двумя остріями, однимъ, обѣгавшимъ цилиндръ спиральной линіей, и другимъ, совершенно прямымъ и ровнымъ. Они обрѣзали съ двухъ сторонъ проходившій между ними матеріалъ съ математической точностью, и срѣзали хлопчато-бумажный мохъ, образующійся при тканьѣ.

Нѣсколько женщинъ работало въ этой бѣлой холодной и почти не шумной залѣ, заполненной едва уловимымъ облакомъ хлопчато-бумажной пыли, поднимавшейся при стрижкѣ матерій. Она висѣла надъ машинами, облѣпляла бѣлымъ слоемъ людей и машины и дрожала сѣроватымъ, густымъ мхомъ на передаточныхъ ремняхъ, обѣгавшихъ машины и исчезавшихъ въ потолкѣ.

Боровецкій, стоя на мѣстѣ, оглядѣлъ залу и, подойдя къ машинѣ, спустился внизъ, когда раздался короткій страшный человѣческій крикъ.

Одно изъ движущихся колесъ захватило блузу рабочаго, неосторожно приблизившагося, втянуло его въ свое движеніе, бросило на машину, обернуло, сдавило, изломало о машину, размозжило и выбросило растерзанное тѣло, не переставая двигаться ни на минуту.

Кровь брызнула до самаго потолка, красными струями разлилась по машинѣ, на лежавшемъ около нея товарѣ и на близъ стоявшихъ работницахъ.

Громкій крикъ повторился, машину остановили, но было уже поздно; кровавая масса свисала съ оси, съ колеса и съ разныхъ частей машины и опадала на землю, тяжелая, дрожавшая еще временами трепетомъ жизни.

Спасти его было уже невозможно,—рабочій былъ совершенно размозженъ и лежалъ, словно груда мяса, кровавымъ пятномъ на бѣломъ фонѣ сырыхъ ситцевъ.

Раздался тихій плачъ женщинъ, нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе старыя, встали на колѣни возлѣ трупа и начали громко читать отходную молитву, рабочіе поснимали шапки, набожно крестились; всѣ окружали кольцомъ убитаго. Глаза ихъ не блистали сожалѣніемъ, а только свѣтились какою-то дикою суровою апатіей.

Въ залѣ наступила тишина, только раздавался въ ней плачъ женщинъ да лязгъ изъ сосѣднихъ залъ, гдѣ, не переставая, шла работа.

Вскорѣ явился фельдшеръ, всегда дежурившій на фабрикѣ. Послѣ его прихода Боровецкій сейчасъ же вышелъ.

Примчался и главный мастеръ отдѣленія и, видя безпорядокъ въ залѣ и сбившихся около трупа рабочихъ, еще съ порога закричалъ:

— Къ машинамъ!

Всѣ разсыпались, словно птицы, испуганныя ястребомъ, и черезъ минуту зала снова работала, всѣ машины пришли въ движеніе, кромѣ одной, окровавленной убійствомъ. Ее сейчасъ же начали чистить.

— Verflucth! сколько матеріала испорчено! — выругался мастеръ, разсматривая запятнанный кровью ситецъ, и началъ упрекать рабочихъ въ неосторожности, грозя всей залѣ наложить штрафъ за матеріалъ.

Боровецкій не слышалъ этого, такъ какъ лифтъ опустился съ быстротой молніи и высадилъ его въ красильнѣ.

Этотъ случай не произвелъ на него никакого впечатлѣнія, такъ какъ онъ уже привыкъ къ подобнымъ несчастіямъ.

— Соха! — позвалъ онъ протеже своей невѣсты, который сегодня работалъ въ первый разъ на фабрикѣ, развозя на вагонеткахъ матеріалъ.

Мужикъ оставилъ вагонетку и сталъ передъ нимъ, вытянувшись.

— Какъ идетъ работа?

— А вотъ работаю, вельможный хозяинъ!

— Ну, работайте, только осторожнѣе съ машинами!

— Ахъ, онѣ, стервы! — началъ онъ и хотѣлъ приказать женѣ разсказать остальное, какъ «эти стервы» уже сегодня оборвали у него кусокъ кафтана, — но жены не было. Боровецкій отошелъ, — ему дали знать, что Бухгольцъ зоветъ его въ контору. Соха грустно смотрѣлъ на свой кафтанъ, превращенный машиной въ пиджакъ, почесалъ голову, плюнулъ на руки и под-

толкнулъ вагонетку къ лифту, такъ какъ со всѣхъ сторонъ начали браниться, что онъ загораживаетъ дорогу.

IX.

Травинскій вышелъ въ подавленномъ состояніи.

Идя къ Боровецкому, онъ былъ почти увѣренъ въ благополучномъ исходѣ своей просьбы; онъ, какъ каждый человѣкъ въ безвыходномъ положеніи, свои желанія принималъ за дѣйствительность, за фактъ, который долженъ непремѣнно случиться.

Онъ сѣлъ на извозчика и приказалъ ему ѣхать на Петроковскую. Не могъ ни о чемъ думать, чувствовалъ себя разбитымъ и не способнымъ ничего активно предпринимать и двигаться. Утомленный онъ пассивно отдавался острой пронзительной волнѣ горечи, заливавшей ему сердце. Передъ его глазами простирался грязный городъ, залитый дождемъ; онъ смотрѣлъ на загрязненные тротуары, полные людей, на безконечныя трубы, какъ тополя, поднимавшіяся надъ плоскостью крышъ и исчезавшія въ наступившихъ сумеркахъ, давая знать о своемъ существованіи только клубами бѣлаго дыма, разрывавшагося о крыши,—на сотни возовъ съ углемъ, тянувшихся огромной цѣпью къ фабрикамъ, на нагруженныя товарами платформы, на извозчиковъ, на кареты, мелькавшія быстро въ разныхъ направленіяхъ, на безчисленныя конторы, склады, полные товаровъ, на людей, на это безумное, уличное движеніе, на эту усиленную жизнь, бившуюся вокругъ.

Онъ смотрѣлъ почти съ отчаяніемъ, такъ какъ чув-

ствовалъ свою слабость, чувствовалъ, что еще немного и онъ изъ этого огромнаго омута, изъ этой машины, называемой Лодзью, вылетитъ, какъ отбросъ, какъ мусоръ—использованный, высосанный, никуда негодный, не нужный этому чудовищу-городу. Онъ смотрѣлъ съ какою-то безсильною ненавистью на фабрики со сверкавшими во мракѣ тысячами оконъ, на громадную улицу, которая, словно каналъ, застланный дымами и грязнымъ небомъ, гудѣла энергіей, разливала потоки свѣта и дрожала огромной силой жизни. Скользилъ глазами по рѣзкимъ контурамъ фабрикъ; глаза ему рѣзали болѣзненно электрическія солнца, зажженныя на дворахъ, болѣзненно тревожилъ его глухой шумъ, мощный своей неустанностью, раздававшійся изъ фабрикъ и мастерскихъ; его мучилъ этотъ чудовищно-сильный пульсъ жизни, мучило страшное сознаніе, что приходится умирать, когда послѣднимъ взглядомъ видишь, сколько людей остается въ живыхъ! И это сознаніе растравляло его душу невыразимой завистью.

Онъ не умѣлъ жить въ этой средѣ и приспособиться къ окружающимъ. Онъ вложилъ столько силъ, ума, заботъ, столько денегъ своихъ и чужихъ, пережилъ столько лѣтъ, полныхъ страданій и для чего?.. чтобы снова начать то же самое? снова строить это зданіе, которое въ концѣ-концовъ падетъ на его же голову.

Его охватила такая огромная мука, что не могъ больше сидѣть на извозчикѣ и пошелъ пѣшкомъ на Петроковскую.

Онъ хотѣлъ пройти къ старому Бауму по совѣту Боровецкаго, но оттягивалъ умышленно эту минуту

послѣдней надежды, да и не могъ оторваться отъ этой улицы.

Затонувъ въ толпѣ, плывшей по тротуару, онъ не препятствовалъ ей увлекать его и толкать. Онъ безсмысленно смотрѣлъ на выставки магазиновъ, даже купилъ конфетъ для жены въ той кондитерской, гдѣ покупалъ всегда; поздоровался здѣсь съ нѣсколькими знакомыми и пошелъ опять къ фабрикамъ, къ освѣщеннымъ окнамъ съ мигавшими за ними силуэтами машинъ и людей; шумъ постепенно оглушалъ его, и онъ становился равнодушнѣе.

Онъ не обращалъ вниманія на дождь, шедшій безъ перерыва, забылъ даже раскрыть зонтикъ, ничего не видѣлъ кромѣ переполненныхъ людьми и товарами конторъ и фабрикъ, торопливо работавшихъ.

— Добрый вечеръ, панъ Травинскій!

— Добрый вечеръ, панъ Гальпернъ!

Онъ пожалъ протянутую руку высокаго, довольно небрежно одѣтаго Гальперна.

— Вышли погулять по городу?

— Да, хотѣлъ немного пройтись.

— Въ сумеркахъ Лодзь очень красива. Я каждый день выхожу изъ конторы пройтись и посмотрѣть на городъ.

— Вы любитель города, панъ Гальпернъ.

— Что вы хотите, проживъ, какъ я, пятьдесятъ шесть лѣтъ въ городѣ, видя его постоянно, зная всѣхъ, — можно его полюбить.

— Что слышно въ городѣ новаго?

— Что слышно? Мало хорошаго слышно, пошелъ

цѣлый дождь протестованныхъ векселей, можно будетъ покупать ихъ на фунты. Но это не повредитъ.

— Почему?

— Негодяи пойдутъ къ чорту, а Лодзь все-таки останется. Панъ Травинскій, я видѣлъ въ Лодзи и похуже времена. Послѣ плохихъ наступаютъ хорошія, и теперь такъ будетъ, не изъ-за чего поднимать шумъ. Для умныхъ людей будетъ всегда хорошее время.

— А когда оно наступитъ для честныхъ? — спросилъ онъ иронически.

— Ша... панъ Травинскій, у нихъ есть небо, зачѣмъ имъ хорошее время.

— Гросманъ, кажется, сгорѣлъ.

— Очень удачно, очень удачно; двѣсти пятьдесятъ тысячъ страховки почти что въ кассѣ. Но у Гольдштанда, сгорѣвшаго ночью, было маленькое недоразумѣніе съ полиціей. Такъ ему и слѣдуетъ, если не умѣешь хорошо дѣлать дѣла, то и не берись.

— Кто же теперь на очереди?

— Изъ крупныхъ А. Рихтеръ и Ф. Фишбинъ.

— То же самое говорилъ Боровецкій.

— Панъ Боровецкій, хо, хо, хо! Онъ знаетъ Лодзь, онъ знаетъ, что кому нужно.

— Ну, и вы хорошо знаете Лодзь.

— Я? Она у меня вся, какъ на ладони. Пятьдесятъ лѣтъ смотрю на всякія фирмы, какъ онѣ основываются. Почти безошибочно могу опредѣлить относительно каждой вновь открывшейся, будетъ ли она существовать! Повѣрьте мнѣ, панъ Травинскій, я не говорю на вѣтеръ, мое слово — золото, документъ, вексель съ лучшимъ поручительствомъ.

Травинскій ничего не возражалъ, и они продолжали молча итти рядомъ.

Гальпернъ, защищаясь зонтомъ отъ дождя, съ любовью смотрѣлъ на дома и фабрики; его большіе черные глаза фосфорически блестѣли на блѣдномъ худомъ лицѣ, окаймленномъ сѣдой бородой. У него были лицо и голова патріарха, насаженная на худой, искривленный, скелетъ, одѣтый въ длинное обтрепанное пальто, висѣвшее на немъ какъ на палкѣ.

— Я вѣдь знаю каждый домъ, каждую фирму,—снова началъ онъ горячо.—Помню Лодзь, когда въ ней было всего двадцать тысячъ жителей, а теперь ихъ триста! И я дождусь, когда въ ней будетъ полмилліона, раньше не умру! Я долженъ увидѣть это собственными глазами, долженъ самъ порадоваться!

— Если ее раньше черти не возьмутъ!—прошепталъ Травинскій съ ненавистью.

— Ха, ха, ха, панъ Травинскій, не говорите такихъ смѣшныхъ вещей! Лодзь есть и будетъ! Вы ее не знаете! Знаете ли вы ея оборотъ за прошлый годъ? Двѣсти тридцать милліоновъ рублей,—воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ, останавливаясь на тротуарѣ.—Это хорошія деньги! Покажите вы мнѣ другой такой городъ?

— Тутъ нечѣмъ гордиться, а впрочемъ, вы правы,—нѣтъ въ Европѣ другого такого воровского города...—проговорилъ онъ злобно.

— Воровской онъ, или нѣтъ, это для меня неинтересно. Мнѣ интересно другое, я хочу, чтобы строили дома, основывали фабрики, проводили улицы, улучшали пути сообщенія, прокладывали дороги. Я хочу, чтобы

моя Лодзь росла, чтобы она имѣла великолѣпные дворцы, прекрасные сады, большое движенiе, громадную торговлю и много денегъ.

— Для начала уже есть большiя мошенничества и большая дешевка.

— Это ничего, такъ какъ изъ этого растетъ большая Лодзь.

— А тѣмъ временемъ пусть ее громъ разразитъ! Доброй ночи, панъ Давидъ.

— Доброй ночи, панъ Травинскiй. Для Лодзи это не можетъ быть вашимъ послѣднимъ словомъ.

— Послѣднее и совершенно искреннее. Извозчикъ! — крикнулъ онъ.

— Голышъ! — шепнулъ ему вслѣдъ презрительно Гальпернъ и повернулъ обратно, медленно идя и снова всматриваясь въ дома, фабрики, магазины, склады, глазами, очарованными могуществомъ этого города.

Онъ не обращалъ вниманiя на дождь, мочившiй его, несмотря на зонтикъ, на толпы людей, бросавшiя его то на дома, то въ канаву, то на извозчиковъ и кареты, которыя окатывали его грязью на перекресткахъ,—онъ шелъ словно загипнотизированный.

Травинскiй поѣхалъ домой.

Жилъ онъ довольно далеко. Въ концѣ Константиновской улицы онъ приказалъ свернуть въ какой-то темный и настолько грязный переулокъ, что извозчикъ отказался ѣхать.

Травинскiй пошелъ пѣшкомъ по тротуару, едва возвышавшемуся надъ уровнемъ немощеной улицы, представлявшей грязную, черную рѣку, перерѣзанную золотистыми полосами свѣта, выходившаго изъ оконъ

низкихъ домовъ, тянувшихся рядами по обѣ стороны улицы.

Здѣсь были помѣщенія ткачей-кустарей. Въ каждомъ окнѣ мелькали силуэты станковъ и людей, и вся улица была наполнена лязгомъ и стукомъ. Даже низкія покосившіяся лачуги, которыя виднѣлись кое-гдѣ, тряслись и дрожали отзвуками работы.

Пеперечныя улички, выбѣгавшія съ одной стороны, тянулись до самыхъ полей и были такія же черныя, грязныя, полныя стука станковъ, разваливавшихся домовъ, покривившихся лачугъ, обвалившихся заборовъ, нужды и заброшенности. Травинскаго охватилъ холодный, пронизывающій сыростью вѣтеръ, вздымавшійся изъ-за города, съ полей.

Надъ этой частью города, заплывшей грязью и такою заброшенной, непохожей на остальную Лодзь, царила фабрика Мюллера, своими четырехэтажными корпусами. Они подымались надъ моремъ низенькихъ домовъ и садовъ, побѣдоносно сверкая тысячами оконъ и электрическихъ солнцъ.

Фабрика возвышалась, какъ могучій символъ силы, дыханіе которой, казалось, гнуло къ землѣ эти ряды убогихъ, покривившихся лачугъ. Чувствовалось, что эти огромные корпуса гудятъ сотнями машинъ, медленно высасываютъ всю жизнь изъ стараго квартала кустарей, что они съѣли и поглощаютъ уже остатки этой мелкой ручной промышленности, когда-то процвѣтавшей здѣсь и которая еще продолжала въ отчаяніи защищаться, но уже безъ надежды.

Фабрика Травинскаго скромно стояла возлѣ фабри-

ки Мюллера, отдѣленная отъ нея только большимъ садомъ.

Травинскій вошелъ въ ворота, въ которыхъ сторожилъ старый безногій ветеранъ, съ лицомъ, похожимъ на старую тряпку. Онъ вытянулся по-военному и ждалъ приказаній отъ хозяина. Но Травинскій только слабо улыбнулся этому археологическому наслѣдію отцовъ и пошелъ въ контору, гдѣ нѣсколько человѣкъ дремали надъ книгами, заглянулъ въ прядильню сквозь лѣсъ передаточныхъ ремней и пассовъ, мелькавшихъ съ бѣшеной быстротой, посмотрѣлъ на тяжелое, косое движеніе сальфакторовъ, которые подкрадывались, словно чудовища, выгибали хребты, бѣлые отъ хлопка, отбѣгали отъ смотрѣвшихъ за ними рабочихъ и все такъ же тяжело и неустанно волочили за собой, словно волокна слюны, сотни хлопчатобумажныхъ нитей, навитыхъ на бумажныя катушки, которыя отъ движенія какъ бы ворчали.

Травинскій прошелъ длиннымъ дворомъ, освѣщеннымъ рядами желтыхъ газовыхъ огней, которые въ сравненіи съ электрическими фонарями Мюллера походили на погребальныя свѣчи.

Домъ стоялъ въ глубинѣ садика, фасадомъ къ фабричному двору, а одной изъ сторонъ выходилъ въ какую-то пустую улицу; домъ былъ одноэтажный, но казался втрое выше, благодаря своему готическому стилю.

Въ нижнихъ окнахъ, за занавѣсями, виднѣлся свѣтъ.

Травинскій прошелъ нѣсколько комнатъ, прекрасно обставленныхъ, теплыхъ, очень уютныхъ, полныхъ

нѣжнаго запаха гіацинтовъ въ вазонахъ, и вошелъ въ маленькій будуаръ.

Ковры заглушали его шаги, онъ вошелъ такъ тихо, что Нина не слыхала; она сидѣла передъ лампой и читала.

Онъ остановился передъ портьерой.

— Нина! ты одна сидишь? — спросилъ онъ, садясь возлѣ нея.

— А кто же могъ бы быть у меня? — прошептала она грустно.

— Ты плакала?

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро отвѣтила она, отворачивая лицо отъ свѣта.

— Я вижу слезы.

— Мнѣ было такъ грустно одно! — шепнула она, придвигаясь къ нему, и съ мягкимъ, нѣжнымъ движеніемъ положила ему голову на грудь. Слезы снова наполнили ея глаза. — Я ждала тебя, а дождь такъ лилъ, такъ стучалъ въ окна, барабанилъ по крышѣ, такъ странно шумѣлъ по трубамъ, что мной овладѣла боязнь за тебя; мнѣ было страшно за тебя.

— Почему же за меня?

— Не знаю, но меня охватили какія-то дурныя предчувствія. Но у тебя ничего нѣтъ дурного, правда? Ты здоровъ и спокоенъ, правда? — шептала она, обвивая его шею руками.

Она гладила его волосы, цѣловала нѣжный, съ синими жилками лобъ; ея зеленоватые, съ золотистыми искрами глаза безпокойно оглядывали его худое, измученное лицо.

— Почему ты грустенъ?

— Въ такую ужасную погоду можно ли быть веселымъ.

Онъ освободился отъ ея объятій и началъ ходить по будуару. Страшная буря надрывала его сердце. Онъ чувствовалъ, что если бы могъ сказать ей все, открыть ей свое положеніе, то эта исповѣдь облегчила бы его; но чувствовалъ также, что, глядя на ея прекрасное лицо, склоненное у лампы, освѣщавшей своимъ свѣтомъ ея пышные каштановые волосы, залотившіеся на вискахъ, — онъ ни за что на свѣтѣ ничего не скажетъ ей.

Онъ ходилъ все медленнѣе, вдыхая съ какой-то грызущей жадностью чистую, изысканную атмосферу своей квартиры; онъ всматривался страннымъ взглядомъ въ роскошную мебель, въ безчисленныя бездѣлушки, настоящія произведенія искусства большой стоимости, которыя они въ продолженіе стольких лѣтъ привозили изъ всѣхъ частей свѣта, не считаясь съ расходами, такъ какъ Нина со своей аристократической натурой, съ впечатлительностью артиста ко всему прекрасному, съ душою мимозы, чувствовала себя хорошо только среди красивой обстановки.

Онъ этому не мѣшалъ, тѣмъ болѣе, что самъ любилъ искусство и чувствовалъ потребность окружать себя его произведеніями. Но теперь, передъ разореніемъ, ждавшимъ уже его, онъ ощущалъ страшную боль, боль передъ завтрашнимъ днемъ, который придетъ и отниметъ все — и это богатство, и покой, и счастье, и все, чѣмъ онъ жилъ.

«Что предпринять?» тяжко думалъ онъ. Ему приходила одна только мысль, — снова попробовать просить

помощи у отца; эта мысль такъ ободрила его на мгновенье, что онъ началъ смотрѣть радостно и торжествующе, но взглядъ быстро погасъ, и опять мрачными, полными тревоги глазами онъ глядѣлъ на Нину, которая встала и прошла по амфиладѣ комнатъ.

Онъ слѣдилъ глазами за ея высокой, красивой фигурой. Она обернулась и таинственно ему улыбнулась.

И сейчасъ же вернулась, неся довольно длинный деревянный, очень тяжелый, ящикъ.

Взявъ у нея ящикъ и положивъ его на столъ, онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Отгадай, что это? Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

— Нѣтъ, не буду даже смотрѣть, — прошепталъ онъ, блѣднѣя, такъ какъ увидѣлъ на ящикѣ почтовыя печати и догадался, что это опять какая-нибудь дорогая покупка.

— Нашъ флорентійскій Бондини прислалъ мозаичную доску, которую мы видѣли лѣтомъ, помнишь?

— Ты ее выписала? — спросилъ онъ довольно рѣзко.

— Да, я хотѣла тебѣ сдѣлать сюрпризъ, но ты вѣдь не сердишься?

— Нѣтъ, Нина, нѣтъ, благодарю тебя отъ всей души, благодарю... — шепталъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Открой, мы сейчасъ посмотримъ. Я просила прислать поменьше и подешевле, и она такъ дешева, что просто не вѣрится.

— Онъ прислалъ счетъ?

— Вотъ. Двѣ тысячи двѣсти лиръ, вѣдь это за безцѣнокъ.

— Да... въ самомъ дѣлѣ... за безцѣнокъ... — отвѣчалъ онъ, дрожащими руками распаковывая ящикъ.

Мозаика была прелестна.

На квадратной плитѣ изъ чернаго мрамора, съ крайне рѣдкимъ голубоватымъ отливомъ, былъ брошенъ букетъ фіалокъ, свѣтло-желтыхъ розъ и лиловыхъ, обсыпанныхъ золотисто-рыжеватой пылью кукушкиныхъ слезокъ; одинъ мотылекъ съ рубиново-зелеными крыльями колыхался на слезкахъ, а два другихъ улетали вдаль.

Это было такъ чудно и такъ естественно сдѣлано, что хотѣлось взять эти цвѣты или схватить за крылышки мотылька.

Нина, несмотря на то, что видѣла это, вскрикнула отъ изумленія и долго глядѣла въ нѣмомъ восхищеніи.

— Ты не смотришь, Казя?

— Я видѣлъ, дѣйствительно, это прекрасно, въ своемъ родѣ шедевръ, — отвѣтилъ онъ тихо.

— Знаешь, эту доску надо будетъ оправить въ широкую раму изъ матовой бронзы и повѣсить на стѣнкѣ, — жаль вдѣлывать ее въ столикъ, — говорила она медленно и длиннымъ, тонкимъ пальцемъ нѣжно проводила по контурамъ листовъ и цвѣтовъ, ощущая утонченное наслажденіе отъ прикосновенія къ этимъ тонамъ.

— Я долженъ итти, Нина! — прошепталъ онъ, вспомнивъ о старомъ Баумѣ.

— Надолго? Приходи скорѣй, мой золотой, мой единственный!—просила она, прижавшись къ нему, и, придержавъ руками его усы, поцѣловала его въ губы.

— Не больше, чѣмъ на часъ. Я пойду напротивъ, къ Бауму.

— Буду ждать тебя съ чаемъ.

— Хорошо.

Онъ поцѣловалъ ее и пошелъ, но задержался около порога и прошепталъ:

— Нина, поцѣлуй меня и пожелай счастья.

Она сердечно поцѣловала его и вопросительно глядѣла на него, не понимая, что этимъ онъ хочетъ сказать.

— За чаемъ разскажу тебѣ.

Проводивъ его до самой передней, она осталась смотрѣть ему вслѣдъ сквозь стеклянную дверь, пока онъ не исчезъ вдали, въ темной ночи.

Вернувшись въ будуаръ, она начала опять разсматривать мозаику.

Но входная дверь громко хлопнула, и опять вошелъ Гравинскій.

— Я забылъ тебѣ сказать, что мой университетскій товарищъ, съ которымъ ты познакомилась въ прошломъ году въ Швейцаріи — Гросманъ, сгорѣлъ сегодня ночью.

— Какъ?

— Да такъ. Сгорѣла вся фабрика, ничего не отстояли.

— Бѣдный! — сочувственно воскликнула она.

— Не за что его жалѣть, такъ какъ именно этотъ пожаръ поставилъ его на ноги.

— Ничего не понимаю.

— У него плохо пошли дѣла, онъ заколебался, какъ у насъ говорятъ, и, чтобы оправиться, устроилъ по-

жаръ фабрики и складовъ, которые были застрахованы на большую сумму въ нѣсколькихъ обществахъ. Онъ получитъ страховую премію, вчетверо покрывающую всѣ его потери, и теперь будетъ только посмѣиваться.

— Умышленный поджогъ!? Но вѣдь это преступленіе! — воскликнула Нина, возмущаясь

— Такъ называетъ это законъ и соотвѣтственно этому караетъ, но на обыкновенномъ языкѣ это называется хорошимъ дѣломъ, — проговорилъ онъ быстро съ безпокойнымъ и лихорадочнымъ выраженіемъ лица, не глядя ей въ глаза.

— И это сдѣлалъ человѣкъ, казавшійся мнѣ такимъ всегда необыкновенно благороднымъ, я прямо не могу этому повѣрить. Я помню, въ его разговорахъ было всегда такъ много этики и правдивости!

— Что ты хочешь! когда разореніе заглянуло ему въ глаза, онъ оставилъ въ покоѣ этику, — отложилъ ее на другое время. Безъ этики можно жить, а безъ денегъ — нѣтъ, — твердо проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, никогда, лучше умереть, — воскликнула она страстно, и все ея существо возстало при одной мысли совершить преступленіе. — Хорошо, что ты такъ не думаешь, что никогда, никогда не сдѣлаешь ничего дурного! Знаешь, если бы я не любила тебя, то и такъ должна была бы преклоняться передъ тобой за твою доброту и благородство.

Казимиръ ничего не отвѣтилъ, поцѣловалъ только ея разгорѣвшіеся отъ волненія глаза и пурпуровыя полныя губы, только что возмущавшіяся и осуждавшія безнравственныхъ людей, людей безъ этики, осуждавшія зло и грязь жизни. Онъ поцѣловалъ ее такъ страстно,

словно хотѣлъ своими поцѣлуями скрыть собственное глубокое униженіе, какое онъ почувствовалъ послѣ ея словъ, словно хотѣлъ заглушить ими какую-то мысль, промелькнувшую у него въ мозгу и поразившую его.

Онъ сейчасъ же вышелъ и пошелъ прямо на фабрику Баума, которая стояла напротивъ, по другую сторону улицы, въ глубинѣ большого сада.

Въ конторѣ онъ засталъ только Макса, сидѣвшаго безъ сюртука за пюпитромъ.

— Отецъ на фабрикѣ, я могу его позвать.

— Я пройду самъ, — ни разу еще не видѣлъ вашей фабрики.

— Нечего и смотрѣть, — прошепталъ онъ пренебрежительно, сѣлъ и снова принялся работать.

Коридоръ со стеклянными стѣнами велъ изъ конторы въ фабричный павильонъ.

Тишина и мракъ наполняли большой дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ двухэтажными зданіями. Сквозь ряды оконъ слабо мерцалъ свѣтъ, а нѣкоторые этажи были совсѣмъ не освѣщены, только внизу, у входныхъ дверей, грустно коптилъ керосиновый фонарь, освѣщая красныя, ослизлыя, сырыя стѣны.

Сухой стукъ ручныхъ станковъ раздавался монотонно, разливался по мрачнымъ коридорамъ, засореннымъ отбросами шерсти и остатками старыхъ станковъ, усиливавшихъ впечатлѣніе тоски и скуки.

На лѣстницахъ и коридорахъ было пусто, только временами раздавался стукъ деревянныхъ подошвъ, виднѣлся въ темнотѣ какой-нибудь рабочій и тихо исчезалъ въ большихъ залахъ, расположенныхъ въ кон-

цѣ коридора; только сухой трескъ станковъ и эхо шаговъ нарушали эту сонную тишину.

Въ фабричныхъ залахъ было такъ же пусто, темно и сонно.

Это были большіе прямоугольники, подпертые посрединѣ рядомъ желѣзныхъ столбовъ и заставленные ручными ткацкими станками Жаккарда, которые были размѣщены въ два ряда передъ часто расположенными окнами. Половина станковъ стояла въ бездѣйствіи, они были затянуты, словно сѣдымъ мохомъ, хлопчато-бумажною пылью.

Нѣсколько лампочекъ, размѣщенныхъ на столбахъ, освѣщали средній проходъ и работницъ, наматывавшихъ на ручныхъ мотовилахъ пряжу на катушки.

Мотовила сонно жужжали, и сонно склонялись надъ ними работницы, и такъ же сонно трещало нѣсколько работавшихъ станковъ, которые въ желтоватомъ слабомъ свѣтѣ горѣвшихъ надъ ними лампочекъ казались огромными коконами, фантастически оплетенными тысячами разноцвѣтныхъ волоконъ пряжи, расходившихся по разнымъ направленіямъ; въ серединѣ этихъ коконовъ, словно шелковичные черви, копошились рабочіе, вытыкая образцовый матеріалъ. Они автоматически склонялись, прибивая одной рукой бердь, а другой горизонтальнымъ движеніемъ потягивая сверху шнурокъ и перебирая въ то же время ногами педали. Челноки со свистомъ пролетали сквозь ряды пряжи словно желтые длинные жуки и возвращались тѣмъ же путемъ со скучнымъ однообразіемъ.

Рабочіе были стары. Погасшими глазами они апа-

тично поглядывали на проходившаго Травинскаго и продолжали ткать такъ же сонно и автоматически.

Травинскій съ чувствомъ сожалѣнія прошелъ черезъ эту полуживую залу; съ грустью смотрѣлъ онъ на агонію ручной промышленности, которая съ безумнымъ упорствомъ хотѣла бороться съ чудовищами, огромныя тѣла которыхъ, содрогавшіяся отъ энергіи гудѣвшей неисчерпаемой силой, — видны были изъ оконъ залы.

Онъ спросилъ о Баумѣ; движеніемъ руки или головы, не отрываясь отъ работы, ему показывали дорогу, не повышая даже голоса, когда приходилось отвѣчать, всѣ двигались сонно, всѣ казались полумертвыми, равнодушными и печальными, какъ тѣ залы — не освѣщенныя, тихія, умирающія, чрезъ которыя проходилъ Травинскій, натыкаясь въ темнотѣ на столбы, на не работавшіе станки и людей.

Онъ прошелъ два павильона, и вездѣ было такъ же пусто, скучно и сонно.

Травинскій, вспоминая свое собственное положеніе, чувствовалъ все большую грусть и пересталъ почти совсѣмъ вѣрить въ возможность помощи Баума; онъ шелъ съ такимъ чувствомъ, какъ-будто идетъ къ умирающему, — на этой фабрикѣ работало когда-то пятьсотъ человѣкъ, а теперь только сто, и она ему казалась больнымъ, умирающимъ организмомъ, которому даже большія деревья, шумѣвшія за окнами, казалось, пѣли гимнъ смерти.

Стараго Баума онъ нашелъ въ третьемъ павильонѣ, выходившемъ на улицу.

Онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ передъ кон-

торкой, заваленной кучей образчиковъ товаровъ, нарѣзанныхъ длинными лоскутами.

Они молча поздоровались.

Старикъ крѣпко пожалъ ему руку и пододвинулъ кресло.

— Давно я васъ не видалъ, — началъ Баумъ.

Травинскій объяснилъ, что былъ заваленъ дѣлами и хлопотами, говорилъ долго, но не рѣшался приступить къ цѣли своего посѣщенія, — его удерживало печальное состояніе фабрики и грусть на лицѣ фабриканта, который невольно поворачивалъ свои безцвѣтные глаза къ окну, съ отчетливо виднѣвшейся сквозь него фабрикой Мюллера, блиставшей всѣми окнами.

Старикъ отвѣчалъ коротко и ожидалъ объясненія причины его визита.

Травинскій это почувствовалъ и прервалъ себя на какомъ-то разсказѣ, коротко сказавъ:

— Я пришелъ къ вамъ съ просьбой, — проговорилъ онъ, облегченно вздыхая.

— Пожалуйста, говорите... я слушаю...

Травинскій быстро разсказалъ ему все свое положеніе, но о помощи не рѣшался просить, увидѣвъ сурово сжатыя брови и какое-то недоброе выраженіе глазъ.

— Мы всѣ ѣдемъ на одномъ возу, они насъ ѣдятъ! — проговорилъ онъ медленно, указывая сквозь окно на большія фабрики. — Чѣмъ могу я вамъ помочь? — прибавилъ онъ.

— Дать взаймы и поручительство по векселямъ.

— Сколько?

— Необходимо крайне десять тысячъ, безъ нихъ я

долженъ погибнуть, — сказалъ онъ тихо, какъ бы боясь громкимъ звукомъ прогнать участіе, какое онъ замѣтилъ въ глазахъ Баума.

— Наличныхъ у меня нѣтъ, но что могу, сдѣлаю для васъ. Дайте мнѣ векселей на эту сумму, а я покрою на такую же сумму вашихъ обязательствъ.

Травинскій сорвался съ кресла и съ восторгомъ началъ его благодарить.

— Не за что, панъ Травинскій, я тутъ даже не рискую, такъ какъ знаю хорошо васъ и ваши дѣла. Вотъ вамъ бланкъ, сдѣлаемъ все сейчасъ.

Травинскій былъ ошеломленъ; эта почти неожиданная помощь вывела его изъ равновѣсія. Онъ лихорадочно заполнилъ вексельный бланкъ, поминутно поднималъ голову и смотрѣлъ на Баума, который ходилъ по конторѣ и глядѣлъ на Лодзь какимъ-то тупымъ, суровымъ взглядомъ.

У него передъ глазами была цѣлая часть города; дома, фабрики, магазины десятками тысячъ оконъ смотрѣли въ ночь; за окнами двигались тѣни людей и машинъ; электрическіе фонари повисли въ темномъ, мглистомъ воздухѣ, сотни трубъ маячились въ темнотѣ, неустанно выбрасывая полосы бѣлыхъ дымовъ, которые, словно облака, заслоняли свѣтъ и контуры фабрикъ.

Баумъ, глядя на городъ, прохаживался по комнатѣ со склоненнымъ на грудь костлявымъ лицомъ. Онъ былъ такъ же высокъ, какъ и сынъ, только болѣе худощавъ и оживленнѣе въ движеніяхъ. Онъ не любилъ много говорить и, обыкновенно, самыя важныя дѣла кончалъ въ нѣсколькихъ словахъ. Спокойный, даже

тихій, уступчивый съ женой и дѣтьми до слабости, онъ имѣлъ свои взгляды, въ которыхъ былъ непоколебимъ; его неисчерпаемая благотворительность была всѣмъ извѣстна въ Лодзи, такъ же какъ и скупость, доходившая до странности, въ домашней жизни.

— Какой срокъ вы хотите?

— Какой для васъ удобнѣе, — отвѣтилъ старикъ, открывая дверь въ сосѣднюю залу, гдѣ работали всѣ станки.

Затворивъ дверь, онъ засунулъ руки въ карманы стараго подбитаго плисомъ кафтана и опять началъ смотрѣть на городъ.

Зазвонилъ телефонъ; это было единственное современное нововведеніе на его фабрикѣ.

— Это къ вамъ. Васъ зоветъ панъ Боровецкій, — сказалъ Баумъ.

Травинскій, удивленный, сталъ слушать.

— Дорогой мой, отъ твоей жены я узналъ, гдѣ ты. Видишь ли, я разсчиталъ, что могу дать тебѣ пять тысячъ рублей, но только на два мѣсяца. Итакъ, если хочешь?... — говорилъ Боровецкій.

— Соглашаюсь съ радостью! — воскликнулъ горячо Травинскій, — откуда ты телефонируешь?

— Изъ твоего кабинета, подъ охраной твоей жены, — прозвучалъ отвѣтъ.

— Подожди меня, я сейчасъ приду.

— Жду.

— Это Боровецкій хочетъ со мной видѣться вы его знаете?

— Только по виду, вѣдь я не бываю въ большомъ лодзинскомъ свѣтѣ, у этихъ разныхъ Бухгольцевъ,

Мендельсоновъ, Зальцмановъ, Мейеровъ и другихъ червей. Знаю ихъ всѣхъ по виду, этихъ молодыхъ, а стариковъ встрѣчалъ у Михля, гдѣ мы иногда сходимся; знакомы мы были когда-то, правда, ближе, но это было давно; въ Лодзи тогда была еще честность и не было милліонеровъ. Это были времена, о которыхъ вы, молодые, не имѣете понятія. У меня со старикомъ Гейеромъ была лучшая фирма. Пара, машинъ, электричества, векселей, дешовки, мошенничествъ, умышленныхъ пожаровъ никто даже не зналъ и по слухамъ.

— Но, все же, то, что теперь, должно было наступить.

— Знаю, что должно. Старый порядокъ всегда долженъ уступить мѣсто новому, впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить, — махнулъ онъ рукой и началъ просматривать векселя.

Безсильная злоба съ такой мощью захватила его сердце, что онъ не могъ говорить; молчалъ онъ довольно долго, подписывая векселя.

— Вы спѣшите?

— Да; еще разъ отъ всей души благодарю васъ за помощь.

— Не за что! Мнѣ жаль только одного, что вы не жили въ Лодзи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: вы тогда должны были имѣть фабрику. Вы не подходите къ современной Лодзи, здѣсь честнымъ фабрикантамъ дѣлать нечего, панъ Травинскій.

Онъ ничего не отвѣтилъ ему на это, спѣша домой. Они условились только по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ о векселяхъ и разошлись.

Сейчасъ же послышались раздирающіе воздухъ гуд-

ки, обозначавшіе конецъ работы; фабрики начали погасать одна за другой и пропадать въ темнотѣ ночи.

Баумъ по уходѣ рабочихъ пошелъ въ домъ, стоявшій въ саду, передъ фабричными павильонами, фасадомъ на улицу.

Онъ переодѣлся въ своей комнатѣ въ легкую блузу, одѣлъ вязаныя туфли, прикрылъ свои сѣдые, но еще густые волосы маленькой шапочкой, вышитой бѣлымъ бисеромъ, и пошелъ въ столовую, въ которой уже накрывали столъ къ ужину.

Максъ сидѣлъ у стола и помогалъ племянницамъ, висѣвшимъ у него на шеѣ, складывать домики изъ деревянныхъ квадратиковъ.

Дѣвочки, не переставая, смѣялись и, какъ птички, весело щебетали.

Бабушка сидѣла въ глубокомъ креслѣ и вязала чулокъ. Ей уже было лѣтъ шестьдесятъ — бѣлое болѣзненное лицо, блѣдныя губы и блестящіе галза; серебряные очки украшали ея длинный носъ; у нея былъ нѣжный голосъ и такая же улыбка; сѣдые волосы гладко начесаны на низкій выпуклый лобъ; въ карманѣ синяго фартука лежалъ клубокъ нитокъ, изъ которыхъ она вязала чулокъ; она считала поминутно петли, блестѣла спицами и улыбалась всѣмъ — сыну, внукамъ, дочери, читавшей книгу, фрау Августѣ, кузинѣ неопредѣленныхъ лѣтъ, занимавшейся всѣмъ ихъ хозяйствомъ, двумъ шкапамъ, стоявшимъ около нея, собакѣ, старой этажеркѣ, наполненной фарфоровыми собачками, фигурками и тарелочками, двумъ бурымъ котамъ фрау Августы, которые ходили за ней и, мурлыча, терлись спинами о платье. Она улыбалась всегда

и всему, на ея блѣдныхъ губахъ была постоянная улыбка, похожая на улыбку мертвеца.

Тихое спокойствіе мѣщанскаго дома наполняло все. Всѣ такъ сжились, что взглядами, безъ словъ, понимали другъ друга.

Старикъ свои заботы оставлялъ въ конторѣ, домой же всегда приходилъ со спокойнымъ, улыбающимся лицомъ, разсказывалъ женѣ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, иногда спорилъ съ Максомъ, подсмѣивался регулярно каждый вечеръ въ продолженіе двадцати лѣтъ надъ фрау Августой, игралъ съ внучками, которыхъ всегда было достаточно, такъ какъ всѣ его четыре дочери давно уже были замужемъ, читалъ постоянно «Kœlnische Zeitung» и одну изъ польскихъ газетъ. Каждый вечеръ неизмѣнно онъ слушалъ какой-нибудь сантиментальный романъ изъ разныхъ «Familien-Blatt'овъ», которые любили его жена и дочери, и такъ проходилъ вечеръ.

И сегодня вечеромъ было все то же самое; онъ сѣлъ за столъ и началъ звать внука, сидѣвшаго на большой лошади возлѣ печи.

— Ясь, иди къ дѣдушкѣ, иди!

— Сейчасъ пріѣду, — отвѣчалъ мальчикъ, погоняя лошадь кнутомъ и ударяя ее въ бока пятками, но такъ какъ лошадь не двигалась, онъ слѣзалъ съ нея, гладилъ ее по головѣ, похлопывалъ по груди и просилъ:

— Слушайся, слушайся Яся, Ясь долженъ ѣхать къ дѣдушкѣ, дѣдушка дастъ намъ конфетъ.

Онъ нѣжно просилъ его, сильно толкая его впередъ и молодецки вскакивая на сѣдло.

Такимъ способомъ онъ объѣхалъ всю комнату и добрался до дѣдушки.

— Прррръ! Германъ, лошадь въ конюшню, — кричалъ онъ, но дѣдушка снялъ его съ лошади и посадилъ къ себѣ на колѣни.

Мальчикъ началъ кричать и рваться къ лошади, которую дѣвочки сейчасъ же предательски утащили за рыжій хвостъ на другую сторону стола къ Максу, около котораго чувствовали себя въ большей безопасности отъ кнута брата.

— Ясь, а это что? — спросилъ Баумъ, вынимая изъ кармана дѣтскую трубу и поднимая ее надъ головой.

— Тлуба! Дѣдушка, дай Ясю тлубу, — просилъ онъ, протягивая ручки.

— Ты не хочешь сидѣть у дѣдушки, не любишь дѣдушку, такъ я тебѣ ее не дамъ, а отдамъ Вандѣ.

— Дай Ясю тлубу, дѣдушка, Яся дѣдушку любитъ, Ванда глупая, не любитъ дѣдушку. Дѣдушка, дай Ясю тлубу! — просилъ онъ со слезами, становясь на колѣни, но не доставъ, началъ взбираться ему на плечи, обнималъ его за шею, цѣловалъ лицо, горячо прося и не спуская голубыхъ разгорѣвшихся глазенокъ съ трубки.

Наконецъ дѣдушка отдалъ ему трубу.

Мальчикъ, даже не успѣвъ еще поблагодарить, соскочилъ на полъ и помчался отымать лошадь, причемъ надавалъ колотушекъ дѣвочкамъ, отвелъ ее къ печкѣ, покрылъ стянутымъ съ матери желтымъ шелковымъ платкомъ, потомъ началъ бѣгать по комнатѣ и трубить изо всѣхъ силъ.

Дѣвочки съ плачемъ подбѣжали къ колѣнамъ дѣдушки.

— Вандѣ дай, дѣдушка!

— Дай Янусѣ!

Онѣ просили со слезами въ голосѣ и начали карабкаться къ нему на колѣни.

Онъ освободился отъ нихъ и началъ убѣгать.

Дѣвочки, зная, что это означаетъ, погнались за нимъ изо всѣхъ силъ, громко крича. Дѣдушка заставлялъ себя креслами, прятался за шкапы, выскальзывалъ изъ ихъ рукъ, наконецъ, позволилъ себя поймать въ какомъ-то углу и, взявъ ихъ обѣихъ подъ мышку, принесъ къ столу, гдѣ позволилъ имъ обыскать себя и повытаскивать изъ кармановъ куклы, припасенныя для нихъ.

Онѣ столпились вокругъ маленькаго столика и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ и подробно осматривали куколъ, выхватывая ихъ другъ у друга.

Старики искренно забавлялись, только Берта, заткнувъ уши, погрузилась въ книжку, а Максъ громко свистѣлъ, чтобы не слушать дикаго шума. Кромѣ того, онъ сердился на отца, чувствуя по его разговору, что онъ снова далъ кому-нибудь взаймы или поручился за кого-нибудь, такъ какъ всегда, когда это случалось, старикъ приносилъ дѣтямъ или внукамъ, какъ теперь, игрушки, избѣгалъ Макса, становился очень нѣжнымъ и сердечнымъ со всѣми, принималъ горячее участіе въ разговорахъ; такимъ способомъ онъ избѣгалъ разспросовъ сына.

То же было и сегодня.

Во время ужина онъ говорилъ, не умолкая, разсадилъ самъ дѣтей, заботливо за ними смотрѣлъ, все время шутилъ съ фрау Августой, которая всегда отвѣчала одно и то же.

— Ja, ja, herr Baum, — безсмысленно улыбалась она, показывая длинные, желтые и кривые зубы.

— Гдѣ панъ Юзефъ? Вы спрятали его себѣ на съѣденіе.

— Панъ Юзефъ сейчасъ придетъ, — и прежде чѣмъ успѣла она прижать къ своей широкой груди своихъ неотступныхъ котовъ, вошелъ Юзефъ Яскульскій.

Онъ занималъ мѣсто практиканта въ канторѣ и былъ страшно бѣденъ. Баумъ заботился о немъ уже около двухъ лѣтъ. Юзефу было лѣтъ восемнадцать. онъ былъ огромнаго роста, съ большими ногами, длинными руками, съ большой всегда растрепанной головой, круглымъ лицомъ, вѣчно потнымъ, въ довершеніе всего очень застѣнчивъ, неловокъ, — всегда задѣвалъ за всѣ двери и мебель.

Теперь онъ вошелъ довольно смѣло, но, почувствовавъ на себѣ взгляды всѣхъ, запутался при поклонѣ въ половикѣ, ударился бокомъ объ уголъ буфета, толкнулъ стулъ Макса и красный, какъ буракъ, удрученный своею неловкостью, усѣлся ужинать.

Несмотря на свои восемнадцать лѣтъ и окончаніе ремесленной школы, онъ былъ наивенъ, какъ ребенокъ. Былъ послушенъ, уступчивъ, добръ, казалось, что глазами онъ проситъ прощенія у окружавшихъ его, что осмѣливается жить среди нихъ. Макса онъ очень боялся, такъ какъ тотъ надъ нимъ постоянно подсмѣивался, и теперь, видя, что у Юзефа все валится изъ рукъ, началъ смѣяться, говоря:

— Я долженъ васъ отнять у пани Августы и взять подъ свою опеку.

— Оставь его въ покоѣ, Максъ, онъ выйдетъ лучшимъ изъ-подъ нашей опеки.

— Вы дѣлаете изъ него олуха.

— А ты бы что изъ него сдѣлалъ?

— Человѣка, мужчину.

— Водилъ бы его по кабакамъ, кутежамъ и такъ далѣе. Фрицъ мнѣ не разъ съ отвращеніемъ разсказывалъ о вашей холостой жизни.

— Ха, ха, ха, знаешь, Берта, это довольно остроумно, — Фрицъ и отвращеніе къ веселой жизни! Это поразительно, ты мало знаешь своего мужа.

— Максъ, зачѣмъ разрушать ея мечты, — прошепталъ старикъ.

— Ты правъ, отецъ, но меня злитъ — что бы ни налгалъ ей этотъ болванъ, она сейчасъ же и вѣритъ всему, готова дать голову на отсѣченіе.

— Максъ, не забывай, что ты говоришь о моемъ мужѣ.

— Увы! мы съ отцомъ очень часто должны принимать во вниманіе, что Фрицъ твой мужъ, что онъ принадлежитъ къ нашему дому, иначе...

— Что же? — воскликнула она со слезами на глазахъ, готовая защищать своего мужа.

— Мы вышвырнули бы его за дверь, — проворчалъ сердито Максъ. — Ты хотѣла, чтобы я сказалъ тебѣ это, теперь можешь плакать сколько угодно, только помни, что ты послѣ слезъ очень плохо выглядишь, глаза у тебя распухаютъ, и носъ краснѣетъ.

Берта на самомъ дѣлѣ громко расплакалась и вышла изъ комнаты.

Мать начала кротко упрекать его за грубость.

— Оставь, мама, меня въ покоѣ, я знаю, что дѣлаю. Фрицъ — настоящее животное, онъ не заботится о фабрикѣ, только пьянствуетъ, а передъ Бертой разыгрываетъ роль несчастнаго, которому не везетъ, который заработался для жены и дѣтей, тогда какъ весь ихъ домъ съ перваго дня свадьбы содержитъ отецъ на свой счетъ.

— Тише, Максъ, зачѣмъ все это выворачивать!

— Затѣмъ, что этому надо положить конецъ; это обыкновенное уголовное мошенничество, такое вѣчное вымоганіе у отца. Мы всѣ работаемъ только для того, чтобы наши зятья могли веселиться...

Онъ замолчалъ, такъ какъ въ передней послышался звонокъ; Максъ пошелъ отворить дверь и вскорѣ вернулся вмѣстѣ съ Боровецкимъ.

Баумъ былъ немного взволнованъ и молчаливъ, но старуха встрѣтила его очень сердечно и сейчасъ же представила Бертѣ, которая пришла, услышавъ звонокъ, и съ любопытствомъ поглядывала на пришедшаго въ первый разъ лодзинскаго донъ-жуана, о которомъ такъ много говорили въ городѣ.

Его любезно стали приглашать къ чаю, но онъ отказался.

— Я ужиналъ у Травинскихъ, по дорогѣ зашелъ къ Максу на одну минуту по дѣлу и долженъ сейчасъ снова пойти, — объяснялъ онъ, но долженъ былъ сѣсть за столъ такъ какъ фрау Августа, съ самой милѣйшей улыбкой, подала ему чай, Берта, голосомъ, въ которомъ звучали слезы, просила его выпить чаю, а старуха съ улыбкой пододвигала какое-то печенье.

Онъ согласился на все и будучи въ прекрасномъ

настроенiи, скоро завладѣлъ всеобщимъ вниманiемъ; разговаривалъ со старухой о внучкахъ, восхищался передъ Бертой красотой ея дѣтей, которыхъ ему представили, цѣлыя пять минутъ восхвалялъ послѣднюю новеллу Гауса, которую увидѣлъ на столѣ, завладѣлъ сердцемъ фрау Августы, поигравъ съ ея любимцами, которые, мурлыча, влѣзли къ нему на плечи и терлись о лицо; это такъ его раздражало, что у него появилось желанiе схватить одного изъ нихъ за хвостъ и ударить о печку; не забылъ онъ даже и Юзя. Онъ былъ такъ милъ, привѣтливъ, элегантенъ, что въ двадцать минутъ всѣ уже были очарованы; даже старикъ, хорошо знавшiй его и не очень долюбливавшiй, принялъ участiе въ разговорѣ.

Фрау Августа такъ была имъ увлечена, что подавала ему чай стаканъ за стаканомъ, каждый разъ вынимала изъ буфета все новыя печенья и каждый разъ при улыбкѣ показывала новые зубы. Только Максъ молчалъ, глядя со злобной усмѣшкой на всю эту сцену. Наконецъ, соскучившись и видя, что и Карлу всего этого довольно, всталъ и провелъ его въ дальнiя комнаты.

Вокругъ стола наступила тишина.

Дѣти сидѣли возлѣ дѣдушки и разсматривали игрушки. Юзя началъ читать вслухъ, какъ дѣлалъ это каждый вечеръ. Старуха вязала чулокъ. Берта слушала, поминутно, поглядывая по направленiю той комнаты, гдѣ были Максъ съ Карломъ, виднѣвшiеся въ открытую дверь. Фрау Августа тихо сбирала со стола, ласкaя своихъ кошекъ; временами она останавливалась и поднимала кверху свои маленькiе черные

глаза, которые плавали на ея лицѣ, какъ зерна перца на сковородкѣ съ поджареннымъ масломъ, и глубоко вздыхала.

— Дѣдушка, у куклы нога не болитъ? — спрашивали дѣвочки, разрывая при этихъ вопросахъ куклу.

— Нѣтъ, не болитъ, — отвѣчалъ дѣдушка, лаская свѣтлыя, кудрявыя головки.

— Дѣдушка, что тлубитъ въ этой тлубѣ, — спрашивалъ по временамъ мальчуганъ и, не получая отвѣта, съ большой ловкостью и удовольствіемъ вертѣлъ палочкой въ трубѣ.

— Дѣдушка, у куклы не болитъ головка? — спрашивали дѣвочки, разбивая куклу объ полъ.

— Кукла не живая. Ванда глупенькая.

Дѣти умолкли, только въ комнатѣ раздавался голосъ Юзи, прерываемый вздохами фрау Августы и восклицаніями Берты, которая расчувствовалась, слушая повѣсть, начала тихо плакать и протяжно вздыхать.

— Удивительно милая атмосфера здѣсь, хорошо у васъ, — прошепталъ Карлъ.

Онъ вытянулся въ креслѣ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на семью, всю сидѣвшую въ столовой.

— Одинъ разъ въ году это можетъ понравиться, но не чаще.

— И это много, имѣть одинъ такой день въ году, когда можешь забыть о дѣлахъ всего свѣта, о всѣхъ заботахъ жизни и чувствовать себя окруженнымъ счастливой семьей.

— Вотъ женишься, будешь въ состояніи пользоваться этимъ счастьемъ до отвращенія.

— Знаешь, я поѣду на нѣсколько дней въ деревню, домой.

— Къ невѣстѣ?

— Въ сущности, да, — такъ какъ Анка живетъ у моего отца.

— Я хотѣлъ бы съ ней познакомиться.

— Какъ-нибудь я завезу тебя часа на два.

— Почему на два?

— Потому что тамъ дольше не выдержишь, — умрешь со скуки. Ахъ, какъ тамъ скучно, сѣро, пусто, ты даже не можешь понять. Если бы не Анка, то я и двухъ часовъ не выдержалъ бы подъ кровлею моихъ предковъ.

— А отецъ?

— Отецъ мой — это мумифицированное шляхетство временъ демократіи; онъ заядлый демократъ, но съ шляхетскимъ оттѣнкомъ, какъ, впрочемъ, и вся наша демократія. Очень любопытный типъ, — онъ замолкъ и иронически улыбался, но въ глазахъ его влажно блистало выраженіе нѣжности, такъ какъ онъ любилъ отца всей душой.

— Когда поѣдешь?

— Какъ только пріѣдетъ Морицъ или вернется Кноллъ, — ему сегодня телеграфировали. Бухгольцъ очень боленъ, повторилась старая болѣзнь сердца; при мнѣ у него былъ такой страшный припадокъ, что его едва отходили, это, впрочемъ, не помѣшало ему, придя въ сознаніе, такъ разбранить меня, что мнѣ пришлось отказаться отъ мѣста.

— Ты такъ спокойно говоришь объ этомъ? — воскликнулъ Максъ, видя, что Карлъ поднялся и сталъ

разсматривать гарусныя красно-желтыя подставки, на которыхъ стояли подсвѣчники и лампы.

— Раньше или позже я долженъ былъ это сдѣлать. Я воспользовался только прекраснымъ случаемъ, тѣмъ болѣе, что мой контрактъ кончался лишь въ октябрѣ.

— Такъ что ты имѣлъ возможность на грубость отвѣтить возмущеніемъ съ отставкой въ придачу?

Карлъ началъ смѣяться, прохаживаясь по комнатѣ и разглядывая ряды пастелевыхъ портретовъ, висѣвшихъ по стѣнамъ.

— Вся мудрость жизни основывается собственно на томъ, чтобы во-время возмущаться, смѣяться, развлекаться, сердиться, работать, ба!.. и во-время устраниться отъ дѣлъ. Чьи это портреты?

— Это нашъ фамильный звѣринецъ. Я понимаю цѣну того, что ты говоришь, но самъ никогда не могъ уловить такіе моменты, никогда не умѣлъ приноравливаться къ обстоятельствамъ, всегда терплю пораженія.

«Судъ безъ милосердія чините надъ тѣми, кто не былъ милосердъ».

Громко прочелъ Карлъ библейское изреченіе, вышитое краснымъ шелкомъ на канвѣ, вставленной въ дубовую раму и висѣвшей межъ оконъ.

— Ахъ, ты читаешь святыя протестантскія надписи. По старому нѣмецкому обычаю это вышито и повѣшено.

— А знаешь, мнѣ это нравится, эти библейскія изреченія даютъ оригинальное настроеніе дому.

— Ты правъ. У насъ былъ Травинскій.

— Знаю, такъ какъ отъ него пришелъ, твой старикъ помогъ ему.

— Я догадывался объ этомъ, — онъ со мной не го-

ворилъ и избѣгалъ смотрѣть на меня. Не знаешь на сколько?

— Десять тысячъ.

— Чортъ возьми! Все эта нѣмецкая сантиментальность... — выругался онъ тихо.

— Деньги вѣрныя, — успокаивалъ его Карлъ, разсматривая плюшевую мебель, покрытую гипюровыми чехлами.

— Я знаю, вѣдь этотъ идіотъ Травинскій не смогъ бы нечестно и десяти грошей добыть. Но дѣло въ томъ, что старикъ помогаетъ всѣмъ, въ кого только вѣритъ, и всѣ, конечно, его обманываютъ. Фабрика едва дышитъ, готовымъ товаромъ завалены всѣ склады, нѣтъ мѣста для новыхъ. Сезонъ неизвѣстно какъ пойдетъ, а онъ забавляется въ дружескую филантропію, спасаетъ другихъ.

— Правда, онъ спасъ Травинскаго.

— Но губитъ себя и меня.

— Утѣшься тѣмъ, что отецъ твой честнѣйшій человѣкъ въ Лодзи.

— Не иронизируй. Я бы хотѣлъ, чтобы онъ былъ немного умнѣе.

— Ты начинаешь говорить, какъ Вельтъ.

— Ты думаешь лучше?

— Я думаю иначе. Лучше или хуже, честнѣе или нѣтъ, — все это одна діалектика и больше ничего.

— Какъ тебѣ понравилась эта легендарная Травинская?

— Ко́ротко по Сенкевичу: сказочна!

— Преувеличиваещь, откуда бы Травинскому взять такую...

— Ничего не преувеличиваю, добавлю еще, что прелестна и умна; а откуда у Травинскаго можетъ быть такая жена, то не забывай, Максъ, что Травинскій красивъ и очень образованный человѣкъ. Не смотри на него, какъ на фабриканта, которому ни въ чемъ не везетъ, а просто какъ на человѣка. Какъ человѣкъ онъ исключительный, утонченный, изъ старинной культурной семьи. Онъ мнѣ разсказывалъ, что отецъ его, очень богатый волынскій помѣщикъ, заставилъ его открыть фабрику. Старикъ увлекся крупною промышленностью, и ему кажется народнымъ долгомъ, чтобы шляхта шла работать вмѣстѣ съ презрѣнной націей для поднятія этой промышленности. Онъ видитъ въ этой работѣ даже возрожденіе шляхты.

Травинскій такъ же къ этому годится, какъ ты, напримѣръ, къ мазуркѣ; онъ послушался и постепенно топитъ въ своей прядильнѣ отцовскіе капиталы, въ ней же исчезаютъ лѣса ихъ и земли. Самъ онъ видитъ и чувствуетъ хорошо, что наша лодзинская обѣтованная земля должна стать для него землею проклятья, но несмотря на это упорно борется съ невезеньемъ и неудачами. Онъ заупрямился и хочетъ преодолѣть.

— Иногда такое упорство хорошо кончается. Она знаетъ о его положеніи?

— Вѣроятно нѣтъ, — онъ принадлежитъ къ тому сорту людей, которые готовы умереть, но не подвергнуть дорогихъ имъ людей ни непріятностямъ, ни какой-либо заботѣ.

— Значитъ, онъ любитъ свою сказочную жену?

— Здѣсь больше, чѣмъ любовь, — я достаточно ясно

читалъ въ ихъ глазахъ, что они боготворятъ другъ друга.

— Почему она нигдѣ не показывается?

— Не знаю. Не имѣешь понятія, сколько очарованія у этой женщины въ разговорѣ, въ движеніяхъ, съ какимъ чудесно-мягкимъ движеніемъ поднимаетъ она голову...

— Ты такъ горячо говоришь о ней...

— Глупо и напрасно улыбаться — не къ чему, — я въ нее не влюбился и не могъ бы даже любить. Она мнѣ нравится только какъ типъ прелестной женщины съ очень одухотвореннымъ лицомъ, но это не мой типъ, хотя передъ ней всѣ наши лодзинскія красавицы — обыкновенный ситецъ передъ чистымъ шелкомъ.

— Перекрась ее въ свой цвѣтъ.

— Оставь въ покоѣ свои красильныя остроты.

— Уже идешь? такъ пойдемъ вмѣстѣ.

— Но... у меня есть еще дѣло въ городѣ.

— Я тебѣ помѣшаю?..

— Отлично понялъ. Куровскій тебѣ кланяется, будетъ въ субботу и звалъ на обычный ужинъ, и между прочимъ спрашиваетъ въ письмѣ, не похудѣлъ ли толстый пруссакъ, то-есть ты, и не потолстѣлъ ли тонкій жидъ, это относится къ Морицу.

— Онъ всегда занимается остротами. Бухгольцъ принялъ его химическіе вещества?

— Почти мѣсяцъ, какъ мы ихъ употребляемъ.

— Онъ хорошо устроится, — я слышалъ, что Кеслеръ и Эндельманъ тоже договорились съ нимъ.

— Да, онъ писалъ мнѣ. Онъ на вѣрной дорогѣ къ богатству и уже начинаетъ создавать его.

— Пускай создаетъ, оно и у насъ будетъ.

— Ты вѣришь въ это, Максъ?

— Почему не вѣрить, я убѣжденъ, что богатство у насъ будетъ, его надо только сдѣлать.

— О, ты правъ, мы создадимъ его. Если ты застанешь дома Горна, онъ хотѣлъ притти ко мнѣ, то скажи ему, чтобы непремѣнно подождалъ, — буду часа черезъ два.

Они поговорили еще о телеграммѣ Морица, и Карлъ, со всѣми попрощавшись, вышелъ вмѣстѣ съ Юзей, который, попрощавшись сейчасъ же передъ домомъ, исчезъ въ темныхъ улицахъ.

X.

Юзя пошелъ провѣдать своихъ родныхъ; постоянно же онъ жилъ у Баума.

Яскульскіе жили далеко за старымъ костеломъ, на какой-то улицѣ безъ названія, которая задней стороной соприкасалась со знаменитой городской рѣчкой, служившей стокомъ для всѣхъ отбросовъ фабрикъ.

Улица походила на мусорную яму, полную нечистотъ большого города.

Юзя быстро миновалъ ее и вошелъ въ нештукатуренный домъ, который свѣтился всѣми своими окнами, словно фонарь, отъ подваловъ до крыши, и гдѣ гудѣлъ цѣлый рой людей.

Въ темныхъ сѣняхъ, наполненныхъ ужаснымъ запахомъ и занесенныхъ грязью, онъ нащупалъ грязныя до липкости перила и быстро сошелъ въ подвалъ; длинный коридоръ, безъ пола, заброшанный мусоромъ и

разными хозяйственными предметами, тоже полный грязи, шума и вони, освѣщался маленькой лампочкой, качавшейся надъ потолкомъ.

Пробравшись между разбросанными на дорогѣ препятствіями, онъ добрался до конца коридора.

На него хлынулъ горячій погребной воздухъ, насыщенный гнилостью и сыростью, стекавшей рыжими потоками по выбѣленнымъ стѣнамъ.

Группа дѣтей бросилась здороваться съ нимъ.

— Я думала, что сегодня ты уже не придешь, — прошептала высокая, худая, сгорбленная женщина, съ зеленоватымъ худымъ лицомъ и большими черными глазами.

— Я запоздалъ, мамочка, такъ какъ у насъ панъ Боровецкій, директоръ Бухгольца, и я не рѣшался раньше уйти. Отецъ еще не приходилъ?

— Нѣтъ, — глухо отвѣтила она и пошла наливать чай къ печкѣ, отгороженной кускомъ матеріи, висѣвшей на прутѣ.

Юзя пошелъ за ней за занавѣску и положилъ тамъ принесенную съ собой провизію.

— Сегодня взялъ у старика деньги за недѣлю, можетъ быть, ты спрячешь, мама.

Онъ выложилъ четыре рубля съ копейками, — всего же онъ получалъ еженедѣльно пять рублей.

— Ты ничего себѣ не оставляешь?

— Мамочка, мнѣ не надо. Жаль только, что я не могу заработать столько, сколько тебѣ нужно, мама, — говорилъ онъ просто; его застѣнчивость исчезла совершенно.

Онъ разрѣзалъ хлѣбъ на куски и хотѣлъ нести его въ комнату.

— Юзя, дорогой мой сынъ, мое любимое дитя, — прошептала мать со слезами въ голосѣ, которыя, какъ горохъ, посыпались по ея изможденнымъ щекамъ и падали на голову сына, которую она прижала къ груди.

Юноша поцѣловалъ ея руку и съ повеселѣвшимъ лицомъ пошелъ къ остальной семьѣ, сидѣвшей на полу подъ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ, выходившимъ на тротуаръ; дѣтей было четверо отъ двухъ лѣтъ до десяти, они играли очень тихо, такъ какъ старшій изъ нихъ, тринадцатилѣтній мальчикъ, лежалъ въ постели — въ чахоткѣ, кровать была немного отодвинута отъ стѣны, сочившейся сыростью.

— Антось! — Юзя склонился надъ подушкой къ блѣдному, зеленоватому лицу, которое изъ глубины цвѣтной постели смотрѣло стеклянными неподвижными глазами съ трагическимъ спокойствіемъ умиранія.

Больной не отвѣтилъ, пошевелилъ только губами и пристально смотрѣлъ на него сѣрыми, блестящими глазами, потомъ съ дѣтскою нѣжностью дотронулся исхудалыми пальцами до его лица, и блѣдная улыбка, подобная улыбкѣ увядающихъ цвѣтовъ, проскользнула по его синеватымъ губамъ и оживила мертвый взглядъ.

Юзя сѣлъ возлѣ него, поправилъ подушки, расчесалъ своимъ гребешкомъ растрепавшіеся, слипшіеся и мягкіе, какъ шелкъ, свѣтлые волосы и снова спросилъ:

— Антось, хорошо тебѣ сегодня?

— Хорошо, — прошепталъ онъ тихо, утвердительно моргая вѣками и улыбаясь.

— Скоро выздоровѣешь!

Онъ съ удовольствіемъ щелкнулъ пальцами. Своимъ сильнымъ, здоровымъ организмомъ онъ совершенно не чувствовалъ опасности въ болѣзни брата.

Антось медленно умиралъ отъ чахотки, развившейся послѣ сильной инфлюэнціи; болѣзнь поддерживалась нуждой, которая донимала семью въ продолженіе двухъ лѣтъ, со времени переселенія изъ деревни въ Лодзь; его добивало лицо матери, становившееся съ каждымъ днемъ все грустнѣе, а также и младшіе братья и сестры, которые дѣлались все тише, и этотъ вѣчный трескъ станковъ, работавшихъ безустанно, днемъ и ночью потрясавшихъ потолокъ надъ его головой; добивали его и эта сырость, стекавшая по стѣнамъ, крики и драки сосѣдей, часто поднимавшіеся въ сосѣднихъ подвалахъ и наверху; а больше всего его угнетало сознаніе нужды, увеличивавшейся съ каждымъ днемъ.

Мальчикъ былъ очень развитъ, несчастіе, постигшее ихъ, и эта продолжительная болѣзнь развили его еще больше. Кромѣ того у него былъ тихій и мечтательный характеръ. . .

— Юзя, еще не зазеленѣли поля? — спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, сегодня только пятнадцатое марта.

— Жаль, — и глаза его печально затуманились.

— Черезъ мѣсяцъ все будетъ въ зелени, ты будешь уже тогда здоровъ, мы соберемъ товарищей и пойдемъ на маевку.

— Пойдете только вы и мама, отецъ, Зоська, пойдетъ и Адамъ, всѣ пойдутъ, а я не пойду, нѣтъ, — говорилъ онъ, качая головой.

— Если всѣ, то значитъ и ты съ нами.

— Нѣтъ, Юзя, меня уже не будетъ съ вами, — проговорилъ онъ медленно, и грудь его начала подниматься отъ слезъ, которыя онъ хотѣлъ удержать, но не могъ, и онѣ полились, какъ крупный жемчугъ; онъ смотрѣлъ сквозь слезы въ какую-то ужасающую глубину, губы его начали дрожать, и чудовищный страхъ смерти такъ охватилъ его, что онъ вскочилъ, какъ бы собираясь бѣжать. — Юзя, я не хочу умирать, не хочу, Юзя! — шепталъ онъ, и страшная печаль разрывала его сердце.

Юзя охватилъ его руками и закрылъ собой, боясь, чтобы мать этого не замѣтила, и началъ его утѣшать.

— Ты не умрешь, докторъ вчера говорилъ мамѣ, что не позже мая ты будешь совершенно здоровъ. Не плачь, а то мама услышитъ, — шепнулъ онъ тише.

Антось немного успокоился, быстро вытеръ слезы и долго глядѣлъ на занавѣсь, за которой была его мать.

— Я когда выздоровлю, то поѣду на все лѣто къ дядѣ Казиміру, правда?

— Мама даже уже написала объ этомъ дядѣ.

— Въ апрѣлѣ уже будутъ въ болотахъ молодыя дикія утки. Знаешь, я вчера видѣлъ во снѣ, что ѣхалъ въ челнокѣ по нашему пруду, а ты и панъ Валицкій стрѣляли по уткамъ. На водѣ было такъ хорошо! Потомъ я остался одинъ и совершенно ясно слышалъ какъ на лугахъ отбивали косы. Хотѣлъ бы я увидѣть наши луга.

— Еще увидишь.

— Но вѣдь они уже не наши! Знаешь, отчего я тогда свалился съ Буланки и отецъ еще такъ побилъ

меня за это? Тогда я не хотѣлъ говорить, такъ какъ Мацеку досталось бы по башкѣ, но виноватъ былъ онъ, — такъ плохо затянулъ подпруги, что сѣдло перевернулось вмѣстѣ со мной и я слетѣлъ. А на отцовскомъ жеребцѣ я бы не побоялся поѣхать. Слушай, я одѣлъ бы ему трензелевыя поводья, покороче держалъ бы ихъ, чтобы онъ не могъ задирать голову и вставать на дыбы, и только легонько подгонялъ бы его хлыстомъ подъ брюхо, вѣдь пошелъ бы, а?..

— Онъ пошелъ бы, но его не сдержишь — онъ тугоуздый.

— Сдержалъ бы, Юзя! О, взялъ бы его вотъ такъ, — и онъ началъ показывать руками, какъ бы онъ взялъ его въ повода; сжалъ брови отъ этого усилія, чмокалъ губами и нагибалъ впередъ голову, словно поддаваясь движенію лошади.

Красныя пятна заалѣли у него на щекахъ.

— Юзя, и мы поѣдемъ! — кричали дѣти, столпившись возлѣ постели.

— Поѣдете, но въ экипажѣ, — сказалъ онъ серьезно.

— Въ экипажѣ, четверкой гнѣдыхъ, — щебетала дѣвочка, прижимаясь къ колѣнямъ Юзи свѣтлой, какъ лёнъ, головкой и глядя синими глазами, полными радости, на братьевъ.

— Гей! фью! — кричалъ толстый мальчуганъ, толкая передъ собой стулъ и стегая его кнутомъ, сдѣланнымъ изъ передника матери.

— Поѣдешь, Геля, всѣ поѣдутъ, — и Игнась, и Болесь, и Казя.

— Мама насъ одѣнетъ, и мы поѣдемъ въ костелъ, правда, Юзя?

— Юзя, а я знаю, что такое костелъ! Это тотъ домъ, куда мы такъ долго ѣхали, онъ за мельницей, и тамъ играетъ органъ — буумъ... бууумъ... а люди носятъ на палкахъ такіе платки съ картинками и такъ поютъ: А! а! а! а! — началъ онъ пѣть, подражая напѣву молитвъ, которыя слышалъ въ костелѣ; потомъ, взявъ изъ угла метлу, повѣсилъ на нее запятнанный кровью платокъ Антося и серьезно началъ ходить вокругъ стола.

— Подожди, Болесь, устроимъ костелъ, — сказала старшая дѣвочка, и сейчасъ же всѣ дѣти, покрывъ головы чѣмъ попало, вытащили изъ комода книжки.

— А я буду ксендзомъ, — закричалъ старшій изъ нихъ, девятилѣтній Игнась.

Онъ покрылся фартукомъ, надѣлъ на носъ очки матери, раскрылъ книгу и сталъ пѣть тоненькимъ голоскомъ:

— In saecula saeculorum... um...

— Amen!.. — хоромъ отвѣтили дѣти и продолжали пѣть, важно расхаживая вокругъ стола.

Они останавливались въ каждомъ углу, такъ какъ ксендзъ преклонялъ колѣна и благословлялъ ихъ; проходили дальше, спѣвъ нѣсколько словъ. Свои мотивы они брали изъ воспоминаній ранняго дѣтства въ деревнѣ.

Яскульская молча смотрѣла на нихъ.

Антось тоже подтягивалъ вполголоса; Юзя поглядывалъ на мать, она украдкой вытирала глаза и, опершись на столъ, вся ушла въ воспоминанія о недавнемъ прошломъ, которое такъ еще было живо въ ихъ сердцахъ.

Антось отдавался всей душой этимъ воспоминаніямъ.

Онъ переставъ пѣть, такъ какъ потерялъ чувство дѣйствительности, перенесясь душой въ любимую деревню, въ тоскѣ по которой онъ умиралъ, какъ растеніе, пересаженное въ плохую землю.

— Дѣти, чай пить! — позвала вскорѣ мать.

Антось сейчасъ же пришелъ въ себя, не зная, гдѣ онъ, и съ недоумѣніемъ оглядывая комнату, зеленыя отъ сырости стѣны, на которыхъ гнили въ почернѣвшихъ рамахъ портреты предковъ, спасенные отъ гибели послѣ страшнаго разоренія, и слезы заблестѣли у него на глазахъ. Онъ молча лежалъ и мертвымъ взглядомъ смотрѣлъ на сѣро-ржавыя капли сырости, блестѣвшія на стѣнѣ.

Юзя выдвинулъ столъ на средину комнаты. Вся семья быстро усѣлась за столъ, дѣти жадно набросились на хлѣбъ и чай; не ѣлъ только Юзя, онъ серьезно, отцовскимъ взглядомъ смотрѣлъ на эти свѣтлыя головы и глаза и съ безпокойствомъ слѣдилъ за исчезновеніемъ хлѣба.

Временами онъ поглядывалъ на мать, которая съ лицомъ мученицы, согнувшаяся, измученная, ходила по комнатѣ, словно тѣнь, окидывая всѣхъ глазами, въ которыхъ теплилась безграничная любовь. Ея аристократическое лицо съ очень нѣжными и утонченными чертами, отмѣченное слѣдами тяжелаго горя, чаще всего обращалось къ больному.

За чаемъ никто не разговаривалъ.

Надъ головами, не переставая, трещали ткацкіе станки, глухо ворчали коловороты; отъ всего этого домъ безпрестанно дрожалъ, а моментами глухой шумъ ули-

цы врывался и заполнялъ комнату; иногда слышались шлепающіе по грязи шаги или стукъ проѣзжающихъ возовъ и дребезжаніе упряжи.

Лампа изъ-подъ зеленаго абажура разливала затемненный свѣтъ по комнатѣ, ярко освѣщая только головы дѣтей.

Дверь вдругъ быстро отворилась, и вбѣжала молодая дѣвушка, шумно вытирая ноги о порогъ.

Она крѣпко поцѣловала Яскульскую, обняла дѣтей, бросившихся къ ней съ восклицаніями, подала руку Юзѣ и наклонилась надъ больнымъ.

— Добрый вечеръ, Антось, вотъ тебѣ фіалки! — проговорила она и, снявъ съ высокой груди букетикъ, бросила ему на грудь.

— Благодарю. Хорошо, что ты пришла, Зоська, благодарю!

Онъ жадно втягивалъ въ себя нѣжный запахъ цвѣтовъ.

— Ты пришла прямо изъ дому?

— Нѣтъ, я была у Шульцовой, игралъ на гармоніи Фелекъ, немного послушала и помчались къ Манѣ, а отъ нея по дорогѣ зашла къ вамъ.

— Мама здорова?

— Благодарю васъ, очень здорова, она такъ разбранила насъ, что отецъ пошелъ пить пиво, а я убѣжала на весь вечеръ. Знаешь, твой молодой Баумъ очень красивый господинъ.

— Ты познакомилась?

— Сегодня мнѣ показала его въ обѣдъ одна чесальщица.

— Очень хорошій человѣкъ, — отвѣтилъ онъ горя-

чо и смотрѣлъ на Зоську, которая не могла усидѣть на мѣстѣ, — замѣнила Яскульскую за чаемъ, пересмотрѣла книги, лежавшія на старомъ комодѣ, подвернула лампу, осмотрѣла вязаную скатерть, какою была накрыта швейная машина, пригладила дѣтямъ волосы, вертясь при этомъ по комнатѣ, какъ волчокъ

Печальную и мрачную, какъ гробъ, комнату она наполнила порывистымъ и здоровымъ весельемъ молодости, которая била ключомъ въ ея смугломъ, очень хорошенькомъ личикѣ и черныхъ быстрыхъ глазахъ.

Въ ея движеніяхъ и рѣшительности, съ какою она говорила, было много мужского; это происходило отъ ея работы на фабрикѣ и постояннаго пребыванія среди мужчинъ.

— Вы не должны носить этотъ платокъ на головѣ, это вамъ не идетъ.

— Забавна ты, Зося, со своими замѣчаніями.

— Ну, вотъ!.. — она хлопнула себя по бедру, потянула себя за хорошенькій носъ съ маленькими прелестно поднятыми ноздрями, потомъ начала причесываться передъ маленькимъ зеркальцемъ, висѣвшимъ на стѣнѣ.

— А ты все хорошѣешь, моя Зося!

— Ба! Вчера то же самое сказалъ мнѣ молодой Кеслеръ, тотъ, что у насъ въ прядильнѣ директоромъ.

Она непринужденно разсмѣялась.

— Тебя это радуетъ?

— Мнѣ все равно. Всѣ кавалеры говорятъ мнѣ это, но я смѣюсь надъ этимъ, — она презрительно выдвинула сильно красныя губы, но видно было по ея сіяв-

шему отъ удовольствія лицу, что эти признанія ее радуютъ.

Болтала она безъ умолку, разсказывая различныя мелочи о работницахъ съ ихъ фабрики, о мастерахъ, о директорахъ; потомъ помогла Яскульской уложить спать дѣтей, которыя сильно протестовали противъ этого: дѣти очень любили ее, такъ какъ она хорошо умѣла ихъ занять и забавить.

— Знаешь, я продала вязаныя одѣяла и двѣ кофточки. Деньги будутъ въ субботу, послѣ жалованья.

— Богъ тебѣ заплатитъ, Зося!

— Ну, что тамъ! Вы надѣлайте такихъ кофточекъ побольше, но болѣе приличныхъ, я ихъ ужъ всучу нашимъ.

— Кто же купилъ одѣяла?

— Молодой Кеслеръ. Онъ видѣлъ, какъ я подъ вечеръ показывала ихъ въ конторѣ, взялъ ихъ домой. Онъ мнѣ сказалъ, что мать ихъ купила; даже не торговался, вотъ это баринъ! Антось, помнишь, какъ мы въ прошломъ году танцовали у Мани?

— Помню, — живо отвѣтилъ онъ.

— Въ этомъ году фабрика хочетъ устроить для всѣхъ маевку, поѣдемъ въ Руду. Я туда, какъ бы этому ни противилась мама, поѣду съ отцомъ. Юзя, играли вы въ воскресенье?

— Играли, но безъ Адася. Онъ дома былъ?

— Какое тамъ! онъ дома не былъ уже съ мѣсяцъ, кажется, все время сидитъ у тѣхъ дамъ на Шпацеровой, а онѣ, кажется, потаскушки!

— Не говори такъ, Зося, я хорошо знаю пани Лапинскую и Стецкую, это очень порядочныя женщины,

онѣ потеряли, такъ же какъ и мы, свое состоянiе и теперь работаютъ, какъ всѣ.

— Я этого не знаю, мнѣ мама говорила, но мама иногда такъ лжетъ, что пыль столбомъ! Можетъ быть она и болтаетъ про этихъ дамъ потому, что Адамъ у нихъ пропадаетъ.

Адамъ — былъ Малиновскiй, блондинъ съ пепельными волосами и зелеными глазами, — родной братъ Зоськи.

Отецъ ходитъ на ночную работу?

— Какъ же! дуетъ отъ десяти до шести утра....

— Знаешь, мама, — прервалъ молчанiе Юзя.—Встрѣтилъ я сегодня въ обѣдъ на Петроковской Стаха Вальчека, того, моего репетитора въ шестомъ классѣ, сына органиста изъ Курова. Помнишь его, мама? Одни каникулы онъ провелъ у насъ.

— Что же онъ дѣлаетъ въ Лодзи?

— Не знаю, онъ говоритъ, что все, — служитъ на желѣзной дорогѣ, но при этомъ занимается еще разными дѣлами: держитъ лошадей для перевозки угля со станцiи на фабрики, имѣетъ дровяной складъ на Николаевской и кажется хочетъ открыть лавку остатковъ съ фабрикъ. Уговаривалъ меня поступить къ нему на складъ.

— Что жъ ты отвѣтилъ?

— Рѣшительно отказался, хотя онъ платилъ бы мнѣ больше, но кто знаетъ, долго ли онъ продержится.

— Хорошо сдѣлалъ, и притомъ быть въ зависимости отъ сына какого-то органиста. Я хорошо его помню еще съ того времени, когда онъ приносилъ намъ оплатки на Рождество.

— Красивый? — спросила Зося.

— О, красивый и такъ элегантно одѣвается, точно онъ, по меньшей мѣрѣ, хозяинъ фабрики. Онъ тебѣ кланяется, мама, и сказалъ, что навѣститъ насъ.

— Юзя мой, пусть лучше онъ не приходитъ. Зачѣмъ ему видѣть, какъ и гдѣ мы живемъ, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ это посѣщеніе было бы очень непріятно. Пусть Господь Богъ поможетъ ему въ дѣлахъ, но зачѣмъ ему знать наше положеніе...

— Но, знаете, пани, такой человѣкъ можетъ пригодиться...

— Зося моя, ужъ отъ такихъ людей мы не пожелаемъ помощи,—прервала ее Яскульская довольно сухо, — вся ея гордость возстала при мысли о помощи отъ мальчишки, которому она сама въ лучшія времена помогала поступить въ гимназію, — отъ сына какого-то органиста, котораго принимали въ передней и одѣляли разными припасами.

Эта мысль казалась чудовищной для ея фамильной гордости.

— Отецъ идетъ съ докторомъ, — прошепталъ Антось, услышавъ голоса въ коридорѣ.

Дѣйствительно вошелъ Высоцкій, а за нимъ Яскульскій. О Высоцкомъ говорили, что у него самая многочисленная практика въ Лодзи и что въ то же время онъ живетъ на средства своей матери, такъ какъ лечитъ только самыхъ бѣдныхъ.

Высоцкій привѣтливо поздоровался со всѣми, задержавъ глаза нѣсколько дольше на Зосѣ, высунувшейся впередъ, чтобы ее замѣтили, потомъ занялся больнымъ.

Зося такъ усердно помогала ему поднимать Антося, такъ вертѣлась все время около постели, что докторъ раздраженно сказалъ:

— Пожалуйста оставьте насъ однихъ.

Разсерженная она ушла за занавѣску, гдѣ Яскульскій, сидя на ящикѣ для углей, почти со слезами оправдывался передъ женой.

— Честное слово, я не пьянъ! Встрѣтился я со Ставскимъ, помнишь его? Пріѣхалъ онъ въ Лодзь, сирота, его, какъ и насъ, пруссаки выжили изъ имѣнія. Мы пошли въ польскую гостиницу, поплакали надъ нашимъ несчастьемъ, выпили по рюмкѣ, и вотъ вся наша выпивка; а потомъ устроилъ я одному еврею покупку лошади, выпили могарычъ и больше ничего. Былъ я у Шварца, мѣсто уже занято, но кажется есть свободное въ желѣзнодорожныхъ магазинахъ, завтра пойду къ директору, можетъ быть, удастся получить.

— Какъ всегда удается, — прошептала тихо и съ горечью Яскульская, глядя съ безпокойствомъ на Антося и доктора.

Яскульскій своими покраснѣвшими глазами уставился на лампочку и молчалъ. На его одутловатомъ лицѣ съ большими свѣтлыми усами лежало выраженіе безпомощнаго отчаянія и какого-то почти трагическаго безсилія.

Онъ былъ настоящимъ типомъ слабаго человѣка.

Благодаря своей слабости онъ потерялъ свое и женино состояніе, благодаря своему неумѣнью, онъ не могъ въ теченіе двухъ лѣтъ найти мѣсто, а если получалъ какое-нибудь черезъ своихъ друзей, то скоро

терялъ его опять благодаря своей неприспособленности.

Онъ былъ очень чувствителенъ, не отличался умомъ, въ немъ не было выносливости ни на грошъ, плакалъ онъ при малѣйшемъ поводѣ, жилъ надеждой на наслѣдство и на перемѣну къ лучшему; а пока что искалъ мѣста, устраивалъ продажи лошадей и выпивалъ понемногу, тоже отъ своего безсилія, такъ какъ не могъ противиться уговорамъ и предоставлялъ семьѣ погибать отъ нужды, такъ какъ ничѣмъ не могъ помочь ей, ничего не умѣлъ, ни къ чему не былъ способенъ.

Яскульская шила кофточки, передники, чепцы и ходила въ воскресенье въ Старый Городъ продавать ихъ; бралась даже стирать бѣлье рабочихъ, жившихъ въ этомъ же домѣ, но на это у нея не хватило силъ; тогда она начала отпускать обѣды тѣмъ же рабочимъ, но этого тоже не хватало; видя, что ничего у нея не выходитъ, что она ничего не умѣетъ дѣлать, она начала давать дѣвочкамъ разныхъ мастеровъ и фабричнымъ служащимъ уроки польскаго и французскаго языка и игры на роялѣ.

Всѣ эти занятія, вся эта усиленная работа по восемнадцати часовъ въ день давали ей рублей десять въ мѣсяцъ.

Этимъ она, однако, спасала семью отъ голодной смерти.

Положеніе ихъ начало улучшаться съ того времени, какъ Юзя сталъ зарабатывать по двадцати рублей въ мѣсяцъ и все до копейки отдавать матери.

— Что же, панъ докторъ?..—спросила она, подходя къ Высоцкому, когда онъ кончилъ изслѣдованіе.

— Безъ перемѣны. Лѣкарства давайте тѣ же, а въ молоко можно подливать коньяку.

Онъ вынулъ изъ кармана пальто бутылку и коробку съ порошками.

— Какъ же? — спросила она такъ тихо, что онъ скорѣе догадался, нежели услышалъ.

— Ничего не извѣстно. Надо его отправить въ деревню, какъ только станетъ теплѣе. Я думалъ о лѣтней колоніи, но это не для него. Во всякомъ случаѣ двухъ старшихъ я смогу устроить, чтобы ихъ взяли, нѣсколько недѣль въ деревнѣ поправятъ ихъ.

— Благодарю васъ, — шептала она тихо.

— Ну, молодчина, поѣдемъ лѣтомъ на траву, а?

— Хорошо, панъ докторъ.

— Ты читать любишь?

— Очень, только всѣ книги, даже старые календари перечелъ.

— Завтра пришлю тебѣ новыя книги, но когда прочтешь, долженъ будешь мнѣ разсказать ихъ.

Антось крѣпко пожалъ ему руку и былъ не въ состояніи говорить отъ радости.

— Ну, будь здоровъ, вскорѣ опять зайду къ тебѣ.

Онъ ласково погладилъ его по потному холодному лбу и сталъ одѣвать пальто.

— Панъ докторъ, — прошепталъ онъ робко. — Онѣ такъ пахнутъ, эти фіалки. Золотой мой докторъ, возьмите ихъ. Вы такъ же добры ко мнѣ, какъ мама, какъ Юзя, возьмите, мнѣ ихъ дала Зося, возьмите, — тихо и такъ сердечно просилъ онъ, что Высоцкій, улыба-

ясь растроганно, прицѣпилъ букетикъ къ отвороту пальто.

Когда онъ прощался, Яскульская хотѣла всунуть ему въ руку рубль.

Онъ вскочилъ, какъ обожженный.

— Безъ глупостей, пожалуйста, — воскликнулъ онъ сердито.

— Но я не могу допустить, чтобы вы, докторъ, отдавая намъ столько времени и труда... не...

— Наконецъ мальчикъ уже заплатилъ мнѣ. Доброй ночи, пани!

Онъ исчезъ въ коридорѣ вмѣстѣ съ Яскульскимъ, который пошелъ проводить его черезъ переулки до Петроковской.

— Глупыя шляхетскія фанаберіи, — ворчалъ Высоцкій, идя такъ быстро, что Яскульскій едва поспѣвалъ за нимъ.

— Для меня ничего нѣтъ, докторъ? — несмѣло спросилъ Яскульскій, наконецъ, поравнявшись съ нимъ.

— Мѣсто есть, только тамъ надо работать.

— Развѣ я не хочу работать?

— Можетъ быть, вы и хотите, только этого недостаточно въ Лодзи, здѣсь надо умѣть работать. Почему вы ушли отъ Вейсблата? мѣсто было недурное.

— Честное слово, я не виноватъ ни въ чемъ. Директоръ такъ меня преслѣдовалъ, что я не могъ выдержать, оскорбляли меня постоянно...

— Тѣхъ, что оскорбляютъ, бьютъ по зубамъ, а прежде всего не надо давать повода ни для шутокъ, ни для оскорбленій. Мнѣ было совѣстно за васъ.

— Почему? Вѣдь я честно работалъ.

— Знаю, но мнѣ было совѣстно за вашу неумѣлость.

— Работалъ, какъ умѣлъ и могъ, — прошепталъ онъ со слезами въ голосѣ.

— Ну, васъ къ чорту, не плачьте, вы не слѣпую лошадь мнѣ продаете, я вѣрю обыкновенному слову.

— Честное слово, вы меня оскорбляете...

— Возвращайтесь-ка съ Богомъ домой, я самъ дойду до Петроковской.

— Прощайте, — отрывисто бросилъ Яскульскій и повернулся.

Высоцкому стало стыдно за свою грубость къ этому несчастному человѣку, но тотъ такъ сердилъ его, что онъ не могъ сдержаться.

— Панъ Яскульскій, — крикнулъ онъ вслѣдъ уходившему.

— Я слушаю васъ.

— Можетъ быть вамъ нужны деньги, нѣсколько рублей могу дать.

— Нѣтъ, честное слово, благодарю васъ... — слабо отказывался Яскульскій, уже смягчившійся и забывшій объ оскорбленіи.

— Возьмите, отдадите мнѣ сразу, когда получите наслѣдство послѣ тетки.

Онъ всунулъ ему въ руку три рубля и пошелъ.

Яскульскій со слезами поглядѣлъ подъ фонаремъ на деньги, вздохнулъ и побрелъ домой.

Высоцкій дошелъ до Петроковской и сталъ медленно подниматься въ гору, угнетенный той нищетой, какую видѣлъ каждый день.

Измученнымъ, грустнымъ взглядомъ скользилъ онъ

по притихшему городу, по фабрикамъ, виднѣвшимся въ глубинѣ дворовъ, словно черныя спящія чудовища, по немногимъ освѣщеннымъ окнамъ, смотрѣвшимъ въ черную сырую ночь. Онъ чувствовалъ себя нервно настроеннымъ, имъ овладѣло сильное безпокойство; душа его наполнилась необъяснимымъ страхомъ и какою-то странною тревожностью, которая охватываетъ, пугаетъ душу съ такою силой, что человѣкъ начинаетъ смотрѣть на дома, не падаютъ ли они на него, ждетъ страшныхъ вѣстей, всякихъ несчастій, какія могутъ обрушиться на человѣка.

Высоцкаго охватило подобное настроеніе.

Домой ему не хотѣлось итти, не хотѣлось даже зайти въ кондитерскую, мимо которой проходилъ, просмотрѣть газеты, въ эту минуту онъ былъ равнодушенъ ко всему, — его все сильнѣе начало охватывать чувство безпокойства. «Глупую жизнь я веду, — думалъ онъ. — Совсѣмъ глупую!»

Передъ театромъ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Мелей, она съ Розой возвращалась со спектакля пѣшкомъ; карета ѣхала за ними.

Онъ довольно равнодушно поздоровался и хотѣлъ сейчасъ же проститься.

— Ты не проводишь насъ?

— Не хочу вамъ мѣшать.

— Пойдемъ пить чай, дома, вѣроятно, уже ждетъ Бернардъ.

Онъ молча пошелъ, не отвѣчая, — ему не хотѣлось даже говорить.

— Что съ тобой, Высоцкій?

— Ничего, кромѣ обыкновеннаго раздраженія и какой-то острой апатіи.

— Что нибудь-случилось дурное?

— Нѣтъ, но я жду, что случится что-нибудь дурное, а меня еще предчувствіе никогда не обманывало.

— Меня также, но мнѣ совѣстно было въ этомъ признаться, — прошептала Меля.

— Кромѣ того, сегодня я былъ среди бѣдноты, видѣлъ столько человѣческаго несчастья, что утонулъ въ немъ.

Онъ нервно вздрогнулъ.

— Ты боленъ состраданіемъ, какъ говоритъ о тебѣ Бернардъ.

— Бернардъ! — громко воскликнулъ онъ, — у него постоянно delirium tremens оплевыванія всего, онъ, какъ слѣпой, который хочетъ всѣхъ увѣрить, что ничего нѣтъ, разъ самъ онъ не видитъ.

— Кто эти бѣдняки? Можетъ быть, имъ можно помочь? — спросила Меля.

Онъ разсказалъ ей про положеніе Яскульскихъ и нѣсколько другихъ рабочихъ семей.

Она сочувственно слушала, стараясь запомнить ихъ адреса.

— Почему люди должны такъ мучиться? за что? — прошептала она.

— Теперь я спрошу, что съ тобой, Меля? У тебя слезы въ голосѣ.

— Не спрашивай, не старайся даже узнать.

Она опустила голову на грудь.

Онъ не спрашивалъ, посмотрѣлъ на ея лицо и снова погрузился въ задумчивость.

Высоцкій смотрѣлъ на пустыя, молчаливыя улицы, уставленныя фонарями, на ряды домовъ, похожихъ на окаменѣлыя головы чудовищъ, лежавшихъ другъ возлѣ друга и казалось дрожавшихъ какъ бы въ тяжеломъ покойномъ снѣ стеклами оконъ при желтоватомъ свѣтѣ съ улицы. «Что съ ней?» думалъ онъ, оглядывая разгорѣвшимся взглядомъ ея голову, и почувствовалъ, что отъ ея грусти ему становится больно и тоскливо.

— Вѣроятно, вамъ не очень весело было въ театрѣ?

— Напротивъ! Но какъ сильно могущество любви! — проговорила Роза, какъ бы продолжая свою мысль. — Какъ Сафо страдала. Помню всѣ ея крики, мольбы, всѣ ея страданья, все это я еще чувствую въ себѣ. Меня поразила такая любовь, не понимаю я ея, даже сомнѣваюсь, можно ли такъ сильно чувствовать, такъ всецѣло отдаваться любви, такъ потонуть въ ней.

— Можно... можно... — прошептала Меля, поднимая глаза.

— Перейди на мою сторону, Высоцкій! Дай мнѣ руку.

Когда онъ подошелъ, она взяла его худую руку и приложила ко лбу и къ своему разгорѣвшемуся лицу.

— Чувствуешь, какъ я разгорѣлась?

— Страшно! Зачѣмъ ходить на такія нервирующія вещи?

— Но что жъ я буду дѣлать! — воскликнула она тоскливо, глядя на него расширенными глазами. — Ты мнѣ ничѣмъ не поможешь противъ скуки, а мнѣ надоѣли всѣ эти фиксы, скучны мнѣ катанья по городу,

поѣздки за границу,—я не выношу жизни въ гостиницахъ, а театръ временами мнѣ еще нравится,— затрагиваетъ нервы, волнуетъ, а я люблю, когда меня что-нибудь глубоко задѣнетъ.

— Что съ Мелей? — прервалъ онъ, не слушая, что она говоритъ.

— Сейчасъ узнаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—запротестовала Меля, услышавшая вопросъ и отвѣтъ.

Они вошли въ освѣщенную переднюю дворца Мендельсона.

— Панъ Эндельманъ дома? — спросила Роза лакея, бросая ему шляпу и длинную пелерину.

— Въ охотничьей комнатѣ и просилъ васъ пройти туда.

— Пойдемъ въ охотничью, тамъ будетъ теплѣе, чѣмъ въ моемъ будуарѣ, и теплѣе, чѣмъ здѣсь, — говорила Роза, проводя ихъ черезъ ряды комнатъ, слабо освѣщенныхъ шестисвѣчнымъ канделябромъ, которымъ освѣщалъ дорогу лакей.

Это была комната Станислава Мендельсона, младшаго сына Шаи, а названіе ея происходило отъ ковра изъ тигровыхъ шкуръ, такихъ же портьеръ на дверяхъ и мебели изъ буйволовыхъ роговъ, обитой шкурами съ длиннымъ пепельнымъ мѣхомъ; масса оружія висѣла на стѣнѣ около огромной головы лося съ могучими лопатообразными рогами.

— Жду цѣлый часъ,—отозвался Бернардъ, не вставая даже на привѣтствіе; онъ сидѣлъ подъ лосемъ и пилъ чай.

— Почему ты не пришелъ къ намъ въ театръ?

— Я никогда не хожу въ театральные балаганы, вѣдь ты знаешь, что это хорошо только для васъ!

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Позеръ, — пренебрежительно прошептала Роза.

Всѣ усѣлись вокругъ столика, но никому не хотѣлось говорить.

Лакей принесъ чай.

Тяжелая и скучная тишина наполнила кабинетъ; чиркали только спички, такъ какъ Бернардъ поминутно закуривалъ папиросу, да доносился глухой стукъ билліардныхъ шаровъ, ударявшихся другъ о друга.

— Кто играетъ?

— Станиславъ съ Кеслеромъ.

— Ты видѣлся съ ними?

— Они скоро наскучили мнѣ, а еще скорѣе обыграли меня. Можетъ быть, наконецъ, вы заговорите?

Но никто не заговорилъ.

Мелю безпокоили какія-то непріятныя мысли; она грустно смотрѣла на Розу и поминутно вытирала набѣгавшія слезы.

— Меля, ты сегодня отвратительна! Плаксивыя женщины похожи на мокрые зонтики, закроешь ихъ или раскроешь, съ нихъ все капаетъ. Не выношу бабьихъ слезъ, онѣ или фальшивы или глупы. Онѣ лгутъ и текутъ по самымъ малѣйшимъ причинамъ.

— Оставь, Бернардъ, — сегодня твои сравненія не производятъ никакого впечатлѣнія.

— Пусть говоритъ, это его спеціальность.

— Ну и ты, Роза, выглядишь не блистательно. У тебя такое лицо, словно кто-то въ передней крѣпко

обнималъ тебя и цѣловалъ и эти нѣжности вдругъ прервались въ самый интересный моментъ...

— Ты сегодня совсѣмъ не изысканъ...

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

— Но зачѣмъ же ты говоришь глупости!

— Потому что всѣ сонны. Ты, Высоцкій, похожъ на сальную свѣчку, которая коптитъ на шабашовомъ столѣ и капаетъ грустью на очаровательныхъ Суламифей.

— Я не чувствую себя такъ хорошо, какъ ты.

— Ты правъ, мнѣ очень хорошо, — началъ онъ нервно смѣяться и зажегъ папиросу.

— Опять поза! — воскликнула Роза, которую онъ раздражалъ.

— Роза! — крикнулъ Бернардъ, вскакивая, словно его хватили кнутомъ. — Или принимай все, что я говорю, или не увидишь меня больше у себя.

— Ты сердишься, а я не хотѣла тебя оскорбить.

Меня злятъ твои замѣчанія! Ты называешь меня позеромъ, совершенно не зная меня. Что можешь ты знать обо мнѣ, о моей жизни; что могутъ знать барышни, которыя еще не вышли изъ круга тряпокъ и дѣвической тоски о мужчинѣ! ничего, рѣшительно ничего, кромѣ того, какъ онъ одѣтъ, какіе у него волосы и глаза, въ кого влюбленъ, хорошо ли танцуетъ и т. п. Ты знаешь только мое верхнее платье, а хочешь опредѣлить меня всего. Называешь меня «позеръ»! почему? Потому что иногда я бросаю парадоксы о ничтожествѣ жизни, работы и денегъ. Если бы это говорилъ Высоцкій, ты бы повѣрила, потому что у него ничего нѣтъ и онъ долженъ много работать; а я пози-

рую, когда на все это плюю! Какъ барышня можетъ понять, что я говорю это серьезно, я, человѣкъ богатый, акціонеръ фабрики «Кеслеръ и Эндельманъ!» Совершенно то же ты говоришь и про Мюллера: шутъ! такъ какъ видишь его только тогда, когда онъ у тебя кувыркается, разсказываетъ исторіи и любовныя приключенія, бываетъ смѣшонъ; но кромѣ этого шутовского Мюллера, есть еще другой Мюллеръ, Мюллеръ, который думаетъ, учится, наблюдаетъ, разсуждаетъ. Но ни онъ, ни я не приходимъ къ тебѣ съ нашими разсужденіями, съ нашимъ внутреннимъ я, не говоримъ тебѣ, что насъ гнететъ, мучаетъ или увлекаетъ, такъ какъ это тебѣ не нужно; ты скучаешь и хочешь нами развлекаться, поэтому мы и дѣлаемся на самомъ дѣлѣ шутами для васъ; временами и намъ нравится становиться шутомъ и кувыркаться разнымъ способомъ передъ скучающими лодзинскими насѣдками! Вы смотрите на насъ, какъ на товаръ на прилавкѣ, соображая насколько онъ будетъ вамъ къ лицу. А впрочемъ говорить серьезно съ женщиной — это лить воду въ рѣшето...

— Можетъ быть мы и глупы, но ты очень самонадѣянъ.

— А если мы не замѣчаемъ въ тебѣ того, въ чемъ ты меня упрекаешь, то это твоя вина, ваша вина, такъ какъ вы относитесь къ намъ, какъ къ дѣтямъ, — начала Меля.

— Такъ какъ вы дѣти и останетесь ими, — бросилъ онъ рѣзко и всталъ.

— Почему же ты упрекаешь насъ, что мы не поступаемъ какъ взрослыя?

— Если вы разсердились на меня, то я ухожу, спокойной ночи! — Онъ пошелъ къ дверямъ.

— Останься, Бернардъ, прошу тебя! — воскликнула Роза, загораживая собой двери.

Онъ остался, пошелъ въ другую комнату и сѣлъ за рояль.

Роза ходила по комнатѣ, взволнованная его словами. Высоцкій молчалъ; слова Бернарда звучали для него, какъ жужжаніе, которое онъ не старался понять, онъ смотрѣлъ на Мелю, положившую голову на столъ и тупо глядѣвшую передъ собой.

— Сядь подлѣ меня, — шепнула она, чувствуя его горячій взглядъ.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ, наклоняясь къ ея лицу.

Его пониженный голосъ звучалъ такимъ мягкимъ тономъ, что зажегъ въ ея душѣ какую-то удивительно нѣжную радость, и горячая волна охватила ея лицо и руки.

Она не отвѣчала, — у нея не хватило голоса. Послѣ минуты радостнаго волненія она почувствовала такую тоску, что слезы заблестѣли на ея сѣрыхъ глазахъ; она положила лицо на его руку, лежавшую на столѣ, и слезы, долго сдерживаемыя, посыпались, какъ крупныя зерна, на его руку горячимъ потокомъ.

Эти слезы его такъ растрогали, что онъ началъ почти невольнымъ движеніемъ гладить ея пушистые волосы и шептать тихимъ, проникнутымъ нѣжностью и волненіемъ голосомъ какія-то несвязныя слова.

Она все ближе пододвигала голову, такъ какъ каждое прикосновеніе его руки пронизывало ее электри-

ческимъ токомъ и наполняло дивнымъ, невыразимо сладкимъ наслажденіемъ. У нея было безумное желаніе положить голову къ нему на грудь, охватить его шею руками, прижаться къ нему и сказать все, все, что ее мучило.

Ея полная нѣжности душа жаждала ласки, любви, которую она боялась обнаружить передъ нимъ въ эту минуту, удерживаемая лишь чувствомъ женской стыдливой пассивности. Она плакала такъ тихо, что только падающія слезы и нервное движеніе блѣдныхъ губъ говорили о ея состояніи.

Сквозь слезы она смотрѣла на него; онѣ размягчали его душу и поднимали въ немъ такое странное волненіе, что боялся, какъ бы не поцѣловать ея губъ, разгорѣвшихся отъ слезъ. Онъ не любилъ ее, и то, что онъ чувствовалъ въ эту минуту, было только сочувствіемъ къ ея страданію. Онъ даже не замѣчалъ ея любви къ нему, принималъ это за дружбу, которой такъ желалъ.

Бернардъ игралъ все съ большимъ азартомъ, сильно стуча по клавишамъ. Бурные, шумные звуки какой-то безумной пьесы гудѣли въ пустыхъ комнатахъ, звучали бѣшенымъ, язвительнымъ смѣхомъ, который, казалось, прыгалъ по коврамъ.

Роза ходила по амфиладѣ комнатъ, ни на что не обращая вниманія; она, поминутно появляясь изъ темноты, проходила охотничью, кабинетъ и исчезала въ дальнихъ комнатахъ, возвращалась вскорѣ своимъ тяжелымъ шагомъ, колыша бедрами.

Она казалась погруженной въ задумчивость, на самомъ дѣлѣ хотѣла дать возможность разговаривать Ме-

лѣ съ Высоцкимъ, и ее раздражало, что они сидѣли неподвижные и молчали. Она хотѣла увидѣть, какъ они бросятся въ объятія другъ другу со словами любви, какъ будутъ цѣловаться; она такъ хорошо все это себѣ представляла, такъ жадно хотѣла увидѣть подобную сцену, что, прохаживаясь, поминутно оборачивалась, желая подглядѣть ихъ поцѣлуй.

«Дуракъ»! — думала она со злобой и, остановившись около дверей, изъ темноты разсматривала его голову и лицо.

— Устрица! — пробормотала она недовольно и обернулась къ Бернарду, который пересталъ играть.

— Часъ! Покойной ночи, Роза, иду домой.

— Идемъ вмѣстѣ, — сказала Меля. — Если хочешь, то я тебя подвезу, мои лошади у воротъ.

Она обернулась къ Высоцкому, который, словно сквозь сонъ, застегивалъ все разстегивающіяся пуговицы сюртука.

— А... хорошо.

— Меля, не забудь, что въ субботу рожденіе Эндельмановой, — сказала Роза при прощаніи. — Жена брата просила меня сегодня напомнить вамъ, что будутъ васъ очень ждать.

— Вчера я получила приглашеніе, но буду ли—не знаю!

— Непремѣнно приходите, увидимъ много интереснаго, вмѣстѣ посмѣемся надъ ней. Она не скупится на сюрпризы для дорогихъ гостей: концертъ, новая картина и эта таинственная Травинская.

— Пойдемъ, ее стоитъ посмотрѣть.

Высоцкій проводилъ Мелю до кареты

— Ты не сядешь? — спросила она удивленно, такъ какъ онъ протянулъ руку на прощанье.

— Нѣтъ, простите меня... Я долженъ пройтись... Я такъ разстроенъ, — объяснялъ онъ довольно неправдоподобно.

— А... спокойной вамъ ночи... — отвѣтила она съ удареньемъ, задѣтая его отказомъ; несмотря на ея тонъ, онъ поцѣловалъ ея руку. Меля пожалѣла о своей рѣзкости и обернувшись посмотрѣла на него.

— Пойдемъ въ какой-нибудь трактиръ, — сказалъ Бернардъ.

— Нѣтъ, благодарю, сегодня я не расположенъ.

— Пойдемъ въ Шато.

— Я долженъ сейчасъ итти домой, меня ждетъ мать.

— Не нравятся мнѣ такіе отвѣты, ты съ нѣкоторыхъ поръ сталъ очень страненъ, смотришь такъ, точно проглотилъ бациллу любви.

— Нѣтъ, даю тебѣ честное слово, что я не влюбленъ.

— Ты любишь, только еще въ этомъ не даешь себѣ отчета.

— Значитъ, ты знаешь больше моего: но скажи пожалуйста, кого?

— Мелю.

Высоцкій принужденно засмѣялся.

— Промахнулся.

— Нѣтъ, я въ этихъ дѣлахъ никогда не промахнусь.

— Допустимъ, но зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? — спросилъ Высоцкій недовольно.

— Мнѣ жаль, что ты влюбленъ въ еврейку.

— Почему? — спросилъ онъ.

— Еврейки хороши для флирта, польки для любви, а нѣмки для семьи. Но быть женатымъ на еврейкѣ— лучше утопиться.

— А, можетъ быть, я тебѣ мѣшаю? Будемъ откровенны, —порывисто сказалъ Высоцкій.

— Нѣтъ, честно слово, нѣтъ. Что за мысль?—онъ сухо разсмѣялся. — Я только дружески предупредилъ тебя. Между вами слишкомъ большія расовыя различія, ихъ не сгладитъ даже самая безумная любовь. Не порти своей расы, не женись на еврейкѣ и — будь здоровъ.

Онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ домой, а Высоцкій, какъ два часа тому назадъ, зашагалъ по Петроковской, но шелъ быстро и въ совершенно другомъ настроеніи.

Слова Бернарда навели его на много новыхъ мыслей, и онъ сталъ разбираться въ своихъ чувствахъ къ Мелѣ.

XI.

Меля заперлась въ своей комнатѣ и думала о себѣ.

Она лежала съ открытыми глазами, вслушивалась въ тишину ночи и въ голосъ протеста противъ намѣреній отца: отецъ вчера утромъ довольно рѣшительно предложилъ ей брачный проектъ, обыкновенную коммерческую сдѣлку съ большой Сосновицкой фирмой «Вольфишъ и Ландау». У старухи Ландау былъ сынъ, и она хотѣла женить его на дочери фирмы Грюнспанъ и Ляндсбергеръ. Сдѣлка представлялась выгодною для обѣихъ сторонъ.

Молодой Леопольдъ Ландау былъ согласенъ, — ему было все равно на комъ ни жениться, лишь бы приданое было дано наличными деньгами и въ извѣстной суммѣ: деньги были нужны ему, чтобы завести собственное дѣло. У Мели было именно такое приданое, и она очень понравилась по карточкѣ, которую ему тайно доставили сваты. Любила ли она его, была ли умна или глупа, добра или зла, здорова или больна, — это было для него «ganz fixatuar!» Такъ онъ заявилъ посредникамъ.

Вчера онъ пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть невѣсту.

Отецъ ему очень понравился. Меля ослѣпила его, а фабрика произвела на него впечатлѣніе превосходнаго предпріятія; но о послѣднемъ обстоятельствѣ онъ умалчивалъ и, осматривая ее, дѣлалъ равнодушное лицо и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ осматривалъ готовые платки.

— Лодзинскіе, — бормоталъ онъ, щуря глаза.

— Не говорите глупостей, это хорошее дѣло, — порывисто отвѣтилъ старикъ Грюнспанъ.

Леопольдъ не обидѣлся за излишнюю откровенность: въ дѣлахъ не до обидъ; онъ похлопалъ папу по плечу, и оба, въ полномъ согласіи, вернулись обѣдать.

Меля терзалась за столомъ, съ ненавистью слушала сосновицкіе комплименты пана Ландау и при первой возможности побѣжала къ Розѣ.

«Полдня я выиграла, но что будетъ завтра, что потомъ?» думала она теперь, лежа въ темнотѣ и глядя на стору, сквозь которую пробивался зеленый свѣтъ луны, который блестѣлъ дрожащей пылью на свѣтломъ коврѣ и на темной майоликовой печи.

— Вѣдь не заставятъ же меня, — говорила она убѣжденно и съ отвращеніемъ думала о Леопольдѣ, о его бѣличьемъ лицѣ; онъ возбуждалъ въ ней просто физическое отвращеніе своимъ хриплымъ голосомъ и оттопыренными, слюнявыми, какъ у негра, губами.

Она закрывала глаза, зарываясь головой въ подушки, чтобы отогнать отъ себя эти воспоминанія; нервно вздрагивала, точно отъ отвратительнаго прикосновенія его холодной и потной руки, которое чувствовала до сихъ поръ, невольно вытерла руки объ одѣяло и долго смотрѣла на нихъ при свѣтѣ луны, какъ-будто боясь, не оставило ли на нихъ грязнаго слѣда его прикосновеніе.

Она чувствовала, что любитъ Высоцкаго всей силой души, любитъ въ немъ тотъ міръ, въ которомъ она росла въ Варшавѣ, міръ, совершенно непохожій на тотъ, который окружалъ ее здѣсь.

Она знала, что не выйдетъ за Леопольда, сумѣетъ бороться съ настояніями отца и семьи, и этой рѣшимостью исчерпывалась вся ея энергія; затѣмъ она думала только о Высоцкомъ, не спрашивая даже, любитъ ли онъ ее. Она слишкомъ любила его сама, чтобы замѣтить или убѣдиться въ его равнодушіи.

Она не сказала ему сегодня о своихъ страданіяхъ, такъ какъ онъ былъ такъ разстроенъ и печаленъ, притомъ она чувствовала въ его присутствіи странную робость, какъ ребенокъ, который боится жаловаться старшимъ. Ей было очень больно, что онъ не захотѣлъ съ ней ѣхать, но то, какъ онъ пожалъ и поцѣловалъ ей руку, наполняло ее дрожью наслажденія.

Она долго лежала неподвижно, вспоминая всѣ по-

дробности ихъ знакомства и нынѣшній вечеръ, она выпрямилась всѣмъ тѣломъ и прижималась головой къ подушкѣ, — одно воспоминаніе о томъ, что онъ касался ея своими руками, гладилъ ее по волосамъ, наполняло ее сладкой нервной дрожью. А потомъ, когда сѣрый свѣтъ въ комнатѣ открылъ очертанія мебели и другихъ предметовъ, она стала думать о знакомыхъ врачахъ и ихъ успѣхахъ.

Двѣ ея подруги вышли за докторовъ, и домъ ихъ былъ поставленъ на не менѣе широкую ногу, чѣмъ дома нѣкоторыхъ фабрикантовъ. Это ее совершенно успокоило, и, поглощенная мыслями о томъ, какъ поставить домъ, куда будетъ собираться вся лодзинская интеллигенція, она уснула.

Она проснулась довольно поздно съ сильной головной болью.

Вся семья была уже за завтракомъ, когда она вошла въ столовую.

Прежде всего она накормила бабушку и, не обращая вниманія на крикливый голосъ Сигизмунда, сѣла за столъ.

Грюнспанъ, какъ всегда, ходилъ по комнатѣ съ блюдечкомъ, которое держалъ обѣими руками и подносилъ къ губамъ; онъ былъ въ бархатномъ темно-красномъ халатѣ, съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и рукавахъ, въ такой же вышитой ермолкѣ, торчавшей на макушкѣ, и съ сіяющимъ лицомъ громко глоталъ чай, въ промежуткахъ быстро отвѣчая Сигизмунду, который спѣшилъ, такъ какъ уѣзжалъ въ Варшаву.

Старая тетка, завѣдывавшая домашнимъ хозяйствомъ, упаковывала чемоданъ.

— Сигизмундъ, я кладу тебѣ чистое бѣлье; вѣдь тебѣ нужно будетъ чистое бѣлье?

— Хорошо. Говорю вамъ, отецъ, — говорилъ Сигизмундъ, — ждать нечего; пусть Гросманъ сейчасъ уѣзжаетъ, онъ боленъ серьезно. Вы съ Региной займетесь дѣлами.

— Что съ Альбертомъ? — спросила Меля, которая послѣ пожара фабрики утратила къ нему прежнее расположенiе.

— У него болѣзнь сердца: очень огорчился пожаромъ.

— Это былъ большой пожаръ, я самъ боялся, — старикъ протянулъ блюдечко Мелѣ, чтобы она налила ему чаю, и только теперь замѣтилъ синiе круги у нея подъ глазами и сѣрое, какъ-будто распухшее, лицо.

— Что ты такъ блѣдна сегодня? Нездоровится? Нашъ докторъ будетъ сейчасъ у одного рабочаго и могъ бы тебя осмотрѣть.

— Я здорова, я только спать не могла.

— Милая Меля, я знаю, почему ты не могла спать, — воскликнулъ онъ, обрадованный, и нѣжно погладилъ ее по лицу. — Тебѣ нужно было немного подумать о немъ, я это понимаю.

— О комъ? — спросила она рѣзко.

— О суженомъ. Онъ кланялся тебѣ, будетъ здѣсь послѣ обѣда.

— У меня нѣтъ никакого суженаго, а если онъ придетъ, ты, Сигизмундъ, можешь его принять.

— Слышите, отецъ, что говоритъ эта дура, — закричалъ братъ со злостью.

— Ша... Сигизмундъ, передъ вѣнцомъ всѣ барышни такъ говорятъ.

— Какъ зовутъ этого господина? — спросила Меля подъ впечатлѣніемъ какой-то новой мысли.

— Она не помнитъ? Это что за новый трюкъ?

— Сигизмундъ, я говорю не съ тобой, можешь оставить меня въ покоѣ.

— Но я съ тобой говорю, и ты должна меня слушать, — крикнулъ онъ, быстро разстегивая мундиръ, что дѣлалъ всегда въ минуту раздраженія и волненія.

— Ша.. ша... дѣти. Я тебѣ скажу, Меля: его зовутъ Леопольдомъ Ландау, онъ изъ Ченстохова, и какъ же его иначе звать? Въ Сосновицахъ у нихъ фабрика «Вольфишъ и Ландау»—солидная фирма, одно имя уже имѣетъ вѣсъ.

— Но не для меня, — отвѣтила она отчетливо.

— Сигизмундъ, я кладу тебѣ китель; нуженъ онъ?

— Кладите, тетя, — быстро отвѣтилъ онъ и сталъ помогать ей укладывать. И, простившись съ отцомъ, онъ закричалъ у двери:

— Меля, я пріѣду только на твою свадьбу, — онъ улыбнулся злобно и вышелъ.

Грюнспанъ съ помощью Франца сталъ тутъ же безъ всякой церемоніи одѣваться. Хотя у него и была своя прекрасно меблированная комната, но онъ не могъ къ ней привыкнуть и всегда предпочиталъ хотя бы даже грязную комнату, лишь бы не быть одному. Меля молчала, а тетка, желтая, худая, сгорбленная еврейка въ рыжемъ парикѣ, съ бѣлой ниткой на мѣстѣ пробора, съ впалыми щеками и какъ бы запыленнымъ лицомъ, съ тяжелыми, безсильно опавшими вѣками

бродила по комнатѣ, разставляя въ буфетѣ стаканы и тарелки, которые мыла въ большой мискѣ.

— Возьми это дѣтямъ, Францъ, — пробормотала она, сгребая съ тарелокъ на клеенку крошки хлѣба и обглоданныя кости.

— Собакамъ такая ѣда, а не моимъ дѣтямъ, — отвѣтилъ лакей, нисколько не стѣсняясь.

— Глупый хамъ, изъ этого можно еще сварить супъ.

— Дайте кухаркѣ, пусть вамъ сваритъ.

— Тише, не ворчи, Францъ, дай мнѣ воды умыться. — И уже почти одѣтый старикъ сталъ осторожно обмывать свое лицо водой, громко фыркая.

— Что ты имѣешь, Меля, противъ Леопольда Ландау? — спросилъ онъ.

— Ничего, я его совсѣмъ не знаю, вѣдь въ первый разъ видѣла.

— И зачѣмъ больше? Когда ударимъ по рукамъ, познакомитесь ближе.

— Повторяю вамъ еще разъ и окончательно: я за него не пойду.

— Чего ты смотришь, точно муха на молоко? — крикнулъ онъ Францу, который тотчасъ убрался вмѣстѣ съ теткой.

Онъ старательно вытерся, причесался, пристегнулъ отложной воротничокъ къ довольно грязной рубашкѣ, надѣлъ галстукъ, который совсѣмъ закрылъ рубашку, сунулъ въ карманъ часы и щеточку съ зеркальцемъ. Потомъ спряталъ подъ жилетъ длинные бѣлые шнурки, надѣлъ шляпу, пальто, взялъ зонтикъ подъ мышку и, натягивая теплыя перчатки, снова спросилъ:

— Почему не хочешь итти за него?

— Я не люблю его, и онъ мнѣ противенъ, а во-вторыхъ...

— Ха, ха, ха... дорогая моя, у тебя вѣтеръ въ головѣ.

— Можетъ быть, но я все-таки за него не пойду, — сказала она рѣшительно.

— Послушай, Меля. Я ничего не скажу. Я очень либеральный отецъ. Я могъ бы приказать тебѣ, могъ бы устроить все безъ тебя, но я этого не сдѣлалъ. Почему? Потому что я люблю тебя и даю тебѣ время подумать. Ты подумаешь, ты умная дѣвочка и не испортишь такого вѣрнаго дѣла: ты будешь первое лицо въ Сосновицахъ... Я тебѣ сразу объясню...

Но Меля не захотѣла слушать, съ силой отодвинула стулъ и вышла изъ комнаты.

— У женщинъ всегда свои фанаберіи, — проворчалъ Грюнспанъ, не смутившись ни ея отказомъ, ни уходомъ и, допивъ холодный чай, ушелъ въ городъ.

Въ теченіе нѣскольких дней никто не говорилъ о бракѣ. Ландау уѣхалъ, а Меля почти цѣлые дни сидѣла у Розы, чтобы какъ можно рѣже видѣться съ отцомъ, который, встрѣчая ее случайно, всякій разъ улыбался снисходительно, гладилъ ее по щекѣ и спрашивалъ:

— Меля, не хочешь еще Леопольда Ландау?

Она обыкновенно не отвѣчала, хотя поведеніе отца доводило ее до отчаянія и терзало ей нервы. Она не знала, что дѣлать и чѣмъ все это кончится. Къ тому же ее сталъ преслѣдовать тревожный вопросъ, любитъ ли ее Высоцкій. Этотъ вопросъ застрялъ гвоздемъ у нея въ головѣ и все больше кололъ ее неиз-

вѣстностью и сомнѣніями. Иногда, несмотря на всю свою гордость, она готова была откровенно признаться ему въ любви, лишь бы услышать отъ него желанное слово: люблю. Но Высоцкій не показывался у Розы. Меля только разъ встрѣтила его на улицѣ, онъ велъ подъ руку мать. Поклонился ей и, должно быть, объяснилъ матери, кому поклонился, такъ какъ Меля почувствовала на себѣ ея пристальный взглядъ. Къ Эндельманамъ собралась съ Розой только потому, что надѣялась встрѣтить тамъ Высоцкаго. Только надѣялась, такъ какъ не знала, бываетъ ли онъ у нихъ.

Они медленно ѣхали по городу. День былъ прекрасный, улицы немного обсохли, и всюду попадались по-праздничному одѣтые рабочіе: была суббота и какой-то большой праздникъ. Шая сидѣлъ съ ними на передней скамейкѣ и очень заботливо закрывалъ плэдомъ ихъ ноги.

— Роза, я хочу прокатиться, угадай, куда? Если угадаешь, я возьму тебя съ собой, — сказалъ Шая.

Роза машинально взглянула на голубое небо и, не задумываясь, отвѣтила:

— Въ Италію.

— Ты угадала, черезъ нѣсколько дней мы можемъ ѣхать.

— Я поѣду съ тобой, но съ условіемъ, чтобы Меля съ нами поѣхала.

— Пусть ѣдетъ, намъ будетъ веселѣе въ дорогѣ.

— Спасибо, Роза, но ты сама знаешь, что отецъ не согласится.

— Какъ не согласится? Коли я хочу, Грюнспанъ не согласится? Завтра же я у него буду по этому дѣлу,

и въ слѣдующую субботу мы уже будемъ нюхать цвѣты апельсиновъ».

Роза уже бывала въ Италіи съ невѣсткой и братомъ, но теперь ей захотѣлось показать Италію подругѣ. Старикъ Мендельсонъ зналъ Италію очень поверхностно. Всякій разъ, когда морозы сковывали землю и снѣга засыпали Лодзь, въ немъ, какъ у маніака, просыпалась непреодолимая тоска по солнцу и теплѣ и мучила его до тѣхъ поръ, пока онъ не укладывалъ чемодана, бралъ кого-нибудь изъ сыновей и быстро, безъ передышки ѣхалъ въ Италію, въ Ниццу или въ Испанію. Но не позже двухъ недѣль онъ возвращался. Онъ не могъ, не умѣлъ жить безъ Лодзи: ему не доставало тѣхъ шести часовъ, которые онъ ежедневно просиживалъ въ конторѣ, не доставало грохота машинъ, движенія, напряженной жизни фабрики; не доставало Лодзи, и онъ, едва потерявъ ее изъ глазъ, уже начиналъ тосковать по ней и возвращался. Она притягивала его, какъ большой магнитъ притягиваетъ желѣзныя опилки.

— Папа, но я не вернусь съ тобой сейчасъ же.

— Хорошо, я тоже хочу дольше посидѣть тамъ: меня уже мучитъ Лодзь.

Они подъѣхали къ двухэтажному дому, довольно удачной копіи флорентинскаго палаццо. Домъ стоялъ на одной изъ боковыхъ улицъ, въ саду, за желѣзной оградой, покрытой плющомъ и блестѣвшей золочеными остріями, горѣли синія майоликовыя вазы, съ кустами цвѣтущихъ азалій. Вазы по случаю сегодняшняго торжества у Эндельмановъ стояли на столбахъ ограды.

Фабрики акціонернаго общества «Кесслеръ и Эндельманъ» замыкали садъ сзади громадной красной стѣной, сверкавшей на солнцѣ безчисленными окнами.

Кучеръ объѣхалъ клумбу съ оранжерейными цвѣтами и подкатилъ къ подъѣзду съ колоннами, перевитыми плющомъ, съ деревянной балюстрадой, окрашенной подъ мраморъ.

Изъ длинной передней, устланной краснымъ ковромъ, на срединѣ котораго была устроена большая клумба цвѣтущихъ рододендроновъ, вела во второй этажъ лѣстница, покрытая тоже краснымъ ковромъ и украшенныя двойнымъ рядомъ азалій. Бѣлые цвѣты, какъ хлопья снѣга, выдѣлялись на фонѣ стѣнъ, обитыхъ темно-краснымъ дама.

Электричество заливало переднюю и лѣстницу и сверкало въ огромныхъ зеркалахъ.

Нѣсколько лакеевъ въ черномъ съ золотыми галунами на воротникахъ раздѣвали гостей.

— Здѣсь очень красиво, — шепнула Меля, поднимаясь съ Розой по лѣстницѣ.

— Красиво? — презрительно отвѣтилъ Шая, небрежно обрывая лепестки цвѣтовъ и растаптывая ихъ на ходу скрипучими сапогами.

Эндельманъ вышелъ къ двери встрѣтить Мендельсона и привѣтствовалъ его съ восторгомъ и демонстративно ввелъ въ залъ.

— Панъ предсѣдатель очень добръ... а? — закончилъ онъ вопросомъ, насторoживъ ухо, такъ какъ былъ немного глухъ.

— Хотѣлъ видѣть тебя, Эндельманъ... Ну, какъ живешь? — Шая дружески похлопалъ его по плечу.

— Очень благодаренъ. Чувствую себя хорошо и жена тоже... а?

Шумъ въ залѣ немного утихъ послѣ ихъ прихода. Нѣсколько десятковъ гостей встало поздороваться съ хлопчатобумажнымъ королемъ, который въ своемъ длинномъ черномъ халатѣ, въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ рѣзко выдѣлялся среди фраковъ.

Онъ шелъ по залу съ милостивой улыбкой, подавая нѣкоторымъ руку, другихъ хлопая по плечу, женщинамъ просто кивалъ головой и прищуренными глазами обводилъ по залѣ.

Молодой Кесслеръ придвинулъ ему кресло; Шая тяжело опустился, и его тотчасъ окружила толпа.

— Панъ предсѣдатель усталъ? Можетъ быть рюмочку шампанскаго, великолѣпная марка... а?

— Выпью, — торжественно отвѣтилъ Шая, вытирая цвѣтнымъ платкомъ очки, и, только надѣвъ ихъ, сталъ отвѣчать на многочисленные вопросы:

— Какъ здоровье, панъ предсѣдатель?

— Вернулся ли аппетитъ?

— Когда панъ предсѣдатель ѣдетъ на воды?

— Панъ прекрасно выглядитъ.

— Почему же мнѣ плохо выглядѣть? — отвѣчалъ онъ съ улыбкою и съ какой-то пренебрежительною усталостью сталъ вслушиваться въ хоръ голосовъ и слѣдить глазами за Розой, которую окружило нѣсколько женщинъ въ свѣтлыхъ платьяхъ.

Шумный гулъ срывался изъ сосѣднихъ будуаровъ, изъ буфетной и среди той группы дамъ и барышень, которыя сидѣли по срединѣ гостиной.

Эндельманъ вскорѣ вернулся, лакей несъ передъ

нимъ на серебряномъ подносѣ бокалъ и бутылку шампанскаго во льду.

Эндельманъ подрѣзалъ проволоку и, когда пробка выскочила, самъ налилъ жемчужный напитокъ и подалъ.

Мендельсонъ пилъ и пробовалъ вино съ видомъ знатока.

— Недурно, спасибо, Эндельманъ.

— Я думаю: одиннадцать рублей бутылка.

Нѣсколько стульевъ, табуретовъ и низкихъ креселъ образовали полукругъ, въ центрѣ котораго сидѣлъ Шая, какъ король среди придворныхъ и вассаловъ; онъ разстегнулъ сюртукъ, и полы его спускались на землю, открывая атласную жилетку, изъ-подъ которой свисали два бѣлыхъ шнурка; онъ заложилъ ногу на ногу такъ высоко, что носокъ его сапога приходился на уровнѣ головъ собесѣдниковъ, а тѣ, при каждой его фразѣ, всѣ покорно склонялись, замолкали на полусловѣ, когда онъ заговаривалъ, слѣдили за каждымъ движеніемъ его большихъ черныхъ глазъ съ красными вѣками, за каждымъ движеніемъ худой, желтой руки съ обкусанными ногтями и корявыми пальцами. Онъ поглаживалъ свою длинную сѣдую бороду и коротко остриженные сѣдые волосы, подъ которыми розовѣла кожа.

Лицо его было шафраннаго цвѣта, худое, необыкновенно подвижное, носъ горбатый и такой длинный, что, казалось, висѣлъ надъ верхней губой.

Онъ говорилъ медленно, отчеканивая каждое слово и морща бѣлый лобъ съ впавшими висками, выпуклый, съ рѣзкими морщинами.

Передъ его двадцатью милліонами склонялись жалкія единицы милліоновъ и ничтожныя сотни тысячъ рублей; согласнымъ гармоническимъ кольцомъ окружали его евреи, нѣмцы, поляки; передъ лицомъ его могущества, тяготѣвшаго надъ всѣми и гипнотизировавшаго самыхъ уравновѣшенныхъ людей, исчезала расовая рознь, ненависть конкуренціи, личная вражда. Передъ этой щукой всѣ чувствовали себя карасями и ждали съ тревогой, скоро ли онъ соблаговолитъ проглотить ихъ, какъ опредѣлялъ Давидъ Гальпернъ отношеніе мелкихъ фабрикантовъ къ Шаѣ. Но Шая былъ сегодня въ духѣ, не хотѣлъ говорить о дѣлахъ и сталъ подшучивать надъ нѣкоторыми изъ присутствующихъ.

— Кипманъ, у тебя такое брюхо, какъ-будто ты спряталъ туда штуку ситца.

— Зачѣмъ же мнѣ прятать штуку ситца въ брюхо? Я боленъ, я долженъ ѣхать въ Карлсбадъ.

Такъ бесѣдовали лодзинскіе милліонеры, а въ гостиной все больше кипѣла жизнь, и народу все прибывало.

Пани Эндельманъ поддерживала честь своего дома съ болшимъ достоинствомъ и искусствомъ; мужъ энергично помогалъ ей, и поминутно слышалось его пронзительное: «а»?

Шелестъ шелковыхъ платьевъ, шумъ разговоровъ, запахъ духовъ и цвѣтовъ понемногу наполнялъ салонъ, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ салоновъ Лодзи.

Общество дѣлилось на группы, которыя почти терялись въ громадной залѣ, среди массы мебели и въ сосѣднихъ будуарахъ.

Зала выходила окнами въ садъ, за которымъ торчали фабричныя трубы.

Желтыя шелковыя сторы не пропускали внутрь солнца, разсѣивали золотистый полумракъ, въ которомъ неясными очертаніями выступали рамы картинъ, бронзовыя украшенія мебели и блестящая шелковая матерія обивки стѣнъ, съ шитьемъ изъ блѣдно-зеленыхъ вѣточекъ, очень тонкаго рисунка; блѣдно-зеленыя драпри, расшитыя золотистой узорной гладью, окружали стѣны какъ бы рамами, достигавшими потолка, плафонъ котораго изображалъ сцену въ стилѣ Ватто: лугъ, широколиственныя деревья, ручей, вьющійся серебряной лентой среди муравы и цвѣтовъ, гдѣ паслись барашки съ синими ленточками на бѣлыхъ шеяхъ, а толпа пастуховъ и пастушекъ въ парикахъ, въ короткихъ костюмахъ танцовала кадриль подъ звуки свирѣли рыжаго фавна.

Въ углу залы возвышалась прекрасная бронзовая статуя Діаны изъ Фонтенебло, среди бѣлыхъ и пунцовыхъ розъ, которыя вились вокругъ мраморнаго постамента и пятнами ложились на пепельно-зеленоватую бронзу. На этомъ фонѣ сидѣлъ Мендельсонъ и группа фабрикантовъ.

Мебель въ чистѣйшемъ стилѣ Людовика XIV, бѣлая съ золотомъ, съ обивкою блѣдно-зеленаго цвѣта, стояла у стѣнъ подъ цѣлой галлереей очень дорогихъ картинъ. У Эндельмановъ была картинная галлерея, собранная не столько съ пониманіемъ дѣла, сколько со страстью; кромѣ этой мебели было еще много другой, разныхъ стилей: инкрустированные столики, обитые матеріей, китайскія кресла изъ золоченаго бамбу-

ка, съ обивкой изъ яркаго шелка, золоченыя жардиньерки съ цвѣтами. Въ мраморномъ стильномъ каминѣ пылалъ огонь, бросая кроваво-золотистые блики на молодыхъ дѣвицъ, среди которыхъ сидѣли Роза и Меля.

Пани Эндельманъ, въ великолѣпномъ темновишневомъ бархатномъ туалетѣ, отдѣланномъ по модѣ имитаціями драгоцѣнныхъ камней на груди, подошла къ Розѣ.

— Если вамъ скучно, я пришлю Бернарда.

— Нѣтъ ли у васъ кого-нибудь поинтереснѣе?

— Надоѣлъ вамъ?

— Для ежедневнаго обихода онъ хорошъ, но въ виду сегодняшняго торжества я хотѣла бы перемѣны.

— Я приведу вамъ Кесслера или Боровецкаго.

— И Боровецкій тутъ? — спросила она съ любопытствомъ, такъ какъ замѣтила г-жу Ликертъ.

— У насъ вся Лодзь, — отвѣтила она самодовольно, и на ея оттопыренныхъ губахъ, похожихъ на стоптанныя ступени, мелькнула улыбка, съ которой она удалилась величественными шагами въ ореолѣ завитыхъ коричневыхъ волосъ, сколотыхъ брилліантовыми шпильками: большое, расплывшееся лицо, съ тонкимъ изящнымъ носомъ и маленькими черными глазками, сильно подведенными, свѣтилось гордостью.

Она разговаривала со всѣми, всюду поспѣвала и поминутно поглядывала на большой мольбертъ, завѣшенный и украшенный лавровымъ вѣнкомъ, стоявшій подъ однимъ изъ оконъ. На всѣ вопросы, что тамъ такое, она отвѣчала таинственно:

— Сюрпризъ. Чудо... Пане Эндельманъ, — звала она мужа громко.

Тотъ подбѣгалъ быстро и, приставляя ладонь къ уху, выслушивалъ приказанія жены и спѣшилъ ихъ исполнить.

Въ буфетѣ, устроенномъ въ одной изъ боковыхъ комнатъ, стояло нѣсколько мужчинъ во фракахъ, среди которыхъ были Боровецкій и Травинскій. Старикъ Мюллеръ, который раскраснѣлся болѣе обыкновеннаго, говорилъ громко и презрительно плевалъ на паркетъ, ругалъ евреевъ, такъ какъ его раздражала роскошь квартиры Эндельмана и барскія замашки. Боровецкій покручивалъ усы и тупо улыбался, а Травинскій смотрѣлъ на жену, которая, сегодня впервые выступивъ въ Лодзи въ такомъ большомъ обществѣ, сидѣла въ кружкѣ дамъ, затмевая всѣхъ своей аристократической красотой и изысканной простотой костюма. Вѣроятно, она скучала среди этой банальной болтовни женщинъ, такъ какъ отвѣчала отрывисто на вопросы и обводила глазами картины и произведенія искусства, разбросанныя въ гостиной; волны шелка, кружевъ, бархата, усыпанныя множествомъ драгоцѣнныхъ камней, надъ которыми поднимались головки женщинъ, создавали для нея прекрасный фонъ, на которомъ удачно выдѣлялось ея бѣлое платье съ закрытымъ лифомъ, стянутое въ таліи золотымъ поясомъ.

— Кто эта прелестная женщина? — спросилъ Гросглюкъ.

— Моя жена.

— Ну, поздравляю, это ангелъ, трижды ангелъ, а

не женщина! — воскликнулъ банкиръ и заставилъ Травинскаго представить его своей женѣ.

— Пане Боровецкій, вы многихъ дамъ не знаете?— спросилъ Бернардъ.

— Да, представьте меня.

— Это моя сегодняшняя функція.

Бернардъ взялъ Боровецкаго подъ руку, и они вошли въ залу, гдѣ какой-то длинноволосый маэстро пробовалъ рояль, только что перенесенный изъ будуара.

— И музыка будетъ?—поинтересовался Боровецкій.

— Спросите, чего не будетъ, на это мнѣ легче отвѣтить. Вы первый разъ на пріемѣ у моей belle soeur.

— Да, все какъ-то не могъ собраться.

— Тогда мнѣ васъ жаль.

— Почему? Потому что я раньше не бывалъ?

— Да, потому что эта скука была бы уже у васъ за плечами...

— О, напротивъ...

— Вниманіе, начинаемъ... Круглый милліонъ, — шепнулъ онъ, представляя его дочери Мюллера.

— О, мы хорошо знакомы, — радостно воскликнула Мада.

— Скажите другъ другу что-нибудь пріятное, а я черезъ минуту вернусь за вами, — сказалъ Бернардъ.

— Пріятное вы мнѣ уже сказали, — шепнулъ Боровецкій, стоя передъ ней.

— Вы это считаете? — спросила она наивно.

— Я это считаю и буду помнить.

— Какой вы добрый, — проговорила Мада и замолчала, закрывъ лицо вѣеромъ.

Боровецкій окинулъ ее взглядомъ, отъ котораго она вспыхнула. Мада была сегодня очень хороша, въ розовомъ шелковомъ платьѣ, украшенномъ бѣлыми ландышами, красновато-желтые волосы, закрученные въ греческій узелъ, обнажали бѣлую шею, покрытую золотистымъ пухомъ; золотистыя рѣсницы, оттѣнявшія ея голубые, какъ бы фарфоровые глаза, опустились и не смѣли подняться на него.

— Вамъ весело? — спросилъ онъ серьезно, чтобы вывести ее изъ замѣшательства.

— Нѣтъ... да... Пожалуйста, сядьте возлѣ меня.

— Мама здѣсь?

— Нѣтъ; мама не любитъ такихъ собраній, потому что... видите ли, она стѣсняется, а, главное, она не хочетъ бывать въ обществѣ евреекъ, — тихо сказала Мада, улыбаясь изъ-за страусовыхъ перьевъ вѣера.

— А вы?

— Мнѣ все равно, только сначала мнѣ было ужасно скучно.

— А теперь?

— Теперь нѣтъ. Какъ только я увидѣла васъ, я почувствовала себя свободнѣе.

— Благодарю васъ, — онъ улыбнулся.

— Развѣ я сказала что-нибудь не такъ? Въ такомъ случаѣ я больше ничего не скажу.

— Противъ этого я горячо и энергично протестую.

— Нѣтъ, ни за что не буду говорить. Что я ни скажу, выходитъ или глупо или смѣшно.

— Ни то, ни другое, я слушаю васъ не только со вниманіемъ, но и съ настоящимъ удовольствіемъ.

— Пойдемъ кончать барщину, — воскликнулъ Бернардъ, вернувшись.

Боровецкій поклонился, и они ушли. Мада проводила ихъ глазами, она не рѣшилась попросить Карла остаться.

— Двѣсти тысячъ въ бракованныхъ товарахъ или ненадежныхъ векселяхъ, — снова шепнулъ Бернардъ, представляя его некрасивой, почти черной отъ веснушекъ дѣвицѣ, голова, лицо и тощая грудь которой были усыпаны пудрой и брилліантами.

— Свои ли у нея зубы, не ручаюсь, но за брилліанты ручаюсь.

— Вы несравненный чичероне.

— Это извѣстно всей Лодзи... Сейчасъ я подведу васъ къ развалинамъ. Пятьдесятъ тысячъ — деньги на бочку, но папаша можетъ еще разъ сгорѣть, и тогда приданое въ квадратѣ.

Немолодая блѣдная дѣвица съ анемичнымъ взглядомъ и зеленоватымъ лицомъ улыбнулась болѣзненной улыбкой, открывая длинные рѣдкіе зубы и синія десны.

Боровецкій поклонился и торопливо отошелъ: очень ужъ непріятное, просто отталкивающее впечатлѣніе произвело на него это погасшее лицо, похожее на остановившіеся часы въ старомъ, запыленномъ и потрескавшемся саксонскомъ фарфорѣ.

— Сто тысячъ, капризовъ на двѣсти, а ума на три гроша, — шепнулъ Бернардъ, представляя его подругѣ Розы Фелѣ, которая была вся въ движеніи: волосы ея тряслись, глаза бѣгали, ноги, плечи, губы, брови шевелились; она то и дѣло разражалась веселымъ дѣт-

скимъ смѣхомъ и была такъ хороша въ своемъ оживленіи, такъ прелестно складывала ручки, щебетала такимъ наивнымъ голосомъ и такъ нѣжно кокетничала, что Боровецкій шепнулъ:

— Славный ребенокъ.

— Да, только въ этомъ прелестномъ ребенкѣ сидитъ будущая Мессалина.

— Боровецкій не успѣлъ возразить, такъ какъ они приблизились къ Розѣ.

— Роза Мендельсонъ. Одна фамилія говоритъ: сколько. А та, другая, блондинка, Меля Грюншпанъ, приданаго въ цифрахъ я вамъ не назову, но могу сказать, что это самая милая и умная дѣвушка въ Лодзи,— шепнулъ Бернардъ и представилъ Карла подругамъ, которыя посмотрѣли на него съ любопытствомъ.

— Слишкомъ худъ, — шепнула Роза съ такой миной, что Меля не могла удержаться отъ смѣха.

А Бернардъ представилъ его еще нѣсколькимъ дамамъ, старымъ и молодымъ, и вездѣ давалъ нужныя справки. Окончивъ свою работу, онъ оставилъ его на серединѣ гостиной.

Боровецкій сталъ у стѣны и началъ съ любопытствомъ разсматривать гостей. Прямо противъ него была открытая дверь будуара, задрапированная золотисто-зеленой портьерой; тамъ одиноко сидѣла пани Ликертъ и пристально смотрѣла на него. Сначала онъ не замѣтилъ ея взгляда, такъ какъ его заняли цвѣтныя группы женщинъ, которыя среди мебели, цвѣтовъ и зелени искрились драгоцѣнными камнями, какъ витрины ювелировъ. Черные фраки мужчинъ на фонѣ этого богатства красокъ напоминали черныхъ крабовъ

на фонѣ гобелена. Нѣсколько пожилыхъ дамъ, чуть не гнувшихся подъ тяжестью кружевъ, золота и бриллiантовъ, сидѣли рядомъ съ ними и разговаривали такъ громко, что онъ немного отодвинулся.

— Правда, вѣдь это великолѣпно, можно картину писать? — шепнула Боровецкому пани Эндельманъ и увлекла его за собой.

— Несравненно.

— Я беру васъ, съ вами хочетъ познакомиться нѣкто, но предупреждаю, что этотъ нѣкто очень красивъ и очень опасенъ.

— Тѣмъ хуже для меня, — шепнулъ Боровецкiй такъ скромно, что Эндельманъ разсмѣялась и, ударивъ его вѣеромъ по рукѣ, проговорила нѣжно:

— Вы опасный человѣкъ.

— Больше всего для самого себя, — отвѣтилъ онъ совершенно серьезно и вошелъ за ней въ маленькiй будуаръ въ китайскомъ вкусѣ.

Она представила его извѣстной лодзинской красавицѣ, небрежно сидѣвшей на желтой софѣ съ чашкой чая въ рукѣ.

— Вы должны простить мнѣ смѣлость, хотя бы за откровенное признанiе, что я давно хотѣла познакомиться съ вами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но я не достоинъ такой чести, — отвѣтилъ Боровецкiй, съ утомленнымъ и скучающимъ видомъ взглянувъ въ залу, не подойдетъ ли кто-нибудь на помощь.

— Я немного сердита на васъ.

— И это непоправимо? — спросилъ онъ съ улыбкой, слѣдя за ея живыми движенiями.

— Конечно поправимо, если вы проявите надлежащее раскаянiе.

— Хотя и не знаю, въ чемъ, но раскаиваюсь чистосердечно.

— Я сердита за то, что вы очаровали моего мужа.

— Развѣ онъ жаловался, что скучалъ съ нами?

— Напротивъ, онъ доказывалъ, что ему никогда въ жизни не было такъ весело.

— Значитъ, вмѣсто того, чтобы сердиться на меня, вы должны заплатить мнѣ признательностью и притомъ двойной.

— Почему же двойной?

— Во-первыхъ, ему было весело, а во-вторыхъ, онъ своимъ присутствiемъ не испортилъ вашей поѣздки въ Пабiаницы, — отвѣтилъ Карлъ съ ударенiемъ и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза, въ которыхъ мелькнула тревога.

Она сухо разсмѣялась и начала поправлять великолѣпное жемчужное колье, осыпанное бриллiантами, которое обвивало ея прелестную, точно выточенную изъ мрамора шею. При этомъ движенiи перчатки, доходившiя до самыхъ плечъ, немного спустились и обнажили классически прекрасныя руки; она дышала такъ быстро, что ея до половины скрытая грудь поднималась и опускалась.

Она была дѣйствительно красива, но сухой, холодной, классической красотой; изсѣра-стальными глазами, безъ блеска, она долго смотрѣла на Карла и, наконецъ, шепнула:

— Почему Люси не прiѣхала?

Легкая иронiя блеснула въ ея глазахъ.

— Не знаю, о комъ вы говорите, — сказалъ Боровецкій на видъ спокойно.

— О пани Цукеръ.

— Я не зналъ, что пани Цукеръ такъ зовутъ.

— Вы давно съ ней видѣлись?

— Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, я долженъ понимать его...

— Ахъ, вы не понимаете, — произнесла она протяжно съ улыбкой, и блеснулъ рядъ великолѣпныхъ ея зубовъ.

— Вы меня допрашиваете? — спросилъ онъ порывисто, такъ какъ его раздражалъ ея взглядъ и насмѣшливость улыбки.

Она слегка наморщила брови и взглянула на него глазами Юноны, на которую была очень похожа.

— Нѣтъ, пане, я только спрашиваю о Люси, о нашемъ общемъ другѣ; я люблю ее не меньше, чѣмъ вы, но, можетъ быть, нѣсколько иначе, — прибавила она мягко.

— Мнѣ остается вѣрить, что пани Цукеръ заслуживаетъ любви.

— И заслуживаетъ того, чтобы не отрекались отъ любви къ ней, пане Боровецкій. Мы живемъ съ ней какъ сестры и ничего другъ отъ друга не скрываемъ, — сказала она съ удареніемъ.

— И что же? — спросилъ онъ глухимъ отъ гнѣва голосомъ. Его охватила злоба, что Люси разболтала этой классической куклѣ ихъ тайну.

— А то, что нужно довѣрять мнѣ и стараться заслужить мою дружбу, которая не разъ можетъ очень пригодиться.

— Хорошо. Начинаю немедленно.

Онъ пересѣлъ на софу и поцѣловалъ обнаженное плечо; она была такъ декольтирована, что лишь на плечахъ платье поддерживалось лентами, вышитыми драгоцѣнными камнями.

— Это не путь къ братской дружбѣ, — шепнула она съ улыбкой, отодвигаясь отъ него.

— Но другъ не долженъ имѣть такихъ чудесныхъ плечъ и быть такимъ красивымъ...

— И не долженъ проявлять сильныхъ и кровожадныхъ инстинктовъ, — сказала она, поднявшись, расправляя свои прелестные члены и поправляя искусно завитые локоны свѣтлыхъ волосъ, и, видя, что онъ поднимается, она сказала:

— Останьтесь здѣсь еще минуту. Мы были съ вами вмѣстѣ какъ разъ столько, чтобы можно было васъ заподозрить въ любви ко мнѣ.

— Развѣ вы бы разсердились за мою любовь?

— А Люси?... Я правду сказала, что вы людоѣдъ.

— Который неравнодушенъ только къ красотѣ.

— У меня пріемы по четвергамъ, приходите немного раньше...

— Мы увидимся еще сегодня?

— Нѣтъ, я сейчасъ ухожу: ради васъ я оставила больного ребенка...

— Жаль, что не могу выразить свою благодарность такъ, какъ хотѣлъ бы, — воскликнулъ онъ съ улыбкой, окидывая глазами ея станъ и прекрасныя плечи.

Она закрылась вѣеромъ, кивнула ему головой и вышла, прикрывая улыбкой нѣкоторое смущеніе.

— Пане Боровецкій, пани Травинская о васъ спра-

шиваетъ, — сказалъ Бернардъ. — Гдѣ же ваша прекрасная директорша?

— Пошла сѣять глазами смерть и уничтоженіе, — отвѣтилъ онъ.

— Скучная баба.

— Вы бываете на ея четвергахъ?

— Что мнѣ тамъ дѣлать? Тамъ бываютъ только ея поклонники и любовники: прошлые, настоящіе и будущіе... Мы ждемъ васъ...

Боровецкому было такъ скучно, что вмѣсто того, чтобы итти къ Травинской, онъ хотѣлъ незамѣтно пробраться къ выходу и уйти, но около портьеры сосѣдняго будуара онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ пани Ликертъ, своей прежней любовью.

Она повернула назадъ, и Карлъ, подъ непреодолимой силой ея взгляда, пошелъ за ней.

Они уже цѣлый годъ не разговаривали, — разошлись вдругъ, безъ всякихъ объясненій; при встрѣчѣ на улицѣ, въ театрѣ они здоровались издалека, какъ совершенно чужіе люди, и все-таки часто передъ нимъ вставало ея гордое и печальное лицо безмолвнымъ и горькимъ упрекомъ.

Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ говорить съ ней, но всегда у него не хватало мужества; его угнетало то, что ему нечего сказать ей: онъ не любилъ ее. А теперь эта неожиданная встрѣча ошеломила его и охватила скорбною мукой.

— Давно я не видѣла васъ, — спокойно сказала пани Ликертъ.

— Эмма, Эмма, — прошепталъ онъ невольно, всматриваясь въ ея блѣдное лицо.

— Пожалуйте, господа, сейчасъ начнется концертъ, — объявила пани Эндельманъ, окидывая ихъ глазами.

И тотчасъ раздался аккомпанементъ рояля, и чистое, звучное сопрано залило мелодіей пѣсни всю залу.

Шумъ умолкъ, и всѣ обратились къ пѣвицѣ.

Но они ничего не слышали, кромѣ безпокойнаго, тревожнаго біенія собственныхъ сердецъ.

Эмма сѣла въ низкое кресло съ ручками въ видѣ драконовъ, около каминнаго экрана, сквозь который просачивался золотистый свѣтъ пламени и окрашивалъ въ розовый цвѣтъ ея лилейно-блѣдное лицо, — безгранично печальное лицо старѣющей красавицы.

Боровецкій сталъ въ сторонѣ и смотрѣлъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ на ея лицо — еще прекрасное, но на которое время уже наложило свою печать; на впавшихъ вискахъ вилась цѣлая сѣть мелкихъ морщинокъ и уходила къ глазамъ, къ царственнымъ глазамъ съ черными зрачками, горѣвшими подъ тяжелыми длинными вѣками, испещренными тонкими какъ волоски жилками. Подъ глазами были тоже синія пятна, которыя пробивались подъ нѣжнымъ слоемъ бѣлилъ. Высокій и необыкновенно красивый лобъ былъ открытъ, такъ какъ черные волосы съ нитками сѣрѣющихъ волосъ были зачесаны за уши, въ которыхъ горѣли два большихъ брилліанта.

Ярко-красныя, слегка выдающіяся губы, съ опущенными книзу уголками, выражали страданіе. Во всемъ лицѣ и слегка наклоненной головѣ чувствовалась усталость, какая бываетъ послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни, даже губы, единственно молодыя на лицѣ,

были похожи на вянущій цвѣтокъ граната; лицо пріобрѣло меланхолическую нѣжность женщинъ, измученныхъ любовью.

Ея тонкія черты, немедленно отражавшія каждое чувство, нервно сжимались и дрожали отъ рефлексовъ впечатлѣній.

На ней было темнолиловое платье съ открытымъ лифомъ, отдѣланнымъ ярко-желтыми кружевами, рубинами и аметистами; фигура была такъ изящна, стройна, что ее можно было принять за молодую дѣвушку, если бы не нѣкоторая безжизненность плечъ и опущенныя руки.

Она сидѣла, слегка обмахиваясь вѣеромъ, не смотрѣла на него, не смотрѣла ни на кого, хотя ея горящіе глаза были устремлены въ залъ; она чувствовала на себѣ его глаза, и они обжигали ее, пронизывали истерзанное и печальное сердце странной, жгучей болью.

Онъ стоялъ такъ близко, что она слышала его дыханіе и скрипъ манишки, когда онъ наклонялся; видѣла его руку, которой онъ оперся на жардиньерку; стоило ей поднять глаза, и она могла бы наслаждаться видомъ любимаго, давно жданнаго человѣка, но не дѣлала этого и сидѣла неподвижно.

Онъ зналъ, что она изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ только разъ, одна изъ тѣхъ мечтательныхъ натуръ, жаждущихъ идеальной жизни, глухихъ и слѣпыхъ къ повседневности, которыя полны страстной жажды любви и вѣчной преданности любимому человѣку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полны гордости и чувства собственнаго достоинства.

Это и раздражало его больше всего, такъ какъ онъ

предпочиталъ связь съ обыкновенными женщинами, у которыхъ подъ блестящей внѣшностью бьются сердца самокъ или хозяекъ. Такія женщины не дѣлаютъ трагедій изъ мимолетной любви; кончаютъ ее слезами, безсонницей, даже новымъ любовникомъ и всегда возвращаются къ прерваннымъ на время хозяйственнымъ дѣламъ и снова становятся тѣмъ, чѣмъ были раньше, т.-е. ничѣмъ.

«Что я скажу ей»?—думалъ онъ.

— Хорошо поетъ, правда?—прервала она молчаніе, не глядя на него.

— Да, да,—поспѣшно отвѣтилъ онъ, быстро смотря на пѣвицу, которая, кончивъ пѣсню, окруженная толпой мужчинъ, направлялась въ буфетъ.

Рояль замолкъ, шумъ голосовъ съ новой силой наполнилъ залу.

Лакеи разносили мороженое, варенье, пирожное, конфеты и шампанское, которое то и дѣло хлопало пробками.

— Вы уже пустили въ ходъ свою фабрику?—спросила Эмма.

— Нѣтъ еще, я сдѣлаю это только съ осени,—отвѣтилъ онъ съ изумленіемъ, такъ какъ приготовился совсѣмъ къ другому вопросу.

Они взглянули другъ другу въ глаза, до самой глубины души.

Эмма первая опустила глаза, на рѣсницахъ у нея заблестѣли слезы, и она тихо сказала:

— Я отъ всей души желаю вамъ счастья... во всемъ... вы, вѣрно... вѣрите, что я всегда желаю вамъ... искрен-

но... какъ никому... Всегда попрежнему... безъ перемѣны... — глубокая грусть зазвучала въ ея голосѣ.

— Благодарю... — Склонилъ голову.

— Прощайте, — произнесла она, вставая, такимъ тономъ, что онъ вздрогнулъ и, подъ наплывомъ какой-то внезапной тревоги или страха, прошепталъ лихорарадочно:

— Эмма, не уходи такъ. Я долженъ съ тобой видѣться; если ты не совсѣмъ забыла обо мнѣ, если ты не считаешь меня послѣднимъ ничтожествомъ, позволь мнѣ притти къ тебѣ: я долженъ съ тобой говорить... Отвѣть мнѣ хоть слово, умоляю тебя.

— На насъ смотрятъ. Прощайте. Мнѣ нечего вамъ сказать. Прошлое умерло въ моемъ сердцѣ настолько, что я уже не помню его; а если вспоминаю иногда, то со стыдомъ...

Затуманенными отъ слезъ глазами она взглянула на его поблѣднѣвшее лицо и ушла.

Ея послѣднія слова были неправдой: она только вложила въ нихъ всю свою месть, и теперь, медленно проходя черезъ залу, жалѣла о ней, ей неудержимо хотѣлось вернуться, броситься къ его ногамъ, молить о прощеніи... но не вернулась и шла, улыбаясь знакомымъ, обмѣниваясь съ ними взглядами и словами, но никого не замѣчая...

Она пріѣхала къ Эндельманамъ только ради Карла; она рѣшилась на этотъ шагъ только послѣ долгихъ мѣсяцевъ страданій, послѣ страшной борьбы съ тоскою и любовью, которыя жгли все ея существо. Она хотѣла видѣть его, говорить съ нимъ; на днѣ ея гордаго сердца, подъ развалинами несбывшихся мечтаній, таи-

лась слабая надежда, что онъ еще любитъ ее, что только какія-то необъяснимыя причины раздѣлили ихъ на время, и когда онѣ будутъ выяснены и устранены...

Но теперь она возвращалась какъ въ могилу, гдѣ истлѣли послѣдніе слѣды жизни, истлѣли и распались на куски, покрылись великой мертвой тишиной вѣчной ночи.

Боровецкій шелъ среди толпы къ буфету, чтобы притти въ себя, ибо послѣднія ея слова были для него какъ замороженная въ жирѣ стальная пружина: теперь она распрямлялась медленно рвала его внутренности острой, пронзительной болью. Онъ все готовъ былъ перенести: слезы, отчаяніе, упреки, но того презрѣнія, которое она бросила ему въ лицо, онъ перенести не могъ. По дорогѣ пани Эндельманъ взяла его подъ руку, чтобы показать картины и произведенія искусства, безпорядочно нагроможденныя въ нѣсколькихъ комнатахъ. Но ей тотчасъ пришлось уступить его Гросглику, имѣвшему къ нему какое-то дѣло.

Послѣ пѣнія общество снова разбрелось.

Шая, окруженный своей свитой, перебрался въ буфетъ, и мѣсто его въ залѣ заняла теперь пани Травинская въ кругу молодыхъ женщинъ, между которыми были Меля и Роза.

Пани Эндельманъ поминутно къ кому-нибудь подходила и шептала съ тріумфомъ:

— У насъ сегодня вся Лодзь. Правда, очень весело?

— Чудесно, — отвѣчали ей, зѣвая украдкой, такъ какъ всѣмъ было скучно.

— Пане Эндельманъ, — кричала она мужу, подбѣгавшему къ ней, какъ балерина къ рампѣ, что при его

тонкихъ ножкахъ и большомъ животѣ производило смѣшное впечатлѣніе. — Пане Эндельманъ, велите нести мороженое въ китайскій будуаръ.

— Сейчасъ велю нести мороженое... а? — отвѣчалъ онъ, прикладывая ладонь къ уху.

— И шампанскаго для мужчинъ.

— Сейчасъ и шампанскаго для мужчинъ.

— Правда, всѣмъ весело? — спросила она тихо.

— А? Очень весело, выпили почти все шампанское.

Они разошлись. Эндельманъ каждую минуту заглядывалъ въ буфетъ и съ нѣкоторой высокомѣрной грустью констатировалъ фактъ, что гости, пренебрегая другими винами, пили только шампанское.

— Эти хамы такъ пьютъ шампанское, точно это мюнхенское пиво... что? — шепнулъ онъ Бернарду.

— Вѣдь у тебя есть еще запасъ?

— У меня вино есть, но у нихъ нѣтъ такта: пьютъ точно это ничего не стоитъ.

— Ты великолѣпенъ: нужно разсказать это Лодзи.

— Что?... Не дури, Бернардъ.

Но Бернардъ не послушался и со смѣхомъ сталъ разсказывать Розѣ, къ которой подсѣлъ.

— Господа, дамы скучаютъ однѣ, — обращался Эндельманъ къ молодежи, собравшейся въ буфетѣ, чтобы отвлечь ее отъ вина, но никто не двигался съ мѣста.

Одинъ только Бернардъ занималъ дамъ. Онъ сидѣлъ противъ Травинской и ежеминутно отпаливалъ такіе смѣшные парадоксы, что красная голова Розы склонялась до самыхъ колѣнъ, чтобы удержаться отъ хохота. Травинская смѣялась свободнымъ, снисходительнымъ смѣхомъ надъ его шутовствомъ и искала гла-

зами мужа, который бесѣдовалъ съ Боровецкимъ подъ статуей Діаны такъ оживленно, что она временами слышала ихъ голоса.

Остальные скучали, кто какъ могъ

Мада бродила сонно, притворяясь, будто разсматриваетъ картины, а сама все ближе подвигалась къ Боровецкому.

Старшія дамы дремали въ креслахъ или, собравшись въ будуарахъ, занимались новостями; молодыя слушали разговоръ Травинской съ Бернардомъ и бросали тяжелые грустные взгляды въ сторону буфета, откуда доносились возбужденные шампанскимъ голоса мужей и отцовъ.

Понемногу скука расползалась по всей залѣ.

Всѣ смотрѣли другъ на друга равнодушно и какъ бы враждебно, точно приписывая другъ другу вину общей скуки. Костюмы были осмотрѣны, драгоцѣнности, которыми были усыпаны женщины, оцѣнены, перемыты всѣ косточки хозяевъ и гостей, и, въ концѣ-концовъ, дѣлать было больше нечего. Ничто не объединяло собравшихся, ничего общаго у нихъ не было. Онѣ явились сюда потому, что тонъ лодзинской жизни требовалъ бывать у Эндельмановъ такъ же, какъ онъ требовалъ восхищаться ихъ картинной галлереей, иногда бывать въ театрѣ, иногда жертвовать что-нибудь бѣднымъ, жаловаться на недостатокъ общественной жизни въ Лодзи, ѣздить за границу и т. д. Всѣ съ трудомъ приноровлялись къ принятымъ въ свѣтѣ формамъ, которыя были имъ чужды и безразличны.

Объ этомъ какъ разъ и заговорилъ Бернардъ.

— Вы не любите Лодзь? — прервала его Травинская, чтобы сократить слишкомъ длинную тираду.

— Не люблю, но не могъ бы жить безъ нея: нигдѣ я такъ не скучаю и нигдѣ не нахожу столько смѣшного, какъ здѣсь.

— Ага, вы коллекціонируете смѣшныя стороны?

— Улыбкой вы осудили мое занятіе?

— Не совсѣмъ: я хотѣла бы знать цѣль этого коллекціонерства.

— Я думалъ, вы захотите услышать что-нибудь изъ этой коллекціи...

— Вы ошибаетесь: я не любопытна.

— Ни въ чемъ? — спросилъ онъ немного насмѣшливо.

— По крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается моихъ ближнихъ.

— Если они скучны, ахъ какъ скучны! — жалобно произнесла Тони.

— Даже женщины васъ не интересуютъ?

— Не больше, чѣмъ люди вообще.

— А если бы я захотѣлъ разсказать что-нибудь очень любопытное, напримѣръ, о пани Смолинской, которая сейчасъ уходитъ? — тихо спросилъ Бернардъ.

— Объ отсутствующихъ такъ же, какъ о мертвыхъ, я никогда не говорю.

— Можетъ быть вы правы: и тѣ и другіе скучны.

— А еще скучнѣе тѣ, что играютъ роль скучающихъ, — замѣтила Роза, глядя на него съ ироніей.

— Хорошо. Будемъ говорить о картинахъ. Это для васъ подходящая тема? — раздраженно спросилъ онъ.

— Ужъ лучше о литературѣ, — горячо предложила Тони, которая поглощала массу романовъ.

— Вы читали Бурже? — робко промолвила молчавшая все время дѣвушка съ запыленнымъ лицомъ, похожимъ на остановившіеся часы.

— Я не читаю рыночной литературы: въ дѣтствѣ я прочелъ «Розу изъ Танненберга» и другіе шедевры, этого мнѣ достаточно на всю жизнь.

— Вы слишкомъ строго судите Бурже, — замѣтила Меля.

— Можетъ быть строго, но справедливо.

— Спасибо за поддержку, — Бернардъ поклонился Травинской. — Я читалъ одну книгу этого якобы великаго писателя, якобы психолога и моралиста, читалъ довольно внимательно, — меня принудила къ этому слава, которою онъ пользуется у насъ, — и мнѣ онъ показался сластолюбцемъ-старцемъ, разсказывающимъ въ высокомъ тонѣ, съ циничной улыбочкой, отвратительныя исторіи...

— Можетъ быть мы начнемъ говорить теперь о женщинахъ: не будетъ ли это подходящая тема для мужчинъ? — ядовито прервала Травинская.

— Ну, такъ давайте говорить о такъ называемомъ прекрасномъ полѣ, если нѣтъ болѣе интересной темы...

Онъ комически развелъ руками, но въ сущности былъ золъ на Нину.

— Осторожнѣе, вы начинаете насъ оскорблять.

— Земные ангелы не должны оскорбляться... Но такъ какъ я многаго не могу сказать про ангеловъ: этотъ сортъ неизвѣстенъ въ Лодзи, то я удаляюсь и

приведу сюда человѣка, который будетъ освѣдомленнымъ въ этой спеціальности.

Сказавъ это довольно рѣзко, онъ поднялся и сейчасъ же привелъ молодого Кесслера, рыжаго, худого нѣмца съ выпуклыми голубыми глазами и большими, выдающимися скулами, поросшими золотистой растительностью.

— Робертъ Кесслеръ, — представилъ его Бернардъ, посадилъ на свое мѣсто и удалился къ группѣ мужчинъ, которые во главѣ съ Эндельманомъ осматривали картины въ длинной комнатѣ-галлереѣ.

— Пане Гросглюкъ, посмотрите-ка на эту мадонну, это изъ Дрездена мадонна, — говорилъ Эндельманъ.

— Прекрасная картина, — протяжно отвѣчалъ старикъ Либерманъ и, заложивъ руки въ карманы и выпятивъ животъ, сталъ разсматривать раму картины.

— Это премированная картина. Массивная вещь и стоитъ большихъ денегъ... а?

— Сколько? — тихо спросилъ Гросглюкъ, поглаживая указательнымъ пальцемъ лѣвой руки, на которомъ блестѣлъ огромный рубинъ, жесткія черныя бакенбарды, прилипшія къ его круглому лицу, какъ котлеты: усы и бороду онъ тщательно брилъ. Онъ такъ высоко задралъ подбородокъ, что двѣ складки на толстой, красной шеѣ закрыли воротничокъ и сдѣлали его похожимъ на откормленную свинью, которая напрасно силится стянуть съ забора бѣлье... Пальцы правой руки онъ засунулъ въ жилетный карманъ.

— Сколько? — спросилъ онъ тихо, такъ какъ всегда такъ говорилъ, и съ серьезнымъ видомъ поднялъ черныя дугообразныя брови на выпукломъ лбу, пред-

ставлявшія рѣзкій контрастъ съ сѣдыми волосами и розовымъ лицомъ.

— Не помню, этимъ занимается мой секретарь, — небрежно отвѣтилъ Эндельманъ. — Посмотрите на эту жанровую картину, она почти живая, движется.

— Очень красивыя краски, — пробормоталъ кто-то.

— И еще лучше капиталъ... а?

— Да, да, одна рама для такого ландшафта много стоитъ, — серьезно замѣтилъ толстый Кнабе съ видомъ знатока постукивая портсигаромъ по бронзовой рамѣ.

— У васъ хватитъ денегъ завести и золотую, пане Кнабе: кто можетъ завести шляпу, тотъ можетъ завести и голову, — разсмѣялся Гросглюкъ, который всегда иллюстрировалъ свои мысли сравненіями.

— Геніально сказано, пане Гросглюкъ, — замѣтилъ Бернардъ, подавляя смѣхъ.

— Я могу, — скромно шепнулъ банкиръ.

— Пожалуйте, господа: вотъ еще одна мадонна, копія Чимабуэ, но она лучше оригинала, даю вамъ слово, лучше: она стоитъ тысячу рублей... а? — спросилъ Эндельманъ, замѣтивъ улыбку сомнѣнія на лицѣ банкира.

— Посмотримъ, я очень люблю мадоннъ. Я своей Мэри купилъ мадонну Мурильо... Ей пріятно имѣть въ своей комнатѣ такую мадонну, почему мнѣ было не купить?

Такъ они осмотрѣли нѣсколько десятковъ полотенъ и, наконецъ, остановились передъ большой миѳологической картиной, занимавшей полстѣны и изображавшей входъ въ Аидъ.

— Это большая штука! — съ изумленіемъ воскликнулъ Кнабе.

Эндельманъ началъ объяснять содержаніе картины, но его быстро прервалъ Гросглюкъ.

— Это обыкновенный могильщикъ, а картина глупая: зачѣмъ рисовать такія грустныя вещи? Когда я вижу похороны, я потомъ нѣсколько дней долженъ лечиться: у меня болитъ сердце. Кому умереть суждено, тотъ не утонетъ.

— Второй номеръ концерта, прошу въ залу, господа! — приглашала пани Эндельманъ.

— Можно поздравить васъ съ такой галлереей, можно поздравить, — кричалъ банкиръ. — Что они будутъ тамъ дѣлать въ гостиной?

— Извольте программу: тамъ напечатано. — Бернардъ подалъ ему длинный свитокъ сырого шелка, украшенный рисунками отъ руки, съ французскимъ текстомъ программы.

Они вернулись въ залу, гдѣ двое наемныхъ артистовъ блистали какимъ-то французскимъ діалогомъ. Мужчины, столпившись у дверей буфета, слушали со скучающими лицами и тихонько пятились назадъ къ оставленнымъ стаканамъ и рюмкамъ; зато женщины съ жадностью пожирали глазами декламаторовъ, изображавшихъ молодыхъ наивныхъ любовниковъ, которыхъ въ горахъ схватили разбойники и разлучили. Они, наконецъ, встрѣтились и разсказывали свои приключенія съ такимъ наивнымъ цинизмомъ, съ такой изящной разнузданностью, что дамы тряслись отъ смѣха и горячо аплодировали.

Громко кричала нагруженная, какъ ювелирный ма-

газинъ, брилліантами, пани Конъ, жена фабриканта, и ея маленькіе, заплывшіе жиромъ глазки слезились отъ удовольствія, а толстыя, налитыя щеки и плечи, похожія на тюки чернаго шелка, тряслись отъ смѣха.

— Сколько они тебѣ стоятъ, Эндельманъ? — тихо освѣдомился Гросглюкъ.

— Сто рублей и ужинъ, но это стоитъ тысячу, потому что гостямъ весело.

— Это хорошая идея. Я ихъ закажу на именины жены.

— Закажите теперь, они сдѣлаютъ большую скидку, — шепнулъ ему черезъ плечо Бернардъ и подошелъ къ Мелѣ, одиноко сидѣвшей сзади всѣхъ. Роза сидѣла въ первомъ ряду, чтобы не пропустить ни слова изъ діалога.

— Проснись, Меля. О чемъ ты мечтаешь?

— Сейчасъ я думала о тебѣ, — тихо шепнула она, поднимая на него свои сѣрые глаза.

— Нѣтъ, ты думала о Высоцкомъ, — процѣдилъ Бернардъ и сталъ сердито обрывать гіацинты, стоявшіе на столѣ.

Она смотрѣла на него изумленными и какъ-будто испуганными глазами.

— Я точно такъ же могла думать о Ландау, о комъ-нибудь вообще изъ знакомыхъ, и ты могъ бы назвать любую фамилію, если не вѣришь моимъ словамъ.

— Прости меня. Я огорчилъ тебя?

— Да. Ты знаешь, что я никогда не говорю того, чего не думаю.

— Дай мнѣ руку.

Она протянула руку въ бѣлой перчаткѣ съ сѣрымъ

шитьемъ. Бернардъ разстегнулъ пуговки и поцѣловалъ руку довольно сильно.

— Если можно Высоцкому, можно и мнѣ, — оправдывался онъ, когда Меля довольно рѣзко вырвала руку. — Кстати, о Ландау. Мнѣ говорили въ городѣ, что ты выходишь за него замужъ. Правда?

— А что ты отвѣтилъ тѣмъ, кто говорилъ тебѣ объ этомъ?

— Что этотъ слухъ никогда не осуществится.

— Спасибо, онъ дѣйствительно не осуществится. Даю тебѣ слово, что я за него не выйду, — прибавила она настойчивѣе, видя недовѣріе въ его глазахъ.

По его худому, блѣдному лицу мелькнулъ лучъ удовольствія.

— Я вѣрю тебѣ и ни на минуту не предполагалъ, чтобы ты могла выйти за него. Ты и этотъ грубый конторщикъ,—вѣдь онъ—простой гешефтмахеръ, безъ всякаго воспитанія, грязный жиденокъ. Я бы ужъ въ крайнемъ случаѣ предпочелъ видѣть тебя за Высоцкимъ.

Глаза ея сверкнули, легкій румянецъ покрылъ лицо, она опустила рѣсницы передъ его пытливымъ взглядомъ и, поправляя браслетъ, шепнула:

— Ты не долюбливаешь Высоцкаго?

— Я уважаю его, какъ человѣка: онъ честенъ, довольно уменъ, но я ненавижу его какъ твоего поклонника.

— Ты говоришь только такъ — тебѣ хорошо извѣстно, что никого нельзя назвать съ меньшимъ правомъ моимъ поклонникомъ, чѣмъ его, — сказала она съ притворной искренностью, чтобы выпытать что-нибудь у

Бернарда. Она думала, что если они въ пріятельскихъ отношеніяхъ, то Высоцкій долженъ быть съ нимъ откровененъ.

— Я знаю, что говорю. Онъ еще не отдаетъ себѣ отчета, но любитъ тебя.

— Да, но вѣдь онъ католикъ, — вырвалось вдругъ у нея признаніе.

— Ага, вотъ въ чемъ дѣло. Поздравляю... поздравляю, — повторялъ онъ медленно, и язвительная улыбка блуждала на его тонкихъ губахъ.

Онъ небрежно взъерошилъ черные курчавые волосы, покрутилъ маленькіе усики и всталъ; на его тонкомъ, типично еврейскомъ лицѣ появилась тѣнь не то раздраженія, не то гнѣва. Ноздри вздрагивали отъ волненія, а черные оливковые глаза тревожно бѣгали по лицу Мели.

Онъ повернулся и хотѣлъ уйти не говоря ни слова.

— Бернардъ, — сказала она торопливо.

— Сейчасъ вернусь, — отвѣтилъ онъ, поворачивая къ ней уже спокойное лицо, на которомъ была только обычная презрительная улыбка.

Меля не обратила вниманія на его раздраженіе: то, что онъ сказалъ ей, наполняло ея сердце сладостной теплотой. Она сидѣла съ зажмуренными глазами и, вдыхая сильный запахъ гіацинтовъ, шептала, упоенная радостью и счастьемъ: — Такъ это правда?

Но ея радость прервали громкіе аплодисменты, — актеры кончили діалогъ.

— Бернардъ! — пани Конъ, вытирая слезящіеся глаза и лоснящееся отъ жира лицо, все еще кричала Бернарду, проходившему мимо.

— Она говоритъ по-французски, какъ испанская корова, — шепнулъ онъ Травинской, которая искала глазами мужа.

Травинская только улыбнулась въ отвѣтъ.

— Можетъ быть гости соблаговолятъ не оставлять своихъ мѣстъ? — предложилъ громко Эндельманъ.

И тотчасъ лакеи перенесли мольбертъ къ окну и по знаку хозяйки открыли его.

— Пожалуйте, господа, къ картинѣ, къ новому шедевру. Прошу осмотрѣть. Пане Эндельманъ, велите поднять шторы.

Всѣ столпились передъ полотномъ, увѣнчаннымъ лаврами. Это былъ морской пейзажъ Крэя. Нѣсколько нимфъ отдыхали на скалѣ, подымавшейся среди голубыхъ тихихъ водъ какого-то южнаго залива. Магнолiи, покрытыя цвѣтами, похожiя на конусообразные букеты, бросали розовую тѣнь на сапфиръ водъ, что ласково и нѣжно волновались и ударяли въ зеленые скалистые берега. Нѣсколько чаекъ кружились надъ нимфами, а въ сторонѣ изъ лавроваго лѣса, блестѣвшаго яркою зеленью, изъ-за миндальныхъ деревьевъ и магнолiй выдѣлялись огромныя фигуры центавровъ, покрытыхъ рыжими волосами, съ лицами, горящими страстью. Надъ всѣмъ пейзажемъ стояла сладостная тишина жаркаго дня, насыщенная запахомъ цвѣтовъ, шумомъ моря и бирюзою неба, которое разливалось великимъ просторомъ и сливалось на горизонтѣ съ моремъ.

— Почему онѣ голыя?

— Имъ жарко...

— А по-вашему, пане Гросглюкъ, имъ купаться въ платьяхъ?

— Это миѳологическая сцена, пане Гросглюкъ.

— Это, прежде всего, голая сцена.

— Чудная картина, великолѣпная, — восклицали дамы.

— Ну, а гдѣ же ихъ платье, почему оно не нарисовано? Художникъ, должно быть, шарлатанъ.

— Это вѣдь нимфы, пане Конъ.

— Конъ, ты столько же понимаешь въ нимфахъ, какъ... нимфы въ тебѣ, — воскликнулъ Гросглюкъ.

— Пане Конъ, если бы Крэй былъ шарлатанъ, его картинъ у меня бы не было, понимаете? — высокомѣрно произнесла пани Эндельманъ.

— Мой мужъ ничего не понимаетъ въ живописи, онъ знатокъ бумазеи, — оправдывала пани Конъ своего мужа такъ горячо, что нѣсколько человѣкъ фыркнули отъ смѣха.

— Какая прелесть. Это море какъ настоящее, совсѣмъ какъ возлѣ нашей виллы въ Генуѣ. Мы въ прошломъ году были въ Генуѣ.

— Въ Біарицѣ тоже много воды, — замѣтилъ банкиръ, — но я не люблю смотрѣть на нее: меня тошнитъ.

— Но обратите вниманіе, господа, — это море почти слышишь. А эти цвѣты точно живые и пахнутъ, — шептала пани Эндельманъ, обращая вниманіе гостей, которые стали уже расходиться.

— Краской пахнетъ, — замѣтилъ Кнабе, наклоняясь къ картинѣ.

— Я, видите ли, велѣла покрыть картину лакомъ.

— Отъ этого краски потеряли свѣжесть и почернѣ-

ли, а слой лака такъ блеститъ, что трудно что-нибудь разобрать, — тихо объясняла ей Травинская, хорошо понимавшая живопись.

— Я люблю, чтобы былъ глянецъ. Мнѣ все равно: ландшафтъ, жанровая картина, миѳологическая или историческая, я все покупаю, мы можемъ себѣ это позволить, но я люблю, чтобы на моихъ картинахъ былъ глянецъ. Это придаетъ имъ приличный видъ, — объясняла хозяйка громко и такъ откровенно, что Нина должна была закрыть лицо вѣеромъ, чтобы не расхохотаться.

— Бернардъ, развѣ я не права?

— Совершенно: ты увеличиваешь цѣнность картины. Кто же держитъ кастрюли въ кухнѣ нечищенными, безъ глянца?

— Ты смѣешься надо мной, а я, признаюсь, люблю, чтобы все имѣло хорошій, новый видъ.

— Знаю, поэтому ты и велѣла вычистить самоварной мазью старинное оружіе и китайскія бронзовыя статуэтки.

Роза разсмѣялась этому объясненію и, чтобы скрыть смѣхъ, сказала:

— Пойду, приведу отца посмотрѣть картину.

И она пошла въ буфетъ, гдѣ Шая сидѣлъ съ Мюллеромъ, и попросила его итти.

— Къ чему мнѣ эта выставка? Мнѣ и тутъ хорошо съ паномъ Мюллеромъ. Я море знаю; что за зрѣлище? Это такой же прудъ, какъ тотъ, что я велѣлъ выкопать въ моемъ имѣніи, немного побольше... Кипманъ, я тебя когда-нибудь приглашу въ мое имѣніе, —

обратился онъ къ старому пріятелю, который сидѣлъ у буфета.

— Какъ же вамъ нравится моя belle soeur, — спрашивалъ Бернардъ Боровецкаго.

— Во всякомъ случаѣ исключительная женщина. Покупаетъ картины, собираетъ галлереи...

— Чтобы ею хвастаться. Галлерея поднимаетъ ее въ собственныхъ глазахъ надъ грубой темной массой милліонеровъ. Здѣсь дѣло не въ потребности, не въ любви къ искусству, а въ самолюбіи.

— Каковы бы ни были мотивы, но у нея собрано все-таки довольно много дѣйствительно цѣнныхъ произведеній.

— У нея своя система. Если ей нравится картина, она долго ходитъ вокругъ нея, разспрашиваетъ знатоковъ о ея стоимости, упорно торгуется и покупаетъ лишь тогда, когда знаетъ, что ничего не потеряетъ, купивши.

— Вы зайдете въ гостиницу? Сегодня долженъ быть Куровскій.

— Приду, я не видѣлъ его мѣсяца два.

— Можетъ быть, вы извинитесь за меня передъ вашими: мнѣ надо итти.

Боровецкій пожалъ ему руку и вышелъ незамѣтно.

Сумерки заливали уже городъ, зажигались фонари, освѣщались магазинныя витрины, когда онъ очутился на Петроковской.

Онъ вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ на чистомъ воздухѣ.

Онъ не рѣшился уйти вслѣдъ за мадамъ Ликертъ,

чтобы на это не обратили вниманія и не стали снова сплетничать и трепать имя Эммы.

Скучалъ онъ у Эндельмановъ адски: его нисколько не интересовало ни общество, ни концерты, ни новая картина. Онъ былъ еще оглушенъ страннымъ разговоромъ съ Эммой и ея послѣдними словами. Не могъ понять собственнаго состоянія, такъ какъ никогда еще не чувствовалъ себя такимъ взволнованнымъ и разстроеннымъ.

«Презираетъ и ненавидитъ», думалъ онъ. Это презрѣніе и ненависть были для него все больнѣе.

XII.

У самой квартиры, на тротуарѣ, его ожидала женщина съ четырьмя дѣтьми, которая все хлопотала о вознагражденіи за смерть мужа.

— Вельможный пане. Я къ вамъ съ покорной просьбой, — молила она, падая къ его ногамъ.

— Что вамъ нужно? — рѣзко спросилъ онъ.

— А вотъ насчетъ того, что вельможный панъ обѣщалъ, — фабрика, молъ, заплатитъ мнѣ за то, что мужа машина разорвала.

— А? Вы жена Михаляка? — проговорилъ онъ мягче, глядя на ея красные глаза и исхудавшее синее лицо, изможденное нищетой.

— Жена Михаляка, та самая, что уже съ осени...

— Вамъ заплатятъ двѣсти рублей. Вамъ надо пойти къ пану Бауеру; онъ вамъ заплатитъ, у него ваше дѣло.

— Я была уже сегодня, но этотъ нѣмецъ чумной велѣлъ сбросить меня съ лѣстницы и сказалъ черезъ лакея, что посадитъ меня въ тюрьму, если я буду ходить къ нему, когда у него праздникъ. Чтобъ издохнуть ему, собакѣ, за мое сиротство и горе...

— Придите въ понедѣльникъ въ контору пана Бухгольца, вамъ заплатятъ. Обождите еще день.

— Да, я жду, вельможный панъ, прошло лѣто, прошла осень, прошла зима и весна идетъ, а я все жду, вельможный панъ. Горе ѣстъ меня съ дѣтьми поѣдомъ, точно звѣрь лютый, и ни откуда нѣтъ спасенія. Ужъ и силъ нѣтъ терпѣть. Коли вы, вельможный нашъ панъ дорогой, не спасете насъ, пропадать намъ.— Женщина тихо заплакала и съ отчаяніемъ въ безпомощности смотрѣла ему въ глаза.

— Придите въ понедѣльникъ, какъ я вамъ сказалъ,— проговорилъ Карлъ и, войдя въ квартиру, приказалъ Матвѣю вынести этой женщинѣ рубль.

— Такъ она еще здѣсь? Я ее выгонялъ изъ сѣней уже три раза, а эта скука все лѣзетъ, пищитъ со своими щенятами. Нечего дѣлать, надо вздуть.

— Дай ей деньги и не смѣй тронуть ее пальцемъ, слышишь?— раздраженно крикнулъ онъ и вошелъ въ комнату.

Максъ съ трубкой въ зубахъ лежалъ на оттоманкѣ, а Муррей, въ черномъ платьѣ, очень взволнованный, сидѣлъ возлѣ него и упорно смотрѣлъ въ свою шляпу.

Карлъ только кивнулъ имъ головой и пошелъ въ свою комнату.

Онъ привелъ въ порядокъ бумаги на письменномъ столѣ, поправилъ цвѣты въ вазонахъ, долго разсма-

тривалъ фотографію Анки, распечаталъ ожидавшее его письмо, но не прочелъ его и отложилъ въ сторону. Потомъ сталъ ходить, то и дѣло присаживался на какой-нибудь стулъ и смотрѣлъ въ окно.

Онъ походилъ на человѣка, раненаго въ самое сердце, который не можетъ отдать отчета въ своемъ состояніи и шатается безсознательно, ища равновѣсія или возможности ухватиться за что-нибудь.

Онъ не могъ избавиться отъ ѣдкаго впечатлѣнія словъ Эммы. Наконецъ усѣлся у окна и сталъ безсмысленно смотрѣть, какъ гасла надъ городомъ вечерняя заря.

Мутная, грязная сѣрость сумерекъ заливала комнату, принося съ собой скуку и апатію, которую онъ началъ теперь чувствовать.

Боровецкій не позволилъ зажечь лампу и, сидя въ темнотѣ, слушалъ, какъ замираетъ шумъ на улицѣ.

Голосъ Макса раздавался изрѣдка, и все яснѣе чувствовался подавленный глухой шопотъ англичанина.

— Что дѣлать. И собака привыкаетъ къ своей конурѣ. Знаете, когда я бываю у Смолинскихъ, меня охватываетъ такая странная теплота, такой покой, мнѣ такъ хорошо тамъ, свѣтло, весело, и я потомъ со страхомъ думаю, что нужно вернуться къ себѣ, въ пустыя стѣны, въ темную, холодную квартиру. Мнѣ ужъ такъ надоѣла холостая жизнь, что я, наконецъ, сегодня рѣшилъ...

— Сдѣлать предложеніе... который это разъ? — проворчалъ Максъ.

— Да, сдѣлаю предложеніе, и сейчасъ же послѣ Пасхи свадьба. Въ іюнѣ я возьму отпускъ: увезу жену

въ Англію, въ нашу семью. Ахъ, какъ она была хороша сегодня въ костелѣ, — воскликнулъ онъ.

— Кто же она, ваша избранница?

— Узнаете завтра.

— Нѣмка, еврейка, полька? — спросилъ Максъ съ любопытствомъ.

— Полька.

— Если она католичка, то не пойдетъ за васъ: онѣ держатся своей религіи съ упорствомъ пьяныхъ.

— Это ничего, я вамъ признаюсь по секрету, что какъ только сдѣлаю предложеніе, сейчасъ же перейду въ католичество. Мнѣ все равно: моя религія — любовь.

— Къ женѣ?

— Только жену можно любить и уважать, только жена достойна поклоненія.

— Вы еще не были женаты, — попробуйте сначала.

Боровецкій прервалъ ихъ разговоръ.

— Максъ, ты придешь къ Куровскому?

— Приду. А ты уже уходишь?

— Да, до свиданья, Муррей.

— Я пойду вмѣстѣ съ вами.

Муррей быстро одернулъ сюртукъ, простился, и они сейчасъ же вышли.

Въ этой части Петроковской улицы, между рынкомъ Гейера и Евангелической улицей, на тротуарахъ было довольно пусто и тихо. Освѣщенныя окна низкихъ одноэтажныхъ домовъ, за которыми виднѣлась внутренность квартиръ, выглядывали на улицу.

Боровецкій молчалъ, а Муррей съ любопытствомъ заглядывалъ въ окна и то и дѣло останавливался.

— Посмотрите, какъ это красиво, — воскликнулъ онъ, останавливаясь передъ однимъ изъ оконъ, за которымъ виднѣлась большая комната: вокругъ стола, по серединѣ большой комнаты, освѣщенной висячей лампой, сидѣла семья. Отецъ съ краснымъ лицомъ, подвязанный салфеткой, наливалъ супъ изъ дымящейся миски дѣтямъ, а они жадными глазами слѣдили за его движеніями.

Мать, полная нѣмка, съ яснымъ, улыбающимся лицомъ, въ синемъ фартукѣ, разставляла тарелки передъ старухой и старикомъ, который вытряхивалъ трубку въ пепельницу и что-то громко разсказывалъ.

— Имъ, должно быть, очень хорошо, — шепнулъ Муррей, съ завистью глядя на эту обыкновенную сцену.

— Да, имъ тепло, у нихъ аппетитъ и обѣдъ на столѣ, — нехотя шепнулъ Карлъ и такъ ускорилъ шаги, что англичанинъ остался сзади и плелся медленно, продолжая заглядывать во всѣ освѣщенныя окна.

Онъ болѣлъ тоской по семьѣ и любви.

Боровецкій, смѣшавшись съ толпой рабочихъ, хлынувшихъ изъ боковыхъ улицъ и наполнившихъ тротуары Петроковской, машинально поплылъ за ними.

Къ Куровскому было еще рано, въ ресторанъ итти не хотѣлось, изъ дому выгнала его скука, и вотъ онъ брелъ по улицѣ, не зная, что дѣлать съ собой и съ нѣсколькими часами свободнаго времени. Наконецъ, онъ свернулъ въ улицу Бенедикта и вышелъ на Спацеровую, болѣе тихую и темную, и принялся ходить взадъ и впередъ.

Ходилъ лишь затѣмъ, чтобы устать, чтобы физическими усиліями заглушить этотъ странный голосъ

совѣсти, который проснулся въ немъ, мучая его все больше и переходя въ невольную обиду противъ Эммы.

Онъ снова сталъ раздумывать о своей связи, прерванной такъ грубо и безчеловѣчно, которую Эмма вычеркнула сегодня съ презрѣніемъ, полнымъ ненависти.

Онъ не былъ сантиментальнымъ, неопытнымъ, юношей и не отличался особенной чуткостью къ горю человѣческому, но его все-таки грызло сознаніе, что онъ причинилъ ей большую обиду.

А кромѣ того, когда онъ вспоминалъ теперь ея поцѣлуи, ея любовь и благородство, все, что онъ помнилъ о ней, жгло его теперь какимъ-то упорнымъ мощнымъ желаніемъ. Онъ снова хотѣлъ ея любви. Онъ не могъ спокойно перенести той мысли, что они разстались навсегда, что онъ никогда уже не поцѣлуетъ ея губъ, не увидитъ ея гордой головы въ своихъ объятіяхъ.

Его такъ ошеломляла эта мысль, что онъ нѣсколько разъ подходилъ къ ея дому и съ нервно бьющимся сердцемъ думалъ, какъ она обрадуется, увидѣвъ его. Онъ помнилъ былое время.

Но не пошелъ къ ней, а вернулся на улицу: пришлось бы оправдываться, а никакихъ оправданій не было...

Его терзалъ какой-то стыдъ; онъ вспомнилъ свои клятвы и увѣренія въ вѣчной любви. Стыдно было и той разнѣженности, которую онъ чувствовалъ въ эту минуту.

Вѣдь онъ давно сжалъ себя въ кулакъ разсудка, холоднаго коммерческаго расчета, нарочно дѣлалъ

много дурного и заброировывался эгоистическими софизмами. Онъ постоянно исключалъ изъ своей жизни все, что носило слѣды чувства, безсознательнаго порыва, общаго блага, — все, что могло мѣшать ему нажить состоянiе и спокойно наслаждаться жизнью.

Онъ хладнокровно спекулировалъ; хладнокровно соблазнялъ женщинъ, такъ какъ онѣ обходились ему дешевле, чѣмъ платныя любовницы; почти хладнокровно собирался жениться; онъ такъ хорошо себя тренировалъ, что по временамъ чувствовалъ себя совсѣмъ новымъ человѣкомъ, чувствовалъ, что вынесенныя изъ дому, изъ школы, изъ общественной среды стремленiя, склонности и вѣрованiя погасли въ немъ окончательно.

Но это ему только казалось — ибо вотъ случилось одно ничтожное обстоятельство, любимая нѣкогда женщина высказала ему свое презрѣнiе — и это ничтожное обстоятельство какой-то таинственной силой пробудило въ немъ старательно похороненный мiръ.

Теперь онъ видѣлъ съ тревогой, что не сумѣлъ все-таки утопить душу въ дѣлахъ, въ фабрикѣ, въ строго эгоистическомъ существованiи, что эта душа полна мечтанiй, которыя проснувшись сильнѣе прежняго добивались своихъ правъ.

Точно первая молодость стряхнула съ себя пепелъ механической лодзинской жизни, первая молодость съ ея вѣрой и иллюзiями. Онъ томился недостаткомъ впечатлѣнiй. Одиночество тяготило его.

Онъ торопливо направился въ колонiю, но тамъ кромѣ прислуги не засталъ никого. Прислуга увѣрила его, что хозяйки сейчасъ вернутся, такъ какъ скоро начнутъ сходиться обычные воскресные гости.

— А гдѣ панна Камма?

— Въ гостиной, я недавно слышала возню Пиколо, значитъ тамъ и панна Камма.

Дѣйствительно онъ нашелъ Камму спавшей на кушеткѣ въ гостиной. Пиколо тихо заворчалъ на пришельца, но, узнавъ его, спряталъ бѣлую мохнатую голову въ волосахъ Каммы и замолчалъ.

Камма лежала навзничь, подложивъ руки подъ голову: сквозь открытую дверь передней на нее падалъ свѣтъ и золотилъ ея дѣтское, зарумянившееся личико, обрамленное черными локонами.

Онъ вышелъ тихо, чтобы ее не будить.

«Некуда даже пойти», — думалъ онъ и хотя помнилъ, что обѣщалъ быть сегодня вечеромъ у Люси — но не пошелъ къ ней.

Теперь, когда его душа оттаяла въ меланхолическихъ воспоминаніяхъ объ Эммѣ и была полна особенной жизни, Люси была бы для него укоромъ совѣсти.

Она сердила его своей пошлостью и глупостью. Онъ не находилъ въ ней ни одного изъ тѣхъ достоинствъ, которыя видѣлъ въ ней еще вчера. И, навѣрно, если бы онъ только могъ говорить о ней въ эту минуту, онъ развѣнчалъ бы ее окончательно, чтобы имѣть возможность оправдаться передъ собой и успокоить разстроенные нервы.

Онъ машинально направился въ гостиницу, къ Куровскому, котораго не видѣлъ уже нѣсколько недѣль.

— Панъ Куровскій дома? — спросилъ онъ прислугу внизу.

— Сейчасъ узнаю, всталъ ли.

Слуга сейчасъ же вернулся и попросилъ его войти.

— Карлъ? — послышался сильный, звучный голосъ изъ второй комнаты.

— Да: ты еще спишь?

— Не совсѣмъ. Пожалуйста, перейди въ гостиную, я сейчасъ выйду.

Боровецкій ждалъ довольно нетерпѣливо, прохаживаясь по небольшой, очень изысканно меблированной гостиной.

Куровскій, кромѣ квартиры при своей фабрикѣ въ одной изъ пригородныхъ деревень, имѣлъ еще лодзинскую квартиру въ этой гостиницѣ, для «интимныхъ функцій», какъ онъ выражался.

Онъ пріѣзжалъ въ городъ каждую субботу и вечеромъ принималъ у себя добрыхъ знакомыхъ, пилъ съ ними и игралъ въ карты. Все воскресенье онъ спалъ и къ вечеру уѣзжалъ домой, исчезая на всю недѣлю. Такую жизнь онъ велъ уже нѣсколько лѣтъ.

У него совсѣмъ не было друзей, хотя съ близкими знакомыми онъ былъ на «ты».

Это былъ старинный экземпляръ выбившагося изъ колеи человѣка, который приросъ къ этой «землѣ обѣтованной», акклиматизировался настолько, что дѣлалъ состояніе и порвалъ съ тѣмъ міромъ, изъ котораго вышелъ.

Объ этомъ человѣкѣ мало знали. Десять лѣтъ назадъ онъ появился на лодзинскихъ улицахъ съ остатками большого состоянія, которое говорятъ спустилъ не скучно. Онъ основалъ фабрику въ компаніи съ какимъ-то темнымъ аферистомъ и черезъ годъ бросилъ ее, оставшись безъ гроша. Потомъ пытался самостоятельно что-нибудь дѣлать и тоже безуспѣшно. Потомъ

онъ «учился работать», какъ онъ опредѣлялъ свою тяжелую жизнь нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ на маленькомъ мѣстѣ у Бухгольца. Наконецъ опять въ компаніи съ кѣмъ-то, открылъ маленькую фабрику химическихъ продуктовъ, такъ какъ кончилъ нѣкогда въ Германіи химическое отдѣленіе, и на этотъ разъ уже не обанкротился, а, напротивъ сталъ единственнымъ владѣльцемъ, а его компаньонъ, какой-то эксъ-помѣщикъ, уѣхалъ въ Варшаву хлопотать о мѣстѣ на трамваѣ.

Фабрика развивалась съ бѣшеной, американской быстротой, — которую можно наблюдать только въ Лодзи, движимая его энергіей, необыкновенной выдержкой, разумнымъ управленіемъ и основательной профессіональной опытностью. Онъ не обанкротился, не сгорѣлъ ни разу, никого не надулъ и быстро подвигался по пути къ состоянію. Онъ рѣшилъ добиться его и добивался упорнымъ трудомъ и настойчивостью.

Вообще онъ былъ странный человѣкъ.

Аристократъ до глубины души, ненавидѣвшій аристократію: консерваторъ, фанатически вѣрившій въ прогрессъ науки: свободомыслящій и заядлый поклонникъ абсолютизма; искренній католикъ, еще искреннѣе издѣвавшійся надъ всякими религіями; изысканный сибаритъ, ненавидѣвшій всякій трудъ, вмѣстѣ съ тѣмъ страстный работникъ.

Онъ смѣялся надо всѣмъ и надо всѣми и въ то же время былъ отзывчивъ на каждое несчастье и обладалъ большимъ терпимымъ умомъ.

Это было парадоксальное противорѣчіе, за кото-

рымъ скрывалась очень цѣльная, оригинальная личность.

Боровецкій остановился: въ комнатѣ Куровскаго ему послышался женскій голосъ и шелестъ платья; но тотчасъ же стихло, и Куровскій вошелъ.

Онъ казался немного тревожнымъ и, поздоровавшись, сѣлъ у стола, съ выраженіемъ нѣкотораго нетерпѣнія.

— Придетъ кто-нибудь сегодня? — спросилъ онъ, поднимая на Карла большіе каріе глаза.

— Насколько я знаю, будутъ всѣ. Мы не видѣли тебя цѣлыхъ три недѣли.

— И тосковали, да? — бросилъ онъ небрежно. На лицѣ его мелькнула улыбка.

— Хотя бы затѣмъ, чтобы дать тебѣ возможность усомниться ..

— Я и не сомнѣваюсь, чтобы не упрекнуть васъ въ томъ же... Но оставимъ это. — У тебя видъ человѣка, которому въ первый разъ измѣнили?

— Почему же не видъ человѣка, страдающаго несвареніемъ желудка? — воскликнулъ Карлъ, смущенный долей правды, заключавшейся въ его словахъ.

— Какъ хочешь... А они навѣрно придутъ? — спросилъ Куровскій, взглянувъ на часы, и бросилъ саркастическій взглядъ на портьеру, закрывавшую дверь въ спальню, гдѣ раздался легкій шорохъ.

— Максъ, Эндельманъ и Кесслеръ будутъ навѣрно, потому что Максъ выспался, а тѣ двое порядочно истомились на сегодняшнемъ пріемѣ у Эндельмановъ.

— Меня тоже звали. Много было золотыхъ телокъ?

— Прекрасное сравненіе. Бернардъ давалъ мнѣ по-

дробный отчетъ въ приданомъ каждой, и мы осматривали ихъ по очереди, но это совсѣмъ не интересное зрѣлище. — Карлъ меланхолически покачалъ головой: онъ вспомнилъ лицо Эммы и ея слова.

— Тамъ должны были быть Травинскіе; онъ заходилъ ко мнѣ вчера и говорилъ.

— Они были. Онъ скучалъ въ этомъ еврейско-нѣмецкомъ морѣ, а его жена произвела сенсацію своей красотой и изяществомъ. Была и Смолинская.

— Да? Это событіе. Какъ же тебѣ понравилась эта античная красавица?

— Она болѣе антична, чѣмъ красива.

— Ты правъ, въ ея красотѣ больше рекламы. Ее оклеветали въ ранней юности, будто она красавица, и эта сплетня держится въ рядѣ поколѣній.

Боровецкій кисло улыбнулся, и оба замолчали.

— Однако съ тобой что-то неладно?

— Отчего ты цѣлыхъ три недѣли не былъ въ Лодзи? — спросилъ онъ, не отвѣчая на его вопросъ.

— Отчего? — подбрасывая ножъ и ловя его съ ловкостью жонглера, переспросилъ Куровскій, — оттого... — онъ повернулся къ нему лѣвымъ плечомъ и показалъ лѣвую руку на перевязкѣ.

— Несчастный случай?

— Да, два дюйма стали.

— Когда? — быстро спросилъ Карлъ съ недовѣріемъ.

— Двѣ недѣли назадъ, — отвѣтилъ Куровскій, и его черныя брови изогнулись какъ луки надъ глазами, блестѣвшими твердо и строго.

Только теперь Боровецкій замѣтилъ болѣзненно-зеленоватый цвѣтъ его лица и впавшіе глаза.

— Женщина? — спросилъ онъ какъ бы про себя.

— Я не знаю ни одной женщины, изъ-за которой можно бы пожертвовать ногтемъ, — отвѣтилъ Куровскій быстро и сталъ безпокойно поглаживать черные, сильно порѣдѣвшіе волосы и бороду, которая закрывала всю манишку.

— Да, такихъ нѣтъ. Совсѣмъ нѣтъ, — горячо заговорилъ Карлъ. — Есть или глупыя самки, или плаксивыя, сантиментальныя насѣдки; настоящаго человѣка я не встрѣчалъ между ними.

За свое теперешнее настроеніе онъ мстилъ всѣмъ женщинамъ, но Куровскій прервалъ его:

— Потому что не человѣка ты искалъ среди своихъ любовницъ, а только любви. Ты не имѣешь права голоса въ этомъ вопросѣ до тѣхъ поръ, пока не перестанешь смотрѣть на нихъ, какъ на игрушку, какъ на пищу страстей; ты смотришь на женщину сквозь призму только аппетита.

— Интересно знать, кто изъ насъ смотритъ на молодыхъ, красивыхъ женщинъ иначе?

— Не знаю... во всякомъ случаѣ не я, — небрежно отвѣтилъ Куровскій.

— И по той же причинѣ ты лишаешь меня права голоса? — спросилъ Карлъ сердито.

— А ты запрещаешь мнѣ говорить хотя бы кажущіяся несообразности.

— Онъ засмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ мы играемъ словами?

— Объ этомъ я думаю съ самаго начала, а ты только сорокъ минутъ назадъ пришелъ къ такому выводу.

— Прощай, — раздраженно сказалъ Карлъ и направился къ дверямъ, но Куровскій быстро загородилъ ему дорогу.

— Не чуди; ты злишься на людей и хочешь вымещать все на мнѣ. Останься. Я бы хотѣлъ, чтобы сегодня никто больше не приходилъ.

Карлъ остался; онъ сѣлъ въ кресло и тупымъ взглядомъ всматривался въ пламя нѣсколькихъ свѣчъ, зажженныхъ въ большихъ серебряныхъ канделябрахъ: Куровскій не выносилъ въ квартирѣ ни газа, ни электричества, ни керосина.

— Объяви, что сегодня ты никого не принимаешь, а я тоже сейчасъ уйду.

— Я и долженъ это сдѣлать, но, въ то же время, мнѣ хочется видѣть лодзинскаго гамлетика, Бернарда, который карикатурно перенимаетъ не только мои идеи, но даже цвѣтъ моихъ носковъ. Я хотѣлъ бы увидѣть и это мясо — Макса, и нѣмецкаго волка — Кесслера, не говоря уже объ остальныхъ. Я скучалъ безъ васъ немного.

— Некому было развлекать тебя во время болѣзни?

— Признаюсь, вы иногда бываете очень забавны.

— Я долженъ поблагодарить тебя отъ имени всѣхъ за откровенность.

— Трудно не быть откровеннымъ, — воскликнулъ Куровскій такъ шутливо, что оба, взглянувъ другъ другу въ глаза, улыбнулись и замолчали.

Куровскій пошелъ въ сосѣднюю комнату и сейчасъ же вернулся.

Карлъ смотрѣлъ на него и чувствовалъ необыкновенную потребность говорить, высказать все хотя бы въ полусловахъ и молчалъ при видѣ его холоднаго лица и ироническаго взгляда, невольно замыкался и сдерживалъ слова, которыя просились наружу.

— Какъ же идетъ фабрика? — спросилъ немного погодя Куровскій.

— Я сообщалъ тебѣ уже въ послѣднемъ письмѣ. Черезъ недѣлю прiѣдетъ Морицъ, и мы примемся за работу.

— Я забылъ сказать, что встрѣтилъ панну Анну въ Варшавѣ.

— Я даже не зналъ, что она собиралась туда.

— Зачѣмъ же ей было разсказывать тебѣ? Ты думаешь, что барышня и свѣта Божьяго за женихомъ не видитъ.

— Да, думаю.

— Если у нихъ нѣтъ любовниковъ. Но почему ты такъ же не ограничиваешь себя?

— Странный вопросъ. Ты послѣдователь Бьернстерне-Бьернсона? Я сомнѣваюсь, чтобы это нравилось твоей любовницѣ.

— А-а-а... — зѣвнулъ Куровскій, — мы говоримъ о вещахъ, которыя меня совершенно не интересуютъ.

— Только сегодня?

— Можетъ быть и завтра, — небрежно отвѣтилъ Куровскій и, позвонивъ лакею, велѣлъ никого не принимать и принести меню ужина.

Карлъ, тяжело потягиваясь, положилъ голову на спинку кресла.

— Можетъ быть велѣть принести постель? — спросилъ Куровскій.

— Благодарю, я сейчасъ пойду домой. Я страшно усталъ, меня охватила такая мертвая апатія, что я чувствую полное безсиліе.

— Прикажи своему лакею дать тебѣ пощечину; это радикальное средство, оно сразу отрезвитъ; апатія самый страшный врагъ жизни.

— Ты не отвѣтилъ на мое письмо; ты даешь мнѣ кредитъ или нѣтъ?

— Даю... Послушай, почему ты не сказалъ моему лакею, что пришелъ по дѣлу: дѣла устраиваются въ конторѣ, а здѣсь я принимаю только друзей.

— Извини: я спросилъ почти невольно, я поглощенъ нашей фабрикой и хотѣлъ бы видѣть ее какъ можно скорѣе въ ходу.

— Ты такъ страстно хочешь денегъ?

— Скорѣе независимости.

— Независимость сохраняютъ только нищіе, даже милліардеры лишены ея. Человѣкъ, владѣющій рублемъ, уже рабъ этого рубля.

— Парадоксъ...

— Подумай и убѣдишься.

— Возможно. Во всякомъ случаѣ я предпочитаю зависѣть, подобно Бухгольцу, отъ милліоновъ, чѣмъ отъ перваго встрѣчнаго разбогатѣвшаго выскочки.

— Это другой вопросъ, уже практическій, но если смотрѣть шире, то мы убѣдимся, что независимость — иллюзія вообще, а независимость въ частности, независимость богатыхъ людей — рабство. Вѣдь такіе люди, какъ Кнолль, Бухгольцъ, Шая, Мюллеръ и сотни дру-

гихъ — самые жалкіе рабы собственныхъ фабрикъ, наименѣе самостоятельные автоматы и ничего больше. Ты знаешь ихъ жизнь, жизнь фабрикъ. Подумай, какое получается странное противорѣчіе: человѣкъ поработилъ природу, ея силы и — попалъ въ неволю къ этимъ силамъ. Человѣкъ создалъ машину, а машина сдѣлала его своимъ рабомъ; она будетъ расти въ силѣ и мощи до безконечности и въ то же время возрастать будетъ и рабство людей. Побѣда обходится всегда дороже пораженія. Подумай...

— Нѣтъ, я прихожу совсѣмъ къ другимъ выводамъ.

— У меня есть уже готовые, я могу развить ихъ тебѣ, и ты увидишь, что они логичны.

— Меня удивляетъ лишь то, что ты самъ такъ охотно пошелъ въ неволю къ своей фабрикѣ.

— Почему ты знаешь, что охотно? Почему тебѣ не предположить необходимости, желѣзной необходимости, отвратительнаго насилія?

Онъ говорилъ быстро, со злобой, которую нагнали на него какія-то мучительныя воспоминанія.

— Ты непослѣдователенъ. Если бы я такъ думалъ и если бы я смотрѣлъ на міръ съ твоей точки зрѣнія, я бы ничего не дѣлалъ: зачѣмъ, къ чему?..

— Чтобы имѣть деньги, много денегъ, сколько нужно, — это одна причина; другая — я не хочу, чтобы разные нѣмецкіе хамы могли говорить мнѣ: «поѣзжайте въ Монако»... А кромѣ того я хочу на этой нивѣ мошенничества посѣять нѣсколько сѣмянъ добродѣтели, — закончилъ онъ съ ироніей.

— Чтобы легче было продавать ее?

— Чего же стоитъ добродѣтель, если ее нельзя продать?

— Ты своей добродѣтелью не очень дорожилъ, — бросилъ Карлъ, вспомнивъ его послѣдняго компаніона, который ушелъ безъ гроша, хотя вложилъ въ дѣло много денегъ.

— Это подлая клевета, — крикнулъ Куровскій, съ силой ударяя стуломъ объ полъ.

Глаза его вспыхнули, а лицо задрожало отъ волненія, онъ быстро овладѣлъ собой, опять сѣлъ, закурилъ папиросу, затянулся нѣсколько разъ, бросилъ ее и, протягивая руку, тихо сказалъ:

— Прости, если я тебя обидѣлъ.

— Я нѣсколько вѣрилъ сплетнямъ и судилъ о тебѣ по-лодзински; но теперь я вѣрю тебѣ и совсѣмъ не сержусь и понимаю, что мой намекъ могъ уколоть тебя.

— Я не надувалъ, потому что не представлялось случая и некого было, — сказалъ Куровскій, и въ его циничныхъ словахъ звучало еще сильное негодованіе.

Онъ велѣлъ принести бутылку вина и пилъ стаканъ за стаканомъ.

— Жаль, что я не жилъ сто лѣтъ тому назадъ, — продолжалъ Куровскій страннымъ голосомъ.

— Почему?

— Мнѣ бы веселѣе жилось на свѣтѣ. Сто лѣтъ тому назадъ было еще хорошо. Существовали еще сильные инстинкты и сильныя страсти: если и были преступники, то такіе, какъ Дантонъ, Робеспьеръ, Наполеонъ; если были предатели, то такіе, которые предавали цѣлые народы; если были воры, то такіе, что обкрадыва-

ли цѣлые государства. А теперь что? — карманное воровство и пырянье ножомъ въ брюхо.

— Въ ту эпоху тебѣ не пришлось бы фабриковать химическихъ продуктовъ.

— У меня была бы другая работа: я помогалъ бы Робеспьерамъ снимать головы Жирондѣ; Дантонамъ и баррасамъ снимать голову Робеспьерамъ, а остальныхъ колотить палками и швырять псамъ.

— И въ концѣ-концовъ? — спросилъ Карлъ, тревожно глядя на Куровскаго, который говорилъ съ закрытыми глазами и имѣлъ видъ не вполнѣ нормальнаго человѣка.

— А въ концѣ-концовъ, плюнулъ бы въ глаза всякимъ Liberté, Fraternité, Egalité, потому что это вонючая безсмыслица, и пошелъ бы помогать Великому очищать міръ отъ сброда.

Карлъ засмѣялся и взялъ свою шляпу.

— Спокойной ночи.

— Ты уходишь? Вѣдь ты сидѣлъ всего полтора часа.

— Ты точно считалъ?

— Со страхомъ, чтобы не вышло больше. Ну, довольно этихъ глупостей. Въ будущую субботу я жду тебя и всѣхъ.

— Я собираюсь въ субботу къ невѣстѣ.

— Пошли замѣстителя, а самъ поѣзжай въ воскресенье. Я непремѣнно жду тебя.

Карлъ шелъ по Петроковской и чувствовалъ себя еще болѣе разстроеннымъ и усталымъ.

Онъ избавился только отъ своей темной тревоги и упрековъ совѣсти.

Въ душѣ еще оставались слѣды прежняго настроенія, но онъ ежеминутно забывалъ о себѣ, такъ какъ въ головѣ у него звучали парадоксы Куровскаго.

Равновѣсіе стало возвращаться къ нему: ему захотѣлось ѣсть. Онъ зашелъ въ «Викторію».

Въ ресторанѣ было почти пусто. Всѣ были въ театрѣ, гдѣ недавно началось представленіе. Гарсоны дремали въ темной залѣ, а по двумъ освѣщеннымъ комнатамъ бродилъ Бумъ-Бумъ, поправлялъ пенснэ обѣими руками, щелкалъ пальцами и поминутно останавливался, всматриваясь въ огонь выпуклыми мертвыми глазами.

У буфета стоялъ высокій, полный мужчина съ маленькой остренькой головой, покрытой чернымъ пухомъ волосъ. Глазки, какъ маленькія черныя точки, горѣли на его красномъ лицѣ, съ такимъ широкимъ ртомъ и отвисшими губами, что онѣ казались кусочками посинѣвшей ваты. Наклонившись надъ стойкой, онъ облизывалъ свои блестящія губы, обсасывалъ усы, вытиралъ салфеткой заостренную черную бородку. Онъ шепталъ что-то стоявшему возлѣ него толстяку, который глоталъ бутерброды, поводя при этомъ усами, носомъ, бровями и тараща заплывшіе жиромъ глаза.

— Паночекъ милый, можетъ быть, еще разъ коньячку. Наспринцуйте-ка, пани, а потомъ дайте икорки и бифштексъ по-татарски, а? За наше здоровье.

Они чокнулись и выпили.

— Паночекъ милый, что, если еще по третьей?

Карлъ прошелъ въ слѣдующую комнату и, пока ему подавали ѣсть, сталъ просматривать послѣднія газеты.

Вслѣдъ за нимъ пришелъ Бумъ-Бумъ, описывая зигзаги табетичными ногами; пенснэ его то и дѣло падало на грудь.

— Добрый вечеръ. Вы рѣдкій гость, панъ директоръ, — неясно бормоталъ онъ, уставясь на Карла рыбьими мертвыми глазами.

— Я далеко живу, — кратко отвѣтилъ Боровецкій и закрылся газетой, чтобы избавиться отъ него. — Что такое? — вдругъ спросилъ онъ, невольно отодвинувшись, такъ какъ Бумъ-Бумъ наклонился надъ нимъ.

— А синія нитки у васъ на плечахъ и на спинѣ, вотъ.

Онъ сталъ съ него снимать что-то такъ, точно нитки были безконечной длины.

Боровецкій взглянулъ въ зеркало, но ничего не увидѣлъ.

— Сегодня всѣ почему-то опутаны... — бормоталъ Бумъ-Бумъ. — Вотъ еще на плечѣ.

И онъ снова сталъ снимать невидимыя нити, наматывалъ ихъ на руку, сбрасывалъ на полъ и снова тянулъ, автоматически двигаясь, и глазами, которые ничего не видѣли, смотрѣлъ на пряди голубыхъ нитокъ, которыми якобы былъ опутанъ Боровецкій. Карлъ нетерпѣливо позвонилъ и указалъ гарсону головой на Бумъ-Бума.

Тотъ взялъ его подъ руку и увелъ.

Бумъ-Бумъ не сопротивлялся, онъ шелъ, какъ сонный, и сталъ снимать съ лакея нити цѣлыми горстями и бросать на землю.

На Боровецкаго эта сцена произвела такое тяжелое впечатлѣніе, что онъ торопливо кончилъ ѣсть и ушелъ.

Бумъ-Бума уже не было въ буфетѣ: тамъ сидѣлъ только высокій господинъ, который громко чавкалъ и говорилъ съ кускомъ бифштекса за щекой:

— Рука руку... того, понимаете ли, панычекъ милый. Насколько возможно будетъ... сдѣлаете...

Толстякъ не отвѣчалъ, такъ какъ ротъ его былъ набитъ мясомъ, и только задвигалъ челюстями.

На углу пассажа Мейера, подъ фонаремъ, Боровецкій опять замѣтилъ Бумъ-Бума. Онъ шелъ медленно, продолжая снимать невидимую пряжу съ фонарей, съ прохожихъ, съ домовъ; онъ ловилъ ее въ воздухѣ надъ головой, такъ какъ ему казалось, что вся улица затянута паутиной, и онъ рвалъ ее, растягивалъ, точно пробивался сквозь нее.

— «Delirium tremens», — съ сочувствіемъ подумалъ Карлъ и поѣхалъ домой. Онъ рѣшилъ сейчасъ же лечь спать и вознаградить себя за цѣлую недѣлю.

Матвѣй игралъ на гармоникѣ, а въ темныхъ длинныхъ сѣняхъ нѣсколько слугъ изъ сосѣднихъ домовъ съ увлеченіемъ вальсировали.

Онъ прервалъ ихъ развлеченіе, позвавъ Матвѣя.

Макса Баума уже не было, послѣ него остался только кипящій самоваръ.

Онъ велѣлъ приготовить постель, приказалъ, чтобы въ сѣняхъ было тихо, такъ какъ сейчасъ же послѣ чаю онъ ляжетъ спать.

Но спать онъ не легъ; когда его овѣяла тишина, имъ овладѣла такая острая тоска, что онъ не зналъ, что съ собой дѣлать.

Онъ раздѣлся, сталъ перебирать какія-то бумаги и сердито бросилъ ихъ на столъ; заглянулъ въ ком-

нату Макса, тамъ было темно и пусто. Посмотрѣлъ на улицу, она засыпала уже послѣ праздничнаго оживленія... Во всемъ домѣ царила давящая тишина, изъ каждаго угла вылѣзала скука и пустота.

Карлъ не могъ больше выдержать этого одиночества, торопливо одѣлся и, не помня уже о недавнихъ терзаніяхъ и о рѣшеніяхъ перемѣнить жизнь, поѣхалъ къ Люси.

XIII.

На слѣдующій день послѣ полудня Боровецкій, совсѣмъ успокоившись послѣ вчерашней бури, которая прошла, не оставивъ ничего кромѣ насмѣшки надъ самимъ собой, настроенный по-праздничному, собрался съ визитомъ къ Мюллерамъ.

Онъ такъ тщательно приготовлялся къ нему, что Максъ сердито проворчалъ:

— Водевильный любовникъ.

Но Максъ былъ сегодня въ дурномъ настроеніи.

Онъ поздно пришелъ домой, всталъ еще позже, въ два часа, и бродилъ по комнатѣ въ туфляхъ, заглядывая во всѣ углы. Онъ пробовалъ одѣваться, но все было не такъ: онъ забросалъ всю комнату бѣльемъ, платьемъ, сапогами, топталъ ихъ ногами отъ злости и поминутно ругалъ Матвѣя то за прачку, которая прожгла его воротнички, то за сапожника, который починялъ ботинки и поставилъ внутри гвозди. Матвѣй клялся всѣми святыми, что это неправда, что ботинки внутри гладки, какъ бархатъ.

— Ни крошки нѣтъ, ни щепотки.

— Обезьяна ты, я чувствую, что колетъ, а онъ говоритъ, что ничего нѣтъ.

— Я всадилъ палецъ — ничего не чувствую, цѣлую руку засунулъ, тоже ничего нѣтъ.

— Языкомъ пощупай, такъ почувствуешь такъ же, какъ я ногой, — крикнулъ онъ, вырывая у него сапогъ.

— Ну-ну, — у меня нѣтъ языка тамъ, гдѣ у васъ, — съ гнѣвомъ отвѣтилъ слуга и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Максъ подошелъ къ окну и сталъ при свѣтѣ ковырять въ сапогѣ кочергой.

— Отчего у тебя такой katzeniammer злости?—спросилъ Боровецкій, натягивая перчатки.

— Отчего у тебя такой katzenjammer злости?—спро- благодаря Куровскому: былъ дома — но не принималъ, потому что пряталъ у себя какую-то... обезьяну. Я уже злой пошелъ домой, а тамъ за ужиномъ накачался. Чортъ бы побралъ всѣ сапоги и всѣхъ сапожниковъ. — Онъ бросилъ ботинокъ на полъ, швырнулъ кочергу къ печкѣ и началъ быстро раздѣваться.

— Что ты дѣлаешь?

— Ложусь спать, — угрюмо отвѣтилъ онъ. — Чортъ побери всѣхъ и все. Сапогъ не могу надѣть, потому что колетъ; та обезьяна сожгла мнѣ воротнички, дома адъ... это ужъ слишкомъ! Матвѣй... — заоралъ онъ всей грудью. — Если кто-нибудь придетъ, меня дома нѣтъ, — слышишь?

— Знамо дѣло. А если та... какъ ее бишь... панна Антка придетъ?

— Такъ въ шею. Если разбудишь меня, я сверну

тебѣ шею и изъ морды твоей сдѣлаю такой хлопокъ, что тебя родная любовница не узнаетъ. Разъедини телефонъ, принеси самоваръ и всѣ журналы.

— Что у васъ случилось? — спросилъ Карлъ, нисколько не удивленный манерой Макса проводить праздники: это случалось очень часто.

— Что? Съ завтрашняго дня мы сокращаемъ рабочій день на двадцать пять процентовъ. Сезонъ совершенно мертвый, ничего не продаемъ, магазинъ заваленъ, по векселямъ не платятъ, а вдобавокъ отецъ, вмѣсто того, чтобы уменьшить число рабочихъ часовъ или уволить половину рабочихъ — плачетъ, что этимъ біднякамъ нечего будетъ ѣсть, даетъ поручительство по векселямъ разныхъ мерзавцевъ. Черезъ годъ ему самому нечего будетъ ѣсть. Пусть себѣ издыхаетъ, если ему нравится, но почему я долженъ изъ-за этого страдать?

— Половина фабрикъ уменьшаетъ плату, увольняетъ рабочихъ и сокращаетъ производство. Я слышалъ вчера у Эндельмановъ, объ этомъ много говорили.

— Чортъ ихъ побери всѣхъ вмѣстѣ. Какое мнѣ дѣло. Я только не хочу, чтобъ и меня черти взяли, и хочу спокойно спать.

Онъ залѣзъ подъ одѣяло, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и громко засопѣлъ отъ раздраженія.

— Отецъ, вѣрно, сильно огорченъ: мнѣ его очень жаль.

— Не говори мнѣ о немъ: я такъ золъ, что отдамъ его каждому даромъ, — крикнулъ Максъ, порывисто усаживаясь на кровати. — Старая калоша! Самъ работаетъ, какъ послѣдній рабочій, замучивается, отка-

зываетъ себѣ даже въ томъ, чтобы въ этомъ году ѣхать въ Эмсъ, хотя докторъ совѣтовалъ ему ѣхать; ведетъ дѣло такъ, что скоро все станетъ, а между тѣмъ, вчера пріѣхалъ мужъ Берты, этотъ милѣйшій Фрицъ Веръ, такъ къ нему подъѣхалъ, что старикъ вытащилъ послѣднія почти деньги и отдалъ ихъ этому мерзавцу; потомъ говоритъ матери, будто онъ чувствуетъ себя такъ хорошо, что на воды не поѣдетъ. Я ужъ не знаю, что будетъ съ нами, я потерялъ всякую надежду спасти фирму. Своей честностью онъ добился лишь того, что когда онъ умретъ, я долженъ буду хоронить его на свои деньги.

— Ты слишкомъ рано объ этомъ говоришь: онъ еще долго продержится.

— Но фабрика не продержится и года, она должна сдохнуть, такъ какъ денегъ не хватитъ, а когда она рухнетъ, старикъ ее не переживетъ. Онъ сдохнетъ съ ней вмѣстѣ, я его хорошо знаю. Кто взялся конкурировать ручнымъ трудомъ съ машинами, того надо отправить въ сумасшедшій домъ.

— Дѣйствительно, это странная, даже смѣшная манія.

— Смѣшная для постороннихъ, но для насъ она трагична, — особенно теперь, когда вся Лодзь трещитъ по швамъ, когда даже прочныя фирмы ложатся, какъ скошенная рожь; когда городъ весь провонялъ банкротствами, когда уже неизвѣстно, кому можно оказать кредитъ, кому нельзя, такъ какъ всѣ зарвались. Какъ ты думаешь, чѣмъ мы живемъ нѣсколько лѣтъ? Не одѣялами, не попонами, такъ какъ ихъ уже поддѣлываетъ Цукеръ и продаетъ на пятьдесятъ процентовъ

дешевле; мы живемъ красными платками, живемъ красной краской, которой пока еще никто не умѣетъ поддѣлывать. Только этотъ товаръ идетъ еще кое-какъ, но онъ такъ дорогъ, что пойди онъ еще лучше, продавайся онъ весь, на немъ заработаешь десять процентовъ. Мнѣ надоѣло это лавочничество, и если ты не скоро займешься фабрикой, я самъ, хотя у меня ничего нѣтъ, открою свою и плюну на все. Обанкрочусь— такъ обанкрочусь, но, по крайней мѣрѣ, буду что-нибудь дѣлать.

Онъ снова легъ, закутался одѣяломъ до самыхъ ушей и замолчалъ.

— Сезонъ плохой, крахи въ порядкѣ вещей, всѣ уменьшаютъ производство, за исключеніемъ трехъ или четырехъ большихъ фабрикъ, у которыхъ есть деньги, чтобы пережить кризисъ. Но уже и теперь есть виды на то, что дѣла поправятся. Послѣднія правительственныя сообщенія указываютъ, что во всей Россіи озими были прекрасныя, зиму продержались великолѣпно и можно ждать урожая. Если весна не обманетъ, если урожай будетъ хорошъ два-три года и цѣны на хлѣбъ не упадутъ, а паденія нельзя ждать въ виду малыхъ запасовъ у насъ, за границей и въ виду индо-американскихъ неурожаевъ, — то нашъ рынокъ около осени начнетъ оживляться. Есть еще одна причина, которая должна улучшить положеніе ткацкой промышленности: громадныя государственныя работы, которыя дадутъ народу сотни милліоновъ и займутъ десятки тысячъ рукъ... Слышишь, Максъ?

— Слышу, но не лучше ли синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ?

Карлъ ничего не отвѣтилъ, надѣлъ пальто и уѣхалъ къ Мюллерамъ.

На Петроковской онъ встрѣтилъ Козловскаго, который по цѣлымъ днямъ бродилъ по городу.

Онъ, какъ всегда, стоялъ въ балетной позѣ, съ цилиндромъ на затылкѣ, поминутно сдвигая его набалдашникомъ палки на лобъ, и разговаривалъ съ директоромъ театра, который въ своей сѣрой барашковой шапкѣ съ огромными свѣтлыми усами и орлинымъ носомъ, походилъ на кошевого атамана.

Карлъ торопливо отвѣтилъ на ихъ поклонъ и, не обращая вниманія на знаки Козловскаго, который хотѣлъ остановить его извозчика, поѣхалъ дальше.

Мюллеры жили позади своей фабрики, отдѣленной садомъ отъ дома, выходившаго на другую улицу. Улица была мало застроена, и почти тотчасъ за ихъ домомъ начиналось поле, но, несмотря на это, вся она была уже вымощена, имѣла тротуары и газовое освѣщеніе, такъ какъ здѣсь жило нѣсколько фабрикантовъ.

Въ окнѣ низкаго одноэтажнаго дома мелькнуло на минуту лицо Мады среди массы цвѣтовъ и исчезло. Въ передней онъ засталъ фрау Мюллеръ, которая сама открыла двери Боровецкому и чуть ли не помогла ему снять пальто.

Она такъ смутилась и оробѣла, что только движеніемъ руки пригласила его въ комнаты.

— Мужъ въ конторѣ, а Мада сейчасъ придетъ, садитесь, — сказала она, пододвигая ему кресло, на которое положила шелковую красную подушку.

Карлъ заговорилъ съ ней, и хотя онъ говорилъ о самыхъ банальныхъ вещахъ, — о погодѣ, о веснѣ, да-

же о дороговизнѣ на базарахъ, — фрау Мюллеръ не выходила изъ своего терпѣливаго молчанія.

— Ja, ja, — отвѣчала она на все, — поглаживая синій фартукъ и поднимая на гостя поблекшіе за кухонной плитой глаза, которые тяжело двигались на морщинистомъ лицѣ.

На ней была бумазейная клѣтчатая кофта и шерстяной платокъ, завязанный подъ подбородкомъ.

Она была похожа на старую кухарку, — запахъ супа и жаренаго окружалъ ее даже въ комнатѣ.

Она чувствовала себя лучше всего въ кухнѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, который и теперь выглядывалъ изъ кармана ея фартука.

— Какъ ваше здоровье? — спросилъ онъ, наконецъ, съ отчаяніемъ.

— Хорошо, очень хорошо, — отвѣтила фрау Мюллеръ на исковерканномъ польскомъ языкѣ, съ нетерпѣніемъ посматривая на дверь, изъ которой должна была выйти Мада.

— А ваша жена и дѣти? — спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Я еще холостъ, пани.

— Ja, ja, и мой Вильгельмъ еще холостъ. Вы знаете моего Вильгельма?

— Имѣю удовольствіе знать... Онъ уже уѣхалъ?

— Да, въ Берлинъ, — отвѣтила она со вздохомъ и, можетъ быть, разговорилась бы понемногу, но вошла Мада, съ такимъ сіяющимъ лицомъ, что мать, взглянувъ на нее, поправила ей лифъ и вышла.

— Видите, какъ я иногда умѣю держать слово. —

Онъ подалъ ей длинный списокъ книгъ, который составилъ ему Горнъ, болѣе знакомый съ литературой.

— Вамъ это было очень трудно? — спросила Мада, дѣлая ударенія на послѣднихъ слогахъ.

— Очень легко, такъ какъ вы желали этого.

— Вы не врете? — наивно спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ съ улыбкой. — Вы думаете, что мужчины всегда лгутъ?

— Я не знаю, но только Вильгельмъ всегда лжетъ, и я ему совсѣмъ не вѣрю.

— Но мнѣ вы будете вѣрить?

Его начиналъ занимать этотъ разговоръ.

— Да, если вы никогда не солжете, я буду вѣрить.

— Торжественно обѣщаю вамъ это.

— Хорошо. А знаете, тѣ книжки тетя мнѣ привезла уже, и я ихъ читаю.

— Онѣ васъ очень интересуютъ?

— Тамъ есть такія красивыя трогательныя мѣста, что мы съ мамой плакали. Отецъ надъ нами смѣялся, но вчера я должна была читать ему весь вечеръ.

— Вы поздно вернулись отъ Эндельмановъ?

— Уже было темно. Я видѣла, какъ выходили изъ гостиной.

— Мнѣ пришлось раньше уйти, и я очень жалѣлъ объ этомъ.

— У Эндельмановъ очень хорошо, и былъ такой великолѣпный пріемъ.

— Мнѣ жаль, что я не могъ у нихъ дольше поговорить съ вами.

— Но зато я говорила о васъ съ пани Травинской.

— И очень не лестно?

— О, нѣтъ, нѣтъ. Это только мужчины о насъ говорятъ нелестное.

— Вы убѣдились въ этомъ?

— Вильгельмъ всегда, возвращаясь съ визитовъ и вечеровъ, приходитъ ко мнѣ и начинаетъ смѣяться надъ всѣми женщинами.

— И вы думаете, что такъ всѣ мужчины дѣлаютъ?

— Если вы скажете, что не всѣ, я вамъ повѣрю, — быстро отвѣтила Мада, вдругъ вспыхнувъ.

— Увѣряю васъ, не всѣ.

Въ этомъ тонѣ и продолжался ихъ разговоръ, но это наивное щебетанье скоро надоѣло ему, и онъ сталъ разсматривать цвѣты на окнахъ, выращенные съ необыкновеннымъ тщаніемъ. Онъ похвалилъ ихъ.

— Я скажу Готлибу: ему это будетъ пріятно.

— Кто это такой?

— Нашъ садовникъ. Панъ Штерхъ не любитъ цвѣтовъ; онъ говоритъ, что гораздо полезнѣе въ вазы сажать картофель; но панъ Штерхъ глупъ, правда?

Конечно правда, если вы такъ говорите.

Карлу становилось все веселѣе, потомъ, когда Мада немного расхрабрилась и перестала смущаться и краснѣть, она заговорила такъ, что Карлъ смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Ей недоставало свѣтскаго лоска, такъ какъ отецъ ея былъ новичкомъ-милліонеромъ и она воспитывалась между кухней и фабрикой, въ кругу рабочихъ и такихъ выскочекъ, какъ ея отецъ, но у нея былъ живой умъ и много здраваго смысла.

Лицемѣріе свѣтской жизни не затерло въ ней искрен-

ности, которая дѣлала ее иногда дѣтской и наивной, но подкупала своей простотой.

Она кончила какой-то пансіонъ въ Саксоніи, откуда Мюллеръ нѣсколько лѣтъ назадъ прибылъ простымъ ткачомъ, въ эту землю, которая поистинѣ стала для него «землей обѣтованной».

У Мады было даже нѣкоторое понятіе о цѣнѣ денегъ, такъ какъ въ разговорѣ объ одной ихъ общей знакомой она замѣтила:

— Вы знаете, Маня Готфридъ разошлась съ женихомъ?

— Нѣтъ, а это возмущаетъ васъ?

— Только удивляетъ: она и некрасива, и приданаго у нея нѣтъ, а расходится уже со вторымъ.

— Можетъ быть, она предпочитаетъ ждать богатаго и молодого фабриканта?

— Вѣдь и этотъ женихъ могъ разбогатѣть. У моего отца, когда онъ женился, не было ни одного талера, а теперь онъ богатъ.

— А можетъ быть, панна Готфридъ хочетъ остаться старой дѣвой?

— Кто же захочетъ добровольно остаться старой дѣвой? — съ жаромъ воскликнула она.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Я бы никогда не осталась! Мнѣ всегда очень жаль старыхъ дѣвъ, онѣ такія одинокія, такія несчастныя!

— Вы очень добры...

— А потомъ надъ ними люди смѣются. Если бы это отъ меня зависѣло, то у всѣхъ женщинъ въ мірѣ были бы мужья, дѣти и.. Она остановилась и посмотрѣла,

не смѣется ли Боровецкій, но онъ сдержалъ улыбку и, глядя на ея золотистыя рѣсницы и сильно покраснѣвшее лицо, отвѣтилъ серьезно:

— Вы бы хорошо сдѣлали.

— А вы не смѣетесь надо мной? — подозрительно спросила она.

— Я преклоняюсь передъ вашимъ добрымъ сердцемъ.

— Папа идетъ, — сказала она, немного отодвигаясь отъ Боровецкаго. Мюллеръ дѣйствительно показался въ дверяхъ.

Онъ былъ въ туфляхъ, стучавшихъ деревянными подошвами, и въ бумазейномъ, подбитымъ ватой и сильно засаленномъ халатѣ.

Съ своимъ краснымъ откормленнымъ лицомъ, совершенно лишеннымъ растительности и блестѣвшимъ отъ жира, онъ походилъ на трактирщика, только вмѣсто трубки въ зубахъ у него была сигара.

— А почему же мнѣ не сказали, Мада, что у насъ панъ Боровецкій, — спросилъ старикъ, поздоровавшись.

— Мама не хотѣла мѣшать вамъ работать!

— Да, у меня много хлопотъ! Онъ вынулъ сигару и пошелъ плюнуть въ плевательницу у печки.

— Вы не сокращаете производства?

— Надо сократить: готоваго товара много, а продаемъ мало. Сезонъ совсѣмъ пропалъ. Покупатели есть, но всѣ банкротятся и зарываются. Въ этомъ году я много потерялъ изъ-за нихъ. Что дѣлать, нужно ждать лучшихъ временъ.

— Ну, вамъ не страшенъ даже самый плохой сезонъ, — замѣтилъ Боровецкій съ улыбкой.

— Да! но того, что потеряешь сегодня, не вернетъ уже и самый лучшій сезонъ. У Бухгольца не уменьшаютъ рабочаго дня?

— Напротивъ, въ отдѣлѣ бѣлаго товара будутъ работать по вечерамъ.

Ему всегда счастье... Онъ все еще боленъ?

— Немного поправился, пробуетъ даже выходить.

— Зачѣмъ ты, Мада, держишь тутъ пана Боровецкаго?—обратился Мюллеръ къ дочери: — вѣдь у насъ есть дворецъ для гостей.

— Вамъ угодно? — шепнула Мада.

— Пойдемъ, я покажу вамъ свою избушку!

— О которой чудеса разсказываютъ въ Лодзи...

— Вы увидите: она стоитъ мнѣ сто шестьдесятъ тысячъ рублей, но зато все новое. Я не покупаю старой рухляди, какъ Эндельманы. У меня хватитъ и на новое.

Онъ обернулъ халатъ на большомъ животѣ и презрительно надулъ губы при воспоминаніи о старинной, очень дорогой мебели Эндельмановъ.

Они шли по узкой лѣстницѣ, которая вела изъ стараго дома въ первый этажъ дворца; весь бель-этажъ его былъ занятъ глазной конторой фабрики.

Мада побѣжала впередъ и открыла большую дверь, ручка которой была обвернута бархатомъ.

— Хорошо, что вы пришли, — сказалъ Мюллеръ, сопя и не выпуская сигары изо рта.

— Я давно собирался, но все не было времени.

— Знаю, знаю! — крикнулъ старикъ и похлопалъ его по плечу.

— У насъ скучно, потому вы и боялись притти, — щебетала Мада.

— Садитесь на этотъ красивый диванъ, — пригласилъ Мюллеръ.

Квартира утопала въ полумракѣ, но Мада подняла шторы, и яркій свѣтъ дня залилъ рядъ роскошно меблированныхъ комнатъ.

— Не закурите ли хорошую сигару?

— Никогда не отказываюсь.

— Попробуйте вотъ эти, — крѣпкія, семьдесятъ пять копеекъ штука!

Онъ вытащилъ изъ кармана сильно засаленныхъ штановъ горсть смятыхъ и изломанныхъ сигаръ.

— А эти слабѣе, по рублю, попробуйте! — прибавилъ онъ вытаскивая изъ другого кармана еще болѣе поломанныя сигары. Онъ бросилъ ихъ на столъ, помялъ грязными руками, стараясь выпрямить, обкусилъ кончикъ одной и подалъ гостю.

— Я попробую крѣпкія, — сказалъ Карлъ. Онъ закурилъ не безъ отвращенія.

— Недурныя, правда? — спросилъ старикъ, развалившись по срединѣ комнаты, заложивъ руки въ карманы.

— Прекрасныя, но у той, которую вы курите, какой-то другой запахъ.

— Мои стоятъ пять пфениговъ; я очень много курю и привыкъ къ нимъ, — объяснилъ Мюллеръ. — Не хотите ли осмотрѣть нашу квартиру?

— Съ удовольствіемъ. Максъ Баумъ много разсказывалъ мнѣ о ней.

— Панъ Максъ—вамъ пріятель, — замѣтила Мада.

— Это умный парень, а у отца его не хватаетъ чего-то въ головѣ... Смотрите хорошенько, осмотрите внимательно; это не какая-нибудь подержанная дешевка, все сдѣлано на заказъ въ Берлинѣ.

— Вы все выписываете изъ-за границы.

— Все, Гюберманъ говорилъ мнѣ, что здѣсь у васъ ничего порядочнаго нельзя достать.

Карлъ замолчалъ и довольно поверхностно осмотрѣлъ мебель, тяжелыя шелковыя и бархатныя портьеры, ковры, картины, или, вѣрнѣе, великолѣпныя рамы, такъ какъ Мюллеръ больше всего обращалъ вниманіе на нихъ; дорогіе, но безвкусные канделябры, пузатыя печи изъ нѣмецкой маіолики, зеркала въ рамахъ изъ саксонскаго фарфора, стоявшія въ одной изъ дамскихъ комнатъ.

Мада подробно объясняла Боровецкому назначеніе каждаго предмета и была очень довольна его присутствіемъ, поминутно поднимала на него свои фарфоровые глаза и тотчасъ опускала золотистыя рѣсницы, такъ какъ Карлъ часто останавливалъ глаза на ея бѣломъ лицѣ, покрытомъ мелкими пятнами. Онъ не забывалъ восклицать громко.

— Великолѣпно, великолѣпно.

Квартира, дѣйствительно, была обставлена съ роскошью, свойственной выскочкамъ, въ ней было все, что можно купить за деньги, но не было ни жизни, ни вкуса, былъ роскошный рабочій кабинетъ, въ которомъ никто не работалъ; была ванная, выложенная бѣлой

маіоликой съ синимъ рисункомъ — была ванна, куда можно было спускаться по ступенькамъ, покрытымъ красной матеріей; потолокъ, разрисованный въ помпейскомъ стилѣ... Но чувствовалось, что здѣсь никто еще не купался.

Подъ башенкой, которая возвышалась надъ крышей дворца какъ толстый тюкъ шерсти, была комната въ мавританскомъ стилѣ; окна, стѣны и двери пестрѣли яркими грубыми рисунками, поддѣланными подъ мавританскій стиль, а длинныя низкія оттоманки въ ней были покрыты бумазеей. Комната имѣла карикатурный и пошлый видъ, благодаря крикливости красокъ, которыми пестрѣли стѣны и окна и гдѣ тоже никто никогда не садился подъ мавританскимъ куполомъ, горѣвшимъ какъ старая кастрюля кирпично-мѣдными красками рисунковъ.

— Это по-испански, — объяснилъ Мюллеръ.

— По-мавритански, ты ошибся, папа, — поправила Мада.

— Вы сами это устраивали?

— Нѣтъ, я только платилъ, а устраивалъ Гюберманъ.

— Вамъ нравится эта комната? — спросила Мада.

— Очень. Она привлекательна и оригинальна, — солгалъ Боровецкій съ улыбкой.

— Она очень дорогая. Гюберманъ взялъ за нее лишнихъ 2000. Я не люблю пустяковъ, я люблю только солидныя вещи; но когда онъ сталъ мнѣ разсказывать, что въ каждомъ порядочномъ дворцѣ должна быть комната въ японскомъ или китайскомъ вкусѣ, а Мадѣ тоже захотѣлось, — такъ онъ сдѣлалъ ради

оригинальности въ мавританскомъ стилѣ. Мнѣ это не мѣшаетъ, пусть себѣ будетъ, какъ угодно: я все равно не буду здѣсь жить.

— Значитъ вы не живете въ этомъ дворцѣ.

— Пане Боровецкій, если бы я жилъ въ дворцѣ, то надо мной смѣялись бы такъ, какъ смѣются надъ Мейеромъ и Эндельманомъ. Зачѣмъ? Мнѣ удобнѣе въ старой избенкѣ.

— Но жаль держать домъ пустымъ.

— Пусть стоитъ, всѣ строятъ дворцы, и я велѣлъ построить, у всѣхъ есть салоны, и у меня салоны, у всѣхъ есть экипажи, лошади и у меня есть экипажи, лошади; стоитъ дорого и пусть себѣ стоитъ. Пусть люди знаютъ, что Мюллеръ имѣетъ дворцы, хотя и предпочитаетъ жить въ старомъ домѣ.

Они пошли осматривать дальше.

Въ серединѣ квартиры была длинная узкая комната, обитая темной матеріей, съ окномъ, обращеннымъ къ аллеѣ, которая вела на фабрику.

У стѣнъ стояли низкія кушетки, крытыя красной кожей, съ золотыми цвѣтами, со спинками, достигавшими до половины стѣнъ, — раздѣленныя на отдѣльныя сидѣнія, какъ купе 2-го класса. Узкія зеркала, вдѣланныя въ стѣну, мрачно глядѣли надъ диванами.

Это была комната для куренія, какъ объяснила Мада, но по дѣвственной чистотѣ кушетокъ и низкихъ столиковъ, симметрически разставленныхъ передъ ними, видно было, что здѣсь еще никто не курилъ.

Потомъ они осмотрѣли огромную залу въ 4 окна, совершенно бѣлую, съ золоченымъ потолкомъ, заставленную мебелью, перегруженную массою картинъ, кан-

делябровъ, колоннъ, диванчиковъ, креселъ, которыя длинными рядами въ бѣлыхъ чехлахъ стояли подъ стѣнами; и тоже бросалось въ глаза, что никто еще не сидѣлъ на этой мебели.

Были еще маленькіе кабинеты, золоченые, украшенные какъ бомбоньерки, полныя бездѣлушекъ, пустыхъ жардиньерокъ, мраморныхъ каминовъ, на которыхъ красовались фарфоровыя статуэтки.

Была и столовая, соединенная съ кухней подъемной машиной, вся выложенная квадратиками изъ краснаго дерева, переплетенными мѣдными листами. Посрединѣ стоялъ тяжелый столъ, у стѣнъ буфеты въ стилѣ Empire, которые Мюллеръ открывалъ, показывая посуду, еще не бывшую въ употребленіи.

Была и библіотека: архитекторъ и обойщикъ ни о чемъ не забыли. Маленькая комнатка, уставленная шкафами изъ бѣлаго дуба, въ старо-германскомъ стилѣ. За стеклами виднѣлись сочиненія всѣхъ великихъ писателей міра, которыхъ здѣсь никто не читалъ и даже не зналъ по имени.

Наконецъ они вошли въ спальню. Посрединѣ подъ синими шелковыми балдахинами стояли двѣ огромныя кровати, покрытыя синими одѣялами; синіе ковры закрывали весь полъ, и стѣны были оклеены синими обоями. Въ углу стоялъ большой мраморный умывальникъ на двоихъ; такой большой, что въ немъ можно бы, кажется, купать лошадей. Онъ былъ соединенъ трубой съ фабрикой, которая доставляла теплую воду. Никто не спалъ въ этой спальнѣ.

— Великолѣпная спальня, — шепнулъ Карлъ.

— Это для Мады, когда она выйдетъ замужъ. Пойдемъ въ комнату Мады.

Но Мада стала протестовать:

— Тамъ еще не прибрано.

— Дура, — пробормоталъ старикъ и ввелъ Карла въ очень свѣтлую комнату, обтянутую блѣдно-розовой матеріей.

Миніатюрная мебель стояла въ большомъ безпорядкѣ на свѣтломъ коврѣ.

— Прекрасное мѣсто для того, чтобы писать письма, — сказалъ Карлъ, осматривая столъ, на которомъ съ замѣчательной аккуратностью были разставлены коробки съ бумагой и письменныя принадлежности.

— Да, но вѣдь мнѣ совсѣмъ некому писать. А иногда такъ хочется... — проговорила Мада искренно, подходя къ двумъ канарейкамъ, висѣвшимъ въ мѣдной клѣткѣ на окнѣ, и щелкнула имъ.

— Онѣ слушаются васъ?

О, слушаются! Вильгельмъ приходилъ сюда, свистѣлъ имъ и научилъ ихъ пѣть.

— Ваша комната, какъ у гетевской Маргариты, — сказалъ Боровецкій.

Мада не знала, что отвѣтить, но покраснѣла до самыхъ волосъ. Возвращаясь внизъ, Карлъ еще разъ осмотрѣлъ эту массу комнатъ—пустынныхъ и чопорныхъ. Онѣ были такъ роскошны, такъ чисты, свѣжи, новы, что производили впечатлѣніе мебельной выставки, богатой, но безвкусной.

Здѣсь жила одна только Мада; домъ стоялъ напоказъ гостямъ лишь для того, чтобы Мюллеръ могъ сказать гостямъ: у меня есть дворецъ.

Внизу, въ маленькой комнаткѣ, рядомъ съ кухней, служившей столовой для всей семьи, фрау Мюллеръ подала кофе.

Карлъ отговаривался недосугомъ, но Мюллеръ отнялъ у него шляпу, обнялъ и усадилъ въ кресло.

Онъ остался, Мада такъ краснорѣчиво просила его глазами остаться. Ему не хотѣлось огорчать ее, — но онъ рѣшилъ все-таки поскорѣе уйти, такъ какъ долженъ былъ быть сегодня у Бухгольца.

Онъ попросилъ Мюллера оказать Горну протекцію у Шаи.

Фабрикантъ торжественно обѣщалъ, что завтра же лично будетъ у Шаи, и даже ручался за успѣхъ, такъ какъ былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Фрау Мюллеръ молча пододвигала разныя печенья своего издѣлія и нѣсколько разъ поправила Мадѣ волосы, которые золотыми прядями выбивались на лобъ: дѣвушка была такъ рада и оживлена, что все время смѣялась и сама ничего не замѣчала.

Она не умѣла даже скрыть того, что Карлъ ей очень нравится, и говорила ему это нѣсколько разъ по-разному.

Мюллеръ тоже былъ радъ, обнималъ его, хлопалъ по колѣну и много разсказывалъ о своей фабрикѣ.

Карлъ, насколько возможно, притворялся, что разговоръ интересуетъ его, терпѣливо слушалъ, отвѣчалъ, но въ глубинѣ души скучалъ и томился натянутостью и банальностью темъ Мюллера.

Но всемъ домѣ лежалъ типичный отпечатокъ мѣщанства, въ привычкахъ и взглядахъ чувствовалась атмосфера порядка и чисто-нѣмецкаго трудолюбія. Мюл-

леры были замѣчательны тѣмъ. Милліоны не испортили ихъ, и у него сохранились потребности и привычки рабочихъ.

— Когда вы будете нашимъ сосѣдомъ, вы должны чаще бывать у насъ, — сказалъ старикъ.

— А вы будете близко жить? — спросила Мада съ сіяющимъ лицомъ.

— Да, видите этотъ рядъ оконъ за фабрикой Травинскаго, — показалъ Карлъ.

— Старая фабрика Мейснера.

— Я ее купилъ.

— Значитъ, совсѣмъ близко, — радостно воскликнула она и вдругъ нахмурилась и молча просидѣла до самаго ухода Карла и только на прощаніе попросила его притти снова.

Боровецкій торжественно обѣщалъ это и такъ сильно пожалъ ей руку, что дѣвушка вспыхнула и долго потомъ смотрѣла вслѣдъ ему въ окно.

Онъ отправился прямо къ Бухгольцу, но шелъ медленно: его тяготило радушіе Мюллера и особенно Мады.

Онъ улыбнулся какой-то картинѣ, которая все рельефнѣе вставала у него передъ глазами. Онъ чувствовалъ, что Мюллеръ отдалъ бы ему дочь безъ малѣйшаго колебанія.

Карлъ почти громко разсмѣялся, вспомнивъ этого толстаго краснаго нѣмца въ бумазейномъ халатѣ, въ засаленныхъ штанахъ, въ старыхъ туфляхъ, на фонѣ роскошной залы... Онъ былъ смѣшонъ, но что ему за дѣло.

— У Мады много естественной прелести, да въ придачу круглый милліонъ. Чортъ возьми, — пробормо-

талъ онъ и сталъ строить всякіе планы, но вскорѣ одумался, вспомнивъ вдругъ Анку, ея письмо, которое получилъ утромъ и до сихъ поръ еще не прочелъ. Всегда что-нибудь станетъ поперекъ дороги. Всегда человѣкъ останется рабомъ, — шепнулъ онъ, входя въ контору Бухгольца.

Бухгольцъ послѣ недавняго припадка уже оправился и не только просиживалъ попрежнему въ конторѣ, но начиналъ ходить по фабрикѣ, опираясь на костыль или на кого-нибудь изъ рабочихъ.

Съ Боровецкимъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что тотъ отказался отъ мѣста и что они ссорились съ нимъ по нѣсколько разъ въ день.

Старикъ довѣрялъ ему во всемъ и нуждался въ немъ до возвращенія Кноля. Зять, когда его вызвали по телеграфу, отвѣтилъ телеграммой, что если старикъ умретъ, то онъ пріѣдетъ, а иначе онъ и не подумаетъ портить своихъ дѣлъ. Бухгольцъ перелистывалъ главную книгу, которую поддерживалъ Августъ, и, только кивнувъ головой Боровецкому на его привѣтствіе, продолжалъ свѣрять балансъ.

Карлъ молча принялся сортировать корреспонденцію, а затѣмъ сталъ разсматривать планы и смѣты новыхъ приспособленій въ красильнѣ, которую самъ проектировалъ. Работа была спѣшная, такъ какъ на новыхъ машинахъ нужно было печатать товаръ къ предстоящему зимнему сезону.

Вечеръ быстро приближался, и за окнами конторы паркъ чернѣлъ все больше, шумѣли голыя деревья и заглядывали въ окна, тряслись на свѣту и исчезали.

Работа подвигалась плохо. Боровецкому все вспоминался Мюллеръ, и онъ, откладывая въ сторону твердый картонъ съ чертежами, цифрами и замѣтками, погружался въ задумчивость.

Въ конторѣ водворилась тишина, только вѣтеръ гулялъ между деревьями, стучалъ вѣтвями о стѣны и окна и глухо гудѣлъ по жестянымъ крышамъ.

Электрическій свѣтъ дрожалъ и скользилъ по темнымъ шкафамъ, гдѣ стояли ряды громадныхъ конторскихъ книгъ съ бѣлыми этикетами, на которыхъ были написаны годы.

Бухгольцъ отвелъ глаза отъ книги и прислушался къ отдаленнымъ звукамъ гармоники. Губы его нервно дрожали, круглые ястребиные глаза, краснѣе, чѣмъ всегда, подернулись какой-то печалью: онъ долго слушалъ и наконецъ сказалъ:

— Скучно здѣсь, правда?

— Какъ всегда въ конторахъ, — отвѣтилъ Боровецкій.

— Мнѣ очень хочется послушать музыку, только шумную, хотѣлось бы даже видѣть и толпу.

— Вы еще успѣете попасть въ театръ: всего 9 часовъ.

Бухгольцъ ничего не отвѣтилъ, положилъ голову на спинку кресла и уставился глазами въ пространство; понемногу его лицо стало принимать выраженіе острой апатіи и скуки.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня, — спросилъ Карлъ.

— Хорошо, хорошо, — отвѣтилъ Бухгольцъ сда-

вленнымъ голосомъ, и горькая улыбка скользнула по его синимъ губамъ.

На самомъ дѣлѣ ему было не хорошо. Сердце, правда, билось спокойно и нормально, боли въ ногахъ прошли, онъ могъ довольно свободно двигаться, но чувствовалъ, что ему все-таки плохо.

Онъ чувствовалъ какую-то странную тяжесть, поминутно обрывались нити сознательныхъ мыслей, и онъ впадалъ въ состояніе тупой апатіи. Ему надоѣла работа, надоѣли цифры прибыли и убытка, все стало совершенно безразлично сегодня.

А гдѣ-то глубоко, за предѣлами сознанія, въ сѣромъ туманѣ тоски проблескивали какія-то неясныя желанія, столь мгновенныя, что прежде, чѣмъ дойти до сознанія, они исчезали и заливали его мозгъ мракомъ, а сердце грустью, апатіей.

— Страшно пусто въ домѣ,—сказалъ онъ, тихо оглядываясь кругомъ, на шкафы, окна, на Августа, который ждалъ приказаній, прислонившись спиной къ косяку двери.

Старикъ всматривался во все пристальными глазами, какъ-будто видѣлъ это въ первый разъ, и, вдругъ безсильно опустившись въ кресло, свѣсилъ голову на грудь. Его душу охватилъ какой-то необъяснимый страхъ; онъ ловилъ еще глазами темные ряды цифръ на бѣлой страницѣ книги, ловилъ пламя свѣчи въ большомъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, то точно тонулъ въ звукахъ гармоники, что все слабѣли въ шумѣ деревьевъ парка, въ далекомъ глухомъ рокотѣ уличной жизни, и душа его погружалась въ страшную темень тишины...

Около 10 часовъ Карлъ кончилъ работу и, отдавая бумаги, подробно объяснялъ каждую запись.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ иногда Бухгольцъ, ничего почти не слыша.

Ничто его не интересовало, онъ все глубже чувствовалъ пустоту и одиночество, въ которомъ жилъ, все сильнѣе давило его равнодушіе и безсиліе.

— Зачѣмъ я этимъ занимаюсь, это дѣло кассира,— проворчалъ Бухгольцъ.

Карлъ собрался уходить.

— Вы уже уходите.

— Я кончилъ работу. Спокойной ночи.

Онъ пожалъ руку старику и вышелъ. Бухгольцъ не рѣшился попросить его остаться: въ послѣднюю минуту ему стало стыдно своей дѣтской слабости.

Онъ вслушивался въ затихавшіе шаги и дорого далъ бы, чтобы Боровецкій вернулся.

— Августъ, пойдемъ наверхъ, — тихо шепнулъ онъ и всталъ безъ помощи лакея, который тушилъ огни и запиралъ двери.

Другой лакей, ожидавшій въ передней, освѣщалъ путь, и Бухгольцъ медленно брелъ по громадной, тихой пустой квартирѣ.

Она оказалась ему сегодня особенно пустой, и такъ тяготило его это одиночество, что онъ заглянулъ къ женѣ, но та спала, зарывшись въ одѣяла, такъ что видна была на подушкѣ только часть ея восковаго лица. Она не проснулась, когда онъ вошелъ. И только попугай, разбуженный свѣтомъ, спрыгнулъ съ клѣтки, повисъ на занавѣскѣ и жалобно закричалъ: дуракъ, дуракъ.

Бухгольцъ разочарованно повернулъ назадъ въ свою комнату.

— Августъ, — позвалъ онъ вполголоса.

Лакей остановился въ выжидательной позѣ, но Бухгольцъ ничего больше не сказалъ ему. Онъ сѣлъ въ кресло передъ каминомъ и принялся разгребать своей неизмѣнной палкой потухавшіе угли и со страхомъ, который испытывалъ впервые, думалъ о томъ, что сейчасъ долженъ остаться одинъ.

— Закрой ставни, — сказалъ онъ, наконецъ, и самъ провѣрилъ, хорошо ли заперты желѣзныя внутреннія ставни, раздѣлся, легъ и попробовалъ читать, но вѣки были какъ свинцовыя, и онъ не могъ читать.

— Можно итти? — шопотомъ спросилъ лакей.

— Иди, иди, — отвѣтилъ ему Бухгольцъ съ гнѣвомъ, и когда лакей подошелъ уже къ дверямъ: — Августъ!

Лакей вернулся, и Бухгольцъ сталъ разспрашивать его о женѣ, о дѣтяхъ и такъ милостиво, что Августъ невольно отодвинулся на почтительное разстояніе отъ его палки и отвѣчалъ робко, встревоженный его неслыханной добротой.

Бухгольцу хотѣлось удержать его какъ можно дольше въ комнатѣ, и въ то же время онъ не рѣшался прямо велѣть ему остаться.

Этотъ странный разговоръ скоро утомилъ фабриканта, и онъ наконецъ кивнулъ ему и велѣлъ итти спать.

Онъ остался одинъ. Страхъ одиночества и непонятная глухая темная тревога окутывали его душу все сильнѣе. Онъ внимательно прислушивался къ звукамъ на улицѣ, но улица спала, а слабое эхо почти не могло долетать сквозь обитыя войлокомъ ставни.

Онъ приподнялся на локтѣ и, затаивъ дыханіе, судорожно сжимая револьверъ, долго слушалъ: онъ ясно слышалъ шаги въ пустыхъ комнатахъ, но никто не появлялся, только бой часовъ какъ стонъ донесся изъ какой-то комнаты.

Потомъ ему стало казаться, что тяжелая бархатная портьера, закрывавшая дверь, странно поднимается, словно за ней прячется человѣкъ... Онъ улыбнулся этому оптическому обману и снова легъ, прикрутивъ фитиль лампы.

Но заснуть не могъ. Время тянулось безконечно. И онъ не успокаивался. Его нервный страхъ постепенно разрастался и превратился наконецъ въ страхъ смерти. Ему казалось, что онъ сейчасъ умретъ, и чувствовалъ это такъ ясно, такъ ошеломила его эта мысль, что онъ вскочилъ съ постели, точно собираясь бѣжать, и, весь дрожа отъ ужаса, громко позвонилъ дежурнаго лакея, спавшаго внизу.

— Иди скорѣе, зови доктора, — произнесъ онъ посинѣвшими губами. А когда немного спустя пришелъ Гамерштейнъ, онъ сказалъ ему:

— Со мной что-то неладное. Осмотрите меня, помогите мнѣ.

— Ничего не нахожу, — отвѣтилъ заспанный докторъ, изслѣдовавъ его довольно тщательно.

Бухгольцъ сталъ говорить ему про свое состояніе.

— Все пройдетъ, когда вы выспитесь.

— Дуракъ, — порывисто отвѣтилъ Бухгольцъ, но принялъ большую дозу хлорала и скоро заснулъ.

Боровецкій, измученный сверхурочной работой, поѣхалъ въ городъ пить чай.

Въ кондитерской Рожковскаго было уже пусто, только въ послѣдней комнатѣ у зеркала сидѣло трое мужчинъ: Высоцкій, Давидъ Гальпернъ и Мышковскій, инженеръ съ фабрики барона Мейера.

Карлъ подсѣлъ къ нимъ, съ двумя онъ былъ знакомъ, а съ Высоцкимъ его сейчасъ познакомили.

Давидъ Гальпернъ, склонившись надъ столомъ, билъ по нему костлявой рукой и почти кричалъ:

— Вы, панъ Мышковскій, не знаете, сколько создаетъ трудъ въ Лодзи, такъ какъ не хотите этого знать, но я могу васъ сейчасъ же убѣдить, я вамъ приведу факты.

Онъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько вырѣзокъ изъ «Курьера» и прочелъ:

— Слушайте: съ 22 по 28 число вывезено изъ Лодзи: желѣзныхъ издѣлій 1.791 пудъ, пряжи 11.614 пудовъ, хлопчато-бумажныхъ издѣлій 22.852 пуда, шерстяныхъ издѣлій 10.309 пудовъ. Это вамъ ничего не говоритъ, все сдѣлалось само собою? Я вамъ покажу, сколько въ теченіе недѣли сдѣлали въ Лодзи.

— Не нагоняйте на насъ тоску вашей статистикой... Мальчикъ, три кофе... Панъ Боровецкій, выпьете съ нами?

— Я прочту только нѣсколько цифръ, слушайте, господа, это такъ же цѣнно, какъ библія, можетъ быть, даже больше: «привозъ слѣдующій: шерсти 11.719 пуд., пряжи 12.333, желѣза 7.303, машинъ 4.618, машиннаго масла 8.771, муки 36.117, хлѣба 8.794, овса 18.685, дерева 36.850, сырого хлопка 120.682, каменнаго угля 51.032.360 пуд.». Такія цифры говорятъ сами за себя. Лодзь должна имѣть большое брюхо, чтобы все это пе-

реварить, и надо много работать, а вы говорите, что только дураки работаютъ...

— Да, и скотъ, который подгоняютъ бичомъ, — спокойно сказалъ Мышковскій, попивая кофе.

— Ай-ай, что вы говорите. Какимъ бичомъ, гдѣ бичъ? Люди должны работать, скажите, что дѣлалъ бы, напр., простой хамъ, если бъ ему не надо было работать. Онъ сгнилъ бы отъ лѣни, издохъ бы отъ голода.

— Оставьте! Восхищайтесь трудолюбіемъ Лодзи, восхваляйте этотъ великолѣпный городъ, цѣлуйте руки каждаго, кто захочетъ быть милліонеромъ, разсказывайте, что у милліонеровъ только потому милліоны, что они больше всѣхъ работаютъ.

— Потому-то у нихъ и милліоны. А откуда бы они ихъ взяли иначе? — кричалъ Гальпернъ, волнуясь.

— Они просто глупѣе своихъ рабочихъ, и потому у нихъ деньги.

— Я совсѣмъ васъ не понимаю. Ей Богу, панъ Мышковскій, я совсѣмъ не понимаю, что вы говорите. До сихъ поръ я зналъ, что, кто работаетъ, тотъ богатѣетъ, а кто работаетъ и обладаетъ умомъ, тотъ богатѣетъ еще болѣе, кто очень уменъ и много работаетъ, тотъ зарабатываетъ милліоны, — кричалъ громко Гальпернъ.

— Въ чемъ дѣло, господа? — спросилъ Боровецкій.

— Я утверждаю, что всѣ милліонеры, которые работаютъ всѣмъ напряженіемъ своихъ и чужихъ мускуловъ, глупцы и кретины. Панъ Давидъ Гальпернъ доказываетъ обратное. Онъ поетъ гимны труду, ставитъ

на пьедесталъ скотовъ, которые гніютъ на мѣшкахъ съ деньгами, и заставляютъ меня восхищаться ими.

— А правда должна быть посрединѣ, — замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ Высоцкій.

— Отправляйтесь къ Аллаху съ вашей срединной правдой. Можно быть или человѣкомъ, или скотомъ, переходныхъ стадій въ природѣ нѣтъ, развѣ только въ умахъ idіотовъ, идеологовъ.

— Панъ Мышковскій, я долженъ васъ убѣдить, что фабрикантъ, человѣкъ, который хочетъ создать милліоны, дѣлаетъ во сто разъ больше, чѣмъ рабочій, и потому его нужно уважать.

— Оставьте въ покоѣ дураковъ, которые надрываются ради денегъ, говорите лучше о тѣхъ, кто работаетъ, чтобы имѣть возможность жить, ибо они только умны.

— Панъ Мышковскій, если бы у васъ были милліоны, вы говорили бы иначе.

— Я уважаю васъ, но могу вамъ сказать какую-нибудь глупость, если вы будете утверждать то, чего не понимаете. У меня было много денегъ, и я спустилъ ихъ вотъ такъ, — Мышковскій пустилъ дымъ въ глаза Гальперну. — Спросите Куровскаго, мы съ нимъ вмѣстѣ ихъ спускали. Я такъ же забочусь о деньгахъ, какъ о вчерашнемъ снѣгѣ. Вы считаете меня дуракомъ. Нѣтъ, панъ Давидъ, для того, чтобы заработать лишній рубль, я не встану и пятью минутами раньше, чѣмъ мнѣ хочется, а ради того, чтобы сдѣлать даже милліарды, — я не пожертвую удовольствіемъ жить полной человѣческой жизнью, не откажусь отъ потребности смотрѣть на солнце, гулять на открытомъ

воздухѣ, свободно дышать, думать о вещахъ нѣсколько болѣе важныхъ, чѣмъ милліарды, любовь и т. д. и т. д. Я не буду работать, работать, работать! Я буду жить, жить, жить! Я—не ломовая лошадь, я не машина. Только дуракъ можетъ хотѣть денегъ и ради милліоновъ жертвовать жизнью, любовью, правдой, философіей, всѣми сокровищами человѣчества. Когда онъ уже насытится такъ, что сможетъ плевать милліонами, что тогда? Онъ сдохнетъ какъ и нищій, но на тюфякѣ, а не на голой землѣ! А если бъ его потомъ спросили, какъ онъ жилъ,—онъ отвѣтилъ бы: я работалъ. Зачѣмъ? Чтобы нажить милліоны. Для чего? Чтобы имѣть милліоны, чтобы люди удивлялись мнѣ, чтобы ѣздить въ экипажѣ, чтобы импонировать дуракамъ, чтобы сдохнуть въ половинѣ жизни отъ переутомленія, но на милліонахъ? Тьфу, какая глупость!

— Вы затрагиваете важный вопросъ, о которомъ можно многое сказать.

— Такъ говорите себѣ, а я пойду домой, но берусь когда-нибудь въ подходящую минуту убѣдить и васъ, панъ Боровецкій, что всѣмъ вамъ привили страшную бациллу труда, которая подтачиваетъ весь организмъ человѣчества. Я думаю, что если люди не опомнятся, то человѣчество погибнетъ скорѣе, чѣмъ это предсказываютъ геологи...

Они уже шли по пустому тротуару, вверхъ по улицѣ.

Высоцкій послѣ долгаго молчанія началъ страстно доказывать, что зло не въ томъ, что люди работаютъ, а въ томъ, что не всѣ работаютъ.

Мышковскій ничего не отвѣтилъ, сейчасъ же простился и пошелъ домой.

Боровецкій сонными глазами смотрѣлъ на тихую, засыпавшую улицу.

Гальпернъ уловилъ этотъ взглядъ и сказалъ:

— Вы смотрите на городъ! Вы видите, что Мышковскій не правъ? Если бы всѣ поступали такъ, какъ онъ хочетъ, не было бы ни этихъ домовъ, ни дворовъ, ни фабрикъ, ни складовъ, не было бы Лодзи, а былъ только большой кусокъ лѣса, въ которомъ помѣщики охотились бы на кабановъ.

— Это намъ не помѣшало бы, панъ Давидъ.

— Вамъ, можетъ быть, но пану Высоцкому еще неизвѣстно; а мнѣ нужна Лодзь, мнѣ нужны фабрики, нуженъ большой городъ, большая торговля. Что бы я дѣлалъ въ деревнѣ съ мужиками? — воскликнулъ онъ.

— Были бы арендаторомъ, — холодно отвѣтилъ Боровецкій, ища глазами извозчика.

— И между ними такая конкуренція, что они умираютъ съ голода.

— Только тѣ, которые не умѣютъ обманывать мужиковъ и помѣщиковъ.

— Къ чему такіе разговоры? Это только антисемитскіе разговоры, которымъ вы сами не вѣрите: вы хорошо знаете, что плотичку съѣдаетъ пискарь, пискаря — окунь, окуня съѣдаетъ щука, а щуку?.. щуку съѣдаетъ человѣкъ. А человѣка съѣдаютъ другіе люди, банкротства, болѣзни, огорченія и, въ концѣ-концовъ, смертъ. Все это въ порядкѣ вещей и очень хорошо устроено, потому что это движеніе.

— У васъ талмудическая философія, панъ Давидъ.

— Это философія созерцанія; я на міръ смотрю очень давно, панъ Высоцкій... Что вы думаете о Мыш-

ковскомъ, панъ директоръ? — спросилъ Гальперинъ, удерживая Боровецкаго за руку, такъ какъ онъ сталъ прощаться.

— Прекрасный человѣкъ! — уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Это геніальный человѣкъ! у него въ головѣ милліоны, но онъ не хочетъ вытащить ихъ оттуда. Вы знаете, что онъ сдѣлалъ новое открытіе у Мейера: новый способъ бѣлить матерію! Мейеръ зарабатываетъ на этомъ пятьдесятъ процентовъ, а сколько, по-вашему, зарабатываетъ Мышковскій? — Ничего. Ему за изобрѣтеніе, которое стоитъ милліонъ, дали двѣ тысячи въ годъ жалованья. Онъ согласился, да еще ходитъ на фабрику, работаетъ въ лабораторіи. Я его очень уважаю, но чтобы не желать богатства, смѣяться надъ тѣмъ, что другіе дѣлаютъ деньги, этого я не понимаю, это для меня слишкомъ темно.

— Спокойной ночи, — сказалъ Карлъ.

— У меня есть къ вамъ дѣло, которое я кончу въ нѣсколькихъ словахъ, — сказалъ Высоцкій. Хотя мы были и незнакомы, но я собирался просить васъ за одного человѣка.

— Вы ищете занятій для кого-нибудь?

— Да, я знаю одного бѣдняка, который уже два года ищетъ работы.

— Спеціалистъ?

— Бывшій помѣщикъ, безупречно честный человѣкъ.

— Съ такимъ дипломомъ онъ можетъ еще два года искать работы съ тѣмъ же результатомъ.

— Онъ очень бѣденъ, обремененъ семьей, они почти умираютъ съ голода.

— Это не исключительный случай, здѣсь такихъ немало.

— Не можете ли вы помочь? Какое-нибудь мѣсто, самое незначительное—это было бы для него благодѣяніемъ... Простите, что почти незнакомый вамъ человѣкъ обращается къ вамъ съ просьбой.

— Не въ томъ дѣло, я лишь не знаю, что отвѣтить... Хорошихъ мѣстъ никогда не бываетъ: на каждую вакансію являются двадцать кандидатовъ, да еще спеціалистовъ.

— Я прошу о самой простой работѣ, и если вы только можете...

Боровецкій подалъ ему свою визитную карточку.

— Пусть ваше протеже придетъ ко мнѣ съ этой карточкой завтра послѣ обѣда, на фабрику. Мѣстами я не распоряжаюсь, но постараюсь что-нибудь сдѣлать. Предупреждаю только, — за результатъ не ручаюсь. Они разошлись въ разныя стороны.

XIV.

Давидъ Гальперинъ шелъ медленно по Петроковской улицѣ, думая о Мышковскомъ и любуясь городомъ, который онъ любилъ со всѣмъ энтузіазмомъ своей души.

Онъ не хотѣлъ думать о томъ, что этотъ городъ отнялъ у него все, что онъ унаслѣдовалъ отъ отца, что много лѣтъ уже онъ перебивается со дня на день,

постоянно мѣняя занятія, что онъ все еще былъ только на дорогѣ къ богатству, которое вѣчно ускользало у него изъ рукъ. Гальпернъ объяснялъ это тѣмъ, что ему не везетъ, и упорно открывалъ то конторы, то магазины, то служилъ агентомъ и всегда все кончалось банкротствомъ, но онъ не терялъ надежды, а стойко шелъ въ жизни и восхищался Лодзью, ея мощью, ошеломленный ея величіемъ, загипнотизированный милліонами, которые протекали мимо него.

У него не было дѣтей, была толька жена, ради которой онъ, главнымъ образомъ, и работалъ, чтобы она могла ежегодно ѣздить лѣчиться во Франценсбадъ; а самъ онъ уже много лѣтъ не выѣзжалъ изъ Лодзи. Онъ не заботился о томъ, что ѣстъ, какъ живетъ, въ чемъ ходитъ, и былъ счастливъ, что городъ становится все богаче, что онъ можетъ видѣть это бѣшеное движеніе, слышать шумъ машинъ, жизнь на улицахъ, переполненные склады, образованіе новыхъ улицъ, милліонеровъ, фабрики, — все, что относилось къ этому колоссу, который спалъ теперь подъ тихимъ небомъ, освѣщенный луной.

Онъ любилъ Лодзь, какъ любилъ фабрикантовъ и рабочихъ, какъ любилъ даже простыхъ мужиковъ, которые толпой сходились каждую весну: чѣмъ больше были ихъ толпы, тѣмъ яснѣе было видно, что въ городѣ будетъ много новыхъ фабрикъ, домовъ, движенія.

А какое ему было дѣло, что Лодзь грязна, плохо освѣщена, дурно вымощена, плохо выстроена, что дома ежегодно валились на головы жителей, что въ боковыхъ улицахъ среди бѣла дня пыряли ножомъ людей.

О такихъ пустякахъ онъ не думалъ, какъ не думалъ о томъ, что здѣсь тысячи людей умирали отъ голода, тысячи людей гнили въ нищетѣ, съ отчаяніемъ боролись за жалкое существованіе и что эта ужасная, тихая и страшная своей непрерывностью борьба безъ надежды на побѣду пожирала каждый годъ больше, чѣмъ самыя жестокія эпидеміи.

— Отсюда родится движеніе, — объяснялъ онъ, радуясь, что городъ растетъ съ бѣшеной быстротой, что «ввозъ и вывозъ» достигъ громадныхъ цифръ, а общая цифра оборотовъ увеличивается ежегодно на цѣлые десятки милліоновъ.

Его сухая семитическая душа утопала въ этихъ цифрахъ и радовалась ихъ увеличенію.

Съ гордостью смотрѣлъ онъ на новыхъ милліонеровъ и уважалъ ихъ, — искреннимъ восхищеніемъ глядѣлъ съ тротуара на роскошные экипажи и квартиры, съ энтузіазмомъ распространялъ онъ по городу, какія суммы бросали хлопчато-бумажные короли на украшеніе своихъ дворцовъ и квартиръ.

Таковъ былъ Давидъ Гальпернъ, который шелъ теперь на Среднюю улицу домой и думалъ о Мышковскомъ.

Для него, поклонника денегъ, Мышковскій былъ совершенно непонятенъ. Онъ не могъ понять, какъ можно было не брать милліоновъ, когда они сами лѣзутъ въ карманъ.

Съ такими мыслями онъ тихо открылъ дверь въ третьемъ этажѣ какого-то большого дома, но, прежде чѣмъ вошелъ, услышалъ слабые звуки музыки, доносившіеся изъ глубины темнаго коридора.

Жена уже спала, а ему захотѣлось ѣсть; въ буфетѣ ничего не нашлось, и онъ съ кусочкомъ сахара тихонько отправился въ кухню за чаемъ.

Самоваръ остылъ, но онъ налилъ чашку и, откусывая сахаръ, пилъ, прохаживался по маленькой передней, чтобы не будить жены и слушать музыку, прокрадывавшуюся въ дверь.

Наконецъ ему надоѣло такъ бродить, и съ чашкой въ рукѣ, пройдя черезъ коридоръ, онъ осторожно постучалъ въ дверь, за которой играли.

— Herein, — крикнулъ кто-то изнутри.

Онъ робко вошелъ, кивнувъ головой музыкантамъ, сѣлъ у печки и, попивая чай маленькими глотками, сталъ слушать музыку съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Горнъ игралъ на флейтѣ, Малиновскій на віолончели, Шульцъ на кларнетѣ, а на скрипкѣ Блюменфельдъ, который въ то же время дирижировалъ. Второй скрипкой былъ Стахъ Вильчекъ.

Юзефъ Яскульскій сидѣлъ въ другой комнатѣ за столомъ и переписывалъ какое-то письмо.

Кромѣ Горна, всѣ были школьными товарищами и собирались сюда два раза въ недѣлю.

Музыкой они безсознательно защищались отъ отупѣнія, которое давалъ ежедневный тяжелый трудъ: всѣ они работали на фабрикахъ и въ конторахъ, какъ техники, мастера или практиканты.

Горнъ, какъ наиболѣе состоятельный, — онъ былъ въ Лодзи только на практикѣ и имѣлъ богатаго отца, — предложилъ свою квартиру и купилъ инструменты, но душой этихъ музыкальныхъ собраній былъ Блюменфельдъ, музыкантъ по призванію и образованію, окон-

чившій консерваторію; музыка не могла служить въ Лодзи источникомъ заработка, и онъ временно работалъ въ конторѣ Гросглюка въ качествѣ бухгалтера.

Юзя Яскульскій, самый младшій среди нихъ, не умѣлъ играть, но жилъ дружно съ ними и часто заходилъ, такъ какъ страстно любилъ послушать ихъ разсказы о любовныхъ похожденіяхъ. Онъ мечталъ о любви со всею страстью восемнадцатилѣтняго, строго воспитаннаго юноши.

Другіе играли, а онъ переписывалъ любовное письмо, которое далъ ему прочитать Малиновскій, получавшій ихъ довольно много, такъ какъ былъ красивъ. Письмо было безграмотно, но такъ страстно, что Юзя поминутно краснѣлъ и затуманенными глазами всматривался въ эти ряды кривыхъ и неловкихъ буквъ.

Онъ упивался вспышками дикой страсти въ письмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его терзала жажда самому быть такъ любимымъ или, вѣрнѣе, самому получать такія письма.

Музыка, наконецъ, кончилась, прислуга внесла самоваръ. Горнъ помогалъ накрывать на столъ и разставлять стаканы.

— Вильчекъ, вы три раза сфальшивили. Вы взяли С вмѣсто Д, а потомъ вы съѣхали на октаву ниже, — замѣтилъ Блюменфельдъ.

— Ничего, я васъ скоро догналъ, — смѣялся Вильчекъ, прохаживаясь и потирая руки, и сильно надушеннымъ платкомъ обтеръ свое толстое, круглое лицо, покрытое рѣдкой, неопредѣленнаго цвѣта, растительностью.

— Отъ васъ пахнетъ, какъ изъ парфюмернаго магазина, — замѣтилъ Горнъ.

— Я беру духи на комиссію, — объяснилъ онъ.

— Чѣмъ вы только не торгуете, — смѣялся Шульцъ, который, несмотря на свою мѣшковатость, ловко наливалъ чай.

— Человѣческимъ мясомъ, Шульцъ.

— Это не острота, — сказалъ Блюменфельдъ, садясь за столъ и поглаживая худой нервной рукой свѣтлозолотистые волосы, которые ореоломъ окружали его высокій, красивый лобъ и продолговатое страдальческое лицо съ горькой усмѣшкой.

— Не присядете ли къ намъ, панъ Гальпернъ, — пригласилъ Горнъ.

— Съ удовольствіемъ выпью горячаго чаю. Вы, господа, играете все лучше эту вещь. Въ ней кто-то плачетъ. Она произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ высидѣть дома. Прелестный концертъ.

— Панъ Юзефъ, васъ чай ждетъ, — позвалъ Горнъ.

Юзя, все еще красный, сѣлъ на концѣ стола, чтобы скрыть волненіе и смущеніе, которое вызвало въ немъ письмо.

Онъ быстро пилъ чай, смотрѣлъ и молчалъ, мысленно повторяя пламенныя слова, и по временамъ съ преклоненіемъ посматривалъ на Малиновскаго, изумляясь, что онъ такъ спокойно сидитъ и пьетъ чай.

— Пейте водку и не смотрите на часы; куда вамъ спѣшить, Вильчекъ?

— Идете на дежурство?

Вильчекъ служилъ въ желѣзнодорожныхъ складахъ.

— Нѣтъ, со службой я уже простился навсегда.

— Что? Вы выиграли въ лотереѣ.

— Можетъ быть, женитесь на дочкѣ Мендельсона.

— Или удираете съ желѣзнодорожной кассой въ Америку, — воскликнули всѣ хоромъ.

— Не то, у меня есть что-то лучшее, превосходное дѣло. Увидите, что я сразу стану на всѣ четыре ноги.

— Ты всегда былъ четвероногимъ, — сказалъ Малиновскій, посмотрѣвъ на него своими зелеными глазами, въ которыхъ было презрѣніе и недружелюбность.

— Но я никогда не былъ сумасшедшимъ, никогда не занимался неосуществимыми изобрѣтеніями.

— Что ты знаешь, что ты можешь знать, кромѣ того, какъ надувать при покупкѣ и продажѣ, ты, простой, грубый торгашъ. Знай, что сумасшествія геніальныхъ людей принесли міру больше добра, чѣмъ практическая глупость подобныхъ тебѣ, умѣющихъ дешево купить и дорого продать. Слышишь, Вильчекъ?

— Слышу и буду объ этомъ помнить, когда ты потребуешь новаго кредита.

— Кстати, достань мнѣ двадцать фунтовъ мѣдной проволоки, такой, какъ въ послѣдній разъ, — спокойно бросилъ Малиновскій.

Вильчекъ, несмотря на злобу, записалъ заказъ въ записной книжечкѣ.

— Оставьте споры и дѣла.

— Одно другому не мѣшаетъ, — шепнулъ Вильчекъ и сталъ ходить по комнатѣ, нервно потирая руки, облизывая большія толстыя губы и часто поправляя волосы съ проборомъ во всю голову, спускавшіеся на низкій, некрасиво сморщенный лобъ.

Малиновскій, водя за нимъ глазами, сказалъ:

— Ты похожъ на старую горничную.

— Какое тебѣ дѣло?!

— Меня раздражаетъ видъ такой прилизанной мебели, мѣшаетъ мнѣ смотрѣть.

— Такъ смотри на самоваръ или на кончикъ собственнаго носа; вѣдь есть на что смотрѣть.

— Но горничная мнѣ и мѣшаетъ смотрѣть на самоваръ...

— Малиновскій,—прошипѣлъ Вильчекъ съ улыбкой, и его маленькіе, синіе, глубоко сидящіе глазки сверкнули гнѣвомъ, и онъ началъ теребить свою большую золотую цѣпочку часовъ.

— Вильчекъ, — нѣжно улыбнулся Малиновскій и нѣжно посмотрѣлъ на него.

— Вамъ скоро придется надѣвать намордники, а то перегрызетесь когда-нибудь.

— Я разскажу вамъ великолѣпную вещь, только не мѣшайте, — сказалъ Шульцъ, снова наливая всѣмъ чаю. — Мнѣ сообщилъ ее сегодня Рекъ, который пріѣхалъ изъ Сосновца, отъ Дюльмана.

— Интересно, что можно новаго сказать объ этомъ животномъ.

— Сейчасъ узнаешь. Мѣсяцъ назадъ въ Сосновцѣ проѣздомъ гостилъ какой-то графъ Дюльманъ. Дюльманъ, когда-то торговецъ свиньями, когда-то оберъкельнеръ въ Котовицахъ и старая каналья, пригласилъ графа къ себѣ, но мало того, что пригласилъ—онъ для встрѣчи его велѣлъ построить тріумфальную арку, давалъ великолѣпные обѣды, спеціально доставляемые изъ Берлина, самъ снималъ съ графа сапоги: только бы при его посредствѣ получить какой-нибудь прусскій орденъ. Графъ прожилъ въ его дворцѣ три дня, затѣмъ уѣхалъ въ фатерландъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ

его отъѣзда Дюльманъ посылаетъ за Рекомъ, который служитъ техникомъ на его фабрикѣ въ столярномъ отдѣленіи. Когда Рекъ пришелъ, онъ велѣлъ ему приготовить модель великолѣпнаго сундука съ украшеніями. Рекъ сдѣлалъ что-то въ родѣ громаднаго гроба, и по его рисунку въ Берлинѣ сдѣлали сундукъ и привезли Дюльману. И вотъ этотъ идіотъ въ присутствіи всей семьи и своихъ директоровъ поставилъ сундукъ на почетномъ мѣстѣ, спряталъ въ него кровать и все, чѣмъ пользовался графъ, заперъ на ключъ и прибилъ бронзовую доску съ нѣмецкой надписью: «Въ этомъ сундукѣ стоитъ кровать, а на кровати лежитъ постель, а на этой постели и на этой кровати числа такого-то, года 18.. изволилъ спать три раза ясновельможный графъ Вильгельмъ Іоганъ Зомертъ-Зомерштейнъ».

— Ну, это фарсъ, это невозможно.

Другіе стали возражать.

— Рекъ никогда не лжетъ, я ему вѣрю.

— Но вѣдь это чудовищная глупость!

— Что вы хотите? Эксъ-свинопаса вдругъ осчастливила графская милость.

— Это возможно; развѣ въ Лодзи мало такихъ смѣхотворныхъ типовъ среди милліонеровъ? Вѣдь всѣ знаютъ подробности дуэли между Станиславомъ Мендельсономъ и инженеромъ Мышковскимъ.

— А Кнабе не смѣшонъ? А старый Леръ, который, когда сидитъ въ ресторанѣ и когда кто-нибудь громко крикнетъ: «кельнеръ», невольно вскакиваетъ со стула, потому что самъ былъ кельнеромъ; а Цукеръ, который еще моей матери приносилъ на домъ для продажи остатки. Леръ, напримѣръ, умѣетъ только под-

писаться, а кліентовъ принимаетъ съ книгой въ рукахъ, которую лакей всегда подаетъ ему открытой, такъ какъ бывали случаи, когда Леръ держалъ ее вверхъ ногами.

— Каждому можно дѣлать, что ему угодно, я не вижу основаній издѣваться.

— Но каждому можно смѣяться надъ тѣмъ, что глупо.

— Ты, Вильчекъ, отстаиваешь, собственно, себя: надъ тобой, надъ твоей гривкой, надъ твоими духами, надъ твоими цѣпочками и колечками, надъ твоимъ шикомъ развѣ не смѣются?

— Дураки смѣются по любому поводу. Тотъ смѣется по-настоящему, кто смѣется послѣднимъ.

— То-есть, когда ты сдѣлаешь милліонъ, ты обѣщаешь смѣяться надъ всѣми нами.

— Вы достойны смѣха.

Гальпернъ пожалъ имъ руки и вышелъ. Онъ не любилъ, когда молодежь осмѣливалась подтрунивать надъ фабрикантами.

— Почему? Объясните, Вильчекъ.

— Потому что вы не искренно смѣетесь; вы издѣваетесь изъ зависти, что у васъ ничего нѣтъ, а у нихъ милліоны.

— Это ново. Я думалъ, вы скажете что-нибудь новое, но если вы хотите такъ продолжать, то лучше перестаньте.

— Постойте, господа, минуту: есть важное дѣло, — возвысилъ голосъ Малиновскій. — Юзѣ Яскульскому нужно сто рублей къ завтрашнему вечеру, и онъ проситъ насъ всѣхъ дать ему эту сумму; онъ будетъ вы-

плачивать по десяти рублей въ мѣсяцъ. Деньги эти для него — вопросъ жизни и смерти, и потому я отъ себя прошу васъ всѣхъ оказать ему дружескую помощь. Я ручаюсь за всю сумму.

— Ручаешься своимъ изобрѣтеніемъ? — спросилъ Вильчекъ.

— Вильчекъ! — крикнулъ Малиновскій раздраженно, ударяя кулакомъ по столу. — Сдѣлаемъ складчину, господа, — прибавилъ онъ мягче и положилъ на столъ послѣдніе пять рублей.

Шульцъ положилъ еще пять, Блюменфельдъ десять.

— Чего не хватитъ, я прибавлю.

— Сегодня у меня нѣтъ, но завтра я могу занять, — сказалъ Горнъ. — Ну, Вильчекъ, дайте-ка рублей двадцать.

— Честное слово, у меня нѣтъ съ собой и трехъ рублей, положите за меня пять.

— Остроумная комбинація, — шепнулъ Горнъ.

— На него не разсчитывайте. Придется вамъ, Горнъ, занять восемьдесятъ рублей, тутъ двадцать, но непремѣнно до шести часовъ завтрашняго дня.

— Обязательно. Зайдите ко мнѣ, панъ Юзефъ.

Юзя со слезами благодарилъ всѣхъ, кромѣ Вильчека, который презрительно улыбался и все быстрѣе ходилъ по комнатѣ. У него были деньги, но онъ никогда никому не одолжалъ.

— Зачѣмъ тебѣ цѣлыхъ сто рублей? — спросилъ онъ Юзю.

— Если ты ничего не даешь, то нечего и спрашивать, — отвѣтилъ юноша.

— Кланяйся мамѣ отъ меня.

Юзя ничего не отвѣтилъ: ему было обидно, что этотъ самый Вильчекъ былъ многимъ обязанъ его семьѣ; кромѣ того, онъ спѣшилъ съ радостной вѣстью домой, такъ какъ эти деньги нужны были матери, чтобы внести сторублевый залогъ за лавочку, которую какой-то булочникъ отдавалъ въ аренду. Это было спасеніемъ отъ голодной смерти для всей семьи: они получали даромъ квартиру при лавочкѣ, и, кромѣ того, имъ шелъ извѣстный процентъ съ выручки. Юзя ушелъ, но съ лѣстницы вернулся и шепнулъ Малиновскому:

— Адамъ, одолжи мнѣ на нѣсколько дней это письмо, я его не потеряю.

— Можешь взять его совсѣмъ, оно мнѣ не нужно.

Юзя поцѣловалъ его и выбѣжалъ.

Минуту всѣ молчали.

Блюменфельдъ настраивалъ скрипку, Горнъ пилъ чай, Шульцъ смотрѣлъ на Малиновскаго, который со своей неизмѣнной улыбкой писалъ карандашомъ на скатерти алгебраическія формулы; Вильчекъ все разгуливалъ и думалъ о завтрашнемъ дѣлѣ, которое должно было поставить его на «четыре ноги», и время отъ времени окидывалъ товарищей ироническимъ небрежнымъ взглядомъ, въ которомъ была жалость и презрѣніе; иногда онъ останавливался, чтобы со стономъ стащить лакированный, очень изящный ботинокъ, который былъ такъ тѣсенъ, что Вильчекъ страдалъ.

Онъ былъ одѣтъ съ большимъ и преувеличеннымъ изяществомъ приказчика.

— Шульцъ, я случайно открылъ тайну вашего молодого Кесслера, — сказалъ онъ, снова надѣвъ ботинокъ и гуляя по комнатѣ.

— У васъ спеціально сыскныя способности.

— Я умѣю смотрѣть.

— Иногда хорошіе глаза оплачиваются.

— Малиновскій! — крикнулъ Вильчекъ и сѣлъ: ботинокъ жалъ все сильнѣе.

— Не прекращайте состязанія въ вашемъ остроуміи и наблюдательности; подождемъ немножко, можетъ быть, ботинки за это время разносятся, — издѣвался Адамъ.

— Я встрѣтилъ вчера утромъ на Всходной улицѣ очень красивую дѣвушку и пошелъ за ней, чтобы разсмотрѣть ее лучше. Лицо ея показалось мнѣ знакомымъ. Она вошла въ одинъ домъ на Дѣльной и исчезла во дворѣ. Немного сбитый съ толку, я ищу дворника, чтобы разспросить его, и натыкаюсь на молодого Кесслера, входящаго въ ворота. Мнѣ это показалось подозрительнымъ. Вѣдь извѣстно, что Кесслеръ вѣчно возится съ дѣвочками. Я подождалъ около дома и скоро увидѣлъ, что онъ вышелъ съ той же дѣвушкой, но только великолѣпно одѣтой, такъ что я съ трудомъ узналъ ее. Они сѣли въ экипажъ, ожидавшій неподалеку, и поѣхали по направленію къ вокзалу. Эту дѣвушку, Малиновскій, ты долженъ знать.

— Откуда такое предположеніе? — спросилъ Малиновскій на видъ спокойно.

— Я видѣлъ тебя съ нею на прошлой недѣлѣ; ты выходилъ вмѣстѣ съ нею изъ рабочихъ квартиръ Кесслера и даже велъ ее подъ руку.

— Неправда, это не могла быть... — крикнулъ онъ запальчиво, запнувшись о какое-то имя.

— Я увѣренъ, что это она. Брюнетка, очень живая и очень красивая.

— Ну, оставимъ это въ покоѣ, какое мнѣ дѣло, — небрежно шепнулъ Малиновскій и чувствовалъ, точно кто-то схватилъ его за сердце и рванулъ...

По этому описанію онъ узналъ, что это была его сестра Зося.

Нѣтъ, онъ не могъ этому повѣрить; онъ сидѣлъ молча, порывался итти, бѣжать домой, но не двигался, не поднималъ даже глазъ на товарищей, боясь встрѣтить ихъ глаза и выдать свою тайну.

Немного успокоившись, Малиновскій спокойно одѣлся и вышелъ, не ожидая товарищей. Онъ побѣжалъ къ родителямъ, жившимъ въ рабочихъ квартирахъ Кесслера.

Большія трехъэтажныя зданія, похожія на казармы, въ которыхъ ютилось нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ, стояли темныя и тихія; только въ одномъ окнѣ блестѣлъ свѣтъ. Домъ уже спалъ, въ коридорахъ, по которымъ пробѣгалъ Малиновскій, было темно и пусто, и его шаги раздавались на весь домъ.

Онъ засталъ только мать и младшаго брата, который сидѣлъ въ кухнѣ, закутанный въ платокъ, и, заткнувъ пальцами уши, монотоннымъ голосомъ зубрилъ завтрашній урокъ.

— Отецъ давно ушелъ на фабрику? — спросилъ онъ, ища глазами Зосю въ другой комнатѣ.

Мать не отвѣтила; она стояла на колѣняхъ передъ золоченымъ образкомъ Ченстоховской Божіей Матери, который стоялъ на комодѣ, освѣщенный красной лам-

падкой, и молилась вполголоса, быстро перебирая четки.

— А гдѣ Зося? — спросилъ онъ, дрожа отъ волненія.

— «...и благословенъ плодъ чрева Твоего, аминь».

— Отецъ ушелъ давно, Зоська еще вчера поѣхала къ теткѣ Олесѣ, — отвѣтила мать. Она продолжала молиться.

Адамъ не зналъ, что дѣлать. Онъ хотѣлъ сказать матери о своихъ подозрѣніяхъ, но, замѣтивъ ея молитвенное настроеніе, не рѣшился: ему было жаль смущать покой въ этой темной тихой комнаткѣ.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время, глядя на старое, измученное лицо матери, на ея сѣдые волосы, освѣщенные кровавымъ отблескомъ лампадки, смотрѣлъ на двѣ вазочки съ гіацинтами по обѣимъ сторонамъ образа.

— Rivus—ручей, terra—земля, mensa—столъ, nautilus — морякъ, — монотонно и упорно твердилъ братъ, болтая ногами.

— Зося, дѣйствительно, поѣхала къ теткѣ? — спросилъ Адамъ.

— Вѣдь я говорила тебѣ. Есть еще горячій чай; Юзефъ недавно привезъ воды съ фабрики; хочешь, заварю.

Онъ ничего не отвѣтилъ и быстро вышелъ, не обращая вниманія на оклики матери, просившей его вернуться; онъ пошелъ на фабрику Кесслера къ отцу, который служилъ механикомъ при главномъ моторѣ.

Швейцаръ безпрепятственно пропустилъ его на большой темный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ громадными зданіями, которыя сверкали сотнями оконъ и дрожали отъ гула машинъ. Ткацкія и прядильныя

отдѣленія, благодаря массѣ работы, уже цѣлый мѣсяцъ работали днемъ и ночью. Съ четвертой стороны прямо противъ огромной трубы стояло похожее на башню огромное трехъэтажное зданіе, гдѣ сквозь слабо освѣщенныя окна въ безпрерывномъ движеніи мелькало громадное маховое колесо.

Онъ прошелъ мимо узкихъ, не работавшихъ теперь павильоновъ, гдѣ были красильни и мыльный заводъ. Изъ жировъ, получаемыхъ при очисткѣ шерсти, здѣсь приготовлялся поташъ и сѣрое мыло. Онъ шелъ мимо печей, уже издали сверкавшихъ пламенемъ, которое бросало кровавыя полосы свѣта на кучи лежавшаго неподалеку угля.

Нѣсколько полуголыхъ, черныхъ отъ сажи фигуръ безпрестанно подвозили его къ вагонеткамъ, а нѣсколько кочегаровъ бросали его въ устье печей. Онъ вошелъ въ башню. Онъ сразу ничего не могъ разобрать въ полумракѣ, гдѣ маховое колесо, подобно какому-то чудовищу, свернувшемуся въ клубокъ, сверкая стальными блестками, взвивалось изъ земли, куда было погружено до половины, вверхъ съ безумной яростью, какъ бы желая разбить давящія его стѣны и вырваться на волю. Потомъ оно опускалось съ бѣшенымъ свистомъ и снова мчалось неустанно съ такой быстротой, что нельзя было уловить его очертаній, а виднѣлся лишь какой-то серебристый туманъ, серебрянымъ ореоломъ мчавшійся за колесомъ и наполнявшій башню миріадами рѣзкихъ искръ.

Нѣсколько масляныхъ фонариковъ на стѣнахъ дрожащими огоньками освѣщали рычаги, которые своими стальными, толстыми какъ бревна руками работали съ

однообразнымъ пронизывающимъ свистомъ, точно въ напрасномъ бѣшенствѣ силясь схватить вѣчно ускользавшее колесо.

Старикъ Малиновскій ходилъ съ масленкой около чугуннаго барьера, окружавшаго машину, и то и дѣло провѣрялъ по манометру количество добываемой энергіи.

Онъ замѣтилъ сына, но сначала обошелъ машину кругомъ, вытеръ нѣкоторыя ея части, взглянулъ на ея работу и только тогда приблизился къ нему; онъ набилъ трубку табакомъ и, закуривъ, вопросительно взглянулъ на сына.

— Я пришелъ вамъ сказать, отецъ, что Зоська какъ-будто любовница Кесслера.

— Дуракъ. Ты видѣлъ?

Малиновскій сталъ разсказывать ему то, что говорилъ Вильчекъ, но говорилъ шопотомъ, такъ какъ среди адскаго шума могъ бы заглохнуть даже пушечный выстрѣлъ.

Старикъ слушалъ внимательно, и его каріе глаза, блестѣвшіе какъ это стальное колесо, которое поднималось и опускалось около нихъ, загорѣлись и дрогнули.

— Все узнай, все, — шепнулъ онъ, наклоняя къ сыну сухое, сѣрое лицо, съ рѣзкими, какъ изъ камня высѣченными чертами.

— Я все узнаю, и если это правда, то у него навсегда отпадетъ охота соблазнять своихъ работницъ, навсегда! — сказалъ онъ съ удареніемъ, и его нѣжные зеленые глаза загорѣлись недобрымъ огнемъ, нѣжныя карминовыя губы поблѣднѣли и открыли длинные острые, какъ у волка, зубы.

— Сука! — бросилъ старикъ сквозь зубы, прижимая пальцемъ табакъ.

— Что вы думаете объ этомъ, отецъ? Я еще ничего не говорилъ матери.

— Я самъ скажу. Узнай только хорошенько, а съ Кесслеромъ я самъ раздѣлаюсь.

Онъ подошелъ къ машинѣ и сейчасъ же вернулся обратно.

— Почему ты не былъ у меня цѣлую недѣлю? — нѣжно, любовно спросилъ онъ Адама.

— Я работалъ надъ своей машиной.

Отецъ взглянулъ на него исподлобья, но не сказалъ ни слова; онъ всей душой ненавидѣлъ эту машину, которую Адамъ изобрѣталъ цѣлый годъ, не щадя ни времени, ни денегъ.

— Поздно, иди спать, Адамъ. Хорошо, что ты сказалъ. Провѣрь хорошенько и скажи мнѣ, но дома не говори ничего. Если все обстоитъ такъ, то я самъ съ ними сосчитаюсь. Я справлюсь съ Кесслеромъ, хотя у него милліоны.

Онъ говорилъ съ холоднымъ, почти страшнымъ спокойствіемъ, съ какимъ ходилъ когда-то въ Забайкальѣ на сѣраго медвѣдя съ однимъ топоромъ.

Они крѣпко пожали другъ другу руки и посмотрѣли въ глаза.

Старикъ опять началъ ходить вокругъ машины, подливать масло, чистить, смотрѣть на манометръ, но иногда, опершись спиной о дрожавшую стѣну и глядя на вихрь искръ, тѣней и свиста, шепталъ съ горечью: «Зося».

Адамъ вернулся въ квартиру съ нѣкоторымъ облегченіемъ въ душѣ.

Горнъ уже спалъ; онъ заперъ дверь въ его комнату и принялся разбирать ту машину, которая высасывала его жизнь, такъ какъ онъ цѣлый годъ работалъ надъ ней и не могъ кончить.

Это должна была быть динамо-электрическая машина такой простой конструкціи и съ такимъ дешевымъ моторомъ, что она произвела бы переворотъ, если бы только удалась ему, если бы его не обманывали вѣчныя исчисленія, если бы на его пути вѣчно не вставало что-нибудь.

Онъ всегда былъ близокъ къ торжеству, ежедневно убѣждалъ себя, что завтра побѣдитъ все, но это «завтра» тянулось мѣсяцы, и побѣда не приходила.

Онъ сидѣлъ такъ долго, что Горнъ, проснувшись подъ утро и увидя свѣтъ, крикнулъ:

— Адамъ, идите спать.

— Сейчасъ, — проворчалъ онъ и, потушивъ свѣчу, легъ въ постель.

Сѣрый разсвѣтъ уже заглянулъ въ окно и наполнилъ комнату тѣмъ страннымъ свѣтомъ, при которомъ люди кажутся трупами, а міръ похожъ на каменную пустыню.

Адамъ смотрѣлъ въ окно на звѣзды, которыя блѣднѣли все больше и поочередно таяли въ блескѣ дня. Спать онъ не могъ и по нѣсколько разъ вставалъ, чтобы провѣрить свои вычисленія, или высовывалъ голову въ форточку, на свѣжій утренній воздухъ, и скользилъ глазами по тысячамъ черныхъ, блестящихъ крышъ, слабо выдѣлявшихся въ сумракѣ.

Городъ спалъ въ полной тишинѣ, не нарушаемой ни однимъ звукомъ. Сотни трубъ, подобно лѣсу черныхъ колоннъ, выдѣлялись среди подвижного тумана, который поднимался съ размякшихъ полей и медленно бѣловатымъ облакомъ заволакивалъ городъ, разрываясь объ острыя верхушки.

Онъ еще разъ легъ, но теперь ему мѣшали мысли о Зосѣ, и хоръ свистковъ, раздававшихся надъ соннымъ городомъ.

Свистки пѣли пронзительно со всѣхъ сторонъ, — съ юга и съ сѣвера, съ востока и съ запада, срывался ревъ металлическихъ глотокъ, сливаясь въ одинъ хоръ, раздѣляясь на отдѣльные голоса, со скрежетомъ рвавшіе воздухъ.

Горнъ, который со времени разрыва съ Бухгольцемъ ничего не дѣлалъ, ожидая, чѣмъ кончатся хлопоты Боровецкаго относительно помѣщенія его къ Шаѣ, всталъ сегодня очень поздно, къ обѣду, и когда пришелъ въ «колонію», тамъ всѣ отобѣдали, и Боровецкаго уже не было.

Камма завивала перья, а нѣсколько дамъ и дѣвицъ шили въ столовой, превратившейся въ мастерскую.

— Вы, вѣрно, больны, я вижу! — вскрикнула Камма. Лицо его отъ скуки и бездѣлья было, дѣйствительно, очень несчастно.

— Камма не ошиблась: я въ самомъ дѣлѣ боленъ.

— Я знаю: вчера вы у насъ не были потому, что побѣжали на вечеринку!

— Мы весь вечеръ играли дома.

— Неправда, вы пьянствовали, у васъ подъ глазами синяки, — и она провела пальцемъ подъ его глазами.

— Да, я навѣрно умру... навѣрно умру, — проговорилъ онъ съ трагической миной.

— Не нужно такъ говорить... Тетя, я не хочу! — закричала Камма, увидя, что онъ закрылъ глаза, опустилъ голову за спинку кресла и притворился покойникомъ.

Камма ударила его перомъ по лицу, притворившись очень разсерженной; половина ея непокорныхъ волосъ спустилась на лобъ и закрыла глаза.

Горнъ, пообѣдавъ, сидѣлъ молча и нарочно не обращалъ вниманія на тѣ мины, съ которыми обращалась къ нему Камма, и притворился равнодушнымъ. Ему дѣйствительно было скучно, и онъ лѣниво разсматривалъ рядъ фамильныхъ портретовъ шляхтичей восемнадцатаго вѣка, которые смотрѣли сурово, почти грозно на сотни крышъ и фабричныхъ трубъ за окномъ, на измученныя, блѣдныя, истощенныя чрезмѣрнымъ трудомъ лица правнучекъ, занятыхъ тяжелой работой ради насущнаго хлѣба.

— Не прикажете ли просить васъ сказать намъ хоть слово, — сказала Камма.

— Мнѣ не хочется говорить.

— А вы не больны, правда? — тихонько спросила она, съ тревогой заглядывая ему въ лицо. — Можетъ быть, у васъ нѣтъ денегъ? — быстро прибавила она.

— Нѣтъ, я бѣдный сирота, — шутилъ Горнъ.

— Я вамъ дамъ, ей Богу дамъ! У меня есть сорокъ рублей, ого!

Она взяла его за руку и потащила въ гостиную, гдѣ бѣлый Пиколо сейчасъ же залаялъ на нее и схватилъ Горна за платье.

— Право, я вамъ одолжу, — начала она робко. — Зо-

лотой мой, дорогой, — щебетала она, поднимаясь на цыпочки и гладя его по лицу. — Возьмите у меня. Это мои собственныя деньги, я скопила ихъ на лѣтній костюмъ, но вы мнѣ еще успѣете отдать... Ну! — почти молила она съ безконечной задушевностью.

— Спасибо, Камма, большое спасибо, но денегъ мнѣ не надо, — у меня есть.

— Неправда! Ну-ка, покажите кошелекъ!

Онъ не соглашался. Тогда Камма, быстро вытащивъ бумажникъ у него изъ кармана, стала тамъ рыться и нашла свою карточку.

Долго и нѣжно смотрѣла она на Горна, и лицо ея и шея медленно покрывались румянцемъ. Наконецъ, отдавъ бумажникъ, она тихо шепнула:

— За это я васъ люблю, люблю! А скажите, вы карточку изъ тетинаго альбома взяли?

— У фотографа купилъ.

— Неправда!

— Не хотите вѣрить, я ухожу.

Она догнала его и задержала.

— Вы этой карточки никому не показываете?

— Никому.

— И всегда съ собой носите?

— Всегда, но никогда на нее не смотрю...

— Неправда! — съ жаромъ воскликнула она.—Деньги возьмете?

— По временамъ смотрю, вотъ столечко...

Онъ взялъ ея руки и сталъ покрывать ихъ горячими поцѣлуями.

Камма вырвалась, побѣжала къ дверямъ и оттуда вся красная крикнула:

— Вы, такой сильный, какъ медвѣдь. Я ненавижу васъ, ненавижу!

— И я не люблю васъ, ненавижу, — спокойно отвѣтилъ онъ, уходя.

— Ну, вотъ еще!..

Въ голосѣ ея слышалось сомнѣніе.

И, несмотря на ненависть, она все-таки слѣдила за тѣмъ, какъ онъ вышелъ изъ воротъ на Спацеровую улицу, и послала ему нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, а затѣмъ, пустившись взапуски съ Пиколо, понеслась кончать оставленную работу.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Горнъ ходилъ по знакомымъ, пока собралъ нужныя для Юзефа Яскульскаго деньги, а потомъ отправился къ Боровецкому.

Почти возлѣ самой фабрики его нагналъ Серпинскій, знакомый по «колоніи».

Онъ былъ въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ, въ коричневой венгеркѣ, украшенной черными шнурами; и, молодецки заломивъ темно-синюю конфедератку, онъ шелъ и размахивалъ палкой.

— Въ такую пору и вы на улицѣ? А фабрика? — удивленно спросилъ Горнъ.

— Фабрика не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ, милѣйшій мой!

— Куда же вы собрались?

— Солнце такъ грѣетъ, въ воздухѣ такъ пахнетъ весною, что меня совсѣмъ разобрало, не могъ высидѣть на фабрикѣ, взялъ да и отправился и вотъ теперь собрался за городъ: полюбоваться полями, озимыми... Вы чувствуете, какъ чортовски грѣетъ солнце?

— А какое вамъ дѣло до озимыхъ посѣвовъ?

— То-есть какъ это, какое дѣло? Это правда, что я уже не сѣю, не пашу, а фабричнымъ батракомъ у еврея сталъ, но повѣрьте, — онъ оглянулся по сторонамъ и на ухо шепнулъ: — Лодзь у меня поперекъ горла стоитъ, и все это мерзость... гадость, дорогой мой!

Онъ еще разъ выругался крѣпко, протянулъ руку Горну и пошелъ быстрыми шагами, постукивая палкой по тротуару.

XV.

Разговоръ Горна съ Боровецкимъ продолжался недолго, такъ какъ тотъ не могъ сообщить ему ничего новаго, и, уходя отъ Боровецкаго, Горнъ встрѣтился съ Яскульскимъ, который, по словамъ Высоцкаго, шелъ сюда.

Видъ у Яскульскаго сегодня былъ болѣе запуганный и жалкій.

Порою онъ вытягивался, крутилъ усы, откашливался, но храбрости все-таки не прибавлялось: онъ дожидался въ небольшой пріемной, которая находилась рядомъ съ красильней, и нѣсколько разъ дѣлалъ попытки бѣжать. Но при одномъ воспоминаніи о женѣ, о дѣтяхъ, о безчисленныхъ безполезныхъ ожиданіяхъ по разнымъ переднимъ фабрикантовъ и конторъ, онъ усаживался и терпѣливо ждалъ.

— Вы, Яскульскій? — войдя въ пріемную, спросилъ Карлъ.

— Да, честь имѣю представиться, панъ директоръ, — растягивая каждое слово, произнесъ эту фразу, которую повторялъ много, много разъ...

— Тутъ дѣло не въ чести! — замѣтилъ Боровецкій. — Панъ Высоцкій передавалъ мнѣ, что вы ищете службу.

— Да, — коротко отвѣтилъ старикъ и принялся мять потрепанную шляпу, весь дрожа, какъ бы опять не пришлось услышать: мѣста нѣтъ!

— Что вы умѣете дѣлать? гдѣ работали раньше?

— У себя.

— Вы занимались чѣмъ-нибудь?

— У меня было имѣніе, но все пропало, и въ данную минуту по временной, только по временной необходимости... — лепеталъ онъ, весь краснѣя, — сейчасъ мы ведемъ судебное дѣло, которое кончится въ нашу пользу... Дѣло очень несложное: послѣ моего двоюроднаго брата, не оставившаго наслѣдниковъ...

— Пане, у меня времени нѣтъ, чтобы разбираться въ вашей генеалогіи. Вы, значитъ, были помѣщикомъ и, слѣдовательно, ничего не умѣете. Мнѣ хотѣлось бы притти вамъ на помощь; къ вашему счастью, нѣсколько дней тому назадъ при магазинѣ открылось свободное мѣсто; если вы хотите занять...

— Съ радостью, съ благодарностью. Мы находимся поистинѣ въ критическомъ положеніи, и я съ радостью и съ благодарностью приму мѣсто... А какое мѣсто, можно знать?

— Сторожа при магазинѣ. Двадцать рублей въ мѣсяцъ, занятій — часы фабричной работы.

— Честь имѣю откланяться! — внушительно произнесъ Яскульскій и направился къ выходу.

— Что съ вами? — недоумѣвая спросилъ Боровецкій.

— Я, пане, шляхтичъ, и предложеніе ваше унижаетъ

меня! Яскульскій можетъ умереть съ голоду, но быть сторожемъ у пруссака онъ не можетъ! — съ гордостью произнесъ онъ.

— Ну, такъ умирайте съ голоду съ вашимъ шляхетствомъ, только какъ можно скорѣе; другимъ мѣшать не будете! — съ раздраженіемъ раскричался Боровецкій и вышелъ вонъ.

Нѣкоторое время Яскульскій, сильно разволновавшійся, шелъ, выпрямившись, высоко поднявъ раскраснѣвшееся лицо, полный оскорбленнаго достоинства. Но когда свѣжій воздухъ охладилъ его, когда онъ очутился на улицѣ среди пинковъ прохожихъ, среди телѣгъ, нагруженныхъ товаромъ, онъ вздохнулъ тяжело, опустилъ руки и въ дырявыхъ карманахъ сталъ искать носовой платокъ.

Опершись о заборъ, старикъ безпомощнымъ, растеряннымъ взглядомъ глядѣлъ на дома, на сотни фабричныхъ трубъ, откуда вылетали грязные клубы дыма, смотрѣлъ на фабрики, шумѣвшія въ безконечной работѣ, на ихъ движеніе, на вѣчно кипящую, созидательную человѣческую энергію, олицетвореніемъ которой былъ этотъ городъ, смотрѣлъ на спокойный необъятный небосводъ.

Онъ снова сталъ искать платокъ и не былъ въ состояніи попасть въ карманы. Сердце его сжалось отъ боли, отъ самой ужасной боли, — боли безсилія.

Имъ овладѣло страшное желаніе лечь возлѣ забора, положить голову на камень и умереть, однимъ взмахомъ покончить съ этой невѣроятной борьбой за жизнь; у него явилось желаніе больше не возвращать-

ся къ семьѣ, умирающей отъ голода, и никогда больше не сознавать собственнаго безсилія и безпомощности.

Онъ такъ и не нашелъ носового платка и, закрывшись изодраннымъ рукавомъ, залился слезами.

Боровецкій пришелъ къ себѣ въ лабораторію, помѣщавшуюся возлѣ такъ называемой «кухни». Замѣтивъ, что Муррей сидитъ на столѣ, онъ сталъ разсказывать ему объ Яскульскомъ.

— Первый разъ въ жизни встрѣчаю такого человѣка. Я ему предлагаю работу, слѣдовательно, даю возможность существовать, а онъ возмущается и говоритъ мнѣ: я, молъ, шляхтичъ и у пруссака сторожемъ служить не хочу; лучше съ голода умру. Даю вамъ слово, что было бы куда лучше, если бы такіе шляхтичи поскорѣе убрались изъ нашего міра!

— «Бамбукъ» уже кончаютъ печатаніемъ, — объявилъ рабочій.

— Сейчасъ приду... Имъ стыдно работать, а попрошайничать не стыдно! Я отказываюсь это понимать? Что съ вами?—неожиданно спросилъ онъ, такъ какъ замѣтилъ, что Муррей не слушаетъ его и помутнѣвшими глазами смотритъ куда-то въ окно.

— Ничего, какъ всегда, — какъ-то неохотно отвѣтилъ англичанинъ.

— У васъ такое грустное лицо.

— Нѣтъ причинъ радоваться... Не купите ли вы у меня мою мебель? — спросилъ Муррей, стараясь не смотрѣть на него.

— Вы продаете мебель?

— Да, да... Хочу избавиться отъ этой дряни... Дешево отдамъ; купите?

— Объ этомъ поговоримъ потомъ, но если крайняя необходимость заставляетъ васъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, то не могу ли я хоть чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ? Не скрывайте отъ меня!

— Нѣтъ, денегъ мнѣ не надо, а мебель для меня лишняя.

Карлъ взглянулъ на него и послѣ нѣкотораго молчанія съ сочувствіемъ спросилъ:

— Опять ваша свадьба разстроилась?

— Да, разстроилась, разстроилась! — проговорилъ Муррей и быстро зашагалъ, чтобъ замаскировать охватившее его волненіе.

Подбородокъ его нервно подергивался. Онъ останавливался, тяжело вздыхалъ, мертвеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на Карла, оттягивалъ куртку на горбу, вытиралъ вспотѣвшія руки и снова начиналъ описывать круги вокругъ стола.

Карлъ молчалъ: онъ погрузился въ работу. И только, когда Муррей побѣжалъ на «кухню», Карлъ послалъ ему вдогонку презрительно:

— Сантиментальная обезьяна!

— Вчера только я убѣдился въ томъ, что бракъ — ѣдкая сатира на любовь, — сказалъ Муррей, уже вернувшись.

— Не для каждаго, — возразилъ Боровецкій.

— Вчера только я убѣдился въ томъ, что это самый безнравственный институтъ! О да, бракъ — это помойная яма грязной лжи, мерзости, лицемѣрія, фальши! Вы не будете спорить противъ этого? — съ ненавистью въ голосѣ спросилъ онъ.

— Я не стану говорить ни за, ни противъ, такъ какъ мнѣ это совершенно безразлично.

— Но я вамъ говорю, что это дѣйствительно такъ. Вчера я чай пилъ у однихъ знакомыхъ, и тамъ была идеальная супружеская чета, Качинскіе. Они все время сидѣли рядышкомъ и держались за руки. Противная привычка прижиматься другъ къ другу! Все время они о чемъ-то шептались, смотрѣли такими страстными глазами другъ на друга, что это прямо-таки было и подурацки глупо и неприлично. Весь вечеръ они бѣсили меня: я не вѣрилъ въ ихъ искренность, я почувствовалъ фальшь и тутъ же удостовѣрился въ ней. Отпивъ чай, я вышелъ въ сосѣднюю комнату, чтобъ остыть немного, и сѣлъ возлѣ открытаго окна. Слѣдомъ за мною пришли и Качинскіе. Они не замѣтили меня и самымъ грубымъ образомъ стали ругаться. Въ чемъ было дѣло, я не знаю, но эта идеальная, восхитительная, чуть ли не божественная Качинская бранила его, пуская въ ходъ нецензурныя словечки, а въ концѣ-концовъ даже ударила по лицу. А самъ онъ, образецъ мужа, схватилъ ее за руки, тоже ударилъ нѣсколько разъ по лицу, а затѣмъ съ такой силой толкнулъ ее, что та грохнулась на полъ. Она не упала въ обморокъ, но истерически зарыдала. Всѣ сбѣжались помочь ей, а самъ Качинскій на колѣняхъ цѣловалъ ей руки, самыми нѣжными именами называлъ и отъ отчаянія, quasi-отчаянія, что ей больно, чуть не заливался горькими слезами. Противный, мерзкій водевиль!

— Вы передаете небывалый случай. Но какъ бы то ни было, это поразительно!

— О, это совсѣмъ не такая рѣдкость: девять деся-

тыхъ всѣхъ супружескихъ паръ такъ живутъ, и, пока люди будутъ вступать въ бракъ по коммерческому расчету, пока люди будутъ связаны неразрывными путами, пока женщины будутъ бракъ превращать въ доходную статью, до тѣхъ поръ иначе и быть не можетъ.

— Вся ваша ненависть является результатомъ разочарованія, которое вы испытали на себѣ.

— Это чувство было во мнѣ давно, такъ какъ я давно уже все видѣлъ...

— Но почему вы все-таки не женитесь?

Муррей смутился и нѣкоторое время стоялъ, прижавшись пылающимъ лбомъ къ холодной печатной машинѣ, и молчалъ.

— Горбъ у меня слишкомъ великъ, и денегъ слишкомъ мало. Будь я слѣпымъ, глухимъ, калѣкой, но будь у меня столько, сколько у Бухгольца, напримѣръ, любая полька на колѣняхъ клялась бы мнѣ въ вѣчной любви! — съ ненавистью произнесъ онъ.

— Значитъ, голову вамъ кружила полька! — съ ироніей пробормоталъ Карлъ.

— Да, полька, это воплощеніе тупоумія, фальши, капризовъ, дурныхъ инстинктовъ...

— У васъ богатый лексиконъ синонимовъ, — съ ироніей перебилъ его Карлъ.

— Я прошу васъ не дѣлать мнѣ замѣчаній, — запротестовалъ англичанинъ и показалъ свои рѣдкіе зубы.

— А я прошу васъ не откровенничать со мной.

— Пане Боровецкій, панъ Бухгольцъ зоветъ васъ, — доложилъ рабочій, сунувъ голову въ лабораторію.

Карлъ направился къ фабриканту.

Горечь разочарованія пробудила въ Мурреѣ безумную ненависть ко всему на свѣтѣ, а въ особенности къ женщинамъ.

Услышавъ, что въ отдѣленіи сухихъ красокъ, гдѣ растираніемъ ихъ занималось нѣсколько женщинъ, раздался громкій говоръ и смѣхъ, Муррей выместилъ свою злобу на этихъ женщинахъ: одну поколотилъ, другихъ прогналъ съ работы. Затѣмъ принялся бродить по фабрикѣ, подыскивая случая, какъ бы накричать на кого-нибудь, оштрафовать или прогнать.

Бухгольцъ находился въ печатномъ отдѣленіи. Поздоровавшись съ Карломъ, онъ сказалъ:

— Въ субботу вернется Кнолль. Зайдите ко мнѣ вечеркомъ.

— Зайду. Но зачѣмъ вы изъ дому выходите? Такія прогулки могутъ быть опасны для васъ.

— Мнѣ больше не сидится дома. Все опротивѣло мнѣ, двигаться мнѣ необходимо.

— Въ такомъ случаѣ почему бы вамъ не прокатиться куда-нибудь?

— Я катался сегодня, но это еще тоскливѣе... Что слышно?

— По обыкновенію, работаемъ.

— Великолѣпно. Но почему это сегодня фабрика такъ тихо работаетъ? — проговорилъ онъ прислушиваясь тихимъ и удивленнымъ голосомъ.

— Ничуть не тихо, работаетъ, какъ всегда, — отвѣтилъ Карлъ и ушелъ въ сосѣднія комнаты.

Нѣкоторое время Бухгольцъ напряженно вслушивался, стараясь уловить стукъ машинъ, но не могъ сосредоточить свое вниманіе.

Онъ вышелъ изъ фабрики и у бассейна, въ который въ видѣ воды поступалъ отработанный паръ, сѣлъ у выступа.

Зажмуривъ глаза, онъ окидывалъ взоромъ свои фабрики на большомъ дворѣ, вагоны, груженые углемъ и матеріей и въѣзжавшіе во дворъ; смотрѣлъ на крыши, сверкавшія на солнцѣ, на трубы, откуда вылетали клубы дыма, розовѣвшаго на солнцѣ, на несчастныхъ рабочихъ, которые суетились возлѣ магазиновъ и сдвигали вагоны.

Бухгольцъ едва могъ дышать этимъ воздухомъ, который былъ пропитанъ дымомъ и угольной пылью.

Онъ закашлялся, но домой все-таки не пошелъ: чувство какого-то томнаго безсилія овладѣло имъ.

Сіяло весеннее солнце, съ затопленныхъ полей долеталъ мягкій ласкающій вѣтеръ, у забора на обнаженныхъ тополяхъ кричали, дрались и весело чирикали воробьи, радостно привѣтствуя весну.

Но вотъ Бухгольцъ всталъ и съ сознаніемъ полнѣйшаго безсилія передъ колоссальной силой этой фабрики побрелъ домой. Онъ съ трудомъ передвигалъ ноги и завистливыми глазами окидывалъ красные огромные корпуса со сверкавшими окнами.

Несмотря на чудодѣйственное лѣченіе Гамерштейна, Бухгольцу со дня на день становилось хуже.

Онъ не спалъ, часто просиживалъ въ креслѣ по цѣлымъ ночамъ: ему чудилось, что стóитъ ему только лечь, какъ онъ умретъ.

Все чаще и чаще овладѣвалъ имъ страхъ смерти. Больше прежняго онъ сталъ бояться оставаться одинъ,

но признаться самому себѣ въ этомъ онъ какъ-то не рѣшался и боролся всѣми силами.

И все-таки гнетущая тоска и равнодушіе овладѣвали имъ все сильнѣе и сильнѣе! Заниматься ему ничѣмъ не хотѣлось, все опротивѣло ему и перестало его интересовать.

По цѣлымъ часамъ Бухгольцъ безъ движенія просиживалъ въ конторѣ, какими-то тупыми глазами смотрѣлъ на деревья въ паркѣ и совершенно забывалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ; а затѣмъ, очнувшись, онъ отправлялся на фабрику, къ людямъ, инстинктивно хватаясь за нихъ, какъ это въ отчаяніи дѣлаетъ утопающій, хватаясь за скользкіе, скалистые, крутые берега.

Въ субботу, въ день пріѣзда Кнолля, ему было еще хуже, и все-таки онъ послѣ полудня побрелъ на фабрику.

Какое-то нетерпѣніе овладѣло имъ: онъ не былъ въ состояніи усидѣть на мѣстѣ ни одной минуты, то и дѣло переходилъ изъ одного этажа въ другой, изъ одной залы въ другую, изъ одного отдѣленія въ другое.

Ему хотѣлось итти впередъ и не останавливаться и въ то же время бѣжать ото всего: машины раздражали его, а невѣроятное количество приводныхъ ремней, съ рѣзкимъ звукомъ мелькавшихъ кругомъ, причиняло ему боль.

Онъ зашелъ въ ткацкое отдѣленіе и принялся сновать между станками, которые судорожно подергивались, словно звѣри, готовые сорваться съ цѣпи.

Въ огромныхъ залахъ стоялъ гулъ.

Быстрыми шагами проходилъ Бухгольцъ возлѣ стан-

ковъ, засматриваясь на рабочихъ, которые, склонившись надъ станками, были точно прикованы къ мѣсту: они не слышали, не видѣли ничего, что творится кругомъ.

Пыль отъ хлопчато-бумажной шерсти обволакивала сѣрымъ, волнующимся облакомъ мрачныя движущіяся очертанія машинъ и почти совсѣмъ неподвижныхъ людей, и, сверкая, разсыпалась искрами въ полосахъ свѣта, падавшаго изъ цѣлаго ряда оконъ.

Нигдѣ Бухгольцъ не находилъ покоя: однообразный неумолчный визгъ желѣза, трескотня станковъ, которые стонали, словно въ мукахъ борьбы, и отъ которыхъ стѣны дрожали, раздражали его еще больше.

Въ аппретурномъ отдѣленіи отъ испареній поташа, соды и сѣраго мыла ѣло глаза, а машины, похожія на крокодиловъ, не переставали выбрасывать безконечно длинныя ленты пестрыхъ матерій и внушали ему какое-то отвращеніе.

Онъ направился дальше и выглянулъ во дворъ изъ окошка какого-то коридора: одни вагоны, груженые хлопчатой бумагой, подходили къ магазинамъ, другіе нагружались готовымъ товаромъ, а какъ разъ противъ окна пыхтѣлъ локомобиль, который передвигалъ пустыя платформы для угля.

Фабрикантъ не спускалъ глазъ съ паровика, пока онъ не скрылся гдѣ-то за фабрикой, а потомъ пристально смотрѣлъ на черный столбъ пыли, въ которомъ виднѣлись силуэты суетящихся рабочихъ, складывавшихъ уголь.

— Къ чему мнѣ все это? — съ отвращеніемъ думалъ онъ и облокотился о перила, чтобъ отдохнуть немного.

Онъ ощущалъ такую тяжесть, что даже не былъ въ состояніи двигаться, онъ не могъ дышать, и порою ему чудилось, что съ какимъ-то страннымъ шумомъ все качается у него подъ ногами... Онъ напрягъ всѣ силы и пошелъ дальше.

Только въ отдѣленіи нагрузки товаровъ видъ людей слегка успокоилъ его.

Это была огромная зала, по серединѣ которой до самаго потолка была навалена масса товара въ разноцвѣтныхъ кипахъ.

Тутъ работало нѣсколько женщинъ. Говоръ, смѣхъ, прибаутки шумно раздавались въ воздухѣ, но лишь только вошелъ Бухгольцъ, говоръ стихъ, смѣхъ замеръ, взоры потупились, на лицахъ отразились тревога и страхъ.

Слышался лишь однообразный гулъ машинъ, служившихъ для мѣрки товара и навертыванія его на доски, стукъ кусковъ матерій, которые складывали въ вагонетки, и пронзительный шелестъ листовъ бумаги.

Бухгольцъ медленно проходилъ межъ столовъ, въ упоръ всматривался въ некрасивыя, поблекшія отъ тяжелой работы лица, но никто не поднималъ на него глазъ; онъ замѣчалъ, какъ всѣ смотрятъ на него исподлобья, испуганно, враждебно...

«Отчего они боятся меня? — мелькнуло у Бухгольца въ головѣ, когда онъ сейчасъ же послѣ своего ухода изъ залы услышалъ громкій говоръ.

Онъ съ трудомъ подвигался впередъ и рѣшилъ вернуться домой. А для сокращенія пути пошелъ прямо черезъ склады.

Послѣдніе находились въ отдѣльномъ одноэтажномъ

зданіи. Окна тамъ были небольшія, съ такими частыми рѣшетками, что въ огромной залѣ, тянувшейся вдоль всего этажа, было почти темно. Кучи товара достигали потолка, а образовавшіеся между ними узкіе извилистые проходы производили впечатлѣніе узкихъ глубокихъ каналовъ.

Этотъ полумракъ и ненарушимая тишина создавали какое-то серьезное настроеніе, которое только порою нарушалось рабочими, возвращавшимися съ новой партіей товара. Вагонетки тутъ же безслѣдно и безшумно исчезали въ боковыхъ проходахъ.

Бухгольцъ лишился послѣднихъ силъ и сѣлъ на кипу коленкора возлѣ окна, полагая, что, отдохнувъ, онъ сможетъ пойти дальше; но когда онъ захотѣлъ встать, ноги у него подкосились.

Онъ хотѣлъ закричать, позвать на помощь, — но не могъ произнести ни звука. Онъ съ трудомъ открылъ глаза, полными ужаса глазами посмотрѣлъ на эти огромные дома, столпившіеся кругомъ въ торжественной угрюмой тишинѣ.

Страшный, безумный страхъ сдавилъ ему горло. Схватившись за оконную рѣшетку и судорожно вздрагивая, Бухгольцъ съ отчаяніемъ и мольбою во взглядѣ смотрѣлъ на рабочихъ, грузившихъ вагоны на дворѣ.

Но никто не являлся спасать его.

Фабрика гудѣла, какъ море.

Бухгольцъ совсѣмъ лишился силъ, руки сорвались съ рѣшетки, и онъ грохнулся на тюкъ. Затѣмъ онъ еще разъ поднялся, пошелъ, спотыкаясь о тюки товара, которые всюду заграждали ему дорогу, — и, наконецъ, снова упалъ.

Теперь онъ уже не могъ подняться и поползъ. Тяжело дыша, застывшими пальцами хватался за все и вдругъ, словно кто-то воткнулъ ему ножъ въ самое сердце, онъ вскочилъ на ноги, вздохнулъ, испустилъ ужасный пронзительный крикъ и безсильно грохнулся наземь.

Этотъ крикъ услышали.

Тутъ же сбѣжались рабочіе. Они обступили его и, испуганные, не знали, что дѣлать, и даже не смѣли дотронуться до него.

Вытянувшись, съ посинѣвшимъ, перекошеннымъ лицомъ, съ ртюмъ, раскрытымъ отъ послѣдняго предсмертнаго крика, мрачный, какъ тюки товаровъ, лежалъ онъ здѣсь, безпомощный, какъ милліоны, среди которыхъ умеръ.

И чудилось, будто этотъ застывшій на губахъ предсмертный крикъ носился еще въ угрюмой залѣ, подъ желѣзнымъ потолкомъ, въ узкихъ проходахъ, среди грудъ товара, что онъ улеталъ сквозь стѣны и терялся въ необъятной волнѣ городской и фабричной жизни.

XVI.

Два событія волновали всю Лодзь: смерть Бухгольца и невѣроятное повышеніе цѣнъ на хлопокъ.

Бухгольцъ умеръ!

Съ быстротой молніи разлетѣлось это извѣстіе и всюду произвело сильное впечатлѣніе. Сначала было никто даже и вѣрить не хотѣлъ.

Бухгольцъ умеръ!

Тотъ самый Бухгольцъ, который, казалось, былъ вѣченъ? Въ теченіе пятидесяти лѣтъ говорили о немъ, слѣдили за каждымъ его шагомъ...

Бухгольцъ, поражавшій всѣхъ своимъ богатствомъ!

Властелинъ, душа и слава Лодзи!

Тотъ, кому посылали проклятія и кому поклонялись!

Умеръ!

Въ конторахъ, въ мастерскихъ, на фабрикахъ уже стали слагаться легенды о его жизни, о милліонахъ, о счастьѣ, которое было у него.

Темный рабочій людъ не былъ въ состояніи понять этой желѣзной, твердой воли, которая сметала все и всѣхъ, этой оригинальной геніальности, — но для всѣхъ видны были результаты — невѣроятное богатство.

Чудовищные слухи ходили про Бухгольца.

Такъ, напримѣръ, онъ былъ чуть не фальшивомонетчикомъ; недавно попавшіе изъ деревни новички рабочіе увѣряли, что самъ чортъ приходилъ ему помогать, а нѣкоторые изъ нихъ могли даже присягу дать, что видѣли у него рога на головѣ.

И, несмотря на то, что всякій могъ пойти взглянуть на покойнаго Бухгольца, никому какъ-то не вѣрилось въ этотъ простой обычный фактъ смерти.

Бухгольцъ лежалъ на низкомъ катафалкѣ, окруженномъ пальмами и цвѣтами, въ большой комнатѣ своего особняка, обтянутой чернымъ сукномъ, которое было осыпано серебряными слезками.

Многочисленный хоръ не переставалъ пѣть заунывные псалмы. Пламя высокихъ свѣчей колебалось.

Зѣваки толпами приходили взглянуть, что представлялъ изъ себя этотъ хозяинъ десятковъ тысячъ рабочихъ, этотъ милліонеръ. Одни со страхомъ, другіе — спокойно подходили къ серебряному гробу, гдѣ, сжимая въ рукахъ Распятіе, съ окоченѣвшимъ и посинѣвшимъ лицомъ неподвижно лежалъ бывшій властелинъ.

Казалось, что изъ-подъ темныхъ вѣкъ впавшіе глаза его устремлялись черезъ настежь открытую дверь — туда, въ паркъ, на фабрики, на весь этотъ міръ, его волей созданный изъ небытія.

Вотъ теперь они встрѣтились лицомъ къ лицу: умершій человѣкъ и жизнь, которую онъ вдохнулъ въ эти стѣны.

Творецъ и укротитель силъ природы самъ сталъ ихъ невольникомъ, онѣ высосали изъ него кровь, не оставивъ ни единой капли, и сдѣлали его мертвецомъ...

Въ субботу Кнолль на самомъ дѣлѣ вернулся, но тестя онъ засталъ уже мертвымъ. Заботы о похоронахъ онъ поручилъ одному изъ управляющихъ, а самъ занялся наслѣдствомъ.

Весь второй этажъ, который занималъ покойникъ, опустѣлъ совсѣмъ.

Попрежнему мадамъ Бухгольцъ по цѣлымъ днямъ просиживала и вязала чулокъ, — только чаще дѣлала ошибки, распуская то, что связала, и задумывалась о чемъ-то. Порою въ ея помутнѣвшихъ глазахъ навертывались слезы, и тогда она бродила по пустыннымъ комнатамъ или же спускалась внизъ, подолгу стояла тамъ и со страхомъ и недоумѣніемъ вглядывалась въ лицо покойнаго мужа.

Затѣмъ уходила назадъ наверхъ, еще болѣе за-

думчивая, болѣе угнетенная и искала утѣшенія въ молитвахъ, громко повторяя ихъ за горничной, которая читала ихъ по молитвеннику.

По многолѣтней привычкѣ она переодѣвалась къ завтраку и обѣду и дожидалась мужа — но онъ не являлся.

Взявшись снова за чулокъ или начавъ читать молитвы, старуха съ тревогой вслушивалась въ печальное пѣніе, которое доносилось снизу, въ крики попугая, который, цѣпляясь за драпри и за мебель, безпокойнымъ, судорожнымъ и охрипшимъ голосомъ выкрикивалъ:

— Песъ! Песъ!

Только черезъ недѣлю Бухгольца похоронили. Подобныхъ похоронъ Лодзь еще не видывала.

Всѣ крупныя фабрики прекратили работу — служащимъ и рабочимъ было предложено принять участіе въ похоронной процессіи.

Петроковская улица на протяженіи нѣсколькихъ верстъ была биткомъ набита народомъ. Черная человѣческая толпа на своихъ плечахъ несла громадный позолоченный катафалкъ, весь въ горящихъ свѣчахъ; подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ пальмовыми вѣнками, утопалъ въ цвѣтахъ серебряный гробъ.

Впереди, на угрюмомъ фонѣ домовъ и синяго неба, словно пестрыя крылья, дрожали хоругви разныхъ обществъ и церковныхъ братствъ. Безконечные ряды ксендзовъ, хоры пѣвчихъ, соединенные фабричные оркестры — пѣли и играли мрачную пѣсню смерти, — и звуки разносились надъ колышущимся моремъ головъ,

и неслись къ балконамъ и окнамъ, набитымъ зрителями, къ солнцу, стоявшему въ безпредѣльномъ небѣ.

Процессія медленно подвигалась впередъ — народъ все валилъ изъ боковыхъ улицъ.

Тутъ же за гробомъ шла семья покойнаго, дальше — главно-управляющіе, служащіе многочисленныхъ помѣстій, рабочіе, раздѣленные по фабричнымъ отдѣленіямъ — женщины отдѣльно отъ мужчинъ — ткачи, прядильщики, аппретурщики, красильщики, печатники, служащіе складовъ и такъ далѣе — каждое отдѣленіе во главѣ со своимъ директоромъ, техникомъ и мастеромъ.

Вся остальная толпа, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, состояла изъ рабочихъ другихъ фабрикъ и почти всѣхъ фабрикантовъ города Лодзи.

— Конца не видно! — безпрестанно говорилъ Шая Мендельсонъ, обращаясь къ сыну и къ своимъ спутникамъ.

Карета его ѣхала позади процессіи. Нахмуривъ брови, Шая глядѣлъ на балдахинъ, который качался надъ головами, на минуту опускалъ голову, начиналъ теребить бороду и снова впивался пылающими глазами въ гробъ, въ которомъ лежалъ его заклятый врагъ и конкурентъ.

Онъ не радовался смерти Бухгольца, хотя столько разъ желалъ ея ему, онъ не радовался тому, что наконецъ очутился одинъ — единственнымъ и нераздѣльнымъ властелиномъ Лодзи: да, самъ Бухгольцъ умеръ, но фабрики его остались, и какая-то грусть, даже сочувствіе, съ примѣсью едва уловимаго страха, внезапно шевельнулись у него въ душѣ.

Шая чувствовалъ, какъ-будто что-то опустѣло въ немъ, словно со смертью Бухгольца прежняя зависть въ немъ умерла.

Теперь больше некого ненавидѣть!

Шая задумывался и не былъ въ состояніи понять, не былъ въ состояніи разобраться въ своихъ чувствахъ.

«Вотъ онъ — Бухгольцъ!», глядя на гробъ, думалъ Шая.

— Мендельсонъ, знаешь, какъ обстоятъ дѣла съ хлопкомъ?

— Мнѣ какое дѣло? Кипманъ, ты со Станиславомъ можешь говорить объ этомъ.

— Но все-таки стоитъ прочесть газеты, — не отставалъ Кипманъ.

— Мнѣ немного нездоровится сегодня, я разстроенъ, а ты пристаешь ко мнѣ съ хлопкомъ.

— Что значитъ — разстроенъ? Бухгольцъ былъ старше тебя, оттого онъ и померъ, а ты еще долго проживешь.

— Брось, ты говоришь непріятныя вещи, — недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Шая и вперился глазами въ волнующуюся толпу.

— Станиславъ, гдѣ Роза?

— За вашей каретой съ Грюнспаномъ.

Шая высунулъ голову, чтобъ посмотрѣть на дочь, улыбнулся ей и тутъ же усѣлся на свое мѣсто. Онъ замолчалъ, и никто изъ спутниковъ не смѣлъ нарушить его молчанія.

Роза съ Мелей, Высоцкимъ и старикомъ Грюнспаномъ ѣхали въ открытомъ экипажѣ, запряженномъ парой дивныхъ вороныхъ лошадей.

Дѣвушки дѣлились впечатлѣніями, которыя прозводила на нихъ публика, а Грюнспанъ говорилъ съ Высоцкимъ относительно хлопка. Послѣдній отвѣчалъ отрывистыми фразами и очень неохотно: онъ слѣдилъ за Мелей — сегодня она была очень хороша.

— Это ужъ черезчуръ: и пошлину повысили, и тарифъ на хлопокъ повысили, а еще больше на товаръ, который идетъ отъ насъ въ Россію. Послѣ такой исторіи, говорю вамъ, полъ-Лодзи можетъ съ шикомъ вылетѣть въ трубу. Тьфу, тьфу! какъ бы въ злой часъ не сказать! — Грюнспанъ плюнулъ.

— Говорятъ, хлопокъ поднялся?

— Что значитъ — поднялся? Помчался, какъ паровозъ, понесся, какъ воздушный шаръ! Ему это вреда не принесетъ, а Лодзь можетъ голову себѣ свернуть.

— Я никакъ не могу понять, какія причины вызываютъ это, — сказалъ Высоцкій, стараясь прислушаться къ тому, что дѣвушки говорятъ.

— Вы не можете понять?.. Это совсѣмъ просто! Разбойникъ взялъ васъ за лацканы и говоритъ: деньги давай! Работать я не хочу, а денегъ у меня нѣтъ... Самое простое дѣло! Какъ ваше самочувствіе, пане Конъ? — окликнулъ старикъ и высунулъ руку изъ экипажа.

Конъ поздоровался и направился дальше съ цѣлой гурьбой молодежи.

— Слушайте, пане Гальпернъ, что я вамъ скажу: Бухгольцъ впервые пересталъ платить по своимъ векселямъ, и очень неудачно!.. но онъ поправится еще!

Ха, ха, ха! — Леонъ Конъ самъ смѣялся надъ своей остротой.

— Пане Конъ, смерть не веселая штука, — задумчиво отвѣтилъ Гальпернъ, который сегодня былъ не въ духѣ.

Онъ молча шелъ въ толпѣ и до того горбился, что наступалъ себѣ на полы сюртука. Руки дрожали у него отъ волненія, и зонтикъ все падалъ. Автоматически поднимая его, Гальпернъ чистилъ полы сюртука и меланхолическими глазами всматривался въ лица милліонеровъ, которые были на похоронахъ. Только когда процессія дошла до Новаго Рынка и свернула на Константиновскую, онъ шопотомъ сказалъ Мышковскому:

— Бухгольцъ умеръ! Были фабрики, были милліоны, жилъ по-графски и умеръ! У меня ничего нѣтъ, а завтра еще надо платить по векселямъ, и я живъ! Господь Богъ милостивъ, очень милостивъ!

— Одиимъ клоуномъ меньше и одинъ клоунъ лишній! — сказалъ Мышковскій и отступилъ назадъ къ Козловскому, сдвинувшему по своему обыкновенію цилиндръ на затылокъ, въ коротенькихъ брюкахъ и съ тростью въ рукѣ. Размахивая ею, Козловскій шелъ возлѣ медленно тащившихся экипажей и не пропускалъ ни одной женщины.

— Мышковскій, знаешь, младшая дочка Мендельсона — съ огонькомъ; глаза у нея чертовскіе.

— Мнѣ какое дѣло? Пойдемъ пиво пить, а то у меня отъ этого шествія милліонеровъ совсѣмъ въ горлѣ пересохло.

— Я на кладбище пойду: въ одной каретѣ хоро-

шенькое личико замѣтилъ. Посмотрѣлъ на нее — она смотритъ, еще разъ — тоже смотритъ.

— Посмотрѣлъ въ третій разъ, — и она тоже смотритъ...

— Да еще какъ! — не глаза, а смола настоящая. Я этого такъ оставить не могу...

— Ну, прощай, да смотри, какъ бы тебя палкой не отдѣлали: а то въ Лодзи не знаютъ еще пока, что значитъ глазки строить.

Мышковскій отошелъ отъ него и подошелъ къ другимъ знакомымъ, уныло высматривая, не пойдетъ ли съ нимъ кто-нибудь пива выпить.

— Пане Конъ, слыщали, что говорятъ о хлопкѣ?

— Пане Горнъ, я на этомъ долженъ немножко заработать.

— Скажите, правда, что Бухгольцъ много оставилъ на общественныя нужды?

— Комикъ вы, право, — Бухгольцъ былъ не глупъ!

— Какъ живете, Вельтъ? — спросилъ Куровскій, замѣтивъ Морица.

— Какъ и цѣны.

— Значитъ, хорошо?

— Великолѣпно, — отрубилъ Морицъ Вельтъ, здороваясь.

— Ты когда пріѣхалъ?

— Вчера ночью.

— О тарифахъ читалъ?

— Я ихъ наизусть зналъ уже три недѣли тому назадъ, три недѣли тому назадъ.

— Будетъ врать — всего два дня, какъ напечатаны.

— А я тебѣ говорю три недѣли...

— Тише! — закричалъ кто-то на Морица, который слишкомъ громко заговорилъ.

— Зналъ и не воспользовался?

— Какъ не воспользовался? За кого ты меня считаешь? Вотъ справься у Боровецкаго, сколько у насъ съ нимъ на складѣ, сколько на станціи и сколько еще на-дняхъ изъ Гамбурга придетъ — цифра солидная получится.

— Слишкомъ ужъ ты ловокъ, Морицъ, — смотри, попадешься!

— Не попадусь! Мнѣ надо заработать столько, чтобъ хватило на такія же похороны, какъ у Бухгольца...

— Куда, однако, дѣвался Боровецкій?

— Не знаю, онъ былъ съ нами, когда мы выходили на рынокъ.

Морицъ Вельтъ оглянулся по сторонамъ, но не замѣтилъ его нигдѣ, такъ какъ Боровецкій остался при каретѣ Люси, которая остановилась вмѣстѣ съ другими на рынкѣ, такъ какъ толпа не могла помѣститься сразу въ узкой улицѣ.

— Карлъ, наклонись ближе, — шепнула Люси.

— Такъ хорошо? — спросилъ тоже шопотомъ Карлъ, всовывая голову въ окно кареты.

— А такъ хорошо? — шепнула она, цѣлуя его ухо.

— Очень...

Онъ отошелъ отъ кареты и пошелъ съ ней рядомъ.

— Отчего они не двигаются? — стонала въ глубинѣ кареты тетка, сопровождавшая Люси.

— Я долженъ съ вами проститься.

— Давайте вашу руку.

Онъ незамѣтно скользнулъ глазами по экипажамъ, стоявшимъ длинной вереницей, и незамѣтно сунулъ руку въ карету, закрывая собой это движеніе.

Она быстро поднесла его руку къ губамъ, погладила ею подбородокъ и шею.

— Сумасшедшая! — шепнулъ онъ, отходя отъ кареты на почтительное разстояніе.

— Я люблю тебя, Карлъ! Приходи сегодня непремѣнно, я хочу тебѣ сказать что-то очень важное, — шепнула она тихо, и ея пурпурныя губы горѣли и тянулись къ поцѣлуямъ, глаза сверкали.

— До свиданія, — сказалъ онъ громко.

— Мой мужъ пріѣзжаетъ завтра, не забывайте насъ. Приходите.

— Приду, — сказалъ онъ шопотомъ и поклонился.

Онъ отыскалъ друзей и сейчасъ же подошелъ къ Морицу.

— Не поѣхать ли намъ прямо съ кладбища на вокзалъ?

— Шерсть пришла сегодня утромъ. У тебя есть деньги?

— Есть, я хочу сейчасъ выкупить.

— Когда ты освободишься у Кнолля?

— Я уже совершенно свободенъ. Завтра мы пойдемъ подробно осмотрѣть фабрику.

— Хорошо. Я велѣлъ завтра притти мастеру, черезъ нѣсколько дней можно будетъ взяться за постройку.

— Гдѣ Максъ?

— Мать его очень больна, я боюсь, что намъ снова придется быть на похоронахъ.

— У смерти все-таки есть своя хорошая сторона, — замѣтилъ Куровскій.

— Развѣ та безсмысленность, съ которой она механически сметаетъ нужныхъ и ненужныхъ!

— Сколько народу сегодня отдыхаетъ даромъ.

— Ты ошибаешься, Кнолль сказалъ, что имъ изъ рабочей платы вычеркнутъ полдня. Онъ рѣшилъ, что они могутъ отдыхать однимъ чувствомъ благодарности къ покойному.

— Онъ вернетъ себѣ часть похоронныхъ расходовъ. Я то же самое долженъ буду написать въ своемъ завѣщаніи наслѣдникамъ. Что вы, Мышковскій, такъ задумались?

— Глупо все!

— Чего вамъ печалиться? И безъ васъ было не лучше. Умеръ, что дѣлать? «Зубъ смерти коснулся его перстомъ своимъ», — какъ говоритъ Еклезіастъ.

— Не въ томъ дѣло, Бухгольцъ уже сыгралъ свою роль, — а мнѣ хочется итти пить пиво и не съ кѣмъ.

— И я съ вами не пойду, я сейчасъ иду домой.

— Можетъ быть, я еще кого-нибудь найду.

Они разошлись въ разныя стороны, и шествіе входило въ длинную улицу съ тополями, которая вела къ кладбищу. Улица была немощеная и покрыта толстымъ слоемъ черной грязи, которая разбрызгивалась подъ тысячами ногъ и задержала половину людей, которые вернулись въ городъ.

Ряды обнаженныхъ тополей, съ вѣтками, поломанными вѣтромъ, полуживыя отъ ядовитыхъ отбросовъ,

плывшихъ по глубокимъ рвамъ съ фабрикъ, стояли какъ длинный рядъ калѣкъ и потрясали остатками вѣтвей и дышали остатками жизни, точно проклиная за свою нищету это великолѣпное шествіе, которое то то и дѣло взрывалось хоромъ голосовъ, разливавшихся по широкому простору черныхъ полей съ группами нагихъ деревьевъ, маленькими домиками, кирпичными трубами и нѣсколькими мельницами, которыя, какъ чудовищные мотыльки, насаженные на булавку, мигали черными крыльями на голубомъ фонѣ.

Шествіе медленно выплыло изъ города, растянулось по грязной дорогѣ вдоль покосившихся грязныхъ домиковъ и медленно утопало въ воротахъ кладбища и разливалось среди могилъ и дорожекъ, — и только въ глубинѣ, за стѣнами, среди чащи деревьевъ и крестовъ заблестѣли цвѣтныя хоругви, пламя свѣчъ и длинные ряды людей, надъ которыми колыхался серебряный гробъ Бухгольца, который несли на рукахъ.

Воцарилась тишина, замолкли пѣсни, утихъ говоръ и звуки музыки и слышался только тяжелый топотъ ногъ и сухое хрустѣніе качавшихся деревьевъ. Колокола били глухо, скорбно.

У гроба началась послѣдняя комедія смерти — какой-то ораторъ, вставши на возвышеніи, патетически вспоминалъ добродѣтели и заслуги умершаго; другой ораторъ скорбнымъ и слезливымъ голосомъ прощался съ покойникомъ и плакалъ объ осиротѣвшемъ человѣчествѣ; третій ораторъ обращался къ гробу отъ имени той голодной толпы, которая стояла вокругъ, отъ имени рабочихъ, загнанныхъ сюда угрозами, — для

которыхъ покойникъ былъ отцомъ, другомъ и благодѣтелемъ.

Глухой ропотъ пролетѣлъ надъ толпой, тысячи вздоховъ вырвались изъ груди, тысячи голосовъ заволновались какъ море... Наконецъ церемонія кончилась. Гробъ въ великолѣпной гробницѣ остался навѣки на возвышеніи, похожемъ на тронъ, откуда сквозь золоченыя рѣшетки дверей виднѣлся городъ, повитый мглою и дымомъ, тысячами фабричныхъ свистковъ, пѣвшій мощный гимнъ жизни.

Фаланги рабочихъ поочередно подходили къ этому трону и на мраморныхъ ступеняхъ слагали вѣнки, послѣднюю дань подданныхъ, и расходились понемногу, пока усопшій лодзинскій король не остался одинъ въ серебряномъ гробу, подъ трудами вѣнковъ.

Только Стахъ Вильчекъ не дождался конца и, когда услышалъ колокола, шепнулъ:

— Веселая исторія — имѣть столько милліоновъ и сдохнуть.

— Чего ты нюни распустилъ...

— Мнѣ грустно, — шепнулъ Юзя, вздрогнулъ и плотнѣе застегнулъ жалкое пальтишко, передѣланное изъ гимназической шинели.

— Юзя, брось контору Баума, мнѣ нуженъ вѣрный человѣкъ, я тебя возьму, ты со мною выйдешь въ люди.

— Я не могу, я долженъ остаться у Баума.

— Но вѣдь онъ каждый день, того и гляди, обанкротится. Не будь глупъ, я дамъ тебѣ на пять рублей больше въ мѣсяцъ.

— Не могу, мнѣ нельзя теперь оставить Баума, разъ его дѣла плохи и я почти одинъ въ конторѣ.

— Дуракъ! Если бы я былъ такъ сантименталенъ, то я всю жизнь ходилъ бы, какъ и ты, безъ сапогъ и все бы служилъ другимъ.

Онъ окинулъ презрительными глазами его фигуру и простился съ нимъ на Петроковской улицѣ.

«Сволочь! Перегніютъ они всѣ на фабрикахъ», подумалъ онъ о товарищахъ.

Онъ уже зналъ сегодня, что не сгніетъ на жалкомъ жалованіи, что не будетъ служить другимъ, не будетъ маленькимъ колесикомъ въ большомъ механизмѣ.

Сегодняшній день онъ считалъ однимъ изъ лучшихъ въ своей жизни — сегодня онъ сдѣлалъ первое большое дѣло, которое должно было поставить его на ноги.

Онъ купилъ нѣсколько морговъ земли, окружавшихъ фабрику Грюнспана, купилъ тайкомъ и былъ увѣренъ въ большой прибыли, такъ какъ зналъ навѣрное, что Грюнспанъ будетъ расширять фабрику и принужденъ будетъ купить у него землю по той цѣнѣ, которая только взбредетъ ему въ голову.

Онъ улыбнулся отъ чувства глубокаго удовольствія.

Дѣйствительно, дѣло представлялось блестящимъ, и расчеты не могли обмануть.

Земля эта давно продавалась, и Грюнспанъ нѣсколько лѣтъ торговалъ ее, прибавляя каждый годъ по нѣскольку рублей, будучи увѣренъ, что никто ее перекупить не можетъ.

Вильчекъ нюхомъ почуялъ хорошее дѣло, опуталъ владѣльца цѣлою сѣтью любезностей, насильно совалъ ему деньги въ долгъ, пока не сталъ владѣльцемъ.

Сегодня утромъ онъ сталъ уже законнымъ владѣльцемъ земли.

Онъ воображалъ себѣ бѣшенство Грюнспана, и ему было очень весело. Онъ высоко и гордо поднималъ голову, глазами хищника смотрѣлъ на городъ, на склады, полные товаровъ, на фабрики — его ненасытная мужицкая жадность просыпалась все больше при видѣ богатства.

Онъ рѣшилъ ихъ добиться и зналъ, что добьется.

Каковы бы ни были средства, всѣ они хороши, если ведутъ къ деньгамъ.

Стахъ Вильчекъ считался только съ полиціей и уголовщиной. Остальное заставляло его только презрительно улыбаться.

Общественное мнѣніе, святая этика, святая честность, — кто съ этимъ въ Лодзи считается? Кому здѣсь эти глупости могутъ приходить въ голову?

Развѣ Бухгольцъ былъ честнымъ? Кто его объ этомъ спрашивалъ? Спрашивали только, сколько у него милліоновъ.

Вотъ — имѣть милліоны въ своихъ рукахъ, окружить себя ими, властвовать ими.

Какъ голодный песъ смотритъ на мясо, такъ смотрѣлъ онъ на фабрики, дома, роскошь, богачей, на красивыхъ женщинъ, на дворцы.

У него былъ бѣшеный голодъ жизни, и онъ обѣщалъ себѣ удовлетворить его.

Это былъ мужикъ, голодавшій уже столько поколѣній, запуганный и забитый сильными, пасынокъ жизни — теперь пришла очередь на него, онъ поднялъ

голову, жадно протянулъ руки и ловилъ свою добычу и утолялъ голодъ.

«Я верну себѣ все и за все», думалъ онъ съ ненавистью и вспоминалъ годы своего дѣтства, когда онъ пасъ коровъ, былъ служкой въ монастырѣ, котораго всѣ били, вспомнилъ нищету всей семьи, униженія, которыя онъ терпѣлъ въ гимназіи, униженія отъ тѣхъ благодѣтелей, которые поддерживали его въ гимназіи, униженія, которыя переносила вся семья.

— Я верну себѣ все, — бормоталъ онъ съ бѣшеной ненавистью въ сердцѣ.

А пока онъ только зарабатывалъ средства, торговалъ чѣмъ было можно, ничѣмъ не брезгуя.

Онъ завѣдывалъ складами Гросглюка, а кромѣ того торговалъ углемъ на собственную руку, торговалъ деревомъ, торговалъ остатками шерстяныхъ матерій, торговалъ яйцами, которыя продавалъ при посредствѣ семьи, принимался за всякія статьи дохода, принимался за все.

Говорили, что онъ покупаетъ «красный товаръ», т.-е. вынесенный изъ подожженыхъ фабрикъ, говорили, что онъ занимается ростовщичествомъ, говорили, что въ компаніи съ Гросглюкомъ онъ обдѣлываетъ какія-то темныя дѣла — такъ говорили.

Онъ зналъ, что о немъ говорятъ, и презрительно улыбался.

— Какое мнѣ дѣло до этого, — шепнулъ онъ и свернулъ въ боковую улицу, которая тянулась вдоль заборовъ; за ними были склады строевого лѣса, цемента, желѣза, извести и угля. Улица была немощеная, безъ

тротуаровъ и представляла собою глубокое море грязи, по которому проѣзжали груженыя телѣги.

Склады угля были по лѣвой сторонѣ улицы, у подножія высокой желѣзнодорожной насыпи, по которой катились тысячи товарныхъ вагоновъ, покрытыхъ тучей черной пыли, которая поднималась съ груженаго угля.

Вильчекъ жилъ при складѣ въ отвратительной конурѣ, сколоченной изъ досокъ, забрызганной грязью и служившей конторой.

Онъ быстро переодѣлся, надѣлъ длинные сапоги и взялся за работу...

Но онъ ничего не могъ дѣлать спокойно, чувствовалъ себя разстроеннымъ, нервы его дрожали отъ радости послѣ сегодняшней покупки, вспоминались ему похороны. Грохотъ вагоновъ на насыпи такъ раздражалъ его, что онъ бросилъ перо и сталъ ходить по конторѣ, то и дѣло поглядывая за окно, гдѣ былъ сложенъ уголь.

Возы поминутно подъѣзжали къ вѣсамъ съ такимъ грохотомъ, что тряслась вся контора; шумъ человѣческихъ голосовъ, грохотъ вагоновъ, свистъ машинъ врывались сквозь открытыя двери и разливались по грязной избѣ, по которой Вильчекъ бродилъ въ задумчивости.

— Какіе-то господа ждутъ тамъ у вагоновъ, — доложилъ рабочій.

На желѣзнодорожной насыпи ждали Боровецкій и Морицъ.

Вильчекъ выжидательно протянулъ руку. Морицъ

пожалъ его руку, а Боровецкій сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея.

— Намъ нужно сейчасъ же нѣсколько перевозныхъ платформъ.

— Сколько? Зачѣмъ? Куда? — спросилъ онъ коротко, раздраженный поведеніемъ Боровецкаго.

— Какъ можно скорѣе, хлопокъ, вокзалъ, ко мнѣ, — отвѣтилъ Морицъ.

— Шляхтичъ, — пробормоталъ Вильчекъ со злостью, такъ какъ Боровецкій на прощанье засунулъ руки въ карманы и вѣжливо кивнулъ ему головой.

Онъ не могъ забыть этого оскорбленія, и его мстительное сердце сразу записало еще одно униженіе, которое было особенно мучительно потому, что было незаслуженно.

Но не было времени считаться съ обидою, такъ какъ день кончался и въ складѣ было бѣшеное движеніе.

Поминутно паровыя машины поднимали цѣпь груженыхъ вагоновъ и опускали ихъ пустыми.

А ниже изъ складовъ, покрытыхъ чернымъ слоемъ пыли, раздавались тысячи лихорадочныхъ голосовъ, храпѣли лошади, свистѣли кнуты, кричали погонщики, — и раздавался грохотъ на улицѣ и мощно шумѣлъ говоръ вокругъ.

Вильчекъ лихорадочно суетился, бѣгалъ въ контору, на насыпь, къ перевозчикамъ, на станцію; юркалъ между возами, шлепалъ по грязи, наконецъ, смертельно усталъ и для того, чтобы отдохнуть, сѣлъ на краю одного изъ пустыхъ вагоновъ.

Смеркалось — вечерняя заря разлилась по небу по-

лосами пурпура и окровавила блестящія крыши, по которымъ скользили клубы рыжаго дыма; становилось все темнѣе, мрачная сѣрая муть заливала улицы, ползла по стѣнамъ, таилась въ переулкахъ, сливала контуры, гасила краски, выпивала послѣднія капли дня, окружала городъ грязными лохмотьями мрака, въ которомъ медленно загорались огни.

Настала ночь, надъ городомъ полыхало зарево, поднялся шумъ, грохотъ сталъ отчетливѣе, крики яснѣе — пока наконецъ всѣ эти звуки не слились въ огромный дикій хоръ, который пѣли голоса людей и машинъ, отъ котораго дрожалъ воздухъ и дрожала земля.

Лодзь принялась за свою ночную лихорадочную работу.

— Дворянчики послѣдніе! Всѣ вы къ чорту провалитесь скоро! — пробормоталъ Вильчекъ, который все еще не могъ забыть Боровецкаго, плюнулъ презрительно, подперъ голову руками и сталъ смотрѣть на небо.

Наконецъ онъ зашелъ въ контору, кончилъ послѣднія дѣла и отправилъ послѣдніе возы.

Онъ велѣлъ все запереть, съѣлъ ужинъ, который ему приготовилъ рабочій, и прошелъ въ городъ.

Онъ любилъ бродить безъ цѣли, глазѣть на людей, на фабрики, рыскать по городу, любилъ дышать этимъ дрожащимъ воздухомъ, насыщеннымъ угольной пылью и запахомъ красокъ. Его ослѣпляло могущество этого города, огромныя богатства, нагроможденныя въ складахъ и фабрикахъ, въ глазахъ его разгорался жадный огонь, душа вспыхивала страшными мечтами, жаждой власти; этотъ бѣшеный водоворотъ жизни,

этотъ потокъ золота, протекавшій по городу, опьяняли его своей мощью, гипнотизировали, наполняли все его тѣло дрожью невыразимой страсти, давали ему силу къ борьбѣ, грабежу и побѣдѣ.

Онъ любилъ эту «землю обѣтованную», какъ хищный звѣрь любитъ глухую чащу, полную добычи. Онъ боготворилъ эту землю обѣтованную, текущую золотомъ и кровью, онъ жаждалъ ея, онъ протягивалъ къ ней страстныя руки и кричалъ голосомъ побѣдителя, голосомъ голоднаго: моя, моя! — и минутами чувствовалъ онъ, что она принадлежитъ уже ему навсегда, что онъ не выпуститъ добычи, пока не высосетъ всего золота.
